

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

Volume 20. No. 4

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

LEGAL CONCEPT

2021

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

Том 20. № 4

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2021
Volume 20. No. 4

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2021
Том 20. № 4

LEGAL CONCEPT

PRAVOVAYA PARADIGMA

2021. Vol. 20. No. 4

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Mainstream issue: “Global Transformations of the Legal Infrastructure of a Modern State: Trends in Intercountry Interaction and National Development”

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), **ReadERA** (Russia), **“CyberLeninka” Scientific Electronic Library** (Russia), **“Socionet” Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Prof., Dr. *A.O. Inshakova* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *A.Ya. Ryzhenkov* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *I.V. Baltutite* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *E.O. Osadchenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Prof., Dr. *V.V. Bezbakh* (Moscow); Prof., Dr. *L.A. Bukalerova* (Moscow); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *M.L. Davydova* (Volgograd); Prof. Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *E. Kovalski* (Warsaw, Poland); Prof., Dr., Acad. *N.S. Kuznetsova* (Kiev, Ukraine); Prof., Dr. *V.P. Kamyshanskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editors, Proofreaders: *A.A. Blinova, M.V. Gayval*
Editor of English texts *E.A. Agarkova*

Making up and technical editing: *E.S. Reshetnikova*
Passed for printing Nov. 29, 2021.

Date of publication: Dec. 28, 2021. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 19.3. Published pages 20.8.
Number of copies 500 (1st duplicate 1–32).

Order . «C» 33.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.volsu.com>
English version of the website: <https://j.volsu.com/index.php/en/>

© Volgograd State University, 2021

LEGAL CONCEPT

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2021. Т. 20. № 4

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера: «Мировые трансформации правовой инфраструктуры современного государства: тенденции межстранового взаимодействия и национального развития»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: CrossRef (США), Google Scholar (США), ProQuest (США), ReadERA (Россия), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия), Электронно-библиотечная система IPRbooks (Россия), Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн» (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, проф. А.О. Иниакова – главный редактор (г. Волгоград)

д-р юрид. наук, проф. А.Я. Рыженков – зам. главного редактора (г. Волгоград)

канд. юрид. наук, доц. И.В. Балтутите – ответственный секретарь (г. Волгоград)

канд. юрид. наук, доц. Э.О. Осадченко – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. А.Х. Абашидзе (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.В. Безбах (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.А. Букалерева (г. Москва); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. А.И. Гончаров (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Н.И. Грачев (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. М.Л. Давыдова (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. В.В. Долинская (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р права, проф. Е. Ковальски (г. Варшава, Польша); д-р юрид. наук, проф., акад. Н.С. Кузнецова (г. Киев, Украина); д-р юрид. наук, проф. В.П. Камышанский (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф. Л.В. Лобанова (г. Волгоград); проф., PhD Массимо Ла Торре (г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. И.А. Михайлова (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко (г. Москва); д-р юрид. наук Х.Л. Перес Альварардо (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. В.Ф. Понька (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. С.Б. Россинский (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. В.А. Рудковский (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ В.А. Ручкин (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф. О.А. Ястребов (г. Москва)

Редакторы, корректоры: А.А. Блинова, М.В. Гайваль

Редактор английских текстов Е.А. Агаркова

Верстка и техническое редактирование

Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 29.11.2021 г.

Дата выхода в свет: 28.12.2021 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 19,3.

Уч.-изд. л. 20,8. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–32 экз.).

Заказ . «С» 33.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: <https://j.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Инишаква А.О. Ключевые направления правового развития национальных приоритетов международного стратегического партнерства 6

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

Шугуров М.В. Евразийские технологические платформы как аттракторы научно-технологической и производственной интеграции в рамках ЕАЭС: анализ правовых основ 12

Мурсалиев А.О. оглы. ЕАЭС и ОПОП – как супердержавам Евразии взаимодействовать в рамках интеграционных проектов 24

Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве: национальные традиции vs зарубежный опыт 34

Казаченок О.П. Особенности защиты прав потребителей – участников внешнеторгового оборота в условиях цифровизации 41

Русаква Е.П., Зайцев В.В. Сравнительно-правовое исследование ремиссии в арбитраже 47

Краснова О.Н. Электронизация закупок в России: результаты внедрения и барьеры в развитии 58

Купчина Е.В. Применение технологии искусственного интеллекта в системе гражданского судопроизводства США 63

Гончаров А.И., Землянская И.С., Барышникова Г.В. Сравнительный анализ терминологии налогового права России и Франции 72

Шидловский А.В. Электоральная юстиция Бразилии 77

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Казаченков С.Д. Значимость принципов эффективности и справедливости в налогообложении имущества 83

Зверева П.К., Кириллов Д.А. Притворное правовое явление: понятие и юридический состав 91

Мокосеева М.А. Некоторые аспекты трансформации конституционных правовых норм 96

ВОПРОСЫ

ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ:

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Белова О.А. Защита прав потребителей в договорах купли-продажи легковых автомобилей: анализ правоприменения 106

Зайцев А.О. Проблемы регулирования погашения требований конкурсных кредиторов в ходе конкурсного производства и применения института зачета встречных однородных требований 113

Квициния Н.В., Осадченко Э.О. Перемена лиц в обязательстве и поручительство: противоречия конструкции солидарной множественности лиц (Часть 1) 119

Матыцин Д.Е. Ключевые элементы системы гарантий соблюдения законных интересов сторон инвестиционных сделок: взаимозависимость и функции 125

Кокорева Т.В. Трансформации гражданско-правовых механизмов банковского кредитования экологического предпринимательства в РФ и ЕС 136

Мудрицкий С.В. Индивидуальный предприниматель в статусе единоличного исполнительного органа корпорации 143

Пономарченко А.Е. Технология блокчейн в сфере авторского права 148

Рыженков А.Я. Признание как юридический факт в гражданском праве 153

Егоров В.В., Журава М.С. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в средневековой Англии 160

Садков А.Н., Батурина Н.И., Печников Г.А. О необходимости совершенствования правового регулирования оборота земель сельхозназначения 166

Сарычев А.В., Архипцев И.Н., Караулова Е.А. К вопросу о совершенствовании деятельности службы авиационной безопасности в России 174

Филиппов П.М. Парадоксы закона и судебной практики, связанные с арендой земельных участков 184

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО:

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Соловьева Н.А., Фантров П.П., Шинкарук В.М. Совершенствование процессуального порядка проверки поводов и оснований для возбуждения уголовного дела 189

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Анисимов А.П., Попова О.В. Правовой режим технологий и продукции, полученной с использованием ГМО: дискуссионные вопросы 195

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S NOTE

<i>Inshakova A.O.</i> The Key Directions of the Legal Development of the National Priorities of International Strategic Partnership	6
---	---

MAINSTREAM ISSUE

<i>Shugurov M.V.</i> The Eurasian Technology Platforms As Attractors of Scientific, Technological and Industrial Integration Within the EAEU: The Analysis of the Legal Framework	12
<i>Mursaliev A.O. ogly.</i> The EAEU and the OPOP – How Can the Superpowers of Eurasia Interact Within the Framework of Integration Projects	24
<i>Rossinsky S.B.</i> Involvement As a Defendant In Criminal Proceedings: National Traditions vs Foreign Experience	34
<i>Kazachenok O.P.</i> The Features of Protection of the Rights of Consumers – Participants of Foreign Trade Turnover in the Context of Digitalization	41
<i>Rusakova E.P., Zaitsev V.V.</i> The Comparative Law Research of Remission in Arbitration	47
<i>Krasnova O.N.</i> The Electronization of Procurement in Russia: The Implementation Results and Barriers to Development	58
<i>Kupchina E.V.</i> The Application of Artificial Intelligence Technology in the US Civil Court System	63
<i>Goncharov A.I., Zemlyanskaya I.S., Baryshnikova G.V.</i> Comparative Analysis of Terminology of Tax Law of Russia and France	72
<i>Szydowski A.V.</i> The Brazilian Electoral Justice	77

THEORY AND PRACTICE OF STATE AND LEGAL DEVELOPMENT

<i>Kazachenkov S.D.</i> The Importance of the Principles of Efficiency and Fairness in Property Taxation	83
<i>Zvereva P.K., Kirillov D.A.</i> A Sham Legal Phenomenon: The Concept and Legal Composition	91
<i>Mokoseyeva M.A.</i> Some Aspects of the Transformation of Constitutional Legal Norms	96

PRIVATE LAW

REGULATION ISSUES:

HISTORY AND CONTEMPORANEITY

<i>Belova O.A.</i> The Consumer Rights Protection in Passenger Car Purchase and Sale Contracts: The Law Enforcement Analysis	106
--	-----

<i>Zaitsev A.O.</i> The Problems of Regulating the Repayment of Claims of Bankruptcy Creditors in the Course of Bankruptcy Proceedings and the Application of the Institution of Offset of Homogeneous Counterclaims	113
--	-----

<i>Kvitsinia N.V., Osadchenko E.O.</i> Substitution of Parties in the Obligation and Suretyship: Contradictions in the Construction of a Solidary Plurality of Persons (Part 1)	119
---	-----

<i>Matytsin D.E.</i> The Key Elements of the Guarantee System of Compliance with the Legitimate Interests of the Parties to Investment Transactions: Interdependence and Functions	125
--	-----

<i>Kokoreva T.V.</i> Transformation of Civil Law Regulation of Bank Lending to Environmental Entrepreneurship in the Russian Federation and the European Union	136
---	-----

<i>Mudritsky S.V.</i> An Individual Entrepreneur in the Status of the Sole Executive Body of a Corporation	143
--	-----

<i>Ponomarchenko A.Y.</i> Blockchain Technology in Copyright	148
--	-----

<i>Ryzhenkov A.Ya.</i> Recognition As a Legal Fact in Civil Law	153
---	-----

<i>Egorov V.V., Zhurava M.S.</i> Legal Regulation of Marriage and Family Relations in Medieval England	160
--	-----

<i>Sadkov A.N., Baturina N.I., Pechnikov G.A.</i> On the Need to Improve the Legal Regulation of Agricultural Land Transfer	166
---	-----

<i>Sarychev A.V., Arkhiptsev I.N., Karaulova E.A.</i> On the Issue of Improving the Activities of the Aviation Security Service in Russia	174
---	-----

<i>Filippov P.M.</i> The Paradoxes of the Law and Judicial Practice Involving the Lease of Land Plots	184
---	-----

ADJECTIVE LAW: THEORETICAL AND LAW ENFORCEMENT ISSUES

<i>Solovyova N.A., Fantrov P.P., Shinkaruk V.M.</i> The Improvement of the Procedural Order for Checking the Reasons and Grounds for Initiating a Criminal Case	189
---	-----

LEGAL ISSUES OF ENVIRONMENTAL PROTECTION AND NATURAL RESOURCE MANAGEMENT

<i>Anisimov A.P., Popova O.V.</i> The Legal Regime of the Technologies and Products Obtained Using GMOs: Discussion Questions	195
---	-----

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.1>

UDC 34(470+571):341

LBC 67.99(2Рос)

THE KEY DIRECTIONS OF THE LEGAL DEVELOPMENT OF THE NATIONAL PRIORITIES OF INTERNATIONAL STRATEGIC PARTNERSHIP

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Annotation. The main topic of the current issue of the journal “Legal Concept = Pravovaya Paradigma” – “The global transformations of the legal infrastructure of the modern state: trends in the inter-country interaction and the national development” was declared by the editorial board to conduct a comprehensive intersectoral collective mini-study on the issues of the legal support for the development of strategic partnership and traditional interstate cooperation. A comprehensive analysis of the potential areas of international cooperation in need of a developed technological legal infrastructure is presented in the prepared draft in an expanded format. These are the traditional areas of the activity of international organizations in the context of scientific, technological, and industrial integration, and interstate cooperation in the field of economic activity on foreign trade, public procurement, fiscal policy, as well as new areas in criminal and civil proceedings, arbitration, electoral justice, involving the study of foreign experience to plan strategic partnership and full-fledged mutually beneficial international technological cooperation. It is proved that different strategies of inter-country cooperation and strategic partnership within countries will lead to the creation of different legal systems. A new form of partnership is being investigated - strategic partnership arising as a result of integration processes in the world and the changes in the goals, objectives, and principles of interrelationships of subjects of international law, which is characterized by long-term, mutually beneficial relations of equal status with an emphasis on the economic component. It is argued that the growing economic intra-national inequality is a problem of systemic importance for jurisprudence. It should be studied and taken into account when developing the strategic partnership policy documents and the acts of international cooperation, which will contribute to the creation of more peaceful and prosperous coexistence, backed by an effective law of nations, which meets all types of major challenges to which it is impossible to offer competent adaptive legal responses outside of close inter-country interaction.

Key words: big challenges, interstate cooperation, strategic partnership, information technology development, digitalization, international technological cooperation, scientific and technological integration, industrial integration, legal support.

Citation. Inshakova A.O. The Key Directions of the Legal Development of the National Priorities of International Strategic Partnership. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 6-11. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.1>

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Аннотация. Главная тема очередного номера журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – «Мировые трансформации правовой инфраструктуры современного государства: тенденции межстранового взаимодействия и национального развития» заявлена редакционной коллегией с целью проведения комплексного межотраслевого коллективного мини-исследования, посвященного вопросам правового обеспечения развития стратегического партнерства и традиционного межгосударственного сотрудничества. Комплексный анализ потенциальных направлений международного сотрудничества, нуждающихся в развитой технологичной правовой инфраструктуре, представлен в подготовленном проекте в расширенном формате. Это и традиционные направления деятельности международных организаций в контексте научно-технологической и производственной интеграции, и межгосударственное взаимодействие в сфере экономической деятельности по вопросам внешней торговли, государственных закупок, фискальной политики, а также новые направления в уголовном и гражданском судопроизводстве, арбитражном процессе, электоральной юстиции, предполагающие изучение зарубежного опыта с целью планирования стратегического партнерства и полноценного взаимовыгодного международного технологического сотрудничества. Обосновано, что различные стратегии межстранового сотрудничества и стратегического партнерства внутри стран приведут к созданию различных правовых систем. Исследуется новая форма партнерства – стратегическое партнерство, возникающая в результате интеграционных процессов в мире и изменения целей, задач и принципов взаимосвязей субъектов международного права, которая характеризуется долгосрочными, взаимовыгодными отношениями равного статуса с акцентом на экономическую составляющую. Утверждается, что растущее экономическое внутринациональное неравенство является проблемой системной важности для юриспруденции. Его следует изучать и учитывать при разработке программных документов стратегического партнерства и актов международного сотрудничества, что будет способствовать созданию более мирного и процветающего сосуществования, подкрепленного эффективным правом наций, которое отвечает всем типам больших вызовов, на которые невозможно предложить грамотные адаптивные правовые ответы вне тесного межстранового взаимодействия.

Ключевые слова: большие вызовы, межгосударственное сотрудничество, стратегическое партнерство, информационно-технологическое развитие, цифровизация, международное технологическое сотрудничество, научно-технологическая интеграция, производственная интеграция, правовое обеспечение.

Цитирование. Иншакова А. О. Ключевые направления правового развития национальных приоритетов международного стратегического партнерства // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 6–11. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.1>

Главная тема очередного номера журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» «Мировые трансформации правовой инфраструктуры современного государства: тенденции межстранового взаимодействия и национального развития» посвящена вопросам правового обеспечения развития стратегического партнерства и традиционного межгосударственного сотрудничества. Комплексный анализ потенциальных направлений международного сотрудничества, нуждающихся в развитой технологичной правовой инфраструктуре, представлен в подготовленном проекте в расширенном формате. Это и традиционные направления

деятельности международных организаций в контексте научно-технологической и производственной интеграции [2], и межгосударственное взаимодействие в сфере экономической деятельности по вопросам внешней торговли, государственных закупок, фискальной политики, а также новые направления в уголовном и гражданском судопроизводстве, арбитражном процессе, электоральной юстиции, предполагающие изучение зарубежного опыта с целью планирования стратегического партнерства и полноценного взаимовыгодного международного технологического сотрудничества.

Исследуемые авторами международные связи и государственная политика в перечисленных областях определяют конкурентные преимущества России, помогают выявить существующие правовые проблемы, а также намечают национальную стратегию правового развития в условиях всеобщей цифровизации. Каждой стране придется переосмыслить свое место и стратегию борьбы за выживание и развитие в новом переходном мире. Россия все еще работает над определением своей стратегии, и успех будет зависеть от сочетания асимметричного сопротивления, направленного на защиту жизненно важных интересов страны в мире, активных усилий по построению нового мирового порядка и необходимых для этого внутренних реформ, в том числе правового характера (см. подробнее: [3]).

Современные юристы – как ученые, так и практики – должны осознавать тот факт, что различные стратегии межстранового сотрудничества и стратегического партнерства внутри стран приведут к созданию различных правовых систем с точки зрения их формирования и эволюции, а также в отношении того, в какой степени они будут уважаться и соблюдаться. Растущее экономическое внутринациональное неравенство является проблемой невероятной системной важности для юриспруденции. Его следует изучать и учитывать при разработке программных документов стратегического партнерства и актов международного сотрудничества, что будет способствовать созданию более мирного и процветающего сосуществования, подкрепленного эффективным правом наций, которое отвечает всем типам больших вызовов, на которые невозможно предложить грамотные адаптивные правовые ответы вне тесного межстранового взаимодействия. Соответственно, современные юристы должны, как минимум, учитывать направление тенденций стратегического партнерства и международного сотрудничества при разработке современной правовой инфраструктуры внутри страны, учитывающей ключевые тенденции концептуализации и разработки международно-правового уровня, процессы международной интеграции, направленные на сокращение экономического неравенства внутри стран и новые технологические возможности механиз-

мов правового регулирования всех уровней без исключения [1].

Теоретически термин «стратегическое партнерство» можно рассматривать в трех аспектах – этимологическом, телеологическом и сравнительном [2]. В самом широком смысле определить термин «стратегическое партнерство» можно в качестве простой формы взаимоотношений между субъектами международного права, которая строится на основе полномочий, данных в соответствии с нормами и принципами международного права для достижения социально значимых целей. Партнерство является одной из форм отношений, но более высокого уровня по сравнению с сотрудничеством, основанным на общих ценностях, таких как уважение демократических принципов и прав человека, укрепление политических и экономических свобод, продолжение и завершение политических и экономических реформ и осуществление политического, торгового, экономического и культурного сотрудничества, основанного на договоре (соглашении). При этом партнерство характеризуется высокой степенью доверия между сторонами. Партнерство в некоторых случаях может также быть переходным этапом отношений, за которым следует новый уровень или создание общего союза, ассоциации, блока и т. д.

В результате интеграционных процессов в мире и изменения целей, задач и принципов взаимосвязей субъектов международного права возникает новая форма партнерства – стратегическое партнерство, характеризующееся долгосрочными, взаимовыгодными отношениями равного статуса с субъектами и преследующее интеграционные цели в своей деятельности по решению глобальных проблем на основе соглашения, при этом акцент в отношениях переносится с политического на экономический уровень.

Именно поэтому в рубрике главная тема номера нашла место статья, посвященная анализу правовых основ евразийских технологических платформ как аттракторов научно-технологической и производственной интеграции на пространстве ЕАЭС. Исследование нацелено на разработку комплексного концептуального представления о предназначении правового регулирования ЕТП на уровне права

Союза с точки зрения используемой правовой модели. В процессе выработки рекомендаций по совершенствованию правового регулирования таких совместных инновационно-инфраструктурных объектов, как Евразийские технологические платформы (ЕТП), учитывается необходимость расширения и углубления сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере науки, технологий и инноваций, предусмотренная в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. Предлагается классификация правовых основ научно-технологической интеграции государств – членов ЕАЭС на базе ЕТП. Сформулированные выводы и предложения направлены на расширение массива положений международно-договорных и нормативных правовых актов органов Союза, а также включение положений о взаимодействии в рамках ЕТП в межгосударственные программы.

Регламентация международного стратегического партнерства исследована в подготовленном номере и на примере взаимодействия двух супердержав Евразии – России и КНР с учетом их вовлеченности в приоритетные для них интеграционные проекты – ЕАЭС и ОПОП соответственно. Исследуются риски и выгоды взаимодействия обеих сторон, преследующих свои цели. Предлагаются инструменты сотрудничества ЕАЭС и ОПОП, минимизирующие возможные риски. Обосновано, что ЕАЭС сегодня нуждается в драйверах роста, и таким драйвером, по мнению автора, может стать партнерство с КНР и активное участие в ОПОП. Предложена стратегия сопряжения, учитывающая риски синхронизации, которая также способствует усилению центростремительных тенденций в ЕАЭС экономическими методами. Делается вывод о том, что сопряжение ЕАЭС и ОПОП неизбежно и выгоды намного перевешивают риски.

Выявление исторических причин, предопределивших укоренение в российской системе уголовно-процессуального регулирования существующего порядка привлечения в качестве обвиняемого с обращением в ходе исследования к опыту европейских государств и сопоставительному анализу, способствует, по мнению членов редакционной коллегии, дальнейшему развитию важнейшего уголов-

но-процессуального механизма, долгое время остающегося предметом дискуссии законодателей многих стран. Разрешение этого дискуссионного вопроса, по-разному регламентированного в различных национальных юрисдикциях, вносит свою лепту в интеграционные процессы с участием России, а также формирование и укрепление стратегического партнерства с соответствующими государствами. Сформулирована позиция об обусловленности существующего механизма привлечения в качестве обвиняемого формировавшимися на протяжении многих лет историческими традициями, базирующимися на «классической» французской (следственной) модели досудебного производства.

Цифровизация как явление, открывающее новые возможности для предпринимателей – от оптимизации промышленного производства до разработки совершенно новых бизнес-моделей – не может оставаться неизученным в контексте международного стратегического партнерства в сфере внешнеторгового оборота и защиты прав его участников. Цифровизация внешнеторговой деятельности породила новые вызовы для правительства и общества. Онлайн-торговля безусловно выигрывает от трансграничных цифровых рынков, между тем как потребители, как самые слабые участники рынка, особенно нуждаются в защите, поскольку не в состоянии поспевать за быстрыми темпами деловых операций. Глобализация усиливает эти эффекты, появляются корпорации с объединенными ресурсами, доминирующие на рынках разных стран, что делает защиту прав потребителей глобальной проблемой, решение которой возможно лишь путем устранения рисков цифровизации при помощи механизмов международного стратегического партнерства.

Актуальность работы, посвященной сравнительно-правовому исследованию ремиссии в арбитраже вызвана тем, что регламенты российских арбитражных учреждений не имеют положений о ремиссии. Регламенты иностранных арбитражных учреждений содержат лишь упоминание о ремиссии, но не раскрывают подробно проведение данной процедуры. В исследовании применяется сравнительный метод анализа регламентов арбитражных учреждений. При этом институт

ремиссии играет существенную роль в третейском разбирательстве. Количество обращений к данной процедуре в зарубежных странах, а также начало её развития в России подчеркивает значимость изучения этого вопроса в контексте развития международного стратегического партнерства. Важно, что институт ремиссии позволяет эффективно и быстро исправить существенные недостатки, избежав при этом отмену решения арбитража, и сохранить партнерство сторон. Авторами сформулированы собственные правила, которые могут быть включены в регламенты арбитражных учреждений, что определяет также практическую значимость проведенного исследования.

Уровень цифровизации экономики России сегодня является одним из определяющих факторов влияния на межстрановое сотрудничество и стратегическое партнерство. В национальном контексте немаловажное значение имеет формирование цифровой платформы государственного управления, совершенствование которого ускоряет и упрощает взаимодействие государства с бизнесом. Электронизация сферы закупок в условиях цифровизации играет не последнюю роль в повышении эффективности экономического развития России. Исследование, представленное в рубрике «Главная тема номера», посвященное этим вопросам, нацелено на оценку результативности электронизации системы закупок в России и выявление факторов, сдерживающих ее развитие, в целях разработки предложений по ее совершенствованию. Изучаются факторы, сдерживающие ее развитие, исследована относительная экономия при осуществлении закупок, выявлены ее ключевые недостатки и проблемы законодательного регулирования сферы закупок.

Далее исследуются основные возможности и риски применения технологии искусственного интеллекта в системе гражданского судопроизводства на примере США. В контексте направленности усилий стран на формирование стратегического партнерства необходимо прислушаться к специалистам в отрасли информационно-коммуникационных технологий, а также практикующим юристам утверждающим, что благодаря накопленному опыту и судебной практике возможно прогно-

зирование и вынесение судебных решений на основе определенных алгоритмов по некоторым категориям дел. В статье, представленной по данной теме, изучена подобная практика в системе альтернативного урегулирования гражданско-правовых споров с использованием системы «Smartsettle ONE», разработанной канадской компанией «iCanSystems». Применение технологии искусственного интеллекта позволило существенно сократить временные затраты. Утверждается, что судебные дела не всегда требуют комплексного индивидуального подхода к принятию решений, и многие случаи могут быть обработаны автоматически, в том числе частично.

Исследование терминологии предметной сферы налогового права Франции представлено с использованием оригинальных источников. Проведенное исследование позволило авторам обнаружить во французской юридической практике большое количество терминов, отражающих процессы налогообложения. В статье изучаются первоначальные определения всех терминов со значением «налог» и характеристик, определяющих его экономическую сущность и дифференцирующие признаки. Исследование предметной сферы налогового права Франции на основании дефиниционного анализа позволило выявить, что, так как каждый термин, номинативно соответствующий понятию «налог», имеет набор определенных значений, отличающих одно от другого, они не являются взаимозаменяемыми. Это также объясняет и большое количество терминов в налоговом праве Франции, что не способствует целям формирования эффективного межстранового сотрудничества и стратегического партнерства в русле интеграционных процессов как внутри страны, так и вовне.

Электоральная юстиция Бразилии изучена как одна из национальных основ современной системы демократических выборов, построенных на принципах защиты прав и свобод граждан и равного доступа всех к избирательному процессу на условиях гласности, беспристрастности и справедливости. Компаративистский подход при анализе зарубежных и российских источников позволил сопоставить процессы зарождения, становления и развития избирательного права в хронологической

последовательности с учетом современных особенностей государства. Выявлены особенности современной бразильской системы электоральной юстиции. Утверждается, что такая система, первоначально созданная как необходимый элемент демократических выборов, является основой демократической консолидации Бразилии и оказывает непосредственное влияние на нормотворчество в сфере избирательного процесса. Обосновано, что такое нормотворчество способствует созданию условий для эффективной судебной защиты и политической конкуренции, а сам институт электоральной юстиции объективно показывает свою эффективность и рекомендуется для внедрения в России, что, несомненно, внесет свой вклад в развитие межстранового сотрудничества и формирование отношений потенциального стратегического партнерства.

В числе авторов «Главной темы номера» ученые таких ведущих вузов страны, как Московский государственный институт международных отношений (МГИМО (У) МИД

России), Институт государства и права Российской академии наук, Российский университет дружбы народов, Южный федеральный университет, Саратовская государственная юридическая академия, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и др.

REFERENCES

1. Beyleveld A.D. International Cooperation Without Just Distributions? Beginning to Map the Role of Rising Economic Inequality in the Formation and Evolution of and Adherence to International Law. *Law and Development Review*, 2021, June, vol. 14, no. 2, pp. 551-587.
2. Fardeeva I.N., Kuzmenko V.I., Ibatova A.Z., Ilyashenko L.K., Mukhametglieva S.K. Formation of Strategic Partnership Between Russia and the European Union. *Astra Salvensis*, 2017, pp. 119-126.
3. Tsygankov A.P. From Global Order to Global Transition Order: Russia and the Future of International Relations. *Russia in Global Affairs*, 2019, vol. 17, no. 1, pp. 52-70.

Information About the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Civil and International Private Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮНЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.2>

UDC 341.2
LBC 67.91

Submitted: 11.06.2021
Accepted: 10.08.2021

**THE EURASIAN TECHNOLOGY PLATFORMS AS ATTRACTORS
OF SCIENTIFIC, TECHNOLOGICAL AND INDUSTRIAL INTEGRATION
WITHIN THE EAEU: THE ANALYSIS OF THE LEGAL FRAMEWORK¹**

Mark V. Shugurov

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Introduction: in the context of expanding and deepening the cooperation between the EAEU member states in the field of science, technology, and innovation, which is provided for in the Strategic Directions for the Development of the Eurasian Economic Integration until 2025, the importance of improving the legal regulation of such joint innovation and infrastructure facilities as the Eurasian Technology Platforms (ETP) is increasing. The **purpose** of the study is to develop a comprehensive conceptual understanding of the purpose of the legal regulation of the ETP at the level of Union law in terms of the legal model used. The **objectives** of the study are 1) to establish the correlation of the structure of the legal foundations of the ETP with the structure of Union law; 2) to undertake a systematic analysis of the scale of consolidation of the normative legal provisions in the sources of Union law that have different legal force; 3) to predict the development of the legal foundations of the ETP. **Methods:** the general scientific methods (system, structural and functional), the specific scientific methods (comparative-legal, dogmatic legal). **Results:** the classification of the legal bases of the scientific and technological integration of the EAEU member states based on the ETP is proposed. **Conclusions:** further development of the legal foundations of the functioning of the ETP will involve following their established legal model while simultaneously developing it in the direction of combining the expansion of the international treaty provisions and the expansion of the provisions of the regulatory legal acts of the Union bodies, as well as the inclusion of the provisions on interaction within the ETP into interstate programs.

Key words: Eurasian Economic Union, regional cooperation, scientific and technological sphere, Union law, Eurasian technological platforms, economy of the future, Eurasian Economic Commission.

Citation. Shugurov M.V. The Eurasian Technology Platforms As Attractors of Scientific, Technological and Industrial Integration Within the EAEU: The Analysis of the Legal Framework. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 12-23. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.2>

УДК 341.2
ББК 67.91

Дата поступления статьи: 11.06.2021
Дата принятия статьи: 10.08.2021

**ЕВРАЗИЙСКИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЛАТФОРМЫ КАК АТТРАКТОРЫ
НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ
В РАМКАХ ЕАЭС: АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ОСНОВ¹**

Марк Владимирович Шугуров

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Введение: в условиях расширения и углубления сотрудничества государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в сфере науки, технологий и инноваций, что предусмотрено в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., повышается значение совершенствования правового регулирования таких совместных инновационно-инфраструктурных объектов, как Евразийские технологические платформы (далее – ЕТП). **Цель** исследования состоит в разработке комплексного концептуального представления о предназначении правового регулирования ЕТП на уровне права Союза с точки зрения используемой правовой модели. **Задачи:** 1) установить соотношение структуры правовых основ ЕТП со структурой права Союза; 2) предпринять системный анализ масштаба закрепления нормативных правовых положений в источниках права Союза, обладающих разной юридической силой; 3) осуществить прогнозирование развития правовых основ ЕТП. **Методы:** общенаучные методы (системный, структурно-функциональный), частно-научные методы (сравнительно-правовой, догматическо-правовой). **Результаты:** предложена классификация правовых основ научно-технологической интеграции государств – членов ЕАЭС на базе ЕТП. **Выводы:** дальнейшее развитие правовых основ функционирования ЕТП будет предполагать следование их сложившейся правовой модели при одновременном ее развитии в направлении сочетания расширения международно-договорных положений и положений нормативных правовых актов органов Союза, а также включения положений о взаимодействии в рамках ЕТП в межгосударственные программы.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, региональное сотрудничество, научно-технологическая сфера, право Союза, Евразийские технологические платформы, экономика будущего, Евразийская экономическая комиссия.

Цитирование. Шугуров М. В. Евразийские технологические платформы как аттракторы научно-технологической и производственной интеграции в рамках ЕАЭС: анализ правовых основ // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 12–23. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.2>

Введение

К одному из важнейших глобальных вызовов современной эпохи в отношении качества научно-технологического и инновационного развития стран и регионов, а также применительно к степени эффективности международного сотрудничества в данной сфере, относятся тренды, характерные для Четвертой промышленной революции. Они предполагают не только расширенное использование новых и новейших технологий, образующих 6-й технологический уклад, но и формирование перспективной модели инновационно-индустриальной инфраструктуры, в том числе на уровне интеграционных объединений государств.

Развитие экономического сотрудничества в формате международных организаций региональной экономической интеграции предполагает формирование, функционирование и развитие региональных инновационных систем, означающих тесную связь совместных НИОКР с процессами коммерциализации их результатов в рамках общего экономического пространства, сопряженного с общим пространством в сфере науки, технологий и инноваций. В настоящее время на официальном уровне цель по формированию

региональной инновационной системы для ЕАЭС пока что не ставится. Однако заявленные стратегические задачи по формированию «территории инноваций» при одновременном стимулировании научно-технических прорывов, отраженные в разделе II Декларации 2018 г. о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС [2], позволяют со всей уверенностью судить о том, что Союз движется к общему пространству науки, технологий и инноваций, без чего достижение цели повышения глобальной экономической конкурентоспособности просто не мыслимо.

Функционирование региональной инновационной системы предполагает соответствующую экосистему. В нее входят не только нормы права ЕАЭС, институты развития, органы управления интеграционными процессами, но и различные объекты инновационно-индустриальной инфраструктуры. Именно они предстают теми механизмами, которые позволяют осуществлять совместные высокотехнологичные проекты и программы. С самого начала функционирования ЕАЭС был взят курс на формирование таких совместных инновационно-индустриальных объектов, как ЕТП, Евразийская сеть трансфера технологий,

Евразийский инжиниринговый центр. Их предназначение состоит в создании условий для развертывания научно-технологической и производственной кооперации и интеграции государств – членов ЕАЭС.

В силу значимости данного рода инфраструктурных объектов, или механизмов, для производственной и научно-технологической интеграции повышенный интерес представляет собой правовое регулирование процесса их формирования и функционирования. Такой интерес вызван тем, что именно верно выбранная и одновременно эффективная модель их правового регулирования во многом предопределяет успех в достижении целей данных механизмов и в реализации поставленных перед ними задач. В связи с тем, что на сегодняшний день сформирована и уже функционирует такая категория данных механизмов, как ЕТП, целью данной статьи выступает всесторонний анализ их правовых основ с точки зрения выявления модели их правового регулирования, понимаемой нами как структурная композиция используемых правовых средств и методов, характерных для права Союза. В перспективном плане данный анализ позволит глубже понять специфику собственно механизма правового регулирования ЕТП, представляющего собой комплексную систему правовых целей, ценностей, средств и методов, обеспечивающих непротиворечивое регулирование общественных отношений в сфере функционирования региональных техплатформ.

Основная часть

На сегодняшний день ЕТП стали достаточно динамично развивающимися площадками производственного и научно-технологического сотрудничества предприятий и научных учреждений из государств – членов ЕАЭС, успех в достижении целей правового регулирования которых предполагает учет объективной природы и перспектив развития рассматриваемых механизмов. В этой связи следует отметить, что ЕТП относятся к категории международных техплатформ, так как в них участвуют промышленные компании и научные организации из разных государств – членов ЕАЭС. Все это демонстрирует факт интернационализации

инновационно-технологического развития на региональном уровне.

Будучи институциональными механизмами регионального научно-технического и производственного сотрудничества, они нацелены на формирование условий для технологического обновления производственных сфер экономики, создание базы для совместной работы по выполнению межгосударственных программ и проектов, формирование в рамках Союза центров компетенции, стимулирующих развитие приоритетных секторов экономики. Рассматриваемые инфраструктурные объекты создают условия для осуществления регионального международного научно-инновационного и технологического сотрудничества в разнообразных структурных формах, а именно обмен опытом, передача технологий, обмен информацией и др.

Модель правового регулирования ЕТП не может не отражать правовую модель, свойственную для ЕАЭС в сфере научно-технологической интеграции, которая имеет международно-договорной характер и соответствует системе права Союза. Все это нашло свое отражение в структуре их правовых основ, включающих международно-договорные положения, а также положения актов органов Союза. Одновременно отметим, что содержание предусмотренных в них средств и методов правового регулирования во многом детерминируется пространством целей, которые зафиксированы в документах стратегического характера.

Если обратиться к одному из основополагающих документов программно-стратегического характера, а именно к Основным направлениям промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС до 2020 г. (далее – ОПНС) [9], то в п. 2.6 подчеркивается необходимость активного создания условий для формирования инновационной промышленности и развития объектов индустриально-инновационной инфраструктуры, таких как технологические платформы и сеть трансфера технологий. Далее в п. 4.4.2 «Технологические платформы» предусматривается создание техплатформ в целях формирования компетенций в государствах – членах ЕАЭС в сфере так называемой «экономики будущего», постоянного технологического обновления производственных

процессов, а также повышения глобальной конкурентоспособности промышленности. Документ определяет природу ЕТП в качестве механизмов кооперации различных субъектов из государств – членов ЕАЭС, заинтересованных в сотрудничестве по развитию научно-технической, инновационной и производственной сфер.

В рассматриваемом пункте также определены ключевые задачи ЕТП, в число которых входят: мобилизация научного потенциала государств – членов ЕАЭС для решения прикладных задач по разработке инновационных продуктов и технологий; внедрение разработок в производственную сферу и др. Немаловажной задачей представляется не только аккумуляция отечественных технологий, но и адаптация иностранных технологических инноваций к потребностям развития производственной сферы экономики в государствах – членах ЕАЭС, т. е. их последующего применения. Подобного рода функции, как можно видеть из научной литературы, характерны и для национальных технологических платформ [6]. Поясним, что на базе ЕТП будут проводиться не фундаментальные, а именно прикладные разработки. Это полностью соответствует закреплению в Договоре о ЕАЭС подходу к научно-техническому сотрудничеству как направлению кооперации, входящему в состав экономической интеграции, что, разумеется, не отрицает перспектив превращения кооперации в сфере науки, технологий и инноваций в самостоятельное направление интеграции. В разделе 4.2.2 зафиксирован ряд политических обязательств государств – членов ЕАЭС, а именно необходимость учета межгосударственного статуса ЕТП, оказания содействия их функционированию, а также вовлечению национальных организаций в деятельность техплатформ.

В Разделе II «Определения» ОПНС до 2025 г. [8] можно увидеть закрепление определения ЕТП. Они понимаются как объекты инновационной инфраструктуры, которые позволяют обеспечить эффективную коммуникацию и создание перспективных коммерческих технологий, а также высокотехнологичной, инновационной и конкурентоспособной продукции на основе участия всех заинтересованных сторон. Новизна стратегического документа

заключается в том, что содержание поднаправления 2 «Взаимодействие в рамках евразийских технологических платформ» в Направлении 3 «Инновационное сотрудничество и цифровизации промышленности» всецело посвящено системному закреплению координирующих функций Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК). Тем не менее достаточно важно, что здесь содержится новый нюанс, а именно то, что ЕТП рассматриваются как постоянно действующие площадки сотрудничества по направлениям промышленного и технологического развития.

Каждый совместный объект инновационной инфраструктуры ЕАЭС имеет свой функционал. Однако имеются общие возможности, предопределяющие потребность в функционировании данных объектов и развертывания в их рамках многообразных взаимодействий, призванных решить проблемы на пути научно-технологической и производственной интеграции государств – членов ЕАЭС. К ним мы бы отнесли создание условий для наращивания научно-технологического, а также производственного и инновационного потенциала, что в свою очередь формирует предпосылки для расширения и углубления сотрудничества, а также перехода от кооперации к интеграции. В дополнение к этому их также можно рассматривать в качестве инструментов и механизмов углубленной интеграции государств – членов ЕАЭС в инновационной сфере, которые дополняют другие механизмы, например согласование макроэкономической, налоговой политики и др. С концептуальной точки зрения данные объекты должны выступить «конструкторами» не только региональной инновационной системы, но и инновационных систем на уровне государств – членов ЕАЭС.

Если говорить собственно о правовых основах, то их формирование ЕТП было намечено в Договоре о ЕАЭС [8]. В п. 9 (3) ст. 92 «Промышленная политика и сотрудничество» совместные техплатформы, наряду с совместными кластерами, определены в качестве инструмента развития промышленного сотрудничества в рамках Союза. Несмотря на столь общее определение, в котором, разумеется, не отражены все функциональные задачи совместных техплатформ, последние мыслятся

именно как инфраструктурно-организационная основа производственного сотрудничества, которое реализуется не только в форме кооперации, но и в более продвинутой форме, а именно в интеграции. Таким образом, Договор нацеливает на создание и функционирование региональных техплатформ в качестве опорных объектов научно-технологического сотрудничества, осуществляющегося в процессе производственной кооперации. К тому же ЕТП предполагают проведение согласованной промышленной политики по модернизации промышленных комплексов Сторон на новой технологической базе. Более того, они представляют собой, с одной стороны, механизмы промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС, а с другой – важные инструменты государственной научно-технической и инновационной политики.

Формирование ЕТП имеет свои закономерности. Так, в качестве исходной точки отсчета выступили российские технологические платформы (далее – РТП) [4], в которые вовлекались предприятия и организации из других государств Союза, а также международные организации. В свою очередь, РТП учитывали опыт европейских технологических платформ (далее – ЕвТП), демонстрирующих пример успешного транснационального взаимодействия на наднациональном уровне в производственной и научно-технологической сфере. Интерес к опыту ЕвТП был характерен и для ЕЭК еще до учреждения ЕАЭС. Как показывает специальная аналитическая справка, Комиссия со всем вниманием отнеслась к концепции ЕвТП, их организационной природе, а особенно к руководящей роли Европейской комиссии в процессе их формирования и функционирования [3, с. 7–8]. Напомним, что идея создания европейских техплатформ, которая была отражена в докладе Европейской комиссии «Промышленная политика в расширенной Европе» (декабрь 2008 г.), находилась в тесной связи с реализацией инициативы по созданию Европейского научного пространства, предполагающего активизацию трансграничного научно-технического сотрудничества. В настоящее время ЕвТП стали одними из базовых опор общего европейского пространства в сфере исследований и разработок [14].

В литературе отмечено, что «развитие европейских технологических платформ прошло несколько стадий: создание платформ, их развитие, формирование совместных технологических инициатив; в результате этого процесса они превратились из инструмента технологического развития в инструмент глобального социального планирования» [1, с. 58]. По вполне объективным причинам Союз находится лишь в начале пути успешного функционирования техплатформ, по которому ЕС продвинулся достаточно далеко. В этом контексте ЕТП призваны к тому, чтобы позиционировать себя в качестве инфраструктурных объектов, обеспечивающих рост новых отраслей. По сравнению с ними ЕвТП оформились на основе уже достаточно зрелого высокотехнологического производства, будучи «объединением интеллектуальных и финансовых ресурсов ЕС и крупнейших европейских промышленных производителей» [7, с. 123]. Несмотря на фазовые различия, в основе ЕвТП и ЕТП находятся одни и те же принципы, а именно вовлеченность всех заинтересованных сторон, выработка долгосрочных приоритетов с их последующей реализацией, формирование с учетом данных приоритетов конкретных проектов и программ, а также итоговая модернизация наиболее важных секторов экономики, а в конечном счете всего общества. Отметим, что техплатформы формируются и функционируют на основе механизма государственно-частного партнерства, что открывает перспективы эффективного решения задач, связанных с модернизацией технологической базы экономики.

Региональные техплатформы отражают общую природу этого явления. Она состоит в организационном содействии процессам активизации инициатив их участников по расширению и углублению кооперации, направленной на разработку инновационных технологических решений, а также на запуск на их основе создания новых продуктов и услуг с последующим их выведением на рынок. Круг участников техплатформ представлен научным и образовательным секторами, государственными органами, бизнес-ассоциациями, компаниями с государственным участием, структурами гражданского общества. Но для ЕТП характерен особый формат деятельности,

т.е. включенность субъектов из разных стран ЕАЭС, по крайней мере из трех, которые совместным образом решают сходную задачу, а именно достижение интеграции научно-исследовательского сектора, бизнеса и правительственных структур, т. е. задачу интеграции ключевых опор так называемой Тройной спирали – важного условия функционирования инновационной системы.

В свете сказанного смысл формирования ЕТП и их функциональное предназначение заключаются в преодолении такого недостатка инновационного развития стран ЕАЭС, как отсутствие эффективно функционирующего инновационного цикла, без чего невозможно представить модернизацию экономики на основе 5 и 6 ТУ. Рассогласованность прежде всего проявляется в разобщенности сектора НИОКР и производственного сектора.

Выделенные факторы, определяющие необходимость формирования и функционирования ЕТП представляются особенно важными с учетом парадигмы ЕАЭС, а именно того, что символом евразийской интеграции должны стать совместные высокотехнологичные проекты и программы. Иными словами, формой решения многочисленных задач должна стать реализация проектов с интеграционной составляющей кооперационных проектов, которые предполагают не только возведение новых промышленных объектов, но и разработку, а также коммерциализацию новых и новейших технологий. Отметим, что это находит свое подтверждение в определении совместного проекта, приводимого в Разделе II ОНПС до 2025 года. Под ним понимается проект, направленный на развитие кооперационных связей и реализуемый совместным образом государствами – членами ЕАЭС, в том числе в рамках ЕТП. Следовательно, последние – своего рода гравитационные поля для формирования и реализации различных программ и проектов с интеграционной составляющей.

Правовым актом, на основе которого стартовала совместная работа национальных правительств государств – членов ЕАЭС и ЕЭК по формированию ЕТП, стало распоряжение Евразийского межправительственного совета № 11 от 29 мая 2015 г. [11]. Положение о формировании и функционировании ЕТП

было утверждено Решением Евразийского межправительственного совета № 2 от 13 апреля 2016 г. [10]. Оно было разработано на основе ст. 92 Договора о ЕАЭС и п. 4.2.2 ОНПС до 2020 года. Непосредственным образом ЕТП были сформированы на основе Распоряжения Совета ЕЭК от 18 октября 2016 г. № 32 «О формировании приоритетных евразийских технологических платформ» [12]. Первоначальный перечень приоритетных технологических платформ, перечисленных в Приложении № 1 к данному распоряжению, включал 11 наименований. В действующей же редакции распоряжения перечислено 16 наименований, на основе которых должно интенсифицироваться научно-технологическое сотрудничество в обширной сфере, которую именуют «отраслями будущего» (нанотехнологии, ИКТ, робототехника и т. д.). В настоящее время фактически завершено формирование 13 ЕТП и ведется работа по формированию еще трех техплатформ.

По сравнению с ОНПС до 2020 г. в Положении о техплатформах в комплексной формулировке воспроизводится подход к ним как к объектам инновационной инфраструктуры государств – членов ЕАЭС. Так, в п. 3 Раздела 1 Положения закрепляется, что ЕТП – это объекты инновационной инфраструктуры, позволяющие обеспечить эффективную коммуникацию и создание перспективных коммерческих технологий, высокотехнологичной, инновационной и конкурентоспособной продукции на основе участия всех заинтересованных сторон (бизнеса, науки, государства, общественных организаций). Данного рода краткое определение воспроизведено в ОНПС до 2025 года. В свою очередь, п. 2 Раздела I Положения полностью воспроизводит формулировку задач в отношении аккумуляции передовых национальных и мировых достижений в технологической области и т. д., что было закреплено в п. 4.2.2 ОНПС до 2020 года. Отмеченные нюансы свидетельствуют о достижении некоего инвариантного ядра в понимании сущности совместных техплатформ.

Как можно видеть, решающую роль в формировании ЕТП играют акты органов ЕАЭС. В п. 7 Положения закрепляется, что правовыми основами формирования техплатформ являются решения Совета ЕЭК, что

самым непосредственным образом было реализовано на практике. Разумеется, данные решения не являются волюнтарными, так как участники техплатформ, которые планируются, должны быть согласованы с уполномоченным органом государства – члена ЕАЭС. Об этом четко сказано в п. 8 Положения. Фундаментальной правовой основой полномочий ЕЭК в области функционирования техплатформ выступает п. 9 ст. 92 Договора, закрепляющий ее координирующие и консультативные функции применительно к ЕТП. В Договоре не говорится о компетенциях Совета ЕЭК и Коллегии ЕЭК как таковых. Поэтому именно положения рассматриваемого нами раздела 4 «Порядок формирования евразийских технологических платформ» выполняет роль конкретизации полномочий ЕЭК в рассматриваемой нами сфере. Однако нужно заметить, что вся нагрузка по формированию техплатформы, конечно же, лежит на Коллегии. Именно она принимает решение об иницировании данной работы (п. 9 Положения) и подготавливает проекты решений Совета, выступающего в роли одной из площадок согласования позиций государств – членов ЕАЭС. Как отмечается в литературе, ЕЭК в лице Коллегии располагает большим объемом полномочий в сфере обеспечения научно-технологической интеграции [13]. Однако по вполне понятным причинам миссия ЕЭК, а точнее Коллегии, не сводится исключительно к формированию техплатформ, что вполне следует из Договора о ЕАЭС. Как представляется, координирующая и консультативная функция Коллегии сопутствует всем направлениям реализации тех или иных задач ЕТП.

Немаловажной чертой научно-технологической и производственной интеграции на базе ЕТП как особой структурной формы регионального научно-технологического сотрудничества на интеграционном уровне является зримое присутствие элементов наднациональности. Они предстают как преломление общего момента наднациональности в рамках экономической интеграции. Тем не менее в силу двусоставной композиции ЕЭК, представленной Советом и Коллегией, наднациональный элемент уравновешен межправительственным, что полностью соответствует правовой модели Союза. Это, как нам представ-

ляется, несколько не сдерживает активность Коллегии, а именно Департамента промышленной политики в его активной работе в сфере формирования и функционирования ЕТП.

Координирующей роли Комиссии в процессе осуществления взаимодействия государств – членов ЕАЭС по вопросам формирования и функционирования техплатформ специально посвящен п. 25 раздела 6 «Порядок координации деятельности евразийских технологических платформ» Положения. Здесь в качестве направлений работы Комиссии, которая должна проводиться совместно с уполномоченными органами государств – членов ЕАЭС, выделяется организация и проведение круглых столов, совещаний и видеоконференций, направленных на развитие и продвижение деятельности ЕТП в среде профильных организаций государств – членов ЕАЭС. Вполне заметна стимулирующая функция Комиссии, что позволит обеспечить высокую степень вовлеченности потенциальных участников в совместное платформенное взаимодействие. Отмеченное направление деятельности далее конкретизируется в п. 28. В нем предусмотрена совместная с уполномоченными органами деятельность Комиссии, связанная с координацией работы по формированию и стимулированию дальнейшего развития ЕТП как постоянно действующих площадок. На этих площадках будут проходить встречи потенциальных участников, а также проводиться обсуждение актуальных проблем и барьеров, возникающих на пути развития техплатформ.

Вполне логично, что подобного рода направление координационной работы в п. 25 (б) необходимо дополнить использованием лучшей мировой и национальной практики формирования и функционирования совместных техплатформ, а также разработкой предложений по повышению эффективности их функционирования и дальнейшему внесению этих предложений на рассмотрение Евразийского межправительственного совета. Не менее важным представляется такое направление деятельности ЕЭК, как проведение мониторинга результатов научно-технологического и инновационного развития государств – членов ЕАЭС и сотрудничества между ними. Все это должно быть дополнено рассмотрением результатов деятельности платформ в

целях выработки решений, направленных на повышение активности функционирования техплатформ и стимулирование их работы. И, наконец, по результатам указанных видов мониторинга, а также с учетом данных, содержащихся в соответствующих документах ЕТП (перечень участников, план действий и проектов на следующий год, отчет о их реализации и т. д.), ЕЭК вместе с уполномоченными органами государств – членов ЕАЭС должны ежегодно осуществлять подготовку специального тематического доклада о результатах работы ЕТП. Цель – формирование предложений, которые могли бы стать основой для разработки и принятия решений в целях повышения эффективности функционирования ЕТП и стимулирования их деятельности. Попутно отметим, что в 2018 г. первые сформированные ЕТП перешли от стадии создания к стадии разработки и реализации перспективных промышленных проектов. На сегодняшний день указанные платформы объединяют около 450 ведущих национальных научных и промышленных организаций Союза. Все это создало эмпирическую базу для мониторинговой деятельности ЕЭК, результатом которой стал доклад, предоставляющий информацию о реализующихся или запланированных проектах на базе ЕТП [5, с. 22–37].

Исходя из анализа Положения о техплатформах, также можно видеть, что в нем закреплены как совместные, так и отдельные координирующие функции ЕЭК и уполномоченных органов государств – членов ЕАЭС. Например, как это следует из п. 26, уполномоченные органы рассматривают комплекты документов по формированию ЕТП, осуществляют координацию работы организаций государства – члена ЕАЭС по участию и присоединению к платформам. Помимо этого они согласовывают перечень участников ЕТП на этапе принятия решения об их создании, а также перечень тех участников от государств – членов ЕАЭС, которые должны осуществлять организационное и информационное обеспечение деятельности ЕТП и т. д. Таким образом, успех деятельности техплатформ во многом зависит от степени активности ЕЭК, уполномоченных органов государств – членов ЕАЭС, а также от степени слаженности взаимодействия между ними и ЕЭК.

Все отмеченные положения не означают, что ЕЭК, а тем более уполномоченные органы государств – членов ЕАЭС, осуществляют непосредственное руководство рассматриваемыми совместными объектами инновационно-индустриальной инфраструктуры. Как следует из п. 19 Положения, эту функцию выполняет специально созданный руководящий орган, в который входят представители государств – членов ЕАЭС. Далее в п. 20 предусмотрена институциональная система управления, включающая экспертные, координационные, научно-технические советы, рабочие группы, конкурсные комиссии. Однако, несмотря на то, что в п. 18 Положения предусматривается, что организационное информационное обеспечение деятельности платформ осуществляется их специально созданными органами и структурными подразделениями, в п. 19 и 20 речь идет только об органах. Следовательно, вопрос о структурных подразделениях своего решения еще не получил.

Как мы уже отмечали, в ОПНС до 2025 г. раздел, посвященный взаимодействию в рамках ЕТП, главным образом конкретизирует направления координационной и консультативной деятельности ЕЭК. Если говорить более детально, то Комиссия в рамках ЕТП в целях обеспечения технологического развития промышленных организаций, а также своевременного внедрения в производство инновационных разработок будет заниматься организацией взаимодействия ведущих промышленных предприятий, научных и образовательных учреждений, государственных органов и общественных предприятий. Укажем на такие направления деятельности Комиссии, как взаимодействие по вопросам выявления потребности реального сектора экономики государств-членов в новых технологиях, определение наилучших мировых практик для возможного применения на промышленных предприятиях государств – членов ЕАЭС, налаживание инновационного сотрудничества и поддержка совместных инициатив и проектов, выявление барьеров научно-технологического развития и выработка рекомендаций по их устранению и др. В дополнение к этому планируется, что ЕЭК будет формировать предложения по актуальным направлениям технологического развития, учитывая при этом ини-

циативы, формулируемые ведущими промышленными и научными организациями государств – членов ЕАЭС. Отметим также, что в свою очередь ЕТП могут выступить с предложениями о разработке тех или иных совместных программ и проектов, которые далее будут реализовываться на их базе. Роль же Комиссии будет заключаться в опосредовании взаимодействия участников техплатформ в процессе выработки предложений и в доведении сведений о них для рассмотрения высшими органами Союза.

Вполне обоснованной в ОНПС до 2025 г. выглядит позиция, согласно которой Комиссия должна осуществлять координацию процесса реализации совместных программ и проектов, привлекая международные институты развития, такие как Евразийский банк развития, Европейский фонд стабилизации и развития и др. Собственно, Комиссия уже выполняет данную функцию в процессе реализации первой межгосударственной программы ЕАЭС в сфере развития сектора дистанционного зондирования Земли. Как можно видеть, все перечисленные направления воспроизводят положения правовых актов Союза в сфере техплатформ. Смысл такого воспроизведения, как нам представляется, заключается в том, чтобы придать данным направлениям работы Комиссии стратегическое значение.

В настоящее время, как известно, перспективы развития различных секторов экономики определяются темпами цифровых трансформаций. Думается, что ЕТП вполне могут оказать содействие процессу цифровой трансформации промышленности посредством разработки цифровых технологий и расширения использования цифровых платформенных решений для повышения эффективности собственной деятельности. В таком случае их можно рассматривать как драйверов цифровой трансформации промышленности ЕАЭС, а также технологической модернизации в рамках реализации Цифровой повестки Союза. Отмеченные закономерности следует обосновать тем, что ЕТП – это коммуникационные площадки, эффективность функционирования которых заметным образом улучшится при расширении использования информационно-коммуникационных технологий. В результате могут возникнуть условия для ускорения про-

цесса проведения совместных НИОКР, в ходе которых будут разрабатываться перспективные технологии, способные войти в перечень технологических предложений. Помимо этого использование цифровых технологий позволит ускорить их коммерциализацию, результатом чего станет новая линейка высокотехнологичной продукции и услуг.

Другим перспективным трендом развития ЕТП должно стать встраивание в глобальные цепочки производства добавленной стоимости. Решение этой задачи облегчается наличием кооперативных связей национальных техплатформ с зарубежными партнерами. Предметом приложения координирующей функции ЕЭК в перспективе станет сотрудничество ЕТП с третьими странами, международными организациями и межгосударственными объединениями. А это потребует усилий как от ЕЭК, так и от самих платформ по анализу состояния рынков высокотехнологичной продукции, потребностей в технологиях, а также состояния сферы НИОКР в третьих странах с прицелом на возможное сотрудничество в инновационно-технологической и производственной сферах. Правовая основа подобного вектора интеграции уже заложена. Если мы обратимся к п. 12 Положения о формировании и функционировании ЕТП, то увидим, что их участниками могут стать организации из государств, не входящих в Союз. В качестве политической основы на сегодняшний день могут стать меморандумы о сотрудничестве, которые на постоянной основе заключаются ЕЭК с отдельными государствами, их объединениями, международными организациями различной природы. В качестве же собственно правовой основы могут стать международные договоры ЕАЭС о зонах свободной торговли и экономическом сотрудничестве. В перспективном плане правовая основа, по всей видимости, также может быть представлена международными договорами о научно-техническом сотрудничестве с третьими странами, если государства – члены ЕЭК сочтут необходимыми их заключение.

Выводы

Подводя итоги, отметим, что в настоящее время для осуществления указанных возможностей, создаваемых ЕТП, право ЕАЭС созда-

ет все необходимые предпосылки. Как можно было видеть, основной блок норм, регулирующих разнообразные аспекты функционирования ЕТП, содержится в актах ЕЭК. Реализация этих норм – важный инструмент достижения целей Договора о ЕАЭС, а также положений международных договоров Союза, положений актов его органов, в том числе имеющих рекомендательный характер, в сфере научно-технологического сотрудничества государств – членов ЕАЭС. В свою очередь успешное функционирование ЕТП потребует сближения, в том числе в форме гармонизации, национальных законодательств государств – членов ЕАЭС как в сфере науки, технологий, образования и инноваций, так и в сфере регулирования производственного сектора. Залогом такого сближения выступает не только воля государств – членов ЕАЭС, а также активность действительных и потенциальных участников ЕТП, но и предусмотренное в Разделе 9 Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. расширение полномочий Коллегии ЕЭК, а также меры, направленные на повышение эффективности ее работы. В совокупности это означает не смену правовой модели ЕАЭС, а ее совершенствование. В результате с прогностической точки зрения дальнейшее развитие правовых основ функционирования ЕТП будет предполагать следование их сложившейся правовой модели при одновременном ее развитии в направлении сочетания расширения международно-договорных положений и расширения положений нормативных правовых актов органов Союза, а также включение положений о взаимодействии в рамках ЕТП в межгосударственные программы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00780 («Модель правового регулирования научно-технологической и инновационной интеграции в рамках ЕАЭС и вызовы Четвертой промышленной революции»).

The work was supported by the RFBR in the framework of scientific project no. 20-011-00780 “Model of legal regulation of scientific, technological and innovative integration within the EAEU and the challenges of the Fourth Industrial Revolution”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Густап, Н. Н. Европейские технологические платформы: понятие, история создания, характеристика / Н. Н. Густап // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 321, № 6. – С. 56–59.
2. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза 2018 г. (Санкт-Петербург, 6 декабря 2018 г.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/> (дата обращения: 15.05.2021). – Загл. с экрана.
3. Департамент промышленной политики ЕЭК. Аналитическая справка. Европейские технологические платформы. – М. : ЕЭК, 2012. – 11 с.
4. Департамент промышленной политики ЕЭК. Аналитическая справка. Российские технологические платформы (РТП), переход от РТП к Евразийским технологическим платформам. – М. : ЕЭК, 2012. – 12 с.
5. Доклад о деятельности Евразийских технологических платформ. – М. : ЕЭК, 2018. – 37 с.
6. Иншаков, О. В. Технологические платформы в российской наноиндустрии: проблемы и перспективы развития / О. В. Иншаков, Е. И. Иншакова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3, Экономика. – 2017. – Т. 10, № 3. – С. 7–20. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2017.3.1>.
7. Научно-техническое сотрудничество в рамках ЕАЭС как важнейший фактор лояльности населения стран-участниц к интеграционному объединению и его притягательности для новых членов / И. В. Адринова [и др.] // Вестник РУДН. Серия «Социология». – 2018. – № 1. – С. 117–130.
8. Основные направления промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС до 2025 г. (утв. решением Евразийского Межправительственного совета от 30 апреля 2021 г.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01029192/err_30042021_5 (дата обращения: 01.06.2021). – Загл. с экрана.
9. Основные направления промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС (утв. решением Межправительственного совета от 8 августа 2015 г.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/Documents/Решение%20МПС%20№%209.pdf (дата обращения: 13.06.2021). – Загл. с экрана.
10. Положение о формировании и функционировании евразийских технологических платформ (утв. решением Евразийского межправительственного совета № 2 от 13 апреля 2016 г.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01410052/icd_14042016_2 (дата обращения: 29.05.2021). – Загл. с экрана.

11. Распоряжение Евразийского межправительственного совета № 11 от 29 мая 2015 г. «О формировании Евразийских технологических платформ». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147893/ico_02062015_11 (дата обращения: 29.05.2021). – Загл. с экрана.

12. Распоряжение Совета ЕЭК от 18 октября 2016 г. № 32 «О формировании приоритетных евразийских технологических платформ» (с изм. на 8 августа 2019 г.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/456047406> (дата обращения: 30.05.2021). – Загл. с экрана.

13. Шугурова, И. В. Полномочия Евразийской экономической комиссии в сфере научно-технологической интеграции государств – членов ЕАЭС / И. В. Шугурова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 5. – С. 114–128.

14. European Commission Staff Working Document. Strategy for European Technology Platforms: ETP2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-12342-2013-INIT/en/pdf> (date of access: 14.06.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. Gustap N.N. Evropejskie tekhnologicheskie platformy: ponytie, istoriya sozdaniya, harakteristika [European Technological Platforms: Concept, History of Creation, Characteristics]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], 2021, vol. 321, no. 6, pp. 56-59.

2. *Deklaraciya o dal'nejshem razvitiy integracionnyh processov v ramkah Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza 2018 g. (Sankt-Peterburg, 6 dekabrya 2018 g.)* [Declaration of the Further Development of Integrative Processes Within the Framework of the Eurasian Economic Union (Saint Petersburg, December 6, 2018)]. URL: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213> (accessed 15 May 2021).

3. *Departament promyshlennoj politiki EEK. Analiticheskaya spravka. Evropejskie tekhnologicheskie platformy* [Department of Industrial Policy of the EEC. Analytical Reference. European Technology Platforms]. Moscow, EEK, 2012. 11 p.

4. *Departament promyshlennoj politiki EEK. Analiticheskaya spravka. Rossijskie tekhnologicheskie platformy (RTP), perekhod ot RTP k Evrazijskim tekhnologicheskim platformam* [Department of Industrial Policy of the EEC. Analytical Reference. Russian Technological Platforms (RTP),

Transition from RTP to Eurasian Technological Platforms]. Moscow, YeEK, 2012. 12 p.

5. *Doklad o deyatelnosti Evrazijskih tekhnologicheskikh platform* [Report on the Activities of the Eurasian Technology Platforms]. Moscow, YeEK, 2018. 37 p.

6. Inshakov O.V., Inshakova E.I. Tekhnologicheskie platformy v rossijskoj nanoindustrii: problemy i perspektivy razvitiya [Technological Platforms in the Russian Nanoindustry: Problems and Development Prospects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 3, Ekonomika* [Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System], 2017, vol. 10, no. 3, pp. 7-20. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2017.3.1>.

7. Adronova I.V. et al. Nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo v ramkah EAES kak vazhnejshij faktor lojal'nosti naseleniya stran-uchastnits k integracionnomu ob'edineniyu i ego prityagatel'nosti dlya novyh chlenov [Scientific and Technical Cooperation Within the EAEU As the Most Important Factor in the Loyalty of the Population of the Participating Countries to the Integration Association and Its Attractiveness for New Members]. *Vestnik RUDN. Seriya «Sociologiya»* [Bulletin of RUDN. Series “Sociology”], 2018, no. 1, pp 117-130.

8. *Osnovnye napravleniya promyshlennogo sotrudnichestva v ramkah EAES do 2025 g. (utv. resheniem Evrazijskogo Mezhpriatel'stvennogo soveta ot 30 aprelya 2021 g.)* [The Main Directions of Industrial Cooperation Within the EAEU Until 2025 (Approved by the Decision of the Eurasian Intergovernmental Council on April 30, 2021)]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01029192/err_30042021_5 (accessed 1 June 2021).

9. *Osnovnye napravleniya promyshlennogo sotrudnichestva v ramkah EAES (utv. resheniem Mezhpriatel'stvennogo soveta ot 8 avgusta 2015 g.)* [The Main Directions of Industrial Cooperation Within the EAEU (Approved by the Decision of the Intergovernmental Council on August 8, 2015)]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/Documents/Reshenie%20MPS%20№%209.pdf (accessed 13 June 2021).

10. *Polozhenie o formirovanii i funkcionirovanii evrazijskih tekhnologicheskikh platform (utv. resheniem Evrazijskogo mezhpriatel'stvennogo soveta № 2 ot 13 aprelya 2016 g.)* [Regulations on the Formation and Functioning of the Eurasian Technological Platforms (Approved by the Decision of the Eurasian Intergovernmental Council No. 2 on April 13, 2016)]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01410052/icd_14042016_2 (accessed 29 May 2021).

11. *Rasporyazhenie Evrazijskogo mezhpriatel'stvennogo soveta № 11 ot 29 maya*

2015 г. «О формировании Евразийских технологических платформ» [Order of the Eurasian Intergovernmental Council No. 11 Dated May 29, 2015 “On the Formation of Eurasian Technological Platforms”]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147893/ico_02062015_11 (accessed 29 May 2021).

12. *Rasporyazhenie Soveta YeEK ot 18 oktyabrya 2016 g. № 32 «O formirovanii prioritetnyh evrazijskih tekhnologicheskikh platform» (s izm. na 8 avgusta 2019 g.)* [Order of the EEC Council No. 32 Dated October 18, 2016 “On the Formation of Priority Eurasian Technological Platforms” (As Amended on August 8, 2019)]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456047406> (accessed 30 May 2021).

13. Shugurova I.V. Polnomochiya Evrazijskoj ekonomicheskoy komissii v sfere nauchno-tekhnologicheskoy integracii gosudarstv – chlenov EAES [Powers of the Eurasian Economic Commission in the Field of Scientific and Technological Integration of the EAEU Member States]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvenno yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2020, no. 5, pp. 114-128.

14. European Commission Staff Working Document. Strategy for European Technology Platforms: ETP 2020. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-12342-2013-INIT/en/pdf> (accessed 14 June 2021).

Information About the Author

Mark V. Shugurov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of International Law, Saratov State Law Academy, Volskaya St, 1, 410056 Saratov, Russian Federation, shugurovs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3604-3961>

Информация об авторе

Шугуров Марк Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры международного права, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, shugurovs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3604-3961>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.3>

UDC 341.1/8
LBC 67.9

Submitted: 03.09.2021
Accepted: 23.09.2021

THE EAEU AND THE OPOP – HOW CAN THE SUPERPOWERS OF EURASIA INTERACT WITHIN THE FRAMEWORK OF INTEGRATION PROJECTS

Araz Ogtay ogly Mursaliev

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russian Federation

Introduction: Russia and China are two extremely powerful countries on the Eurasian continent. The interaction of these superpowers is fraught with risks and difficulties, especially in those conditions when both sides are pursuing their own goals. For the People's Republic of China, the basis of foreign economic policy is the OPOP project, which combines logistics, trade, and investment components. China's main goal is to promote it and create conditions for its most effective implementation in Eurasia. For Russia, the most important is a less ambitious institution – the EAEU, which serves to promote the interests of the Russian Federation in the countries closest to Russia's partners. **Purpose:** to identify the benefits and risks of interaction between the EAEU and the OPOP and offer the cooperation tools that minimize risks. **Methods:** the research is based on general scientific methods, in particular, deduction; the statistical method of linear regression and the analysis of the synergetic results of economic development are also used. **Results:** the interaction of the two projects of the Eurasian superpowers is inevitable, and therefore it is extremely important for Russia and the EAEU to properly develop a partnership with the PRC, as well as to soberly assess the existing risks. The EAEU needs the growth drivers today. Such a driver can be a partnership with the PRC and active participation in the OPOP. The proposed coupling strategy takes into account the risks of sinoization; respectively, to reduce them, it is proposed to strengthen the centripetal trends in the EAEU by the economic methods. **Conclusions:** the coupling of the EAEU and the OPOP is inevitable. It is accompanied by risks; at the same time, the risks of coupling do not outweigh its benefits. For the further development of the integration initiatives in Eurasia, it is necessary to strengthen the attractiveness of the Russian economy model for the EAEU countries.

Key words: OPOP, EAEU, integration, efficiency, Russia, China, interaction.

Citation. Mursaliev A.O. ogly. The EAEU and the OPOP – How Can the Superpowers of Eurasia Interact Within the Framework of Integration Projects. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 24-33. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.3>

УДК 341.1/8
ББК 67.9

Дата поступления статьи: 03.09.2021
Дата принятия статьи: 23.09.2021

ЕАЭС И ОПОП – КАК СУПЕРДЕРЖАВАМ ЕВРАЗИИ ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Араз Огтай оглы Мурсалиев

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
г. Москва, Российская Федерация

Введение: Россия и КНР – две исключительно мощные державы на Евразийском континенте. Взаимодействие этих суперсил сопряжено с рисками и сложностями, особенно в таких условиях, когда обе стороны преследуют свои цели. Для КНР основой внешней экономической политики является проект «Один пояс, один путь» (ОПОП), который объединяет в себе логистическую, торговую и инвестиционную составляющие.

Его продвижение и создание условий для максимально эффективной его реализации в Евразии – главная цель Китая. Для России наиболее важным является менее амбициозный институт – ЕАЭС, который служит продвижению интересов РФ в наиболее близких партнерских для неестранах. **Цель:** выявить выгоды и риски взаимодействия ЕАЭС и ОПОП и предложить инструменты сотрудничества, минимизирующие риски.

Методы: исследование основано на общенаучных методах, в частности, дедукции, также использован статистический метод линейной регрессии, и анализ синергетичности результатов экономического развития.

Результаты: взаимодействие двух проектов супердержав Евразии неизбежно, в связи с чем для России и ЕАЭС исключительно важно правильно развивать партнерство с КНР, а также трезво оценивать существующие риски. ЕАЭС сегодня нуждается в драйверах роста. Таковым может стать партнерство с КНР и активное участие в ОПОП. Предложенная стратегия сопряжения учитывает риски синоизации, а для того, чтобы их уменьшить предлагается усилить центростремительные тенденции в ЕАЭС экономическими методами.

Выводы: сопряжение ЕАЭС и ОПОП неизбежно. Оно сопровождается рисками, одновременно с этим риски сопряжения не перевешивают его выгод. Для дальнейшего развития интеграционных инициатив на территории Евразии необходимо усилить привлекательность российской модели экономики для стран ЕАЭС.

Ключевые слова: ОПОП, ЕАЭС, сопряжение, эффективность, Россия, Китай, взаимодействие.

Цитирование. Мурсалиев А. О. оглы. ЕАЭС и ОПОП – как супердержавам Евразии взаимодействовать в рамках интеграционных проектов // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 24–33. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.3>

Введение

Евразия – крупнейший континент в мире, на котором расположены значительно отличающиеся друг от друга страны, среди которых выделяются несколько региональных лидеров. В Европе такими лидерами могут считаться Германия, Великобритания и Франция (справедливости ради, в Европе есть ряд других государств, которые по своему экономическому потенциалу приближаются к названным трем), в Азии это в зависимости от региона Китай, Индия и Сингапур, в Персидском заливе – Саудовская Аравия. Россия также является региональным лидером, но, так как объединяет два региона – Европу и Азию, может считаться региональным лидером вне конкретного региона.

Китай, как уже говорилось выше, лидирует в Азии в целом [2, с. 72–82], более того, он представляет собой (как и РФ) мировую сверхдержаву. Нельзя не отметить, что если напрямую сравнивать экономические показатели КНР и РФ, то Россия будет отставать во всех сферах достаточно значительно. Тем не менее, выгодное географическое положение, стратегически сильная позиция в Евразии [8, с. 121–125], а также ряд других факторов, среди которых можно отметить военный потенциал и обилие природных ресурсов, указывают на то, что Китай не может не считаться с российскими интересами в Евразии.

Таким образом, целью статьи является разработка механизма взаимодействия между РФ и КНР, но такого, который бы устраивал обе стороны. Доказываемая авторами гипотеза исследования – КНР и РФ в условиях современной негативной внешней конъюнктуры мировых рынков являются обоюдно выгодными партнерами не только в экономическом, но и политическом аспекте.

Обзор литературы

В настоящее время, в научной литературе уделяется недостаточно внимания вопросам стратегических взаимодействий ЕАЭС и ОПОП, тогда как по отдельности эти интеграционные объединения изучаются часто. Исследователи [24, с. 293–318] дают интересный обзор современного состояния баланса сил на пространстве Евразии в контексте развития ОПОП, однако основное внимание уделяется тому, как Россия относится к китайской инициативе. В этом контексте важно понимать, что РФ, хотя и доминирующий игрок в регионе после КНР, видит в странах ЕАЭС стратегических партнеров, поэтому для нее интересы ЕАЭС исключительно важны и необходимо исследовать, не только российское, но и коллективное отношение стран Союза к проекту ОПОП. В другом труде [20, с. 81–97] внимание уделяется ключевой роли ЕАЭС как «моста» между ЕС и ОПОП, что не до конца

верно. Действительно, такая роль устраивает страны ЕАЭС и РФ, однако с учетом того, что Россия активно продвигает свои геополитические интересы в Центральной Азии, необходимо расширить предлагаемый подход и изучить влияние такой роли на сам ЕАЭС. Аналогичный подход предлагается в статье [13, с. 15–28], в которой авторы приходят к схожим выводам об ограниченности российского влияния в регионе для полномасштабного взаимодействия с основными игроками, снова упуская из виду ЕАЭС как часть проекта «Большой Евразии». Выделяется труд [1, с. 96–107], в котором российские реалии ставятся во главу угла партнерства между ЕАЭС и ОПОП. Авторы указывают на наличие синергетического эффекта от партнерства, однако в первую очередь для экономики РФ, которая сегодня переживает сложный период. Стоит отметить, однако, что партнерство с ОПОП должно быть коллективным, так как только в сотрудничестве друг с другом страны ЕАЭС могут снизить подавляющее влияние КНР на их экономику. Также существует другой подход, который, наоборот отождествляет ЕАЭС и ОПОП [1, с. 96], что в корне неверно, так как по сути эти две инициативы могут только сопрягаться в будущем, но никак не интегрироваться друг с другом. Такое разнообразие подходов к изучаемой тематике демонстрирует необходимость унификации и предложения более общего подхода, который бы в полной мере отражал интересы как ЕАЭС в целом и России в частности, так и ОПОП и его основных участников, включая КНР и РФ.

Результаты

В КНР, начиная с 2012 г., идут переговоры по созданию и развитию глобального проекта экономического характера. На его развитие Китай сподвигла необходимость экспорта своих товаров в ЕС с наименьшими издержками [18, с. 104–110]. Как разумно предположили китайские власти, при подготовленном маршруте и многочисленных ухабах по пути его следования транзакционные издержки экспорта будут ниже. Этот проект стал наследником исторического Шелкового пути, поменял несколько названий, в частности, Новый Шелковый путь, Экономический пояс Шелкового Пути, и прочие,

сегодня он известен как инициатива «Один пояс, один путь». Эта китайская инициатива направлена на продвижение интересов Поднебесной в Евразии через механизмы мягкой силы и экономического сотрудничества [16, с. 120–126].

Россия также формировала свои интеграционные механизмы, которые в процессе развития трансформировались из Евразийского экономического союза (ЕвразЭС) в Таможенный союз и приобрели свой современный вид в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Эта инициатива объединяет 5 стран Азии и Европы, обладает собственным банком развития (ЕАБР), а также представляет собой воплощение действующего интеграционного механизма с Россией в качестве аттрактора [7, с. 75–87].

Обе перечисленные инициативы существуют как ключевые стратегические инициативы их создателей, и размытие или ограничение возможностей дальнейшего их развития будет восприниматься создателями как противопоставление других сторон их внешней политике. Таким образом, помимо многочисленных сильных интеграционных организаций на просторах Евразии, к которым можно отнести ЕС, АСЕАН и ряд других, существует два интеграционных проекта различных моделей интеграции – экономический союз и мегапроект [10, с. 5–15], создатели которых сейчас ищут возможности развития устойчивых взаимоотношений, в том числе на основе приведенных выше организаций.

В рамках статьи ставится задача разработки концепции взаимодействия КНР и России в сфере партнерства между ОПОП и ЕАЭС. Эта концепция не должна противоречить основным интересам ее участников, не должна размывать проекты и должна быть экономически эффективной.

Для начала оценим экономическую эффективность ЕАЭС, так как оценить эффективность ОПОП не представляется возможным из-за неясных до сих пор точных границ инициативы и тех проектов, которые реализуются в ее рамках [14, с. 209]. Для оценки эффективности ОПОП воспользуемся инструментарием линейных моделей регрессии и сравнением результатов моделирования во временном интервале до 2025 года. Известно, что кризис 2020 г., связанный с коронавирусом, нанес большой ущерб экономикам стран мира, поэтому можно предполо-

жить, что общая тенденция развития экономик, особенно при прогнозировании ВВП, как это и сделано в этом исследовании, будет негативной. Рассмотрим рисунки 1 и 2 и определим, какой сценарий выгоднее для ЕАЭС.

В качестве экзогенных переменных в прогнозах использовался размер ВВП названных стран и временной тренд. Анализ полученных данных дает следующие результаты:

1. Общий тренд развития ЕАЭС с экономической точки зрения на ближайшие 5 лет негативный.

2. В случае партнерства с КНР прогноз более положительный, так как потери ВВП меньше.

3. Если рассматривать графики с точки зрения рисков и их анализа, то участие КНР в проекте дает гораздо лучшие результаты, поскольку в рамках этого сценария существует даже вероятность умеренного роста ВВП ЕАЭС, тогда как в случае автономного развития дисперсия вариантов меньше и все вероятности негативные, исходя из чего, математическое ожидание во втором варианте

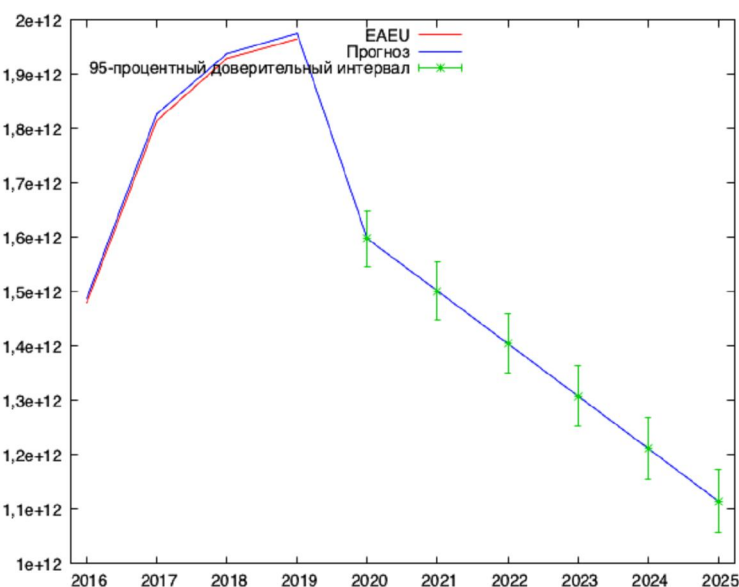

Рис. 1. Прогноз ВВП ЕАЭС при условии экзогенных переменных: ВВП России и время [23]

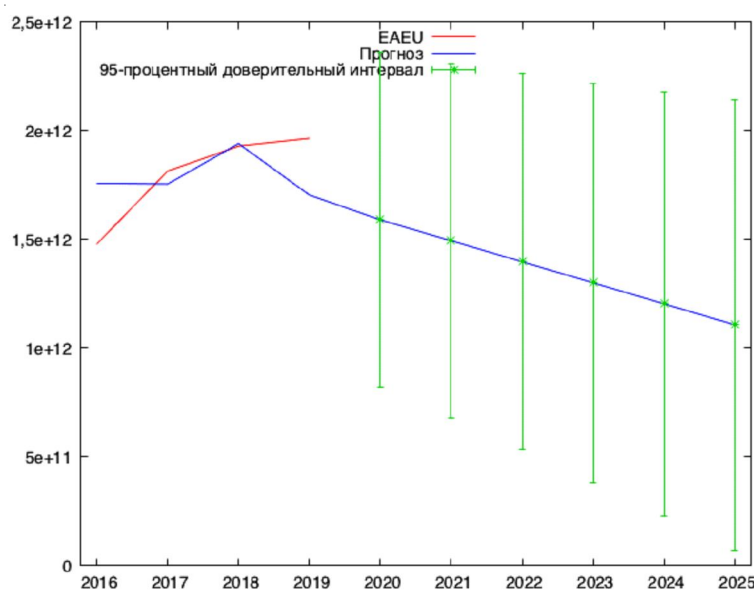

Рис. 2. Прогноз ВВП ЕАЭС при условии экзогенных переменных ВВП России, ВВП Китая и время [23]

лучше и позволяет говорить о том, что партнерство с КНР может дать новый импульс развитию ЕАЭС.

Таким образом, развитие ЕАЭС в партнерстве с КНР, то есть, в партнерстве с ОПОП дает гораздо больше возможностей для развития ЕАЭС. Этот тезис подтверждается тем, что некоторые коридоры ОПОП могут проходить по территории Союза, более того, сам ЕАЭС, а в особенности Россия, представляет собой большой рынок для китайских товаров.

С другой стороны, стоит рассмотреть вопрос о том, почему партнерство экономически выгодно для КНР и ее мегапроекта. Помимо уже названного крупного рынка сбыта товаров, РФ представляет собой экспортера углеводородов, которые необходимы китайской экономике [22, с. 24–42]. Такой экспорт позволяет китайской промышленности развиваться теми темпами, которые необходимы для поддержания «экономики велосипеда» [12, с. 558–595], как часто называют китайскую экономику.

Вторым важным моментом для развития ОПОП является возможность безопасно транспортировать товары в ЕС. Если рассматривать территорию Центральной Азии, а также Морской шелковый путь [15, с. 105–119], то наблюдается ряд проблем с обеспечением их безопасности. В центральной Азии речь идет о террористической угрозе из Афганистана и оппортунистском поведении истеблишмента самих стран региона. В связи с высоким уровнем бедности уровень преступности в странах ЦА достаточно высок,

более того, сформирован и давно существует порочный круг бедности и преступности. Транспортировка грузов по Морскому шелковому пути также вызывает ряд сложностей, среди которых угроза обострения обстановки в Южно-китайском море, угроза африканского пиратства около восточного берега Африки и ряд других сложностей, связанных с защитой китайских инвестиций в странах Африки.

Второе изменение ОПОП – инвестиционное [6, с. 11]. В этом плане проект также выгоден как ЕАЭС, так и КНР. Последняя готова инвестировать большие объемы средств для того, чтобы вывести свою промышленность на новые рынки. Наиболее выгодные инвестиции для Китая – страны с надежной экономикой и политической ситуацией. В последнее время КНР вынуждена инвестировать в африканские и центральноазиатские страны, поскольку они готовы предоставить возможности для китайских компаний, а также для развития инициативы ОПОП. Очевидно, что защищенность таких инвестиций невысокая.

Для ЕАЭС ситуация несколько иная. На сегодняшний день объем ПИИ в ЕАЭС хотя и растет, но медленнее, чем мог бы. Из-за санкций против России европейские компании не могут инвестировать в российские проекты, а Беларусь и Казахстан – два наиболее привлекательных в сфере инвестиций государства ЕАЭС, вынуждены поддерживать российскую политику контрсанкций [11, с. 1396–1414]. Рисунок 3 описывает ситуацию и прогноз инвестиций в ЕАЭС.

Рис. 3. Приток ПИИ в ЕАЭС [4]

На рисунке 3 наглядно продемонстрированы тенденции низкого притока инвестиций в страны Союза, поэтому оживление их экономик зависит от новых источников инвестиций, в частности, это может быть Китай с его большими амбициями, но и не меньшими возможностями инвестирования.

В контексте вышесказанного, можно считать, что экономически целесообразно продвигать партнерство ОПОП и ЕАЭС. В этой связи нельзя не упомянуть об основных моментах, связанных с тем, что некоторые страны сопротивляются проникновению КНР на свой рынок.

Среди доводов выделяется следующий: как только китайские компании выходят на рынок, он сразу же наполняется китайскими товарами, а в страну приезжает много китайцев для выполнения подрядных работ на эту компанию [5, с. 120–126]. Это действительно так, поскольку китайские компании преследуют цели завоевания новых рынков и используют для этого модифицированные стратегии, основанные на концепции «летающих гусей». Например, речь может идти о размывании структуры капитала крупнейших компаний страны китайским капиталом, не обязательно капиталом крупных компаний, зачастую речь идет о миноритарном владении долями в предприятии.

Вторым опасением является культурная и социальная обособленность китайских сообществ в других странах. Эта тенденция сохраняется потому, что китайская культура предлагает коллективизм как основной образ жизни, что противоречит установкам европейского общества. Эта угроза носит больше социокультурный, нежели экономический характер, но тем не менее представляет собой большую проблему для местных сообществ.

Следующей угрозой является более высокая конкурентоспособность китайских товаров за счет низких издержек на их производство и, соответственно, низкой цены. Эта закономерность справедлива и для трудовых издержек компании на найм китайских сотрудников. Помимо этого, необходимо отметить, что китайские товары и услуги по качеству не сильно уступают европейским, более того, в отдельных отраслях их качество такое же или даже выше. В этом контексте можно ут-

верждать, что рынки стран, на которые массово приходят китайские компании, действительно находятся под угрозой увеличения влияния китайского сектора.

Обсуждение

Изложенные выше угрозы предполагают, что на пути долгосрочного партнерства между КНР и РФ есть несколько препятствий, которые в общем виде можно свести к рискам неконтролируемого увеличения влияния КНР. Эти и еще ряд других угроз и опасений носят общее название синоизации, которое из чисто культурного термина стало экономическим. С учетом того, что эти же угрозы сохраняются и для стран ЕАЭС, авторы предлагают следующую стратегию партнерства с КНР и ОПОП [9, с. 17]:

1. Партнерство должно строиться на основе умышленного сохранения дистанции с китайскими институтами, которые часто гораздо мощнее евразийских, существующих в рамках ЕАЭС. Ярким примером их привлекательности может стать партнерство Казахстана с КНР в обход договоренностей ЕАЭС [3, с. 145–155]. Такой тип партнерства институтов, когда они не конвергируются, а находятся в тесной связи, не смешиваясь, называется сопряжение. И именно сопряжение как формат партнерства необходимо при развитии отношений ОПОП и ЕАЭС, равно как и РФ с КНР.

2. Чем слабее экономика страны, сотрудничающей с КНР, тем легче она подвергается синоизации. В контексте вышесказанного, развитие национальных экономик ЕАЭС становится ключевой задачей в условиях сопряжения ЕАЭС и ОПОП. Это может быть достигнуто при помощи применения ситуативных решений экономических проблем, решения ряда противоречий внутри самого ЕАЭС, усиления роли механизмов рыночного регулирования экономики, формирования единого рынка услуг и, что не менее важно, развития идеи валютного партнерства. Несмотря на то, что последнее не должно выражаться в создании условий для единой валюты ЕАЭС, торговля в национальных валютах должна стать обязательным элементом экономических взаимоотношений в Союзе.

3. Выход китайских компаний на рынок стран ЕАЭС неминуемо приведет к глубокому кризису национальных экономик, поскольку компании стран Союза неэффективны, они существуют и действуют в условиях конкуренции не менее неэффективных компаний других стран Союза. Более того, региональное развитие конкуренции достаточно слабое из-за того, что ряд крупных российских компаний удерживает монополию в нефтегадобывающей, металлургической, машиностроительной и частично в сельскохозяйственной отраслях. В этих условиях конкурентоспособные по объему производства и качеству, но более привлекательные по цене китайские товары, производимые на территории ЕАЭС и, соответственно, угрожающие ничем не защищенным из-за открытости для других стран ЕАЭС рынкам стран Союза, могут беспрепятственно завоевывать рынки. Для того, чтобы избежать этого, необходимо разработать стратегию повышения конкурентоспособности товаров ЕАЭС на мировых рынках, а также систему контроля эффективности деятельности национальных компаний в ЕАЭС, а на ее основе провести рыночные реформы по стимулированию процессов М&А на рынках стран Союза с целью повышения эффективности экономики в целом.

4. Исторически РФ была многонациональной страной и усиление той или иной национальности не было проблемой для российского общества. Тем не менее, другие страны ЕАЭС не могут ассимилировать такое количество китайцев без ущерба для своего социума и общественной жизни страны. Для того, чтобы избежать массового притока китайских мигрантов в страны ЕАЭС можно воспользоваться особыми условиями заключения контрактов на деятельность китайских компаний в ЕАЭС. Например, ограничить количество китайских сотрудников (справедливо и для компонентов, если речь идет о производстве, и для сырья – если о развитии инфраструктуры) в реализации тех или иных действий, слияний, поглощений, размещений китайских компаний на территории РФ. Также подобные ограничения можно вводить в сфере владения капиталом, но этот шаг должен сопровождаться оценкой того, насколько вообще это выгодно для китайской стороны и

не откажется ли она от проекта при таких условиях.

5. Общей рекомендацией можно назвать соблюдение баланса между интересами стран ЕАЭС и интересами КНР [21, с. 23]. В современных условиях большой разработанности экономических институтов и широких возможностей введения особых условий в контракты партнерство может осуществляться на обоюдовыгодных условиях, но только тогда, когда последствия того или иного решения правильно взвешиваются. В этой связи необходимо провести реорганизацию и кадровые перестановки в ключевых институтах российской экономики и ввести в руководство тех людей, которые ранее не были связаны с текущим руководством институтов. Также логично ввести практику ротации кадров. Это будет способствовать более четкому и менее предвзятому принятию решений и поможет снизить коррупцию в экономических институтах.

Предложенные меры носят характер индивидуальных рекомендаций, однако наибольший эффект они будут иметь при условии одновременного применения.

Выводы

Авторами доказана гипотеза о взаимной выгоды партнерства между ОПОП и ЕАЭС, как для самих интеграционных объединений, так и для ключевых стран-игроков.

Предложенная авторами стратегия демонстрирует возможность эффективного партнерства с КНР и, более того, указывает на то, что большинство рисков можно нивелировать. Тем не менее, остается один исключительно важный риск, нивелирование которого требует гораздо больших усилий – отставание экономик стран ЕАЭС от китайской экономики и несоизмеримо больший потенциал проекта ОПОП, чем ЕАЭС. Это несет риск размывания ЕАЭС многочисленными инициативами в рамках ОПОП в процессе сопряжения. Во избежание этого помимо концепции сопряжения необходимо развивать институт ЕАЭС. Для этого необходимо предпринять ряд шагов.

Во-первых, увеличить роль и влияние финансовых механизмов ЕАЭС в Евразии.

Для этого – расширить список проектов, в которых участвует Евразийский банк развития (ЕАБР) и увеличить его уставный капитал. Возможно, стоит предпринять шаги по партнерству ЕАБР и Нового банка БРИКС [19, с. 99–114].

Во-вторых, необходимо развивать партнерские связи ЕАЭС. Заключение ЗСТ, формирующих второй контур интеграции ЕАЭС – один из наиболее эффективных методов решения проблемы. Авторы рекомендуют рассмотреть возможность заключения соглашений о ЗСТ со странами АСЕАН, Бразилией и Южной Африкой.

В-третьих, эффективность деятельности Евразийской комиссии вызывает ряд вопросов [17, с. 40–49]. Необходимо провести реформу структуры организации и кадровую реформу.

Таким образом, как России, так и КНР выгоден формат партнерства институтов, через которые две супердержавы могут эффективно взаимодействовать друг с другом. Развитие этого формата приведет к появлению драйверов роста у ЕАЭС и новым возможностям реализации проекта ОПОП у КНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова, В. В. ЕАЭС и стратегические инициативы КНР в контексте российских реалий / В. В. Архипова, А. А. Пантелеев // Современная Европа. – 2020. – № 3. – С. 96–107. – DOI: <https://doi.org/10.15211/soveurope3202096107>.
2. Балкан, В. И. Лидерство Китая в Восточной Азии: путь к региональной интеграции / В. И. Балкан // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 4. – С. 72–82.
3. Беделадзе, Д. С. Торгово-экономическое сотрудничество Республики Казахстан с КНР и влияние этого на развитие интеграции в формате ЕАЭС / Д. С. Беделадзе, Д. В. Белоусов // Постсоветские исследования. – 2020. – № 2. – С. 145–155.
4. Богоявленский, В. И. Сотрудничество России и Китая в нефтегазовой сфере / В. И. Богоявленский, И. В. Богоявленский // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – № 6. – С. 24–42.
5. Давудова, К. К. Угроза китайской экспансии / К. К. Давудова, В. Н. Фадеев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 9. – С. 120–126.
6. Давыденко, Е. В. «Один пояс – Один путь» как катализатор инвестиционного сотрудничества России и Китая / Е. В. Давыденко, Т. В. Колесникова // Вестник евразийской науки. – 2018. – Т. 10, № 5. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/odin-poyas-odin-put-kak-katalizator-investitsionnogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya/viewer>. – Загл. с экрана.
7. Евразийский экономический союз во внешнеполитической стратегии России / К. П. Курyleв [и др.] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». – 2016. – № 1. – С. 75–87.
8. Жизневский, А. Н. Россия как центр силы в международном политическом пространстве / А. Н. Жизневский, Р. А. Янчуковская // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2016. – № 1. – С. 121–125.
9. Лузянин, С. Г. «Возвышение» Китая как фактор мировой политики / С. Г. Лузянин // Baikal Research Journal. – 2014. – № 5. – С. 17.
10. Лузянин, С. Г. Один пояс, один путь – политические и экономические измерения / С. Г. Лузянин, А. В. Афонасьева // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2017. – № 40. – С. 5–15.
11. Лякин, А. Н. Санкции и контрсанкции: использование политических инструментов для реализации экономических целей / А. Н. Лякин, М. И. Рогов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – № 8 (353). – С. 1396–1414.
12. Мозиас, П. М. Экономика Китая: новые тревоги / П. М. Мозиас // Общество и государство в Китае. – 2015. – № 18 (2). – С. 558–595.
13. Носов, М. ЕАЭС и ЕС в контексте китайского проекта «Один пояс – Один путь»: предварительные итоги / М. Носов // Современная Европа. – 2020. – № 6. – С. 15–28. – DOI: <https://doi.org/10.15211/SOVEUROPE620201528>.
14. Пименова, А. И. «Один пояс – Один путь» как глобальный экономический проект Китая / А. И. Пименова // Концепт. – 2020. – № 5. – С. 209–215.
15. Скамкочашвили, С. Проект Морского Шелкового пути: глобальный диалог / С. Скамкочашвили, К. Д. Кунцевич // Коммуникология. – 2019. – № 3. – С. 105–119.
16. Харитонов, А. И. «Мягкая сила» с китайской спецификой / А. И. Харитонов // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 9. – С. 120–126.
17. Худжатов, М. Б. Оценка эффективности деятельности уполномоченного экономического оператора в Евразийском экономическом союзе / М. Б. Худжатов // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2019. – № 1. – С. 40–49.

18. Чжэн, В. Внешнеторговая деятельность КНР / В. Чжэн // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 1. – С. 104–110.

19. Шелепов, А. В. Взаимодействие НБР с другими банками развития: формальные основы для будущего сотрудничества / А. В. Шелепов, И. В. Андропова // Постсоветские исследования. – 2018. – № 1. – С. 99–114.

20. Chubarov, I. Challenges and Opportunities for the Spatial Development of Eurasia Under the BRI: The Case of the Eurasian Economic Union / I. Chubarov // Area Development and Policy. – 2019. – Vol. 4, iss. 1. – P. 81–97. – DOI: <https://doi.org/10.1080/23792949.2018.1527181>.

21. Czerewacz-Filipowicz, K. The Eurasian Economic Union as an Element of the Belt and Road Initiative. / K. Czerewacz-Filipowicz // Comparative Economic Research. – 2019. – Vol. 22, № 2. – P. 23–37. – DOI: <https://doi.org/10.2478/ce-2019-0010>.

22. Foreign Direct Investment, Net Inflows (BoP, Surrent US\$) // The World Bank. – Electronic text data. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD> (date of access: 03.09.2021). – Title from screen.

23. GDP (Current US\$) // The World Bank. – Electronic text data. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (date of access: 03.09.2021). – Title from screen.

24. The Silk Road Economic Belt: Balance of Interests // Y. Silin, L. Kapustina, I. Trevisan, A. Drevalov // Economic and Political Studies. – 2018. – Vol. 6, № 3. – P. 293–318. – DOI: <https://doi.org/10.1080/20954816.2018.1499072>.

REFERENCES

1. Arkhipova V.V, Panteleev A.A. EAES i strategicheskie iniciativy KNR v kontekste rossijskih realij [The EAEU and Chinese Strategic Initiatives in the Context of Russian Realities]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2020, no. 3, pp. 96-107. DOI: <https://doi.org/10.15211/soveurope3202096107>.

2. Balkan V.I. Liderstvo Kitaja v Vostochnoj Azii: put' k regional'noj integracii [China's Leadership in East Asia: A Road to Regional Integration]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2014, no. 4, pp. 72-82.

3. Bedeladze D.S., Belousova D.V. Torgovo-jekonomicheskoe sotrudnichestvo Respubliki Kazahstan s KNR i vlijanie jetogo na razvitie integracii v formate EAJeS [Trade and Economic Cooperation of the Republic of Kazakhstan with the PRC and the Impact of This on the Development of Integration in the EAEU Format]. *Postsovetskie issledovanija* [Post-Soviet Studies], 2020, no. 2, pp. 145-155.

4. Bogojavlenskij V.I., Bogojavlenskij I.V. Sotrudnichestvo Rossii i Kitaja v neftegazovoj sfere [Cooperation Between Russia and China in the Oil and Gas Sector]. *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 2019, no. 6, pp. 24-42.

5. Davudova K.K., Fadeev V.N. Ugroza kitajskoj jekspansii [Threat of Chinese Expansion]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2014, no. 9, pp. 120-126.

6. Davydenko E.V., Kolesnikova T.V. «Odin pojas – Odin put'» kak katalizator investicionnogo sotrudnichestva Rossii i Kitaja [“One Belt – One Road” As a Catalyst for Investment Cooperation Between Russia and China]. *Vestnik evrazijskoj nauki* [Bulletin of Eurasian Science], 2018, vol. 10, no. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odin-poyas-odin-put-kak-katalizator-investitsionnogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya/viewer>.

7. Kurylev K.P., Naryshkin V.S., Ozinkovskaja E., Rahimov K.H. Evrazijskij jekonomicheskij sojuz vo vneshnepoliticheskoj strategii Rossii [Eurasian Economic Union in Russia's Foreign Policy Strategy]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija «Mezhdunarodnye otnoshenija»* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series “International Relations”], 2016, no. 1, pp. 75-87.

8. Zhiznevskij A.N., Janchukovskaja R.A. Rossija kak centr sily v mezhdunarodnom politicheskom prostranstve [Russia As a Center of Power in the International Political Space]. *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 2016, no. 1, pp. 121-125.

9. Luzjanin S.G. «Vozvyshenie» Kitaja kak faktor mirovoj politiki [The “Rise” of China As a Factor of World Politics]. *Baikal Research Journal*, 2014, no. 5, p. 17.

10. Luzjanin S.G., Afonas'eva A.V. Odin pojas, odin put' – politicheskie i jekonomicheskie izmerenija [One Belt, One Road – Political and Economic Dimensions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economy], 2017, no. 40, pp. 5-15.

11. Ljakin A.N., Rogov M.I. Sankcii i kontrsanccii: ispol'zovanie politicheskikh instrumentov dlja realizacii jekonomicheskikh celej [Sanctions and Counter-Sanctions: Using Political Instruments to Realize Economic Goals]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2017, no. 8 (353), pp. 1396-1414.

12. Mozias P.M. Jekonomika Kitaja: novye trevogi [China's Economy: New Worries]. *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2015, no. 18-2, pp. 558-595.

13. Nosov M. EAES i ES v kontekste kitajskogo proekta «Odin pojas – Odin put'»: predvaritel'nye itogi [The EU and the EAEU in the Context of BRI: Preliminary Results]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2020, no. 6, pp. 15-28. DOI: <https://doi.org/10.15211/SOVEUROPE620201528>.

14. Pimenova A.I. «Odin pojas – Odin put'» kak global'nyj jekonomicheskij proekt Kitaja [“One Belt – One Road” As a Global Economic Project of China]. *Koncept* [Concept], 2020, no. 5, pp. 209-215.

15. Skamkochashvili S., Kuncovich K.D. Proekt Morskogo Shjolkovogo puti: global'nyj dialog [The Maritime Silk Road Project: Global Dialogue]. *Kommunikologija* [Communicology], 2019, no. 3, pp. 105-119.

16. Haritonov A.I. «Mjagkaja sila» s kitajskoj specifikoj [“Soft Power” with Chinese Characteristics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 9, pp. 120-126.

17. Hudzhatov M.B. Ocenka jeffektivnosti dejatel'nosti upolnomochennogo jekonomicheskogo operatora v Evrazijskom jekonomicheskom sojuze [Evaluation of the Effectiveness of the Authorized Economic Operator in the Eurasian Economic Union]. *Vestnik Moskovskogo finansovo-juridicheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University of Finance and Law], 2019, no. 1, pp. 40-49.

18. Chzhjen Vej. Vneshnetorgovaja dejatel'nost' KNR [Foreign Trade Activities of the PRC]. *Rossijskij*

vneshnejekonomicheskij vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin], 2020, no. 1, pp. 104-110.

19. Shelepov A.V., Andronova I.V. Vzaimodejstvie NBR s drugimi bankami razvitija: formal'nye osnovy dlja budushhego sotrudnichestva [Interaction of the NDB with Other Development Banks: Formal Foundations for Future Cooperation]. *Postsovetskie issledovanija* [Post-Soviet Studies], 2018, no. 1, pp. 99-114.

20. Chubarov I. Challenges and Opportunities for the Spatial Development of Eurasia Under the BRI: The Case of the Eurasian Economic Union. *Area Development and Policy*, 2019, vol. 4, iss. 1, pp. 81-97. DOI: <https://doi.org/10.1080/23792949.2018.1527181>.

21. Czerewacz-Filipowicz K. The Eurasian Economic Union As an Element of the Belt and Road Initiative. *Comparative Economic Research*, 2019, vol. 22, no. 2, pp. 23-37. DOI: <https://doi.org/10.2478/cer-2019-0010>.

22. Foreign Direct Investment, Net Inflows (BoP, Surrent US\$). *The World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD> (accessed 3 September 2021).

23. GDP (Current US\$). *The World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed 3 September 2021).

24. Silin Y., Kapustina L., Trevisan I., Drevalov A. The Silk Road Economic Belt: Balance of Interests. *Economic and Political Studies*, 2018, vol. 6, no. 3, pp. 293-318. DOI: <https://doi.org/10.1080/20954816.2018.1499072>.

Information About the Author

Araz Ogtay ogly Mursaliev, Postgraduate Student, Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, arazmursaliev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9358-7423>

Информация об авторе

Араз Огтай оглы Мурсалиев, аспирант кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, arazmursaliev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9358-7423>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.4>

UDC 343.101
LBC 67.410.2

Submitted: 15.08.2021
Accepted: 20.09.2021

INVOLVEMENT AS A DEFENDANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS: NATIONAL TRADITIONS VS FOREIGN EXPERIENCE

Sergey B. Rossinsky

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: the prospects for further development of the criminal procedure mechanism for making a criminal claim against a person that is subject to substantive resolution during subsequent court proceedings is one of the controversial issues that attract the attention of a wide range of specialists. In this regard, the **purpose** of the paper is to identify the historical reasons that predetermined the rooting in the Russian system of the criminal procedure regulation of the existing procedure for bringing as a defendant to understand the possibility of its reformation, following the example of other European states. **Methods:** the methodological framework for the research consists of the general scientific (dialectical, systemic, structural-functional, logical, etc.) and specific scientific (formal-legal, comparative-legal, historical-legal, prognostic, etc.) research methods. The **results** of the study made it possible to formulate a position on the conditionality of the existing mechanism for bringing as a defendant by the historical traditions of the Russian criminal justice that have been formed over many years, largely based on the “classical” French (investigative) model of pre-trial proceedings. **Conclusions:** any proposed reforms of the mechanism for making a criminal claim against a person cannot be started only because of the “positive” experience of other countries; they can only begin after identifying, understanding, and properly assessing the underlying reasons that predetermined the appearance of the procedure for bringing as a defendant in the Russian criminal proceedings.

Key words: pre-trial proceedings, prosecution, preliminary investigation, involvement as a defendant, criminal prosecution, criminal legal claim.

Citation. Rossinsky S.B. Involvement As a Defendant in Criminal Proceedings: National Traditions vs Foreign Experience. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 34-40. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.4>

УДК 343.101
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 15.08.2021
Дата принятия статьи: 20.09.2021

ПРИВЛЕЧЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ VS ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Введение: перспективы дальнейшего развития уголовно-процессуального механизма выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии, подлежащей разрешению по существу в ходе последующего судебного разбирательства – один из дискуссионных вопросов, привлекающих внимание широкого круга специалистов. В этой связи **целью** настоящей статьи является выявление исторических причин, предопределивших укоренение в российской системе уголовно-процессуального регулирования существующего порядка привлечения в качестве обвиняемого для понимания возможности его реформирования по примеру других европейских государств. **Методы:** методологическую основу работы составляют общенаучные (диалектический, системный, структурно-функциональный, логический и др.) и частно-научные (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, прогностический и др.) методы исследования.

Результаты проведенного исследования позволили сформулировать позицию об обусловленности существующего механизма привлечения в качестве обвиняемого сформировавшимися на протяжении многих лет историческими традициями российской уголовной юстиции, во многом базирующимися на «классической» французской (следственной) модели досудебного производства. **Выводы:** любые предполагаемые реформы механизма выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии нельзя затевать лишь на основе «положительного» опыта других стран. Они могут начинаться только после выявления, уразумения и надлежащей оценки глубинных причин, предопределивших появление в российском уголовном судопроизводстве процедуры привлечения в качестве обвиняемого.

Ключевые слова: досудебное производство, обвинение, предварительное следствие, привлечение в качестве обвиняемого, уголовное преследование, уголовно-правовая претензия.

Цитирование. Россинский С. Б. Привлечение в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве: национальные традиции vs зарубежный опыт // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 34–40. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.4>

Введение

В последнее время вследствие возникшей потребности в поиске какого-то нового пути дальнейшего развития российской уголовной юстиции, с одной стороны отвечающего международно-правовым стандартам, а с другой – учитывающего богатые национальные традиции, сформировавшиеся в этой сфере за долгие годы, среди ученых, практиков, государственных и общественных деятелей и иных специалистов не прекращаются споры о форме и содержании досудебного производства как наиболее проблемной фазы уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в условиях явного юридического приоритета субъектов уголовного преследования перед участниками со стороны защиты. Причем одним из обсуждаемых и достаточно дискуссионных вопросов является вопрос о дальнейших перспективах существования процедуры привлечения в качестве обвиняемого в том виде, в котором она предусмотрена действующим уголовно-процессуальным законом (гл. 23 УПК РФ), то есть находящегося в ведении следователя автономного юрисдикционного механизма, состоящего в выдвижении в отношении строго определенного лица от имени государства уголовно-правовой претензии (обвинения) и последующем производстве комплекса процессуальных действий, обусловленных данной претензией.

И в этом нет ничего странного, поскольку ввиду общей направленности досудебного производства в целом и предварительного расследования в частности на обеспечение возможности формирования позиции государ-

ственного обвинения (уголовно-правовой претензии) как предмета последующего судебного разбирательства [8, с. 18], процедура привлечения в качестве обвиняемого приобретает особое правовое значение и занимает важнейшее место среди множества других, присущих следственной деятельности процессуальных механизмов. Так, посредством осуществления этой процедуры, подводится определенный итог всей предшествующей работе органов предварительного расследования и формулируется указанная уголовно-правовая претензия – своеобразный «уголовный иск», подлежащий дальнейшему разрешению по существу посредством правосудия и обусловленный предварительными выводами следователя об установлении (доказывании) обстоятельств, вытекающих из смысла ст. 73 УПК РФ и предопределенных известной древнеримской семичленной формулой познания юридически значимых фактов: «Quis? Quid? Ubi? Quibusauxiliis? Cur? Quomodo? Quando?» (Кто? Что? Где? С чьей помощью? Для чего? Каким образом? Когда?). Одновременно привлечение в качестве обвиняемого порождает комплекс важнейших двусторонних правоотношений между основными уголовно-процессуальными «оппонентами» – осуществляющим публичное уголовное преследование государством и подвергаемой уголовному преследованию личностью, для чего эта личность и наделяется статусом обвиняемого, предполагающим существенные правовые возможности (права обвиняемого) и необходимые юридические гарантии для их продуктивного использования. И таким образом акт привлечения в качестве обвиняемого является наи-

высшей, кульминационной точкой предварительного расследования, выражающей сам смысл, само предназначение данного этапа уголовно-процессуальной деятельности.

**Дискуссии о дальнейшей судьбе
института привлечения
в качестве обвиняемого с учетом
зарубежного опыта**

В современных публикациях высказываются самые разные точки зрения о дальнейшей судьбе института привлечения в качестве обвиняемого: от его полной ликвидации до сохранения в неизменном виде. Причем сторонники полного упразднения либо существенного реформирования указанной процедуры, в том числе передачи соответствующих полномочий из ведения органов предварительного следствия в ведение прокуратуры, достаточно часто апеллируют к «положительному» опыту других стран использующих, в первую очередь, «немецкий» вариант романо-германской модели досудебного производства¹ [1, с. 10; 4, с. 136; и др.]. Нередко в качестве примеров заимствования подобного «положительного» опыта приводятся соответствующие реформы уголовно-процессуального законодательства, проведенные в некоторых государствах, возникших на постсоветском пространстве (в Грузии, в Казахстане, на Украине, в государствах Прибалтики и т. д.), также активно стремящихся к построению немецко-ориентированных систем досудебного производства. Хотя справедливости ради, стоит обратить внимание, что в поддержку данной позиции в современных публикациях приводятся и другие доводы [2, с. 8; 7, с. 137; и др.].

Сторонники противоположного подхода, выступающие за сохранение существующего института привлечения в качестве обвиняемого и разумность дальнейшего использования сугубо следственного порядка выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии, мотивируют свою точку зрения сложившимися за долгие годы национальными и вполне приемлемыми для дальнейшей эволюции уголовной юстиции традициями, возникшими еще во время действия дореволюционного уголовно-процессуального законодательства Российской империи и сопутствовавшими

всему последующему развитию отечественной системы досудебного производства [3, с. 129; 6, с. 734; и др.]. В частности, высказывается аргумент, что существующий порядок выдвижения уголовно-правовой претензии является существенной гарантией обеспечения процессуальных прав обвиняемого, тогда как упразднение этого института, напротив, негативно скажется на возможности их продуктивного использования и укрепления [5, с. 755].

Конечно, автору настоящей статьи как человеку, уже не первый год выступающему против резких и поспешных правотворческих шагов, ратующему за разумный консерватизм уголовно-процессуального права, за максимально возможное сохранение исторически сложившихся и во многом соответствующих менталитету российского общества традиций уголовного судопроизводства, намного ближе (что называется, «по душе») именно последняя точка зрения, предполагающая сохранение существующего в настоящее время следственного порядка привлечения в качестве обвиняемого. Между тем автор вовсе не является кондовым, не желающим принимать ничего нового рутинером, бескомпромиссным апологетом, заступником безусловного сохранения существующей модели привлечения в качестве обвиняемого. Вполне возможно, что ввиду дальнейшего развития правовой доктрины, судебных и правоохранительных органов, а также правоприменительной практики целесообразность указанных реформ станет более явной и очевидной. Но пока эти реформы являются преждевременными. По крайней мере, ни один из высказанных в их поддержку доводов не обладает достаточной степенью убедительности и легко парируется целым рядом контраргументов.

И в первую очередь трудно согласиться с мнением о ликвидации следственной процедуры привлечения в качестве обвиняемого лишь ввиду «положительного» опыта Германии и других европейских государств, избравших «немецкий» вариант романо-германской модели досудебного производства, то есть отказавшихся от реализации юрисдикционных полномочий следственного (судебно-следственного) характера, свойственных другому – «французскому»

варианту романо-германской модели². Тем более, вряд ли стоит в решении этих сложнейших, зреющих десятилетиями проблем полностью полагаться на разумность и безошибочность правотворческой политики некоторых бывших союзных республик, изо всех сил старающихся максимально подогнать порядок осуществления отдельных уголовно-процессуальных механизмов под «прогрессивные» западные стандарты. Желательно бы еще при этом знать подлинные мотивы, побудившие наших «соседей» к проведению таких реформ, в частности, быть уверенным в их детерминированности не исключительно политико-конъюнктурными соображениями. Скорее заслуживает поддержки точка зрения С.Г. Коновалова, справедливо полагающего, что сам по себе зарубежный опыт не может свидетельствовать о бесполезности института привлечения в качестве обвиняемого [5, с. 755].

**Причины,
предопределившие возникновение
существующего порядка привлечения
в качестве обвиняемого**

Думается, что любые обсуждения подобных реформ могут начинаться лишь после выявления, уразумения и надлежащей оценки глубинных причин, предопределивших появление в российском уголовном судопроизводстве тех или иных правовых механизмов, в частности, существующего порядка выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии. Тогда как многие авторы, ратующие за отказ от следственной процедуры привлечения в качестве обвиняемого, основывают свои позиции лишь некой архаичностью, отсталостью, «несовременностью» действующего законодательства, его несоответствия якобы передовым и подлинно демократическим механизмам, применяемым в наиболее развитых странах.

Между тем такие глубинные причины безусловно существуют, а их возникновение напрямую связано с особенностями формирования и многолетнего развития советской уголовной юстиции и уголовно-процессуального права. В публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно отмечалось, что во

многом унаследовавшая советские подходы современная российская система досудебного производства (кстати, как и аналогичные системы, используемые в других постсоветских государствах) предполагает вызванное целым рядом причин переплетение элементов, характерных для разных моделей и вариантов уголовного-процессуальной деятельности, что представляет собой достаточно необычный и интересный феномен [8, с. 43]. Российскому предварительному расследованию остаются присущи многие элементы «французского» варианта романо-германской модели³. Причем наиболее наглядно они проявляются именно в части предварительного следствия, которое, несмотря на особый путь развития и невзирая на множество «изобретений», постепенно вводимых в сферу уголовно-процессуального регулирования начиная с 1917 г., еще сохраняет свои «наполеоновские» корни, свою юрисдикционную (судебно-следственную) природу. В отличие от другой предусмотренной УПК РФ формы расследования – дознания, предварительному следствию свойственно более глубокое погружение в обстоятельства дела, обеспечивающее подлинную возможность их полного, всестороннего и объективного исследования в лучших традициях отечественной уголовной юстиции.

Как раз поэтому законодатель и позволяет обвиняемому еще до направления уголовного дела в суд возражать против предъявленного обвинения, давать показания по предъявленному обвинению, заявлять ходатайства о проведении иных процессуальных действий, направленных на опровержение предъявленного обвинения и т. д. Обеспечение этих прав и служит автономная процедура привлечения в качестве обвиняемого. Она позволяет следователю заблаговременно ознакомить лицо с содержанием выдвинутой в отношении него уголовно-правовой претензии и окончательно решить вопрос о дальнейшей юридической перспективе уголовного дела лишь с учетом позиции обвиняемого (его защитника) и сообщенных им сведений по существу указанной претензии, а в случае возникновения потребности в изменении, дополнении обвинения либо частичном прекращении уголовного преследования воспользоваться

полномочиями, предусмотренными ст. 175 УПК РФ. И, кстати, именно поэтому предусмотренный гл. 23 УПК РФ механизм привлечения в качестве обвиняемого присущ только предварительному следствию, предполагающему усложненную, как бы двухэтапную технологию «подведения итогов» досудебного производства, состоящую в: 1) выдвижении обвинительного тезиса посредством специального постановления о привлечении в качестве обвиняемого; 2) последующем надлежащем обосновании и подтверждении (своего рода «засиливании») данного тезиса в обвинительном заключении. Тогда как дознание, напротив, несмотря на постепенную процессуализацию и все большее и большее сближение с предварительным следствием, все-таки в чем-то еще сохраняет свою «полицейскую» природу⁴, поэтому предполагает сугубо «полицейский» подход к досудебному производству: быстро и оперативно выявить преступление, обнаружить и зафиксировать его следы, задержать подозреваемого, получить избыточные сведения и направить дело в суд. Подобный подход не нуждается в автономизации процедуры привлечения в качестве обвиняемого, поскольку не подразумевает подробного исследования всех обстоятельств уголовного дела, в частности, получения показаний от лица по поводу выдвинутого в отношении него «полицейского обвинения» (подозрения), пересмотра обвинительного тезиса с учетом данных показаний и т. д., в связи с чем для дознания предусмотрен более простой, одноэтапный механизм выдвижения уголовно-правовой претензии – вынесение в отношении подозреваемого обвинительного акта либо обвинительного постановления (ст. 225, 226.7 УПК РФ), как бы сочетающих, синтезирующих элементы и постановления о привлечении в качестве обвиняемого, и обвинительного заключения (исключение – ч. 3 ст. 224 УПК РФ).

По этим же причинам нельзя согласиться и с другим доводом сторонников ликвидации следственной процедуры привлечения в качестве обвиняемого – ее пониманием исключительно как акта публичного уголовного преследования, как одной из «реперных точек» осуществления уголовно-процессуальной функции обвинения.

Выводы

В завершение хочется еще раз обратить внимание, что автор настоящей статьи вовсе не ратует за безусловное сохранение института привлечения в качестве обвиняемого, по крайней мере в том виде, в котором он предусмотрен действующим уголовно-процессуальным законом. Не исключено, что в дальнейшем (возможно, даже в весьма обозримом будущем) ввиду ряда тенденций (к усилению процессуальной экономии, к удешевлению уголовного процесса и т. д.), Российской Федерации все же придется окончательно отказаться от сохранившихся до настоящего времени (к слову, достаточно «тяжелых» и затратных) элементов «французского» (следственного) варианта романо-германской модели досудебного производства, и по примеру Германии, Австрии и других европейских стран полностью перестроить систему предварительного расследования по «немецкому» (прокурорско-полицейскому) образцу, лишаящему процедуру привлечения в качестве обвиняемого какого-либо смысла. В таком случае останется лишь поддержать подобные правотворческие шаги, ну, а если повезет, даже принять посильное участие в подготовке соответствующих законопроектов.

В любом случае ясно одно – поднятые в настоящей статье проблемы могут быть окончательно разрешены лишь посредством четкого понимания учеными и законодателем перспектив дальнейшего развития всей системы уголовного судопроизводства в духе, соответствующем интересам российского общества и государства. Вообще любые реформы системы уголовного судопроизводства, в частности механизмов выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии, должны иметь не только законотворческий, а комплексный характер. При этом начинать их нужно не с внесения новой (какой по счету?) порции изменений и дополнений в УПК РФ, а с пересмотра государственной идеологии в отношении профессии следователя, с повышения уровня его профессионализма, правосознания, правопонимания, ответственности, то есть личностных качеств, столь необходимых для выполнения задач, стоящих перед уголовной юстицией [9, с. 95–96, 100].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под «немецким» вариантом романо-германской модели досудебного производства автор настоящей статьи условно понимает концепцию построения досудебного производства в ряде европейских государств (Германии, Австрии, Италии, Польше, Швейцарии и др.), предполагающую осуществление предварительного расследования правоохранительными органами полицейского типа (полицией) либо под прямым руководством прокурора, являющегося как бы «хозяином процесса» (*herr des ermittelungsverfahren*), либо в условиях сильной зависимости от его надзорных полномочий.

² Под «французским» вариантом романо-германской модели досудебного производства автор настоящей статьи условно понимает концепцию построения досудебного производства в ряде европейских государств (Франции, Испании, Бельгии, Греции и др.), основанную на «классической» концепции континентального уголовного процесса, возникшей во Франции на рубеже XVIII–XIX вв. и получившей нормативное закрепление в так называемом «Наполеоновском» кодексе – Кодексе уголовного следствия Французской империи 1808 г. (*Code D'instruction criminelle del'Empire Francais*). «Французский» вариант предполагает дифференциацию непроцессуального полицейского дознания и предварительного расследования, находящегося в ведении представителей судебной власти (судебных следователей, следственных судей и т. п.), обладающих юрисдикционными полномочиями.

³ Впервые возникнув во время известной судебной реформы Александра II, российская система досудебного производства в современном понимании этого феномена изначально имела достаточно высокую степень преемственности именно по отношению к «французскому» варианту романо-германской модели и заключалась в деятельности судебных следователей при содействии полиции, при наблюдении прокуроров и их товарищей (ст. 249 Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г.).

⁴ Как известно, в дореволюционный период под дознанием понималась непроцессуальная деятельность полиции, направленная на раскрытие преступлений, на установление и розыск потенциальных обвиняемых и осуществление иных подобных познавательных и обеспечительных мероприятий, в настоящее время относящихся к содержанию оперативно-розыскной и административной деятельности правоохранительных органов (отд. 2 гл. 1 разд. 2 Устава уголовного судопроизводства Российской империи). Однако революционные события 1917 г. и последующие за ними реформы правоохранительной системы обусловили постепенное превращение дознания в одну из форм предварительного расследования, в некую процессуальную альтернативу предварительному следствию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилов, Б. Я. 20 лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя / Б. Я. Гаврилов // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2021. – № 6. – С. 7–14.

2. Гаврилов, Б. Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению / Б. Я. Гаврилов // *Российский следователь*. – 2013. – № 21. – С. 5–11.

3. Кальницкий, В. В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды / В. В. Кальницкий. – Омск, 2016. – 200 с.

4. Ковтун, Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России / Н. Н. Ковтун // *Журнал российского права*. – 2019. – № 9. – С. 123–137.

5. Коновалов, С. Г. Процедура привлечения в качестве обвиняемого как конституционная гарантия прав человека / С. Г. Коновалов // *Научные труды Российской академии юридических наук*. – М. : Юрист, 2019. – С. 752–755.

6. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. – 2-е изд., исправл. – М. : Статут, 2017. – 1280 с.

7. Наумов, К. А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук / Кирилл Александрович Наумов. – Омск, 2021. – 209 с.

8. Россинский, С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств / С. Б. Россинский. – М. : Норма, 2021. – 408 с.

9. Россинский, С. Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) / С. Б. Россинский // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2016. – № 10. – С. 93–100.

REFERENCES

1. Gavrilov B.Ya. 20 let rossiyskomu ugotovno-processual'nomu zakonu: sootvetstvuet li on nauchnym vozzreniyam i trebovaniyam pravoprimenitelya [20 Years of the Russian Criminal Procedural Law: Does It Correspond to the Scientific Views and Requirements of the Law Enforcement Officer]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2021, no. 6, pp. 7-14.

2. Gavrilov B.Ya. Sovremennye problemy dosudebnogo proizvodstva i mery po ih razresheniyu

[Modern Problems of Pre-Trial Proceedings and Measures to Resolve Them]. *Rossiyskiy sledovatel* [Russian Investigator], 2013, no. 21, pp. 5-11.

3. Kalnitskiy V.V. *Voprosy teorii i praktiki ugolovnogo sudoproizvodstva: izbrannye trudy* [Questions of Theory and Practice of Criminal Proceedings. Selected Works]. Omsk, s.n., 2016. 200 p.

4. Kovtun N.N. Formirovanie gosudarstvennogo obvineniya kak samostoyatel'naya stadiya ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii [Formation of the Public Prosecution As an Independent Stage of Criminal Proceedings in Russia]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 9, pp. 123-137.

5. Konovalov S.G. Procedura privlecheniya v kachestve obvinyaemogo kak konstitucionnaya garantiya prav cheloveka [The Procedure for Bringing As a Defendant As a Constitutional Guarantee of Human Rights]. *Nauchnye trudy rossiyskoy akademii yuridicheskikh nauk* [Scientific Works of the Russian Academy of Legal Sciences]. Moscow, Yurist Publ., 2019, pp. 752-755.

6. Golovko L.V., ed. *Kurs ugolovnogo processa* [Course of Criminal Procedure]. Moscow, Statut Publ., 2017. 1280 p.

7. Naumov K.A. *Sushchnost' i postroenie dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom processe Rossii: dis. kand. yurid. nauk* [The Essence and Structure of Pre-Trial Proceedings in the Criminal Process of Russia. Cand. jurid. sci. diss.]. Omsk, s.n., 2021. 209 p.

8. Rossinskiy S.B. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnomu delu: sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv* [Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case: The Essence and Methods of Collecting Evidence]. Moscow, Norma Publ., 2021. 408 p.

9. Rossinskiy S.B. Kakim dolzhen byt' rossiyskiy sledovatel'? (k 25-letiyu Konceptii sudebnoy reformy RSFSR) [What Should a Russian Investigator Be Like? (To the 25th Anniversary of the Concept of Judicial Reform of the RSFSR)]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2016, no. 10, pp. 93-100.

Information About the Author

Sergey B. Rossinsky, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Chief Researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Znamenka St, 10, 119019 Moscow, Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук, ул. Знаменка, 10, 119019 г. Москва, Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.5>

UDC 339.5

LBC 65.428

Submitted: 28.08.2021

Accepted: 23.09.2021

THE FEATURES OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF CONSUMERS – PARTICIPANTS OF FOREIGN TRADE TURNOVER IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION¹

Olesya P. Kazachenok

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: digitalization has a serious impact on all spheres of life and affects the entire society. For entrepreneurs, it offers many new opportunities – from optimizing industrial production to developing completely new business models. The overall situation is changing rapidly, creating new challenges for the government and society. Consumers, as the weakest market participants, are particularly in need of protection, since they risk being unable to keep up with the rapid pace of business operations. Globalization amplifies these effects: in particular, online commerce benefits from cross-border digital markets. This has led to the emergence of corporations that dominate the markets of different countries. Individual consumers who want to defend their rights face the combined resources of corporations. Thus, consumer protection is a global problem. The **purpose** of the study: the consideration of the special features of protecting the rights of consumers – participants in foreign trade turnover using digital technologies. **Methods:** dialectical, system, logical, analysis, synthesis. The **results** of the study: the mechanisms for the effective protection of consumer rights are investigated. **Conclusions:** the author justifies the implementation of a set of measures and the creation of a regulatory framework that will expand the rights and opportunities of consumers at the international level and allow settling disputes and compensating for harm. According to the author, modern consumer protection is necessary to ensure a balance of interests of the market participants and to ensure that all participants – from multinational corporations to end consumers – benefit from digitalization, which consists in eliminating the risks of digitalization, using its opportunities and taking into account the interests of all participants.

Key words: digitalization, digital technologies, internet technologies, consumer rights protection, international disputes, foreign economic turnover.

Citation. Kazachenok O.P. The Features of Protection of the Rights of Consumers – Participants of Foreign Trade Turnover in the Context of Digitalization. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 41-46. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.5>

УДК 339.5

ББК 65.428

Дата поступления статьи: 28.08.2021

Дата принятия статьи: 23.09.2021

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ – УЧАСТНИКОВ ВНЕШНЕТОРГОВОГО ОБОРОТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹

Олеся Павловна Казаченок

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: цифровизация оказывает серьезное влияние на все сферы жизни и затрагивает все общество. Для предпринимателей она становится источником новых возможностей – от оптимизации промышленного производства до разработки совершенно новых бизнес-моделей. Общая ситуация в мире быстро меняется, порождая новые вызовы для правительства и общества. Потребители, как самые слабые участники рынка, особенно нуждаются в защите, поскольку они рискуют оказаться не в состоянии поспевать за быстрыми темпами деловых операций. Глобализация усиливает эти эффекты: в частности, онлайн-торговля выигрывает от трансграничных цифровых рынков. Это привело к появлению корпораций, которые доминируют на рынках разных стран. Отдельные потребители, желающие отстаивать свои права, сталкиваются с объединенными

ресурсами корпораций. Таким образом, защита потребителей – это глобальная проблема. **Цель:** рассмотреть особенности защиты прав потребителей – участников внешнеторгового оборота с использованием цифровых технологий. **Методы:** диалектический, системный, логический, также был применен анализ и синтез. **Результаты:** исследованы механизмы для эффективного отстаивания прав потребителей. **Выводы:** обосновано проведение комплекса мероприятий и создание нормативно-правовой базы, которая расширит права и возможности потребителей на международном уровне, позволит урегулировать возникшие споры и возместить вред. По мнению автора, современная защита потребителей необходима для обеспечения баланса интересов участников рынка и для того, чтобы все участники – от транснациональных корпораций до конечных потребителей – получали выгоду от цифровизации, заключающуюся в устранении рисков и использовании ее возможностей, учитывая интересы всех участников.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, интернет-технологии, защита прав потребителей, международные споры, внешнеэкономический оборот.

Цитирование. Казаченок О. П. Особенности защиты прав потребителей – участников внешнеторгового оборота в условиях цифровизации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 41–46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.5>

Введение

Цифровая экономика может многое предложить потребителям. Оцифровка обеспечила легкий доступ к получению расширенного набора услуг, удобную моментальную оплату и возможность совершения покупок в любое удобное время. Все это стало возможным благодаря быстрому развитию Интернета, смартфонов и других технологий. Но по мере роста цифровизация также создает проблемы, связанные с защитой прав потребителей. В некоторых государствах существуют специальные законы, регулирующие данную сферу. Несмотря на то, что у потребителей есть некоторые основные права (о которых они не всегда знают), на сегодняшний день по-прежнему стоит задача создать цифровой мир, которому они смогут доверять. Осведомленный потребитель лучше защищен. Компании, которые работают над повышением их осведомленности, не только укрепляют доверие последних, но и развивают сильный капитал бренда, ведущий к расширению бизнеса.

В процессе текущего перехода страны на новый промышленный и технологический уклад и в связи с цифровизацией экономики происходит обострение проблемы социального неравенства, вследствие чего необходимо обеспечить защиту прав потребителей от возникающих рисков, учитывая при этом их интересы.

В условиях активного развития цифровых технологий особую важность приобретает совершенствование системы защиты прав по-

требителей в сфере внешнеторгового оборота, при этом в данном контексте важную роль играет развитие цифровой грамотности населения. Совершенствование защиты прав потребителей в условиях новых реалий цифрового мира на национальном и общемировом уровнях – одно из ведущих направлений работы Роспотребнадзора. Данный вопрос регулярно обсуждается на таких крупных международных площадках, как Конференция ООН по торговле и развитию и Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР).

Активное развитие цифровых технологий влияет на все сферы жизни современного общества [2, с. 52]. Особую значимость такие технологии приобретают в связи с появлением огромных возможностей, которые предоставляет современная цифровая экономика [4]. Их использование нацелено на повышение уровня доступности различных категорий услуг и товаров для потребителя, а для организаций и предприятий это открывает возможности расширения торговли, увеличения клиентов и позволяет значительно повысить свою узнаваемость на рынке товаров и услуг.

Процесс цифровизации способствует развитию экономики на мировом и национальном уровнях, в связи с этим особенно актуальным становится обеспечение защиты прав потребителей в современном цифровом обществе [5; 6].

Безусловно, в совершенствовании нормативно-правового регулирования отношений в

сфере правоприменения при возникновении споров между организациями и потребителями особое значение приобретают международные контакты, так как исключительно общими усилиями могут быть преодолены возникающие проблемы в исследуемой области.

Защита прав потребителей – участников внешнеторгового оборота с использованием цифровых технологий

Проводимые исследования констатируют динамичный рост электронной торговли между потребителями и коммерческими организациями [3, с. 99], что вызывает повышенный интерес законодателя к механизмам обеспечения защиты прав потребителей на цифровом рынке.

Среди проблем защиты прав потребителей, вызванных ростом использования электронных торговых площадок, выделяются: защита персональных данных потребителей, безопасность онлайн-платежей, составление согласованных на международном уровне правил контроля за исполнением контрактов, заключенных при помощи блокчейн-технологий и др. [2, с. 51]. В Рекомендациях ОЭСР по защите прав потребителей в электронной коммерции 2016 г. определены основные стандарты с учетом специфики цифрового контента, а также стандарты защиты платежей [1]. Кроме того, этот документ адресован в том числе и электронным торговым площадкам.

По мнению А.А. Коваль и А.Д. Левашенко, наиболее действенным механизмом защиты прав потребителей в сфере электронной торговли является разработка руководств для провайдеров услуг. В этом плане примечателен опыт Австралии, где в целях предотвращения незаконной торговли необходимым является прохождение процедуры идентификации и верификации продавца [3, с. 101].

Интересна практика Евросоюза, создавшего ассоциацию «Ecommerce Europe», объединяющую организации онлайн-торговли.

Как справедливо подчеркивают исследователи, необходимо усовершенствовать нормативно-правовую базу, которая обеспечивала бы защиту прав потребителей, а также разработать мероприятия в форме сотрудничества, организовать проведение специальных

расследований, способствовать разрешению возникающих споров между потребителями и организациями.

На международном уровне следует в первую очередь отметить принципы Организации Объединенных Наций, которые разработаны с целью обеспечения защиты прав потребителей. Кроме того, в данном документе содержится указание, которое заключается в том, чтобы государства, являющиеся членами ООН, разработали единую политику в сфере защиты прав потребителей. Важно, что интересы последних не должны противоречить специфическим особенностям международной торговли в цифровой плоскости.

Необходимо обратить внимание на то, что законодательство в сфере защиты прав потребителей на международном уровне должно применяться одинаково для разных видов торговли. К примеру, рассматривая интернет-платформы, следует сказать о том, что они выполняют роль торговой площадки. При использовании такой модели платформы не требуется финансирование на дополнительные услуги: обслуживание потребителя, затраты на логистику и др.

В целом такие платформы в настоящее время активно используются участниками электронной торговли, набирают огромную популярность среди потребителей. Соответственно, на практике возникают некоторые проблемы (например, потребитель был введен в заблуждение в части условий). В данном случае права потребителя не являются полностью защищенными.

С учетом сложившихся тенденций на рынке становится очевидным необходимость законодательного регулирования ответственности торгового посредника.

Европейским Союзом создана система сбора, обработки и использования персональных данных потребителей, а также тех, кто с помощью интернет-технологий продает свои товары и услуги в Европейском Союзе.

В рамках международных дней интернет-рейдов Европейской комиссии проходит поиск подозрительных веб-страниц, электронных площадок, которые вводят в заблуждение потребителей. Благодаря работе таких структур выявляются мошеннические схемы,

к участникам которых применяются определенные санкции. Такая форма работы используется более чем в 30 странах мира. К примеру, Европейская комиссия регулярно проводит рейды для выявления нарушений, связанных с ценообразованием на рынке торговли, в результате которых регулярно выявляются нарушители, на которых налагаются штрафы, серьезные взыскания, кроме того, их обязуют прекратить свою деятельность или у них отзывают лицензию.

Наложение санкций является способом защищать права потребителей и обеспечивать профилактику правонарушений. Так, наиболее часто за подобные нарушения применяется штраф и происходит закрытие веб-сайта.

В принципах ООН указано, что международное сотрудничество должно быть построено на основе добровольного взаимодействия между государствами-членами. В то же время следует подчеркнуть важность создания крупных международных структур по правоприменению, которые позволят обеспечить соблюдение международных обязательств в сфере защиты прав потребителей.

Одной из актуальных проблем в области урегулирования таких споров является обеспечение исполнимости решений. Особую сложность на практике вызывает неопределенность законодателя в вопросе, должны ли интернет-платформы принимать участие в разрешении спора, который возник в результате заключения сделки на данной платформе.

Такой совместный подход в форме международного диалога эффективен для усиления защиты прав потребителей во всем мире и реализуется по следующим направлениям:

1. Выработка общего понимания проблем, связанных с защитой прав потребителей, например в сферах бизнеса, цифровых платформ, защиты данных и регулирования новых бизнес-моделей и основных участников рынка. Решение указанных проблем заложит основу для корректировки национальных систем защиты прав потребителей.

2. Использование цифровых возможностей – вторая приоритетная область, включающая разработку инновационных идей и методов для обеспечения соблюдения закона о защите прав потребителей с помощью новых технологий. В данном случае речь идет в пер-

вую очередь о создании электронных судов (электронные залы судебных заседаний) и системы разрешения споров в онлайн-режиме. В перспективах оказывается создание специального приложения с поддержкой алгоритмов, которые могут оценивать и объединять запросы потребителей.

3. Укрепление международного сотрудничества – третье приоритетное направление, заключающееся в улучшении сотрудничества между странами-партнерами с использованием механизмов, разрешающих трансграничные конфликты потребителей, что позволит увеличить эффективность сотрудничества в международных комитетах, например на Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД).

Заключение

Проблемы, возникающие в процессе цифровизации, в настоящее время требуют глобального решения на международном уровне. Актуальность данные вопросы приобрели в связи с использованием цифровых платформ на мировом рынке, которые стремительно набирают популярность. Электронные площадки торговых компаний в настоящее время уверенно демонстрируют свои преимущества и выгоды для потребителей, о чем свидетельствует динамика роста их использования. В то же время возникает проблема защиты потребителей, использующих онлайн-платформы.

Таким образом, современное законодательство о защите прав потребителей необходимо адаптировать к происходящим процессам в эпоху цифровой экономики и появления новых бизнес-моделей.

Поскольку использование цифровых платформ имеет глобальный характер, острую необходимость получает потребность в тесных международных контактах и разработка единых позиций относительно сферы электронной коммерции.

Проведение комплекса мероприятий, направленных на защиту прав потребителей, позволит создать условия, противодействующие мошенническим схемам и способствующие повышению доверия к использованию цифровых технологий у различных категорий

потребителей. Наиболее эффективным инструментом по борьбе с возникающими нарушениями может стать, помимо принятия специальных нормативных актов, комплекс мероприятий, интернет-рейдов, а также создание специализированных органов, защищающих права потребителей на международном уровне, наложение санкций по результатам проведенных международных расследований.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект «Приоритеты правового развития цифровых технологий внешнеторговой деятельности в условиях международной экономической интеграции» № 18-29-16132.

The study was carried out with financial support of the Russian Foundation for Fundamental Research (RFBR), the project “Priorities for the legal development of digital technologies of foreign trade in the context of international economic integration” No. 18-29-16132.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный доклад Роспотребнадзора «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2019 году». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=14932 (дата обращения: 05.04.2021). – Загл. с экрана.

2. Казаченок, О. П. Перспективы применения криптовалюты в международных торговых расчетах / О. П. Казаченок // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 2. – С. 50–54.

3. Коваль, А. А. Защита потребителей в электронной торговле / А. А. Коваль, А. Д. Левашенко // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 7. – С. 99–104.

4. Матыцин, Д. Е. Защита прав участников краудфандинга как электронно-цифрового способа привлечения инвестиций / Д. Е. Матыцин // Право и управление. XXI век. – 2020. – № 2 (55). – С. 76–82. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2020-2-55-76-82>.

5. Основные тренды развития цифровой экономики в финансовой сфере. Правовые аспекты регулирования и практического применения. – М. : Издание Государственной Думы, 2019. – 160 с.

6. Укрепление защиты прав потребителей и усиление конкуренции в цифровой экономике // Восьмая Конференция ООН по рассмотрению

всех аспектов Комплекса согласованных на многосторонней основе справедливых принципов и правил для контроля за ограничительной деловой практикой (Женева, 19–23 октября 2020 г.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/tdrbpconf9d4_ru.pdf (дата обращения: 21.03.2021). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. *Gosudarstvennyj doklad Rospotrebnadzora «Zashhita prav potrebitelej v Rossijskoj Federacii v 2019 godu»* [State Report of Rospotrebnadzor “Protection of Consumer Rights in the Russian Federation in 2019”]. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=14932 (accessed 5 April 2021).

2. Kazachenok O.P. Perspektivy primeneniya kriptovaljuty v mezhdunarodnyh torgovyh raschetah [Prospects for the Use of Cryptocurrency in International Trade Settlements]. *Evrazijskaja advokatura* [Eurasian Advocacy], 2020, no. 2, pp. 50-54.

3. Koval A.A. Zashhita potrebitelej v jelektronnoj torgovle [Consumer Protection in E-Commerce]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2018, no. 7, pp. 99-104.

4. Matytsin D.E. Zashhita prav uchastnikov kraudfandinga kak jelektronno-cifrovogo sposoba privilechenija investicii [Protecting the Rights of Crowdfunding Participants As an Electronic Digital Way of Attracting Investments]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Journal of Law and Administration], 2020, no. 2 (55), pp. 76-82. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2020-2-55-76-82>.

5. *Osnovnye trendy razvitija cifrovoj ekonomiki v finansovoj sfere. Pravovye aspekty regulirovanija i prakticheskogo primeneniya* [The Main Trends in the Development of the Digital Economy in the Financial Sector. Legal Aspects of Regulation and Practical Application]. Moscow, Izdaniye Gosudarstvennoy Dumy, 2019. 160 p.

6. Ukreplenie zashhity prav potrebitelej i usilenie konkurencii v cifrovoj ekonomike [Strengthening Consumer Protection and Increasing Competition in the Digital Economy]. *Vosmaja Konferencija OON po rassmotreniju vseh aspektov Kompleksa soglasovannyh na mnogostoronnej osnoves pravedlivyh principov i pravil dlja kontrolja za ogranichitelnoj delovoj praktikoj (Zheneva, 19–23 oktjabrja 2020 g.)* [The Eighth UN Review Conference on Aspects of the Set of Multilaterally Agreed Equitable Principles and Rules to Monitor Restrictive Business Practices (Geneva, October 19–23, 2020)]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdrbpconf9d4_ru.pdf (accessed 21 March 2021).

Information About the Author

Olesya P. Kazachenok, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9675-367X>

Информация об авторе

Олеся Павловна Казаченок, кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9675-367X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.6>

UDC 347.918.2
LBC 67.410

Submitted: 06.07.2021
Accepted: 01.09.2021

THE COMPARATIVE LAW RESEARCH OF REMISSION IN ARBITRATION¹

Ekaterina P. Rusakova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Viktor V. Zaitsev

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the institute of remission has only received significant development since 2016 with the adoption of the arbitration reform and the introduction of appropriate changes concerning remission. To date, the legal framework for the procedure for the return of the state court in case of finding serious shortcomings of the arbitration decision has not been fully formed. The **purpose** of the study: to analyze the remission in the arbitration court after the state court has returned the arbitration decision to correct significant shortcomings. **Relevance:** the importance and relevance of the work are since the regulations of Russian arbitration institutions do not have provisions on remission. The regulations of foreign arbitration institutions only contain a reference to remission, but do not disclose in detail the conduct of this procedure. At the same time, the institute of remission plays a significant role in arbitration proceedings. The number of applications to this procedure in foreign countries, as well as the beginning of its development in Russia, emphasizes the need and relevance of the study. **Methods:** in the paper, the research methodology includes the general scientific methods of cognition, specific scientific methods, and special legal methods, the comparative method of analyzing the rules of arbitration institutions is used, and the systematic method is used to determine the formation of the former composition of the arbitration or the new one. **Results:** the rules of the relevant arbitration institution should be considered as the applicable rules for remission. As a general rule, remitted issues are considered by the same panel of arbitrators that previously made the relevant award. The validity of the arbitrators' mandate depends on the relationship between the remitted issues and the arbitration decision. The arbitration refusal of remission must be justified. Based on the results of remission, a new decision or an additional one may be made. **Conclusions:** the institution of remission is important, as it allows you to effectively and quickly correct significant shortcomings while avoiding the cancellation of the arbitration decision, and preserve the partnership of the parties. Based on the analysis and the conclusions drawn, the authors' own rules are formulated, which can be included in the rules of arbitration institutions.

Key words: remission, return of the arbitral award to the arbitral tribunal, arbitration panel, essential deficiencies, the mandate of the arbitrator.

Citation. Rusakova E.P., Zaitsev V.V. The Comparative Law Research of Remission in Arbitration. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 47-57. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.6>

УДК 347.918.2
ББК 67.410

Дата поступления статьи: 06.07.2021
Дата принятия статьи: 01.09.2021

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕМИССИИ В АРБИТРАЖЕ¹

Екатерина Петровна Русакова

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Виктор Васильевич Зайцев

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Введение: существенное развитие институт ремиссии получил только в 2016 г. после принятия третейской реформы и внесения соответствующих изменений в отношении ремиссии. На сегодняшний день не до

конца сформирована правовая база процедуры возвращения решения арбитража государственным судом в случае обнаружения серьезных недостатков. **Цель исследования:** анализ проведения ремиссии в третейском суде после того, как государственный суд вернул решение арбитража для исправления существенных недостатков. **Актуальность:** важность и актуальность данной работы вызвана тем, что регламенты российских арбитражных учреждений не имеют положений о ремиссии. Регламенты иностранных арбитражных учреждений содержат лишь упоминание о ремиссии, но не раскрывают подробно проведение данной процедуры. При этом институт ремиссии играет существенную роль в третейском разбирательстве. Количество обращений к данной процедуре в зарубежных странах, а также начало ее развития в России подчеркивает необходимость и актуальность исследования. **Методология:** в настоящей статье методология исследования включает в себя обще- и частнонаучные, а также специально-юридические методы, применяется сравнительный метод анализа регламентов арбитражных учреждений, системный метод используется при определении вопроса формирования прежнего состава арбитража или нового. **Результаты:** в качестве применимых правил к ремиссии следует рассматривать правила соответствующего арбитражного учреждения. По общему правилу ремитированные вопросы рассматривает тот же состав арбитров, который ранее вынес соответствующее арбитражное решение. Действие мандата арбитров зависит от взаимосвязи ремитированных вопросов и решения арбитража. Отказ арбитража от ремиссии должен быть обоснован. По результатам ремиссии может быть принято новое или дополнительное решение. **Выводы:** институт ремиссии представляет важное значение, так как позволяет эффективно и быстро исправить существенные недостатки, избежав при этом отмену решения арбитража, и сохранить партнерство сторон. На основе анализа и сделанных выводов сформулированы собственные правила, которые могут быть включены в регламенты арбитражных учреждений.

Ключевые слова: ремиссия, возвращение решения арбитража третейскому суду, состав арбитража, существенные недостатки, мандат арбитров.

Цитирование. Русакова Е. П., Зайцев В. В. Сравнительно-правовое исследование ремиссии в арбитраже // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 47–57. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.6>

Введение

В России институт ремиссии появился в 1993 г. после принятия Закона о МКА [4]. Положение, регламентирующее процедуру ремиссии, было закреплено в п. 4 ст. 34 Закона о МКА. Наиболее известен данный институт в англо-американской системе права. В ст. 8 Закона о судопроизводстве в судах общего права Англии 1854 г. впервые появилось положение о ремиссии [20]. Позже ремиссия получила свое развитие и в континентальной системе права.

Ремиссия (от лат. *Remissio* – «обратная отправка») представляет собой особую процедуру, в которой осуществляется взаимодействие государственного и третейского суда. Процедура заключается в обнаружении государственным судом существенных недостатков арбитражного решения и возможности возратить / ремитировать (от лат. *Remittere*) решение третейскому суду. В свою очередь третейский суд возобновляет арбитраж и исправляет ошибки [1]. Использование такой терминологии позволяет точно определить данное явление, именно данный термин сле-

дует применять как общепринятый. При этом следует отметить, что в российской судебной практике он практически не встречается, чаще употребляется формулировка «возобновление третейским судом разбирательства».

В России ремиссия не получила эффективного применения на практике и существенного теоретического развития. До 2016 г. стороны третейского суда и государственные суды редко прибегали к процедуре ремиссии. Ситуация изменилась после вступления в силу положений о ремиссии 1 сентября 2016 года. Были закреплены положения, регламентирующие процедуру ремиссии, а именно ч. 5 ст. 420, ч. 8 ст. 425 ГПК РФ; ч. 5 ст. 232 и ч. 8 ст. 238 АПК РФ; ч. 6 ст. 37 ФЗ № 382 [10].

В качестве научных работ можно отметить работы С.А. Курочкина, в которых некоторые разделы затрагивают институт ремиссии [5] и научную статью Д.А. Андреева, в которой кратко, но очень точно, освещены все имеющиеся проблемы института ремиссии в арбитраже. Д.А. Андреев приводит статистические данные, согласно которым с момента проведения реформы в 2016 г. как минимум 10 дел суды общей юрисдикции и арбитраж-

ные суды согласились ремитировать. В пяти делах были исправлены дефекты, обозначенные государственным судом, а главное удалось избежать отмены арбитражного решения (среди таких дел: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.02.2018 N Ф09-652/18 по делу N А07-1154/2017; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.04.2018 N Ф09-1508/18 по делу N А71-22793/2017; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.03.2019 N Ф05-1689/2019 по делу N А40-203696/18).

Теоретической и методологической основой исследования послужило законодательство Российской Федерации, арбитражные регламенты арбитражных учреждений, труды отечественных и иностранных ученых, материалы научных конференций. Методология исследования включает в себя общенаучные методы познания (диалектический, формально-логический), частнонаучные методы (исторический, этнографический, антропосоциологический, статистический) и специально-юридические методы (юридико-догматический и сравнительно-правовой). Теоретико-методологическая составляющая исследования представлена трудами отечественных и иностранных авторов – С.А. Курочкин [5], Д.А. Андреев, Г.В. Севастьянов, И.В. Решетников [7], Beata Gessel-Kalinowska vel Kalisz [15].

Из общенаучных методов следует выделить наиболее важные, а именно, диалектический и логический.

Использование первого из них вызвано характером объекта и предмета исследования, который требует изучения проблематики исследования как реально существующих, в их постоянном развитии и взаимосвязи с другими явлениями, процессами, закономерностями и т. д., такими как взаимодействие государственного суда и арбитража, влияние ремиссии на отмену решений арбитража.

Логический метод обеспечит обоснованность, достоверность и непротиворечивость выводов, сформулированных в результате исследования.

Использование частнонаучных методов:

1. Системный метод (предполагающий акцент на взаимодействии явлений, их единстве и взаимосвязях, и целостности) – будет использован, например, при определении вопроса фор-

мировании прежнего состава арбитража или нового. Системные аспекты были сформулированы на основе трудов Beata Gessel-Kalinowska vel Kalisz [15], В.В. Хвалей [11].

2. Структурно-функциональный метод (предполагающий определение места, роли и функций каждого элемента изучаемой системы) – важен при определении роли ремиссии. Также при анализе процедуры проведения ремиссии. Структурно-функциональную основу исследования составили работы авторов – С.А. Курочкина, С.А. Абесадзе [6] и Д.А. Андреева.

3. Социологический метод (предполагающий установление связей государства и права с иными социальными явлениями) – будет использован при объяснении того, почему важен институт ремиссии для сторон спора. При анализе социологических аспектов основу исследования составили работы авторов – Н.А. Чудиновская, О.Ю. Скворцов [6].

Институт ремиссии соответствует духу третейского разбирательства, выступает инструментом эффективного исполнения решения арбитража. Благодаря ремиссии у сторон есть возможность сэкономить время и собственные расходы. Одним из важных значений является избежание отмены решения арбитража. В случае отмены решения арбитража сторонам придется заново пройти все стадии разбирательства, что несомненно скажется на экономической составляющей контрагентов. Исходя из этого, ремиссия должна получить широкомасштабное применение в третейском разбирательстве.

Ремиссию можно рассматривать в двух основных аспектах: процедура ремиссии в государственном суде и ремиссия в арбитраже. В данной работе предлагается уделить внимание второму блоку – проведение процедуры ремиссии в арбитраже. Актуальность данного исследования вызвана тем, что ни российское законодательство, ни регламенты третейских судов не содержат положений о том, каким образом арбитраж может рассматривать ремитированные вопросы, исправлять дефекты арбитражного решения. Главное значение института ремиссии заключается в возможности избежать отмены арбитражного решения. Вышеназванные причины, а также практическое отсутствие нормативной базы

о том, как арбитраж должен или может рассматривать ремитированные вопросы и исправлять ошибки решения, создает необходимость написания данной работы.

Исследование

1. Правила применения процедуры ремиссии

Российские постоянные арбитражные учреждения не имеют положений, регламентирующих, каким образом арбитраж должен рассматривать ремитированные вопросы и исправлять ошибки. В связи с этим необходимо обратиться к опыту иностранных арбитражей. Для начала следует рассмотреть правила Международной торговой палаты, где впервые в 2012 г. были приняты специальные правила о ремиссии. Согласно п. 1 ст. 36 Арбитражного регламента Международной торговой палаты [3] состав третейского суда вправе по своей инициативе исправить допущенные в арбитражном решении описки, ошибки в подсчетах или опечатки либо иные ошибки аналогичного характера (далее по тексту предлагается использовать обобщающее название «дефекты» как серьезные недостатки, позволяющие государственному суду вернуть решения арбитража третейскому суду), с условием, что такие исправления будут направлены суду для их одобрения в течение 30 дней с даты вынесения решения арбитража.

Что касается сторон, то в соответствии с п. 2 этой же статьи стороны вправе обратиться с ходатайством в Секретариат об исправлении дефектов, которые были упомянуты в п. 1, в течение 30 дней с даты получения решения арбитража в количестве экземпляров, которые указаны в п. 1 ст. 3 Арбитражного регламента Международной торговой палаты. Секретариат передает ходатайства составу арбитража, которые предоставляются стороной в срок 30 дней для дачи комментариев. Составом арбитража может быть установлен иной срок. После истечения срока предоставления комментариев арбитраж должен направить проект своего решения по ходатайству в суд. Аналогичная процедура применяется, если сторона обратилась с ходатайством о толковании решения арбитра-

жа. Решение об исправлении или толковании арбитражного решения оформляется как дополнение и является частью арбитражного решения.

При этом важно отметить, что данные положения регулируют только процедуру исправления дефектов и толкование решения арбитража. Институт ремиссии урегулирован в п. 4 ст. 36 Арбитражного регламента МТП. Важно также обратить внимание на название самой статьи, в которой перечислено две процедуры, то есть пп. 1–3 ст. 36 Арбитражного регламента МТП регулируют процедуру исправления дефектов и толкование решения арбитража, а п. 4 ст. 36 этого же документа регламентирует процедуру ремиссии. В таком случае содержится лишь упоминание о процедуре ремиссии без подробной регламентации о том, как состав арбитража должен рассматривать ремитированные вопросы.

Арбитражный регламент Бельгийского центра арбитража и посредничества (далее – CEPANI) [12] содержит такую же структуру статьи, то есть вначале содержатся положения об исправлении дефектов и толковании решения арбитража, а затем процедура ремиссии. Арбитражный регламент CEPANI не отличается от Арбитражного регламента МТП, в п. 8 ст. 36 Арбитражного регламента CEPANI все также содержится лишь упоминание о ремиссии без подробного разъяснения о том, как должны быть рассмотрены арбитрами ремитированные вопросы. Данное положение о ремиссии появилось в 2013 г. (п. 6 ст. 33 CEPANI Arbitration Rules (2013)). Арбитражный регламент CEPANI от 2020 г. был дополнен п. 10 ст. 36, согласно которому, если не представляется возможным восстановить прежний состав арбитров, он будет восстановлен в соответствии со ст. 17 Арбитражного регламента CEPANI. Из данного пункта можно сделать вывод о том, что ремитированные вопросы должен рассматривать тот же состав арбитража, который первоначально рассматривал спор, однако об этом позже. В результате Арбитражный регламент CEPANI также содержит лишь упоминание о ремиссии.

В Арбитражном регламенте Венского международного арбитражного центра (далее – VIAC) [2] встречается немного другая

конструкция, которая отличается тем, что рассматриваемые нами выше процедуры, а именно исправление дефектов, толкование и ремиссия содержатся в разных статьях. Вопросы исправления регламентированы ст. 39 Арбитражного регламента VIAC, а вопросы ремиссии – ст. 40 Арбитражного регламента VIAC. Последняя ничем не отличается от рассмотренных выше положений двух разных арбитражных учреждений, здесь все также содержится лишь упоминание о ремиссии.

Арбитражные регламенты / правила других иностранных постоянных арбитражных учреждений не имеют положений о проведении процедуры ремиссии. Регламенты российских постоянных арбитражных учреждений также не имеют регламентации процедуры ремиссии. При этом в Регламенте Арбитражного центра при РСПП [8] содержится ст. 60 Возобновление полномочий арбитров, которую можно принять за ремиссию, однако это не так. В данном случае словосочетание «возобновление полномочий арбитров» употребляется как обобщающее название процедуры исправления дефектов (ст. 61 Регламента), принятия дополнительного решения (ст. 62 Регламента), разъяснения решения (ст. 63 Регламента). В связи с этим в Регламенте Арбитражного центра при РСПП также не содержится положений о ремиссии.

Несмотря на то, что в регламентах иностранных арбитражных учреждений содержится лишь упоминание о ремиссии и отсутствует процедура рассмотрения ремитированных вопросов арбитрами, представляется возможным вывести общие правила для ремиссии, а именно:

- суд оказывает содействие в соблюдении условий, которые могут быть определены сторонами, возвращения составу арбитража ремитированных вопросов;
- Секретариат постоянно действующего арбитражного учреждения оказывает содействие составу арбитража исполнить все требования решения суда;
- суд может установить аванс на покрытие любых дополнительных расходов и гонораров состава арбитража, а также дополнительных административных расходов третейского суда;
- при возобновлении арбитражного разбирательства применяются те же самые пра-

вила того же самого регламента, насколько это возможно для ремитированных вопросов;

– ремитированные вопросы должен рассматривать тот состав арбитров, который ранее разрешал данный спор и выносил по нему решение;

– арбитраж по результатам ремиссии может вынести либо новое арбитражное решение, либо дополнение к предыдущему решению.

Таким образом, в настоящее время в мировой практике имеется лишь упоминание о процедуре ремиссии в арбитражных регламентах [9]. В российских регламентах третейских судов не содержится каких-либо положений о ремиссии. При этом можно говорить о сформировавшихся общих правилах, которые могут стать отправной точкой для дальнейшего развития института ремиссии и формирование этих общих правил как принципов ремиссии. В качестве применимых к ремиссии правил следует рассматривать правила соответствующего арбитражного учреждения. Если арбитражный регламент не содержит положений о ремиссии, следует рекомендовать сторонам использовать положения о ремиссии других арбитражей как наилучшую практику.

2. Возвращение решения арбитража: состав арбитража, мандат арбитров, отказ от ремиссии

При возвращении решения арбитража государственным судом третейскому суду немаловажным вопросом является состав арбитража, который должен будет рассмотреть ремитированные вопросы и исправить имеющиеся дефекты. Возможны следующие варианты:

– рассмотрение тем же составом арбитров, который ранее вынес соответствующее арбитражное решение;

– рассмотрение новым составом;

– комбинированный вариант – частичная замена прежнего состава новыми арбитрами.

Вероятнее всего, наиболее верным вариантом является первый, так как состав арбитража уже ранее был знаком с данным делом, разрешал спор и выносил решение, следовательно, соблюдается критерий экономии времени и средств. При этом не стоит забывать о том, что арбитр рассматривает не одно дело в год, более того он может заниматься

частной практикой или работать в юридической фирме. В связи с этим необходимо поставить данный тезис под сомнение, так как возможно тому же составу, который ранее рассматривал дело, понадобится затратить аналогичное время, которое бы понадобилось новому составу арбитража. Также данный вариант нельзя признать универсальным, так как дефект может заключаться в нарушении порядка формирования состава арбитража, его беспристрастности и независимости, в таком случае рассмотреть ремитированные вопросы в прежнем составе не представляется возможным [14]. Важно учитывать, что при исправлении дефектов в том же составе возможно поставить арбитров в неловкое положение. С одной стороны есть вероятность того, что арбитр может быть небеспристрастным, так как не захочет признавать ошибки в собственном решении, с другой – появится риск отмены решения арбитража, что может повлиять на профессиональную репутацию арбитра.

Российская доктрина полагает, что, если ремитированные вопросы не могут быть рассмотрены в прежнем составе, а значит необходим новый состав арбитража, то процедура ремиссии нецелесообразна. Решение арбитража следует отменить, а сторонам повторно обратиться в арбитраж за разрешением спора. Нецелесообразной в данном случае ремиссия признается по обстоятельствам несоответствия критерию времени и расходов, то есть сторонам потребуется время на поиск новых арбитров, а арбитрам на ознакомление с делом [5]. Однако хочется отметить, что аналогичное время может быть потрачено, если дело будет рассматриваться тем же составом, так как арбитры могут не иметь возможности оперативно рассмотреть ремитированные вопросы в силу имеющейся загруженности. На практике известен только один случай рассмотрения ремитированных вопросов новым составом арбитража [17].

Предлагается также комбинированный вариант, когда дело было рассмотрено, например, в составе трех арбитров, из которых один никак не может принять участие в исправлении дефектов, тогда арбитр будет заменен. В данном вопросе требуется в первую очередь согласованность сторон, а во вторую соответствие критерию экономии времени и расходов.

В качестве примера предлагается рассмотреть п. 10 ст. 36 Арбитражного регламента CEPANI, из которого следует, что исправлять дефекты должен тот состав, который разрешал спор и выносил решение. В том случае, если невозможно рассмотреть ремитированные вопросы в том же составе, состав арбитража формируется в соответствии со ст. 17 Арбитражного регламента CEPANI. В п. 1 данной статьи в случае смерти арбитра, принятии отвода, отзыва арбитра или просьбы сторон арбитр будет заменен. Также он может быть заменен, если Комитет по назначениям или председатель посчитают, что он не может исполнять свои обязанности в соответствии с регламентом и в заданные сроки. По новому арбитру стороны могут представить свои замечания. Решение по назначению принимает Комитет по назначениям либо председатель. Таким образом, заслуга Бельгийского центра арбитража и посредничества в том, что в их регламенте предусмотрена и регламентирована процедура формирования состава арбитража при проведении процедуры ремиссии.

Определяющей в вопросе о составе третейского суда должна быть воля сторон. Рассмотренные выше варианты могут иметь как положительные, так и отрицательные аспекты, поэтому рассмотрение вопросов и исправление дефектов новым, прежним или комбинированным составом должно во много определяться сторонами. При этом необходимо предусмотреть и роль государственного суда, за которым должно быть закреплено окончательное право по решению вопроса о составе арбитража на случай недобросовестности сторон.

Необходимо также рассмотреть вопрос о пределах действия мандата арбитров при ремиссии. Предлагается выделить 2 возможных варианта:

- 1) мандат арбитров действует только по тем вопросам, по которым необходимо исправить дефекты;
- 2) мандат арбитров действует на все решение арбитража.

В данном случае значительная роль отводится государственному суду, который возвращает решение арбитража. Суд в своем же решении указывает, где именно и по каким

вопросам необходимо внести изменения, таким образом обозначая действие мандата арбитров [16]. При этом следует учитывать взаимосвязь отдельных вопросов. Например, государственный суд приходит к выводу о том, что арбитры ненадлежащим образом рассмотрели вопрос о заключении договора поставки, помимо этого в решении арбитража имеется пункт об убытках, причиненных данным договором. В связи с этим мандат арбитров должен быть расширен по вопросам исправления дефектов.

Рассмотрим подробнее приведенный пример о договоре поставки. Выше было установлено, что государственный суд определяет круг вопросов подлежащих ремиссии. Представим, что в решении в качестве ремитированного вопроса указан только договор поставки и ничего не сказано об убытках. Как в данном случае поступить составу арбитража? С одной стороны, рассмотрение вопросов, не указанных в решении государственного суда, будет означать выход за пределы мандата. С другой – нерассмотрение всех необходимых вопросов составом арбитража поставило бы под вопрос целесообразность самой ремиссии. Правильно ли дать возможность арбитрам в таком случае самостоятельно исправлять дефекты по тем вопросам, которые не были указаны в качестве ремитированных государственным судом? Вероятнее всего – нет, так как в таком случае есть риск столкнуться с произволом со стороны состава арбитража. Состав арбитров должен уведомить государственный суд о необходимости исправления дефектов также и по другим вопросам [13]. После одобрения со стороны государственного суда состав арбитров может приступить к исправлению.

Имеет ли право арбитраж отказаться от ремиссии? Обязанности принять ремитированные вопросы и исправить дефекты однозначно не существует. Формально арбитраж может отказаться от процедуры ремиссии. Следуя такому решению, арбитры не подвергают себя практически никакому риску, так как отсутствуют какие-либо санкции за такие действия, кроме вероятности отмены решения арбитража. Процедура ремиссии строится на взаимодействиях государственного суда и арбитража. Третейский суд не должен необос-

нованно отказываться от ремиссии, его несогласие должно быть обосновано и представлено суду. В свою очередь, государственному суду не следует сразу же отменять решение арбитража при его несогласии.

3. Форма акта арбитража по результатам ремиссии

Возникает вопрос о решении, которое примет арбитраж по окончанию исправления дефектов, так как арбитраж может принять по делу новое или дополнительное решение. Возможна ли ситуация, когда арбитраж в зависимости от обстоятельств будет принимать либо новое решение, либо дополнительное или форма акта будет определена заранее и применима во всех случаях? В России существует два различных примера разрешения данного вопроса. Первый, когда арбитраж выносит новое решение (Определение Арбитражного суда Ростовской области от 11 января 2019 г. по делу № А53-19347/2018; постановление АС Уральского округа от 20 февраля 2018 г. № Ф09-652/18 по делу № А07-1154/2017). Второй, когда государственный суд принимает постановление о внесении изменений или об изложении арбитражного решения в новой редакции. Процедура выглядит следующим образом: государственный суд, найдя противоречия, которые являются устранимыми, а также учитывая волю сторон, которая направлена на приостановление производства до установления указанных противоречий, может приостановить производство по делу до момента устранения недостатков третейским судом (Определение Арбитражного суда города Москвы от 07 ноября 2018 г. по делу № А40-203696/18-83-1103). Затем уже в последующих судебных разбирательствах суд излагает в судебном акте редакцию третейского суда до устранения недостатков и после, тем самым, исправление дефектов реализуется не в акте арбитража, а в судебном акте государственного суда (Определения Арбитражного суда города Москвы от 12 апреля 2019 г. по делу № А40-203696/18-83-1103). В таком случае проблематично говорить о форме акта арбитража по результатам третейского суда, точнее не приходится, так как новая редакция находит свое отражение в судебном акте. Данный подход нельзя признавать

в качестве подхода определения формы акта третейского суда по результатам ремиссии, так как непосредственно акт арбитража отсутствует.

В связи с этим предлагается выделить 2 подхода:

- 1) принятие арбитражем нового решения;
- 2) принятие арбитражем дополнительно го решения.

Рассмотренные выше арбитражные регламенты иностранных арбитражных учреждений не выдвигают строгих требований по форме акта. Арбитраж после рассмотрения ремитированных вопросов может вынести как дополнительное решение, так и принять новое. Стоит отметить, что вопрос о форме акта арбитража по результатам ремиссии не имеет существенного практического значения, так как в любом случае стороны спора будут следовать последним актам, которые были приняты третейским судом.

Заключение

Институт ремиссии отвечает всем требованиям третейского разбирательства, соответствует критерию экономии времени и средств, позволяет избежать отмены арбитражного решения, что имеет колоссальное значение для контрагентов. Для успешной реализации ремиссии необходимо иметь порядок проведения данной процедуры, предлагается следующая редакция статьи о ремиссии, которая могла бы быть закреплена в арбитражных регламентах арбитражных учреждений:

«Статья **. Процедура ремиссии.

1. В том случае, если государственный суд возвращает решение арбитража, то к такому третейскому разбирательству применяются правила арбитража.

2. Если сторонами определены условия возвращения решения арбитража третейскому суду, то государственный суд должен оказывать содействие в соблюдении данных условий.

3. Государственный суд может установить аванс на покрытие любых дополнительных расходов и гонораров состава арбитража, а также дополнительных административных расходов третейского суда.

4. Секретариат постоянно действующего арбитражного учреждения (или же иной

орган) должен оказывать содействие составу арбитража и исполнить все требования решения суда, если это необходимо.

5. Ремитированные вопросы должен рассматривать тот же состав арбитража, который выносил решение арбитража. Если прежний состав арбитража восстановить невозможно, тогда состав арбитража восстанавливается в соответствии со статьей (Замена арбитра). По общему согласию сторон рассматривать ремитированные вопросы может новый состав арбитража. Прежний состав арбитража не может рассматривать вопросы в том случае, если дефект непосредственно связан с составом арбитража, например нарушение порядка формирования состава арбитража.

6. Мандат арбитров определяется кругом ремитированных вопросов, которые обозначены в решении государственного суда. Если для исправления дефектов необходимо рассмотреть также и иные вопросы, которые не входят в мандат арбитров, состав арбитража должен уведомить государственный суд о необходимости исправления дефектов также и по другим вопросам. После одобрения состав арбитров может приступить к исправлению.

7. Если состав арбитража отказывается от ремиссии, то он должен предоставить обоснование такого отказа государственному суду. В случае если последний согласен с обоснованием, решение арбитража сохраняет силу. В случае несогласия состав арбитража должен провести повторное рассмотрение.

8. По результатам ремиссии состав арбитража принимает либо новое решение, либо дополнительное, а также направляет его в государственный суд и сторонам».

Таким образом, в работе была представлена ремиссия как зарождающийся инструмент в российском праве, были проанализированы вопросы применимого права, состав арбитража, мандат арбитров, отказ арбитров от ремиссии, форма акта по результатам рассмотрения ремитированных вопросов [18]. Каждый раздел далеко неоднозначен и имеет свои подразделы, которые важны для выработки общего правопонимания. Важным результатом на сегодняшний день следует признать существование общих правил ремиссии, которые выводятся из положений о ремиссии иностранных арбитражных регла-

ментов. Процедура ремиссии – это возможность избежать отмены арбитражного решения, а значит, соответствовать критерию времени и расходов, успешному исполнению решения арбитража и дальнейшему развитию предпринимательской деятельности. Институт ремиссии является элементом безопасности бизнеса [19]. Принятие положений о ремиссии в российских арбитражных регламентах будет способствовать развитию института ремиссии. Все результаты, полученные в процессе изучения данной темы могли бы быть рекомендованы к включению в арбитражные регламенты.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

This work was financially supported by the Grant of the President of the Russian Federation No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, Д. А. Теоретические и практические проблемы ремиссии в арбитраже / Д. А. Андреев // Новые горизонты международного арбитража. – 2020. – Вып. 6. – С. 224–249.
2. Арбитражный регламент Венского международного арбитражного центра. – 2018. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Арбитражный регламент Международной торговой палаты. – 2017. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Закон РФ о международном коммерческом арбитраже: от 7 июля 1993 г. № 5338-1 (ред. от 29.12.2015) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 1240.
5. Курочкин, С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж / С. А. Курочкин. – М.: Статут, 2017. – 286 с.
6. Международный коммерческий арбитраж: учебник / С. А. Абесадзе [и др.]; отв. ред. Т. А. Лунаева; науч. ред. О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Третейский суд; М.: Статут, 2018. – Вып. 9. – 965 с.
7. Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / О. В. Абознова [и др.]; отв. ред. И. В. Решетникова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 480 с.
8. Регламент Арбитражного центра при РСНП. – 2018. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Русакова, Е. П. Интегрирование современных цифровых технологий в судопроизводство Китайской Народной Республики и Сингапура / Е. П. Русакова // Государство и право. – 2020. – № 9. – С. 102–109.
10. Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Российская газета. – 2015. – Дек. (№ 297).
11. Хвалей, В. В. Новое законодательство об арбитраже: жить стало лучше, жить стало веселее / В. В. Хвалей // Закон. – 2016. – № 5. – С. 87–95.
12. CEPANI Arbitration Rules in force as from 1 January 2020. – 2020. – Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.
13. Financial and Economic Security of Business as a Primary Element in the Economic System / D. D. Burkaltseva [et al.] // Espacios. – 2017. – Vol. 38, № 33. – P. 3.
14. Fleetwood Wanderers Ltd. (t/a Fleetwood Town Football Club) v. AFC Fylde Ltd., [2018] EWHC 3318 (Comm.). – Electronic data. – Mode of access: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5c075b872c94e06166865cdd>.
15. Gessel-Kalinowska vel Kalisz, B. Uncitral Model Law: Composition of the Arbitration Tribunal Re-Considering the Case upon Setting Aside of the Original Arbitration Award / B. Gessel-Kalinowska vel Kalisz // Journal of International Arbitration. – 2017. – Vol. 34, iss. 1. – P. 30–31.
16. LW Infrastructure Pte. Ltd. v. Lim Chin San Contractors Pte. Ltd., [2014] 1 SLR 1221.
17. Miller Construction Ltd. v. James Moore Earthmoving ([2000] EWHC Technology 52). – Electronic data. – Mode of access: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff73460d03e7f57ea9a0f>.
18. Rusakova, E. P. Industrial and Manufacturing Engineering in Digital Legal Proceedings in the Asia-Pacific Region: A New Level of Quality Based on Data, Blockchain and AI / E. P. Rusakova, A. O. Inshakova // International Journal for Quality Research. – 2021. – Vol. 15, № 1. – P. 273–289.
19. Tarakanov, V. V. Information Society, Digital Economy and Law / V. V. Tarakanov, A. O. Inshakova, V. V. Dolinskaya // Studies in Computational Intelligence. – 2019. – Vol. 826. – P. 3–15.
20. The Common Law Procedure Act, 1854, 17 & 18 Vict. C.125. – Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

REFERENCES

1. Andreev D.A. Teoreticheskie i prakticheskie problemy remissii v arbitrazhe [Remission in Arbitration: Theory and Practice]. *Novye gorizonty mezhdunarodnogo arbitrazha* [New Horizons of International Arbitration], 2020, iss. 6, pp. 224-249.
2. Arbitrazhnyy reglament Venskogo mezhdunarodnogo arbitrazhnogo tsentra [Arbitration Rules of the Vienna International Arbitration Center], 2018. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.
3. Arbitrazhnyy reglament Mezhdunarodnoy trgovoy palaty [Arbitration Rules of the International Chamber of Commerce], 2017. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.
4. *Zakon RF o mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe: ot 7 iyulya 1993 g. № 5338-1 (red. ot 29.12.2015)* [The Law of the Russian Federation on International Commercial Arbitration of July 7, 1993 No. 5338-1 (As Amended on December 29, 2015)]. *Vedomosti SND and VSRF*, 1993, no. 32, art. 1240.
5. Kurochkin S.A. *Tretejskoe razbiratel'stvo i mezhdunarodnyj kommercheskij arbitrazh* [Arbitration and International Commercial Arbitration]. Statut Publ., 2017. 286 p.
6. Abesadze S.A. et al. *Mezhdunarodnyj kommercheskij arbitrazh: uchebnik* [International Commercial Arbitration. Study Guide]. Saint Petersburg, Tretejskij sud; Moscow, Statut Publ., 2018, iss. 9. 965 p.
7. Aboznova O.V. et al. *Praktika primeneniya Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii* [The Practice of Applying the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation]. Moscow, Yurayt Publ., 2018. 480 p.
8. Reglament Arbitrazhnogo tsentra pri RSPF [Rules of the Arbitration Center at the RSPF], 2018. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.
9. Rusakova E.P. Integrirovaniye sovremennykh cifrovyykh tehnologiy v sudoproizvodstvo Kitajskoj Narodnoj Respubliki i Singapura [Integrating Modern Digital Technologies Into the Legal Proceedings of the People's Republic of China and Singapore]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2020, no. 9, pp. 102-109.
10. Federal'nyj zakon «Ob arbitrazhe (tretejskom razbiratel'stve) v Rossijskoj Federacii» ot 29.12.2015 № 382-FZ (red. ot 27.12.2018) [Federal Law No. 382-FZ Dated December 29, 2015 "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation" (As Amended on December 27, 2018)]. *Rossiyskaya gazeta*, 2015, December, no. 297.
11. Khvalei V.V. Novoe zakonodatelstvo ob arbitrazhe: zhit stalo luchshe, zhit stalo veselee [New Legislation on Arbitration: Life is Better, Life is Merrier]. *Zakon* [Law], 2016, no. 5, pp. 87-95.
12. CEPANI Arbitration Rules in Force As from 1 January 2020, 2020. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.
13. Burkaltseva D.D. et al. Financial and Economic Security of Business As a Primary Element in the Economic System. *Espacios*, 2017, vol. 38, no. 33, p. 3.
14. *Fleetwood Wanderers Ltd. (t/a Fleetwood Town Football Club) v. AFC Fylde Ltd.*, 2018. *EWHC 3318 (Comm.)*. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5c075b872c94e06166865cdd>.
15. Gessel-Kalinowska vel Kalisz B. Uncitral Model Law: Composition of the Arbitration Tribunal Re-Considering the Case upon Setting Aside of the Original Arbitration Award. *Journal of International Arbitration*, 2017, vol. 34, iss. 1, pp. 30-31.
16. *L W Infrastructure Pte. Ltd. v. Lim Chin San Contractors Pte. Ltd.*, 2014. 1 SLR 1221.
17. *Miller Construction Ltd. v. James Moore Earthmoving (2000. EWHC Technology 52)*. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff73460d03e7f57ea9a0f>.
18. Rusakova E.P., Inshakova A.O. Industrial and Manufacturing Engineering in Digital Legal Proceedings in the Asia-Pacific Region: A New Level of Quality Based on Data, Blockchain and AI. *International Journal for Quality Research*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 273-289.
19. Tarakanov V.V., Inshakova A.O., Dolinskaya V.V. Information Society, Digital Economy and Law. *Studies in Computational Intelligence*, 2019, vol. 826, pp. 3-15.
20. The Common Law Procedure Act, 1854, 17 & 18 Vict. C.125. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

Information About the Authors

Ekaterina P. Rusakova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 10k3, 117198 Moscow, Russian Federation, rusakova-ep@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6488-0754>

Viktor V. Zaitsev, Student, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St., 10k3, 117198 Moscow, Russian Federation, vickt.zayczev2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6088-0941>

Информация об авторах

Екатерина Петровна Русакова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 10к3, 117198 г. Москва, Российская Федерация, rusakova-ep@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6488-0754>

Зайцев Виктор Васильевич, студент юридического института, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 10к3, 117198 г. Москва, Российская Федерация, vickt.zayczev2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6088-0941>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.7>

UDC 347.71
LBC 67.404.213

Submitted: 30.05.2021
Accepted: 10.09.2021

THE ELECTRONIZATION OF PROCUREMENT IN RUSSIA: THE IMPLEMENTATION RESULTS AND BARRIERS TO DEVELOPMENT

Olga N. Krasnova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the level of digitalization of the Russian economy achieved so far contributes to the formation of a digital platform for the public administration, whose further improvement will undoubtedly accelerate and simplify the interaction of the state with business. In recent years, the procurement sector has also been reformed in this direction: its electronization has been carried out, whose important stage has been the creation of a Unified Information System. The **relevance** of studying the results of these reforms lies in the need to identify the barriers to the development of electronic procurement, whose transformation into digitalization will certainly contribute to improving the efficiency of Russia's economic development. The **purpose** of the study is to assess the effectiveness of the electronic procurement system in Russia and to identify the factors hindering its development to develop proposals for its improvement. **Methods:** the methodological framework for the study is statistical and theoretical analysis, synthesis, comparison. **Results:** the paper presents the assessment results of the effectiveness of the electronic procurement system in Russia, its role in the country's economy, as well as the factors hindering its development. In the course of the analysis, the main characteristic features of the modern procurement system are highlighted; the relative savings in procurement are investigated. **Conclusions:** among the key shortcomings, the instability of the legislation in procurement and the wrong orientation of efforts to improve the functioning of the Russian procurement system are identified. The results obtained can serve as a basis for the development of proposals for its further development.

Key words: procurement system, electronization, digitalization, unified information system, legislation, reform.

Citation. Krasnova O.N. The Electronization of Procurement in Russia: The Implementation Results and Barriers to Development. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 58-62. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.7>

УДК 347.71
ББК 67.404.213

Дата поступления статьи: 30.05.2021
Дата принятия статьи: 10.09.2021

ЭЛЕКТРОНИЗАЦИЯ ЗАКУПОК В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ВНЕДРЕНИЯ И БАРЬЕРЫ В РАЗВИТИИ

Ольга Николаевна Краснова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: достигнутый к настоящему времени уровень цифровизации экономики России способствует формированию цифровой платформы государственного управления, дальнейшее совершенствование которого, несомненно, ускорит и упростит взаимодействие государства с бизнесом. В последние годы в данном направлении реформируется и сфера закупок: происходит ее электронизация, важным этапом которой стало создание Единой информационной системы. **Актуальность** изучения результатов данных реформ заключается в необходимости выявления барьеров в развитии электронизации сферы закупок, трансформация которой в цифровизацию, безусловно, будет способствовать повышению эффективности экономического развития России. **Целью** исследования является оценка результативности электронизации системы закупок в России и выявление факторов, сдерживающих ее развитие, в целях разработки предложений по ее совершенствованию. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляют статистический и теоретический анализ, синтез, сравнение. **Результаты:** в статье представлены результаты оценки

эффективности электронизации системы закупок в России, ее роль для экономики страны, а также факторы, сдерживающие ее развитие. В ходе анализа охарактеризованы основные черты современной системы закупок, исследована относительная экономия при их осуществлении. **Выводы:** среди ключевых недостатков выделены нестабильность законодательства в сфере закупок и неправильная направленность усилий по совершенствованию функционирования российской системы закупок. Полученные результаты могут служить основой для разработки предложений по ее дальнейшему развитию.

Ключевые слова: система закупок, электронизация, цифровизация, единая информационная система, законодательство, реформирование.

Цитирование. Краснова О. Н. Электронизация закупок в России: результаты внедрения и барьеры в развитии // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 58–62. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.7>

Введение

В сектор закупок вовлекаются внушительные объемы бюджетных средств. Так, в России за 2019 г. из бюджетов всех уровней вложены 31,6 трлн руб., что составляет почти 29 % ВВП: из них в рамках Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» – 8,1 трлн руб. [6]; в рамках Федерального закона № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» – 23,5 трлн руб. [5]. Для сравнения в странах Организации экономического сотрудничества и развития эти вложения составляют около 12 % ВВП, в Евросоюзе – 18–20 % ВВП. Данные показатели явно свидетельствуют о значимой роли системы закупок для экономики страны.

31 декабря 2017 г. был подписан Федеральный закон № 504-ФЗ «Об изменении контрактной системы» [7], предусматривающий новые электронные способы закупок. С 2019 г. электронные конкурентные процедуры стали обязательными для всех заказчиков.

Черты современной системы закупок в России

Результаты исследования позволили выделить черты, характерные для действующей в России во время электронизации системы закупок.

Во-первых, электронный аукцион стал преобладающим способом закупки, начиная с 2014 года. За период 2014–2019 гг. в России доля электронного аукциона в структуре закупок постоянно увеличивалась и в целом выросла с 56,8 % до 76,9 %.

Во-вторых, в системе преобладают неконкурентные закупки. Так, в рамках № 44-ФЗ на контракты с единственным поставщиком и несостоявшиеся закупки приходится 76 % всех закупок, а в рамках № 223-ФЗ – на закупки у единственного поставщика и закупки прочими способами – 86,1 %.

Уровень конкуренции практически не изменился. В рамках № 44-ФЗ он составляет порядка трех заявок на лот: среднее число заявок на один лот в 2014 г. составляло 2,88, а в 2019 г. – 3,12. В корпоративном секторе уровень конкуренции с 2014 г. не превысил двух заявок на один лот [2].

Несмотря на запуск нескольких электронных площадок, в современной системе закупок все еще присутствует недобросовестная конкуренция. Так, количество нарушений в сфере закупок в рамках № 44-ФЗ выросло с 56 905 в 2015 г. до 91 886 в 2019 г., то есть на 61,5 %, а в рамках № 223-ФЗ – с 5 787 до 20 338 за этот же период, то есть в 3,5 раза.

В-третьих, участники закупок слабо доверяют системе государственных и корпоративных закупок. Об этом свидетельствует ежегодное сокращение числа поставщиков, которое в 2019 г. составило 25 %, а сравнительно с показателем 2014 г. – 27 % [2]. Например, за 2019 г. количество участников закупок, принявших участие в корпоративных закупках, снизилось на 43,4 %. Такая тенденция недоверия говорит о снижении в рассматриваемом периоде привлекательности в России системы закупок.

Факторы, сдерживающие повышение эффективности системы закупок в России

Несмотря на электронизацию российской системы закупок, она все еще не способствует

экономическому росту страны в должной мере. Относительная экономия бюджетных средств при осуществлении закупок значительно снизилась: с 10,49 % в 2016 г. до 5,5 % в 2019 году. Экономия по итогам осуществления закупок конкурентными способами в 2019 г. составила 5,13 % (см. рисунок).

Какие же факторы сдерживают повышение эффективности системы закупок в России?

Одним из них является сосредоточение усилий по развитию системы закупок на процедурах осуществления закупок, а не, как представляется более рациональным, на достижении их результативности и обеспечении необходимого качества товаров, услуг, работ [3, с. 134; 4, с. 140]. Серьезным сдерживающим фактором является нестабильность и сложность законодательства. Так, только за 2019 г. № 44-ФЗ корректировался восемь раз, а для его совершенствования принято 55 нормативно-правовых актов. Постоянные изменения законодательства о закупках обременяют контрактную систему для заказчиков и делают непривлекательной для поставщиков. Рамочный характер № 223-ФЗ приводит к тому, что на практике заказчики используют в основном прочие способы закупки с элементами, которые существенно ограничивают конкуренцию. Он не регламентирует достаточно детально закупочную деятельность.

Единая информационная система в сфере закупок совершенствуется и развивается, однако ее функции, включая переход к структурированной электронной документации, все еще не реализованы в полной мере. Следовательно, в ближайшей перспективе необходимо дальнейшее ее реформирование.

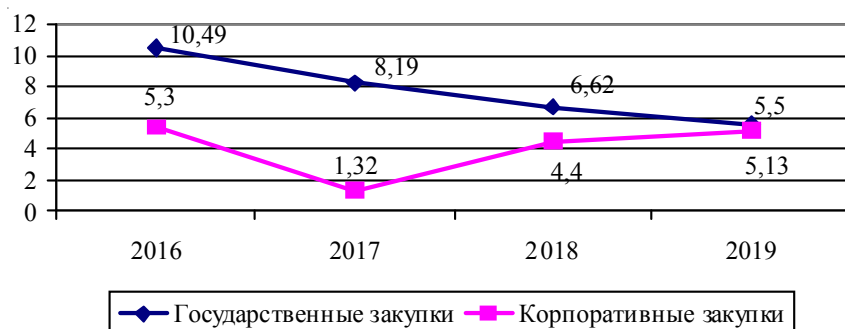

Рисунок. Относительная экономия при осуществлении государственных и корпоративных закупок за 2016–2019 гг., %

Примечание. Составлено автором по: [1].

Выводы

Несмотря на электронизацию российской системы закупок, она все еще не способствует экономическому росту страны в должной мере. Ее характерными чертами остаются неизменно низкий уровень конкуренции, недоверие участников закупочной деятельности, множественные нарушения в сфере закупок. Единую информационную систему невозможно использовать в настоящее время как надежную базу для цифровизации закупочной деятельности.

Сдерживающими факторами развития российской системы закупок являются:

- нестабильность и сложность законодательства;
- концентрация усилий на процедурах закупок, а не на их результативности и обеспечении качества товаров, услуг и работ.

Устранение данных недостатков будет способствовать дальнейшему эффективному развитию электронизации российской системы закупок и последующей цифровизации закупочной деятельности. Это, в свою очередь, благоприятно отразится на экономическом развитии страны в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Единая информационная система в сфере закупок. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 30.04.2021). – Загл. с экрана.
2. Каульбарс, А. А. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг

развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2019 год», 2020 / А. А. Каульбарс. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fea/fea86920fc7f4c8b39262ce74beb32d8.pdf> (дата обращения: 29.04.2021). – Загл. с экрана.

3. Матыцин, Д. Е. Обеспечение исполнения государственных и муниципальных контрактов: банковские гарантии и цифровые технологии / Д. Е. Матыцин, И. В. Балтутите // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 11 (150). – С. 133–136.

4. Матыцин, Д. Е. Цифровые технологии реализации гражданско-правовых сделок: договор репо на инвестиционные активы рынка ценных бумаг / Д. Е. Матыцин // Право и практика. – 2020. – № 2. – С. 136–140.

5. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964 (дата обращения: 24.04.2021). – Загл. с экрана.

6. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 24.04.2021). – Загл. с экрана.

7. Федеральный закон от 31.12.2017 № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286777/ (дата обращения: 27.04.2021). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. *Edinaia informatsionnaia sistema v sfere zakupok* [Unified Information System in the Field of Procurement]. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (accessed 30 April 2021).

2. Kaulbars A.A. *Otchet o rezultatakh ekspertno-analiticheskogo meropriiatiia «Monitoring razvitiia sistemy gosudarstvennykh i korporativnykh zakupok*

v Rossiiskoi Federatsii za 2019 god», 2020 [Report on the Results of the Expert-Analytical Event “Monitoring the Development of the System of State and Corporate Procurement in the Russian Federation for 2019”]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fea/fea86920fc7f4c8-b39262ce74beb32d8.pdf> (accessed 29 April 2021).

3. Matytsin D.E., Baltutite I.V. *Obespechenie ispolneniya gosudarstvennykh i municipal'nykh kontraktov: bankovskie garantii i cifrovye tekhnologii* [Ensuring the Execution of State and Municipal Contracts: Bank Guarantees and Digital Technologies]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2020, no. 11 (150), pp. 133-136.

4. Matytsin D.E. *Cifrovye tekhnologii realizatsii grazhdansko-pravovykh sdelok: dogovor repo na investitsionnye aktivy rynka cennykh bumag* [Digital Technologies for the Implementation of Civil Law Transactions: A Repo Agreement for Investment Assets of the Securities Market]. *Pravo i praktika* [Law and Practice], 2020, no. 2, pp. 136-140.

5. *Federalnyi zakon ot 18.07.2011 № 223-FZ «O zakupkakh tovarov, rabot, uslug otdelnymi vidami iuridicheskikh lits»* [Federal Law No. 223-FZ Dated July 18, 2011 “On Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities”]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964 (accessed 24 April 2021).

6. *Federalnyi zakon ot 05.04.2013 № 44-FZ «O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlia obespecheniia gosudarstvennykh i munitsipalnykh nuzhd»* [Federal Law No. 44-FZ Dated April 5, 2013 “On the Contract System in the field of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs”]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624 (accessed 24 April 2021).

7. *Federalnyi zakon ot 31.12.2017 № 504-FZ «O vnesenii izmenenii v Federalnyi zakon “O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlia obespecheniia gosudarstvennykh i munitsipalnykh nuzhd”»* [Federal Law No. 504-FZ Dated December 31, 2017 “On Amendments to the Federal Law ‘On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs’ ”]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286777 (accessed 27 April 2021).

Information About the Author

Olga N. Krasnova, Head of the Procurement Department, Master Student, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, krasnova7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8259-8493>

Информация об авторе

Ольга Николаевна Краснова, начальник отдела закупок, магистрант кафедры конституционно-го и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, krasnova7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8259-8493>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.8>

UDC 347.91
LBC 67.410

Submitted: 30.07.2021
Accepted: 10.09.2021

THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY IN THE US CIVIL COURT SYSTEM¹

Ekaterina V. Kupchina

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: in the era of the active introduction of digital technologies, more and more processes are being automated and smart machines are taking over the work of people. Even at the end of the 20th century, automatic spell-checking and search engines were perceived by many as “highly intelligent” information technologies. Currently, such processes have become completely trivial for most people and have given way to more advanced technologies. The intelligent face recognition systems installed in public places and airports allow you to verify a person’s identity, as well as assist in the capture of criminals. The smart assistants in mobile devices, for example, Google Maps, provide additional information about the destination (working hours, the name of the organization). However, there is more and more debate about the introduction of artificial intelligence technologies in the judicial process. Many experts in the field of information and communication technologies, as well as practicing lawyers, argue that thanks to the accumulated experience and judicial practice, it is possible to predict and make court decisions based on certain algorithms for certain categories of cases. This practice already exists in the system of alternative settlement of civil disputes. The first such decision was made by a robot mediator back in 2019 in the High Court of England and Wales. To resolve the dispute, the Smartsettle ONE system developed by the Canadian company iCan Systems was used. The use of artificial intelligence technology allowed resolving the dispute between the parties and coming to an agreement in less than an hour. The legislator approaches the issues of the introduction of artificial intelligence technology in the system of state courts more carefully. However, court cases do not always require a comprehensive individual approach to decision-making and many cases can be processed automatically, at least, partially. In this regard, it seems appropriate to explore in the paper the main opportunities and risks of using artificial intelligence through the example of the civil justice system of the United States of America. The **purpose** of the study is achieved by answering several questions: how can artificial intelligence be useful for courts? What mechanisms of the justice system need to be improved for the effective operation of artificial intelligence systems? What forms of artificial intelligence exist in the US civil court system? How can courts and judges work with artificial intelligence under the standards of a fair procedure for considering civil disputes? The **methodology** is based on a theoretical approach to the study of the most commonly used artificial intelligence technologies in the US civil justice system, as well as a number of national laws and other regulations. Based on the analysis of the theoretical data obtained, in the paper, the author analyzes the current trends and mechanisms for resolving civil disputes using artificial intelligence systems and also highlights some related problems. The **results** of the research can be used in determining the key goals and objectives of a procedural nature, improving the functioning of judicial and non-judicial organizations, law enforcement, research activities, as well as in teaching activities, in particular, during lectures and seminars on courses of private international law and civil procedure. **Conclusions:** increasing the level of awareness of participants in civil law disputes about current trends and tools for the administration of justice contributes to the development of the institution of civil proceedings, as well as contributes to increasing transparency and increasing the degree of trust of citizens in the judicial system as a whole.

Key words: artificial intelligence, digital technologies, smart courts, chatbot, eDiscovery.

Citation. Kupchina E.V. The Application of Artificial Intelligence Technology in the US Civil Court System. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 63-71. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.8>

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА США¹

Екатерина Валентиновна Купчина

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в эпоху активного внедрения цифровых технологий все больше процессов автоматизируется, умные машины берут на себя работу людей. Еще буквально в конце XX в. автоматическая проверка орфографии и поисковые системы воспринимались многими как «высокоинтеллектуальные» информационные технологии. В настоящее время такие процессы стали совершенно тривиальными для большинства людей и уступили место более прогрессивным технологиям. Интеллектуальные системы распознавания лиц, установленные в общественных местах и аэропортах, позволяют проверять личность человека, а также оказывать помощь в поимке преступников. Интеллектуальные помощники в мобильных устройствах, например Google Maps, предоставляют дополнительную информацию о пункте назначения (время работы, наименование организации). Однако все больше и больше дебатов возникает по поводу внедрения технологий искусственного интеллекта в судебный процесс. Многие специалисты в отрасли информационно-коммуникационных технологий, а также практикующие юристы утверждают, что благодаря накопленному опыту и судебной практике возможно прогнозирование и вынесение судебных решений на основе определенных алгоритмов по некоторым категориям дел. Подобная практика уже существует в системе альтернативного урегулирования гражданско-правовых споров. Первое подобное решение было вынесено роботом-медиатором еще в 2019 г. в Высоком суде Англии и Уэльса. Для разрешения спора была использована система «Smartsettle ONE», разработанная канадской компанией «iCan Systems». Применение технологии искусственного интеллекта позволило разрешить спор между сторонами и прийти к соглашению менее чем за час. К вопросам внедрения технологии искусственного интеллекта в систему государственных судов законодатель подходит более осторожно. Однако судебные дела не всегда требуют комплексного индивидуального подхода к принятию решений и многие случаи могут быть обработаны автоматически, по крайней мере, частично. В этой связи представляется целесообразным исследовать в настоящей статье основные возможности и риски использования искусственного интеллекта на примере системы гражданского судопроизводства Соединенных Штатов Америки. **Цель** настоящего исследования достигается путем ответа на ряд поставленных вопросов: как искусственный интеллект может быть полезен для судов? Какие механизмы системы отправления правосудия нуждаются в совершенствовании для эффективной работы систем искусственного интеллекта? Какие формы искусственного интеллекта существуют в системе гражданского судопроизводства США? Как суды и судьи могут осуществлять работу с искусственным интеллектом в соответствии со стандартами справедливой процедуры рассмотрения споров гражданско-правового характера? **Методология** основывается на теоретическом подходе к исследованию наиболее часто используемых технологий искусственного интеллекта в системе гражданского судопроизводства США, а также ряда национальных законов и иных нормативных актов. На основе анализа полученных теоретических данных, в настоящей работе автором анализируются современные тенденции и механизмы разрешения споров гражданско-правового характера при помощи систем искусственного интеллекта, а также освещаются некоторые, связанные с этим, проблемы. **Результаты** исследования могут быть использованы при определении ключевых целей и задач процессуального характера, совершенствовании функционирования судебных и внесудебных организаций, правоприменительной, научно-исследовательской деятельности, а также в учебно-преподавательской деятельности, в частности, при лекциях и семинарских занятиях по курсам международного частного права и гражданского процесса. **Выводы:** увеличение степени осведомленности участников гражданско-правовых споров о современных тенденциях и инструментах отправления правосудия способствует развитию института гражданского судопроизводства, а также увеличению прозрачности и повышению степени доверия граждан судебной системе в целом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровые технологии, умные суды, чат-бот, eDiscovery.

Цитирование. Купчина Е. В. Применение технологии искусственного интеллекта в системе гражданского судопроизводства США // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 63–71. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.8>

Введение

Стремительно улучшающаяся способность компьютерных систем решать проблемы и выполнять задачи, которые в противном случае потребовали бы человеческого интеллекта, а в некоторых случаях превышали человеческую деятельность, меняет мир. Технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) представляют собой самые мощные инструменты поколения для расширения знаний, увеличения благосостояния и обогащения человеческого опыта. ИИ также является типичной технологией «двойного назначения». Способность машины воспринимать, оценивать и действовать быстрее и точнее, чем человек, представляет конкурентное преимущество в любой сфере [2, с. 15]. Технологии искусственного интеллекта призваны стать источником огромной силы для компаний и стран, которые их используют.

Несмотря на широкое распространение технологии искусственного интеллекта, до сих пор не существует единого подхода к его определению. В самом широком смысле под искусственным интеллектом понимается технология или система, позволяющая компьютерам выполнять задачи, связанные с принятием решений на основе приобретенных навыков или опыта, подобно человеческому интеллекту. Стремительное развитие технологических достижений, произошедшее за последние 20 лет, значительно ускорило разработку и интеграцию искусственного интеллекта во многих частных и государственных секторах. В частном секторе такие известные компании как Google, Facebook, Apple и Uber, активно занимаются исследованиями и разработками инновационных продуктов на основе технологий искусственного интеллекта. Примерами таких разработок являются: беспилотные автомобили, роботизированное оборудование для хирургических операций, сложные автоматизированные системы учета и обеспечения безопасности, а также программное обеспечение, выполняющее юридические задачи, такие как проверка и анализ документов. На практике ИИ имеет бесчисленное множество сфер применения, включая экспертные системы медицинской диагностики, имитирующие принятие решений врачами; автоматизированные системы торговли ценными бумагами; автоматические

дроны и многие другие варианты [1, с. 25]. Важным аспектом применения технологии искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве является тот факт, что вместе с ИИ развивается технология обработки естественного языка, которая в самом широком смысле касается взаимодействия между компьютерными программами и языком человеческого общения, так что компьютеры учатся имитировать язык человека [23].

Применение технологии искусственного интеллекта в системе гражданского судопроизводства США

Внедрение технологии искусственного интеллекта в систему гражданского судопроизводства США вызывает постоянно растущую общественную озабоченность по поводу множества рисков, связанных с тем, что решения принимаются компьютерами, а не людьми [7]. Быстрое развитие технологий искусственного интеллекта находится в противоречии с относительно медленными темпами внедрения и отсутствием определенного опыта в большинстве судов Соединенных Штатов. На сегодняшний день Соединенные Штаты отстают от большинства других стран, использующих ИИ в судах. В качестве примера можно привести Верховный суд Бразилии, который использует систему искусственного интеллекта VICTOR [22, с. 307]. Данная система была внедрена с целью ускорения принятия решений по накопившимся в суде жалобам. Согласно отчету о деятельности Федерального Верховного суда Бразилии за 2017 г., суд вынес 126 531 решение и зарегистрировал самый низкий порог нерассмотренных дел за последние пять лет. Система VICTOR позволяет сократить время на первоначальный анализ заявления с 30 минут до пяти секунд. Другим примером использования технологии искусственного интеллекта в суде является опыт Китайской Народной Республики. Еще в 2016 г. Высокий суд провинции Хэбэй ввел концепцию «умного суда», который включает в себя электронную регистрацию дел с возможностью распознавания текста, идентификации сторон по делу и автоматизированного оформления документов [6, с. 105].

Согласно отчету, подготовленному Комиссией национальной безопасности по искусственному интеллекту США (The National Security Commission on Artificial Intelligence (NSCAI)), такой разрыв в области внедрения технологий искусственного интеллекта, в первую очередь, связан с отсутствием достаточного финансирования со стороны частных и государственных инвесторов, а также нехваткой квалифицированных специалистов в сфере новейших разработок систем искусственного интеллекта [18]. С целью повышения уровня конкурентоспособности и продвижения инноваций в области ИИ Комиссия разработала подробный план рекомендаций для правительства США. В частности, данный план направлен на развитие общей цифровой инфраструктуры, цифровой грамотности сотрудников, а также призван заложить основы для повсеместной интеграции ИИ в США к 2025 году.

Применение технологии искусственного интеллекта в системе гражданского судопроизводства США способно в значительной степени облегчить работу судей, сократить время на обработку документов и уменьшить судебные издержки. ИИ может быть задействован в таких вопросах как: 1) определение подходящих присяжных; 2) ускорение юридических исследований; 3) прогнозирование результатов судебного разбирательства; 4) анализ судебной практики и подбор соответствующих материалов; 5) создание и проверка судебных документов. Эти варианты использования искусственного интеллекта становятся основным элементом программного обеспечения для поддержки судебных процессов [10].

Ввиду высокой стоимости квалифицированной юридической консультации, в ряде случаев граждане США отказываются от защиты своих нарушенных прав в суде. По данным Legal Services Corporation 86 % граждан США с низкими доходами получили неадекватную помощь или не получили ее вовсе [16]. В 2019 г. Национальный центр судов штатов сообщил, что на основании неофициальных данных, более чем в 75 % случаев гражданских дел в судах штатов и окружных судах есть по крайней мере одна сторона, представляющая себя самостоятельно [17]. Как правило, лица, осуществляющие самостоятельное представительство в суде, не обладают спе-

циальными знаниями о своих юридических правах и правилах подачи документов, а также о том, как работают суды и как вести дела. Данные факторы обуславливают увеличение нагрузки на работников аппарата суда и самих судей. С помощью ИИ возможно существенно уменьшить эту нагрузку, передав некоторые технические и аналитические процессы «умным машинам» [14].

Наиболее часто применяемыми технологиями искусственного интеллекта в гражданских судах США являются: обработка естественного языка, распознавание и обработка текстовых документов, прогнозирование решения по делу, а также чат-боты.

Распознавание и обработка текстовых документов и файлов позволяет обрабатывать большие объемы информации за максимально короткое время [4, с. 551]. Специально для упрощения данной задачи в США была разработана технология eDiscovery, которая успешно зарекомендовала себя в практике гражданских судов США при сортировке большого количества дел или в сложных случаях, содержащих большой объем информации [2, с. 63]. Данная система проводит автоматический анализ электронной информации на предмет обнаружения данных еще до начала судебного разбирательства. Она использует искусственный интеллект машинного обучения, который в процессе обучения узнает, какой алгоритм лучше всего способен извлекать соответствующие части из большого количества данных. В том случае, если стороны соглашаются на такие условия поиска и кодирования, судье остается только подтвердить согласие и оценить полученную информацию.

В системе гражданского судопроизводства США также получили широкое распространение правовые навигаторы, используемые для генерации документов или получения юридических ответов с помощью анкетных опросов. Юридические навигаторы, такие как Florida Law Help [13], созданный при поддержке Ассоциации адвокатов Флориды на официальном сайте судов штата, и Colorado Resource Network [11], созданный при поддержке Судебного департамента и Коллегии адвокатов Колорадо, помогают участникам судебного разбирательства в выявлении юридических вопросов, составлении заявлений в суды и от-

ветах на жалобы, а также подаче судебных документов.

В округе Палм-Бич, штат Флорида, суды используют технологию машинного обучения Computing System Innovations, предоставленную компанией Арорка, которая позволяет легко создавать и классифицировать документы. Также судами данного штата применяется программное обеспечение Intellidact AI для извлечения PDF-файлов, которое автоматически разделяет, анализирует и классифицирует электронные документы по типу и коду реестра [12]. Intellidact AI извлекает данные, специфичные для каждого кода документа, преобразовывая неструктурированный текст документа в структурированный контент. Затем программные боты выполняют ввод данных, обновляя их в судебной системе управления делами. По словам разработчиков, Intellidact AI может автоматически обрабатывать 75–80 % документов, хранящихся в системе управления делами, без вмешательства человека.

Также для удобства заявителей в большинстве судов Соединенных Штатов используются системы и программное обеспечение Odyssey File & Serve компании Tyler Technologies [19], которые обрабатывают электронную информацию, сокращают время обработки файлов и делают документы немедленно доступными для всех участников судебного разбирательства.

Чат-боты набирают популярность среди большинства пользователей Интернета, поскольку обмен быстрыми текстовыми сообщениями является наиболее удобным и быстрым способом получения информации. В системе гражданского судопроизводства это также не стало исключением. В данном случае искусственный интеллект не только ищет актуальную информацию, но и дает ответы на вопросы [9, с. 6]. Пользователю остается только решить для себя, будет ли он действовать в соответствии с советом. Эта консультативная функция может помочь людям решить больше своих проблем самостоятельно и таким образом предотвратить споры или судебные разбирательства. Если совета недостаточно, возможна также помощь в поиске решения. Например, суды Нью-Джерси в 2019 г. запустили чат-бота под названием

Assistant Judicial Information – JIA [15]. В систему были загружены более 10 000 наиболее часто задаваемых вопросов и ответов, касающихся информации о работе суда, правилах подачи документов и иной правовой информации. JIA использует искусственный интеллект, чтобы отвечать на часто задаваемые вопросы, направляя пользователей к определенным судебным и юридическим разделам. Как только JIA направляет пользователей к ответу, пользователи могут задавать дополнительные вопросы в виде произвольного текста или вернуться в главное меню.

В июне 2020 г. Верховный суд Калифорнии в округе Лос-Анджелес запустил чат-бота LACourtConnect (LACC) [26]. Однако на первом этапе его работы суд посчитал, что обучение информационного бота работе с искусственным интеллектом занимает очень много времени. С целью сокращения времени на запуск и настройку эффективной работы, суд разработал его в том же духе, что и чат-бот, который использовался для заказа Domino's Pizza. Чат-бот LACC использует предварительные или наводящие вопросы, чтобы подвести пользователей к правильным ответам из базы данных, которая содержит всего 100 вопросов, основанных на руководствах пользователя и часто задаваемых вопросах.

Прогнозирование решений по гражданско-правовым спорам является еще одной сферой применения технологии искусственного интеллекта [5, с. 7]. Данная сфера применения ИИ вызывает множество вопросов, поскольку большинство судебных разбирательств может иметь непредсказуемый исход. По мере того как ситуация становится сложнее, появляется все больше информации и материалов по делу, и все больше риск возрастает. Разработчики подобного программного обеспечения утверждают, что в данном случае ИИ способен свести риски к минимуму. В Соединенных Штатах на коммерческой основе предлагаются различные инструменты прогнозирования. Однако алгоритм их работы является коммерческой тайной и не раскрывается третьим лицам. Известно, что группа американских ученых разработала приложение для Верховного суда США, основанное на машинном обучении. Его создатели утверждают, что ИИ может предсказать ис-

ход дела с точностью до 70,2 %, а также спрогнозировать тактику поведения отдельных участников процесса с точностью 71,9 % [21].

**Моральные и этические принципы
применения технологии
искусственного интеллекта в системе
гражданского судопроизводства США**

Несомненно, в настоящее время работа искусственного интеллекта в системе отправления гражданского правосудия вызывает больше вопросов, чем ответов. По мнению большинства специалистов в данной области, для организации эффективной работы систем искусственного интеллекта, вся база данных по действующему законодательству, принятым решениям и комментариям к ним, должна быть переведена в цифровой формат. Однако даже с учетом существующих на данный момент технологий это является весьма затруднительным [20]. Кроме того, для того чтобы ИИ мог обрабатывать и понимать правовую информацию, эта информация должна быть структурирована и снабжена юридическим смыслом. Также предполагается, что ИИ должен быть в состоянии объяснить, как он пришел к своему результату. Под этим понимается не только объяснение процесса обработки, но и существенное объяснение. Исследования показывают, что ИИ должен быть технически способен давать объяснения, которые мы сейчас просим у людей, но на практике люди могут объяснить некоторые аспекты легче, чем ИИ [27].

Также при внедрении искусственного интеллекта в систему гражданского судопроизводства существуют некоторые моральные и этические принципы, которые должны соблюдаться. К таковым принципам относятся:

1. Необходимость соблюдать и уважать основные права лиц, участвующих в деле. Это означает, что разработка и реализация услуг искусственного интеллекта должны быть совместимы с такими понятиями как конфиденциальность, равное обращение и справедливое судебное разбирательство.

2. Недопустимость дискриминации между отдельными лицами и группами людей. Данные, загруженные в основу работы алгоритмов должны быть применены в равной сте-

пени ко всем потенциальным участникам судебного разбирательства.

3. Обеспечение безопасности данных. При обработке данных и судебных решений следует использовать сертифицированные источники и данные, которые не могут быть изменены, а также использовать безопасную технологическую среду.

4. Прозрачность. Методы обработки данных должны быть прозрачными и понятными, а внешний аудит должен быть разрешен. Требование прозрачности теперь установлено прецедентным правом. Пользователь алгоритма должен обнародовать сделанный выбор, а также используемые данные и предположения полным, своевременным и надлежащим образом, чтобы эти варианты, данные и предположения были доступны третьим сторонам. Такое полное, своевременное и надлежащее раскрытие должно давать возможность оценить сделанный выбор и используемые данные, а также доводы и предположения, чтобы обеспечить эффективную правовую защиту от решений, основанных на этих данных, рассуждениях и предположениях, с возможностью судебного преследования при рассмотрении дел в судах.

5. Обеспечение контроля за работой алгоритмов искусственного интеллекта. Алгоритм нельзя использовать как универсальный инструмент принятия решений. Пользователи должны знать и понимать, что делает ИИ, а участники судебного разбирательства должны иметь возможность сделать выбор [25].

Приведенные выше примеры показывают, что контроль человека необходим на всех этапах работы искусственного интеллекта в системе отправления гражданского правосудия. Необходимо проводить непрерывное тестирование, чтобы убедиться, что ИИ по-прежнему делает то, что он должен и система должна быть спроектирована таким образом, чтобы ее можно было легко и надежно настраивать [8]. При условии соблюдения вышеперечисленных факторов судебная система может стать прозрачнее, что приведет к повышению уровня доверия среди населения страны.

Вывод

Потребность в использовании информационных технологий не одинакова для всех дел

[24, с. 667]. Применение искусственного интеллекта может быть полезным и эффективным инструментом в системе отправления гражданского правосудия. Опыт применения ИИ отдельными судами Соединенных Штатов уже успел принести положительные результаты и зарекомендовал себя на практике. Искусственный интеллект уже может помогать физическим лицам, тяжущимся сторонам и судьям в обработке и систематизации информации. По мере того, как библиотека юридической информации пополняется, искусственный интеллект также совершенствуется и его советы становятся более аргументированными. Кроме того, с целью соблюдения стандартов справедливой процедуры рассмотрения споров гражданско-правового характера судьи должны понимать, как работает ИИ, чтобы правильно его использовать. Суды, в свою очередь, должны оцифровать свою информацию и предоставить ей юридическую интерпретацию, чтобы сделать ее более пригодной для использования в системах искусственного интеллекта.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00276.

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00276.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермакова, Е. П. Реформы гражданского судопроизводства, арбитража и медиации в зарубежных странах 2014–2018 гг. (Австралия, Англия, Германия, Канада, США, Франция) : монография / Е. П. Ермакова. – М. : Инфотропик Медиа, 2018. – 192 с.

2. Ермакова, Е. П. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве и арбитраже: опыт США и КНР : монография / Е. П. Ермакова, Е. Е. Фролова. – М., 2021. – 224 с.

3. Ермакова, Е. П. Разрешение споров и искусственный интеллект: за и против / Е. П. Ермакова, Е. Е. Фролова ; общ ред. Л. В. Туманова // Перспективы и проблемы развития третейского разбирательства в России : сб. ст. по материалам науч.-практ. конф. с междунар. участием. – 2020. – С. 29–36.

4. Иншакова, А. О. Правовое регулирование цифровых технологий / А. О. Иншакова, К. Ю. Радийчук // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 20. – С. 549–554.

5. Мамычев, А. Ю. «Будущее» как аттрактор современных политико-правовых и социально-экономических трансформаций: обзор основных проблем и подходов / А. Ю. Мамычев, А. А. Ким, Е. Е. Фролова // *Advances in Law Studies*. – 2020. – Т. 8, № 55. – С. 3–17.

6. Русакова, Е. П. Интегрирование современных цифровых технологий в судопроизводство Китайской Народной Республики и Сингапура / Е. П. Русакова // *Государство и право*. – 2020. – № 9. – С. 102–109.

7. Velez-Green, A. The United States Can Be a World Leader in AI. Here's How / A. Velez-Green, P. Scharre // *The National Interest*. – 2017. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.cnas.org/publications/commentary/the-united-states-can-be-a-world-leader-in-ai-heres-how> (date of access: 15.07.2021). – Title from screen.

8. Garberson, A. What are Analytics Experts Looking to in 2020 with Data and Privacy? / A. Garberson // *MarTech Today*. – 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://martechtoday.com/what-are-analytics-experts-looking-to-in-2020-with-data-and-privacy-238946> (date of access: 10.07.2021). – Title from screen.

9. Ilachinski, A. AI, Robots, and Swarms: Issues, Questions, and Recommended Studies / A. Ilachinski // *Center for Naval Analysis*. – 2017. – P. 6.

10. O'Brien, C. AI Startups Raised \$18.5 Billion in 2019, Setting New Funding Record / C. O'Brien. – *Venture Beat*. – 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://venturebeat.com/2020/01/14/ai-startups-raised-18-5-billion-in-2019-setting-new-funding-record/> (date of access: 11.07.2021). – Title from screen.

11. Colorado Resource Network. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.coloradresource.com/> (date of access: 15.07.2021). – Title from screen.

12. Computing System Innovations. – Electronic text data. – Mode of access: <http://csisoft.com/> (date of access: 15.07.2021). – Title from screen.

13. Florida Law Help. – Electronic text data. – Mode of access: <https://floralawhelp.org/> (date of access: 15.07.2021). – Title from screen.

14. Hilborne, N. Robot Mediator Settles First Ever Court Case / N. Hilborne // *Legal futures*. – 2019. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.legalfutures.co.uk/latest-news/robot-mediator-settles-first-ever-court-case> (date of access: 11.07.2021). – Title from screen.

15. JTC Resource Bulletin. Introduction to AI for Courts. Version 1.0. – 2020. – Electronic text data. – Mode

of access: https://www.ncsc.org/__data/assets/pdf_file/0013/20830/2020-04-02-intro-to-ai-for-courts_final.pdf (date of access: 18.07.2021). – Title from screen.

16. Legal Services Corporation (LSC). Justice Gap Report. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.lsc.gov/our-impact/publications/other-publications-and-reports/justice-gap-report> (date of access: 18.07.2021). – Title from screen.

17. National Center for State Courts (NCSC). Trial Trends and Implications for the Civil Justice System. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.courtstatistics.org/__data/assets/pdf_file/0014/30614/Trial-Trends-and-Implications-for-the-Civil-Justice-System.pdf (date of access: 20.07.2021). – Title from screen.

18. NSCAI, The Final Report. – 2021 (March, 1). – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.nscail.gov/wp-content/uploads/2021/03/Full-Report-Digital-1.pdf> (date of access: 22.07.2021). – Title from screen.

19. Odyssey File & Serve. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.tylertech.com/products/odyssey/file-serve> (date of access: 18.07.2021). – Title from screen.

20. Rozynski, O. We Are Creating the Alien / O. Rozynski. – 2019. – Electronic text data. – Mode of access: <https://towardsdatascience.com/we-are-creating-the-alien-878921e0c3e8> (date of access: 12.07.2021). – Title from screen.

21. Brown, P. Waking Up to Artificial Intelligence / P. Brown. – 2020. – Electronic text data. – Mode of access: (date of access: 12.07.2021). – Title from screen.

22. The VICTOR Project: Applying Artificial Intelligence to Brazils Supreme Federal Court / Ricardo Vieira de Carvalho Fernandes, Danilo Barros Mendes, Gustavo Henrique T.A. Carvalho, Hugo Honda Ferreira // Research Handbook on Big Data Law Research Handbooks in Information Law series. – 2021. – P. 304–317. – DOI: <https://doi.org/10.4337/9781788972826.00021>.

23. Using Machine Learning on Legal Matters: Paying Attention to the Data Behind the Curtain / R. Keeling [et al.] // Hastings Sci. & Tech. L.J. – 2020. – Vol. 11, № 1. – P. 8–36.

24. Rusakova, E. P. Digital Rights as New Object of Civil Rights: Issues of Substantive and Procedural Law / E. P. Rusakova, E. E. Frolova, A. I. Gorbacheva // Advances in Intelligent Systems and Computing. – 2020. – Vol. 1100. – P. 665–673.

25. Smith, G. Ethical, Safe, Lawful: A Toolkit for Artificial Intelligence Projects / G. Smith, R. Cumbley // Allens with Linklaters LLP. – 2019. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.allens.com.au/globalassets/pdfs/campaigns/report-ai-toolkit_may19.pdf (date of access: 12.07.2021). – Title from screen.

26. Superior Court of California. County of Los Angeles. LACourtConnect. – Electronic text data. –

Mode of access: <https://my.lacourt.org/laccwelcome> (date of access: 15.07.2021). – Title from screen.

27. Vanni, R. How Artificial Intelligence is Transforming the Legal Profession / R. Vanni // Kira Inc. – 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://kirasystems.com/learn/how-artificial-intelligence-is-transforming-the-legal-profession> (date of access: 20.07.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. Ermakova E.P. *Reformy grazhdanskogo sudoproizvodstva, arbitrazha i mediacii v zarubezhnykh stranah 2014–2018 gg. (Avstralija, Anglija, Germanija, Kanada, SShA, Francija): monografiya* [Reforms of Civil Proceedings, Arbitration and Mediation in Foreign Countries 2014–2018 (Australia, England, Germany, Canada, USA, France). Monograph]. Moscow, Infotopic Media Publ., 2018. 192 p.

2. Ermakova E.P., Frolova E.E. *Iskusstvennyj intellekt v grazhdanskom sudoproizvodstve i arbitrazhe: opyt SShA i KNR* [Artificial Intelligence in Civil Litigation and Arbitration: The Experience of the United States and China]. Moscow, 2021. 224 p.

3. Ermakova E.P., Frolova E.E. Razreshenie sporov i iskusstvennyj intellekt: za i protiv [Dispute Resolution and Artificial Intelligence: Pros and Cons]. *Perspektivy i problemy razvitiya tretejskogo razbiratel'stva v Rossii: sbornik st. po materialam nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Prospects and Problems of the Development of Arbitration Proceedings in Russia. Collection of Articles Based on the Proceedings of a Scientific Conference with International Participation], 2020, pp. 29–36.

4. Inshakova A.O., Radijchuk K.Yu. Pravovoe regulirovanie cifrovyykh tekhnologiy [Legal Regulation of Digital Technologies]. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie* [Innovation. Science. Education], 2020, no. 20, pp. 549–554.

5. Mamychev A.Yu., Kim A.A., Frolova E.E. «Budushchee» kak attraktor sovremennykh politiko-pravovykh i social'no-ekonomicheskikh transformacij: obzor osnovnykh problem i podhodov [“The Future” As an Attractor of Modern Political, Legal and Socio-Economic Transformations: Overview of the Main Problems and Approaches]. *Advances in Law Studies*, 2020, vol. 8, no. 55, pp. 3–17.

6. Rusakova E.P. Integrirovaniye sovremennykh cifrovyykh tekhnologiy v sudoproizvodstvo Kitajskoj Narodnoj Respubliki i Singapura [Integration of Modern Digital Technologies Into the Judiciary of the People's Republic of China and Singapore]. *Gosudarstvo i pravo* [The State and Law], 2020, no. 9, pp. 102–109.

7. Velez-Green A., Scharre P. The United States Can Be a World Leader in AI. Here's How. *The National Interest*, 2017. URL: <https://www.cnas.org/publications/commentary/the-united-states-can-be-a-world-leader-in-ai-heres-how> (accessed 15 July 2021).
8. Garberson A. What Are Analytics Experts Looking to in 2020 with Data and Privacy? *MarTech Today*, 2020. URL: <https://martechtoday.com/what-are-analytics-experts-looking-to-in-2020-with-data-and-privacy-238946> (accessed 10 July 2021).
9. Ilachinski A. AI, Robots, and Swarms: Issues, Questions, and Recommended Studies. *Center for Naval Analysis*, 2017, p. 6.
10. O'Brien C. AI Startups Raised \$18.5 Billion in 2019, Setting New Funding Record. *Venture Beat*, 2020. URL: <https://venturebeat.com/2020/01/14/ai-startups-raised-18-5-billion-in-2019-setting-new-funding-record> (accessed 11 July 2021).
11. *Colorado Resource Network*. URL: <https://www.coloradourourcenetwork.com> (accessed 15 July 2021).
12. *Computing System Innovations*. URL: <http://csisoft.com> (accessed 15 July 2021).
13. *Florida Law Help*. URL: <https://floridalawhelp.org> (accessed 15 July 2021).
14. Hilborne N. Robot Mediator Settles First Ever Court Case. *Legal Futures*, 2019. URL: <https://www.legalfutures.co.uk/latest-news/robot-mediator-settles-first-ever-court-case> (accessed 11 July 2021).
15. *JTC Resource Bulletin. Introduction to AI for Courts. Version 1.0*, 2020. URL: https://www.ncsc.org/_data/assets/pdf_file/0013/20830/2020-04-02-intro-to-ai-for-courts_final.pdf (accessed 18 July 2021).
16. *Legal Services Corporation (LSC). Justice Gap Report*. URL: <https://www.lsc.gov/our-impact/publications/other-publications-and-reports/justice-gap-report> (accessed 18 July 2021).
17. *National Center for State Courts (NCSC). Trial Trends and Implications for the Civil Justice System*. URL: https://www.courtstatistics.org/_data/assets/pdf_file/0014/30614/Trial-Trends-and-Implications-for-the-Civil-Justice-System.pdf (accessed 20 July 2021).
18. *NSCAI. The Final Report*, 2021, March 1. URL: <https://www.nscail.gov/wp-content/uploads/2021/03/Full-Report-Digital-1.pdf> (accessed 22 July 2021).
19. *Odyssey File & Serve*. URL: <https://www.tylertech.com/products/odyssey/file-serve> (accessed 18 July 2021).
20. Rozynski O. *We Are Creating the Alien*, 2019. URL: <https://towardsdatascience.com/we-are-creating-the-alien-878921e0c3e8> (accessed 22 July 2021).
21. Brown P. *Waking Up to Artificial Intelligence*, 2020. URL: <https://www.law.com/newyorklawjournal/2020/02/10/waking-up-to-artificial-intelligence/?slreturn=20211028092036> (accessed 12 July 2021).
22. Vieira de Carvalho Fernandes R., Barros Mendes D., Carvalho G.A., Honda Ferreira H. The VICTOR Project: Applying Artificial Intelligence to Brazil's Supreme Federal Court. *Research Handbook on Big Data Law Research Handbooks in Information Law Series*, 2021, pp. 304-317. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781788972826.00021>.
23. Keeling R. et al. Using Machine Learning on Legal Matters: Paying Attention to the Data Behind the Curtain. *Hastings Sci. & Tech. L.J.*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 8-36.
24. Rusakova E.P., Frolova E.E., Gorbacheva A.I. Digital Rights As New Object of Civil Rights: Issues of Substantive and Procedural Law. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2020, vol. 1100, pp. 665-673.
25. Smith G., Cumbley R. Ethical, Safe, Lawful: A Toolkit for Artificial Intelligence Projects. *Allens with Linklaters LLP*. 2019. URL: https://www.allens.com.au/globalassets/pdfs/campaigns/report-ai-toolkit_may19.pdf (accessed 12 July 2021).
26. *Superior Court of California. County of Los Angeles. LACourtConnect*. URL: <https://my.lacourt.org/laccwelcome> (accessed 15 July 2021).
27. Vanni R. How Artificial Intelligence is Transforming the Legal Profession. *Kira Inc*, 2020. URL: <https://kirasystems.com/learn/how-artificial-intelligence-is-transforming-the-legal-profession> (accessed 20 July 2021).

Information About the Author

Ekaterina V. Kupchina, Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow Russian Federation, belousova_ev@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1318-3654>

Информация об авторе

Купчина Екатерина Валентиновна, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, belousova_ev@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1318-3654>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.9>

UDC 346.62
LBC 67.402

Submitted: 02.10.2021
Accepted: 18.10.2021

COMPARATIVE ANALYSIS OF TERMINOLOGY OF TAX LAW OF RUSSIA AND FRANCE

Alexander I. Goncharov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Irina S. Zemlyanskaya

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Galina V. Baryshnikova

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: Russian and French tax legislation presupposes the presence of special terms reflecting taxation processes, therefore, the article raises the question of the initial definition of all terms with the meaning of “tax” and characteristics that determine its economic essence. Everything mentioned above determined the relevance of scientific work and the authors set the **aim** of conducting a comparative analysis of the terminology of tax law in Russia and France. **Methods:** the methodological basis of this research is a set of methods of scientific knowledge, among which the main place is occupied by the methods of consistency, analysis, comparative legal and descriptive. **Results:** the author’s position substantiated in the work is based on the tax legislation of Russia and France. Based on a comparative analysis of the norms of the Tax Code of the Russian Federation and the Tax Code of France, a study of the types of tax payments is carried out. The question of the term “tax and collection” is raised. **Conclusions:** as a result of the study, it was determined that the term “taxes and fees” is used as a generic one, while the preference for establishing various types of taxes and fees applied in Russia and France is given to such a specific term designation as “tax”. It was revealed that, despite the use in the tax legislation of France in the name “taxe”, “la taxe foncière” is a tax. It has been established that in the Tax Code of the Russian Federation and the Tax Code of France, the terms of taxation are used as a means of formalizing the language for special purposes and contribute to the establishment and development of legal discourse.

Key words: tax, tallage, taxation, tax law, tax payments, tax legislation.

Citation. Goncharov A.I., Zemlyanskaya I.S., Baryshnikova G.V. Comparative Analysis of Terminology of Tax Law of Russia and France. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 72-76. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.9>

УДК 346.62
ББК 67.402

Дата поступления статьи: 02.10.2021
Дата принятия статьи: 18.10.2021

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ НАЛОГОВОГО ПРАВА РОССИИ И ФРАНЦИИ

Александр Иванович Гончаров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ирина Сергеевна Землянская

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Галина Валерьевна Барышникова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: российское и французское налоговое законодательство предполагает наличие специальных терминов, отражающих процессы налогообложения, поэтому в статье поднимается вопрос первоначального определения всех терминов со значением «налог» и характеристик, отражающих его экономическую сущность. Все вышеперечисленное обусловило актуальность научной работы, в связи с чем авторами в работе поставлена **цель** – проведение сопоставительного анализа терминологии налогового права России и Франции. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа, сравнительно-правовой и дескриптивный. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция опирается на налоговое законодательство России и Франции. На основании сопоставительного анализа норм Налогового кодекса Российской Федерации и Налогового кодекса Франции проводится исследование видов налоговых платежей. Поднимается вопрос терминологического «налога и сбора». **Выводы:** в результате исследования определено, что терминологическое «налоги и сборы» используется как родовое, при этом предпочтение при установлении различных видов налогов и сборов, применяемых на территории России и Франции, отдается такому видовому терминологическому «налог». Выявлено, что, несмотря на использование в налоговом законодательстве Франции в названии «taxe», «la taxe foncière» является налогом. Установлено, что в Налоговом кодексе Российской Федерации и Налоговом кодексе Франции термины налогообложения используются как средство формализации языка для специальных целей и способствуют установлению и развитию юридического дискурса.

Ключевые слова: налог, сборы, налогообложение, налоговое право, налоговые платежи, налоговое законодательство.

Цитирование. Гончаров А. И., Землянская И. С., Барышникова Г. В. Сравнительный анализ терминологии налогового права России и Франции // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 72–76. (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.9>

Introduction

A comparative analysis of tax terminology in modern Russian and French languages in the presented work will be carried out on the basis of the authentic texts of the tax legislation of the Russian Federation and France. In Russia, the Tax Code of the Russian Federation (RF Tax Code) is the main normative legal act governing domestic tax legislation. The Tax Code of the Russian Federation consists of two parts. The first part of the Tax Code of the Russian Federation, which entered into force on January 1, 1999, is a general part and contains:

- general concepts, terms, principles and rules of taxation;
- norms that imply responsibility for non-compliance with the law, a list of measures of influence on violators of the law;
- the competence of various subjects of tax relations;
- the rights and obligations of all, without exception, participants in tax relations.

The second part of the Tax Code of the Russian Federation, which entered into force on

January 1, 2001, is a special part that regulates: permissible and directly established taxes, duties and fees with a description of the procedure for their calculation and payment; terms of payment of taxes, fees and duties; special tax regimes; benefits, etc.

The creation of the French Tax Code (Code général des impôts ou CGI) was accompanied by the adoption of four Decrees and one Ordinance of April 6, 1950. A summary of the Code général des impôts is presented in Table 1.

In accordance with clause 1 of Article 8 of the Tax Code of the Russian Federation, tax is understood as a mandatory, individually free payment levied from organizations and individuals in the form of alienation of funds belonging to them by right of ownership, economic management or operational management of funds in order to financially support the activities of the state and/or municipalities [1].

Clause 2 of Article 8 of the Tax Code of the Russian Federation states that the levy is a compulsory fee levied from organizations and individuals, the payment of which is one of the conditions for the payment of levies by state

bodies, local self-government bodies, other authorized bodies and officials of legally significant actions, including the granting of certain rights or the issuance of permits (licenses), or the payment of which is conditional on the implementation of certain types of entrepreneurial activity within the territory where the levy was introduced.

Clause 1 of Article 12 of the Tax Code of the Russian Federation states that the following types of taxes and fees are established in the Russian Federation: federal, regional and local. In accordance with Article 13 of the Tax Code of the Russian Federation, federal taxes and fees include:

- 1) value added tax;
- 2) excise taxes;
- 3) personal income tax;
- 4) corporate income tax;
- 5) tax on the extraction of minerals;
- 6) water tax;

7) fees for the use of objects of the animal world and for the use of objects of aquatic biological resources;

8) state duty;

9) tax on additional income from the extraction of hydrocarbons.

Article 14 of the Tax Code of the Russian Federation establishes the following regional taxes:

- 1) tax on property of organizations;
- 2) tax on gambling business;
- 3) transport tax.

Article 15 of the Tax Code of the Russian Federation states that local taxes and fees are:

- 1) land tax;
- 2) tax on property of individuals;
- 3) trade fee [1].

In addition to the listed federal, regional and local taxes and fees, the tax legislation of Russia, in particular Article 18 of the Tax Code of the

Table 1

**Summary of the French Tax Code (Code général des impôts)
as of October 15, 2021 translated into English**

La courte structure du Code général des impôts	English translation
Livre premier: Assiette et liquidation de l'impôt	Book One: Taxable Base and Tax Calculation
Première Partie: Impôts d'État	Part one: government taxes
Titre premier: Impôts directs et taxes assimilées	Document One: Direct Taxes and Similar Direct Taxes (includes 4 chapters)
Titre II: Taxes sur le chiffre d'affaires et taxes assimilées	Second Document: Sales Tax and Similar Taxes (includes 22 chapters)
Titre II bis: Dispositions communes aux impôts directs et aux taxes sur le chiffre d'affaires	Document Two Bis: General Provisions on Direct and Value Added Taxes (includes 4 chapters)
Titre III: Contributions indirectes et taxes diverses	Document Three: Indirect Taxes and Fees (includes 4 chapters)
Titre IV: Enregistrement, publicité foncière. Impôt de solidarité sur la fortune, timbre	The fourth document: Registration, real estate transactions. General property tax, stamp duty. (includes 4 chapters)
Titre V: Dispositions communes aux titres I, II et IV	Fifth document: general provisions for documents I, II and V (consists of one chapter)
Deuxième Partie: Impositions perçues au profit des collectivités locales et de divers organismes	Part two: taxes levied on local collective organizations and other organizations
Titre premier: Impositions communales	Document One: Taxation of Communes (includes 4 chapters)
Titre II: Impositions départementales	Second Document: Taxation in Departments (includes 2 chapters)
Titre 0-II bis: Imposition perçues au profit de la métropole de Lyon	Document 0-II bis: Taxes Collected in the City of Lyon (Includes 2 Chapters)
Titre II bis: Impositions perçues au profit des régions et de la collectivité territoriale de Corse	Second Bis Document: Taxes Levied in Areas and Collective Territorial Authorities of Corsica. (includes 3 chapters)
Titre III: Impositions perçues au profit de certains établissements publics et d'organismes divers	The third document: taxes levied in favor of some government agencies and various organizations. (includes 4 chapters)
Troisième partie: Dispositions communes aux première et deuxième parties	Part three: general provisions to the first and second parts
Livre II: Recouvrement de l'impôt	Book Two: Collecting Taxes (consists of four chapters)

Note. Source. Compiled and translated by the authors based on materials [2].

Russian Federation, provides for the use of special tax regimes, which may provide for a special procedure for determining the elements of taxation, as well as exemption from the obligation to pay certain taxes and fees provided for Articles 13, 14 and 15 of the Tax Code of the Russian Federation. Special tax regimes include:

- 1) the system of taxation for agricultural producers (unified agricultural tax);
- 2) a simplified taxation system;
- 3) the system of taxation in the implementation of production sharing agreements;
- 4) patent taxation system;
- 5) tax on professional income (as an experiment).

Research on the terminology of tax law in Russia and France

In the Tax Code of the Russian Federation, the system of tax payments is represented by such basic terms as tax and collection. However, in accordance with the above articles of the Tax Code of the Russian Federation, such terms as excise and duty also apply to taxes and fees. The study of the norms of the Tax Code of the Russian Federation allows us to conclude that the term “taxes and fees” is used as a generic term, while preference is given to such a specific term designation as “tax” when establishing various types of taxes and fees applied on the territory of Russia.

French tax law uses terms such as:

1. Impôt (m) – tax, “*Prélèvement effectué d'autorité et à titre définitif sur les ressources ou sur les biens des individus ou des collectivités, et payé en argent pour subvenir aux dépenses d'intérêt général de l'État ou des collectivités locales*”.

2. Taxe (f) – tax, duty, “*Prélèvement à caractère fiscal, destiné à alimenter la trésorerie de l'État, d'une collectivité locale ou d'un établissement public administratif en contrepartie d'un service rendu aux administrés*”.

3. Contribution (f) – contribution, “*Part que chacun apporte à une dépense commune, et en particulier aux dépenses de l'État ou des collectivités publiques (au pluriel surtout)*”. Synonyms for this tax term are: droit, imposition, taxe.

4. Prélèvement (m) – sampling, “*Prélèvements obligatoires, ensemble des charges fiscales et sociales grevant les contribuables*”.

5. Cotisation (f) – contribution, “*Contribution des salariés et/ou de leurs employeurs versée aux différents organismes qui assurent la protection sociale (la Sécurité sociale, l'assurance chômage, etc.)*”.

6. Redevance (f) – Royalty fee, “*Somme due en contrepartie de l'utilisation d'un service public: Payer la redevance de la télévision*”.

7. Droit (m) – fee, “*impôt, taxe: Payer des droits sur les alcools*”.

8. Participation (f) – participation, “*contribution*” [3].

In French tax law, as well as in Russian tax law, the term “impôt” (tax) is a generic term.

The term “tax” in France was defined thanks to judicial practice, in particular, by the decision of the State Council of the “National Union of Air Carriers” dated November 21, 1958. This decision identified the following five characteristics that define the economic term “tax”:

- the tax is collected in cash;
- established by the state;
- has a permanent character of collection;
- tax revenues are directed to government purposes;
- the tax is free of charge.

For example, taxes include: “l'impôt sur le revenu” (income tax), “la taxe foncière” (land tax), “l'impôt sur les sociétés” (corporate income tax).

Conclusion

Despite the use of “taxe” in the name, “la taxe foncière” is a tax.

The use of “taxe” in the name of a tax payment is usually associated with the provision of government services [4].

The study also allows us to conclude that in the main regulatory legal acts governing the tax legislation of both Russia and France, the terms of taxation are used as a means of formalizing the language for special purposes and contribute to the establishment and development of legal discourse.

In our subsequent studies, in order to establish a possible correlation and clear differences between the use of Russian and French equivalents of tax law terms, we aim to investigate the

definitions of the above terms and analyze the situations of their use in Russian and French.

<https://www.pointdroit.com> (date of access: 02.10.2021). – Title from screen.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.nalogovyy-kodeks.ru> (дата обращения: 02.10.2021). – Загл. с экрана.
2. Code Général des Impôts. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (date of access: 02.10.2021). – Title from screen.
3. Définitions: Fiscalité-Dictionnaire de Français Larousse. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/fiscalite/33867> (date of access: 02.10.2021). – Title from screen.
4. Quelle-est la Différence Entre Taxe, Impôt et Redevance? – Electronic text data. – Mode of access:

REFERENCES

1. *Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 31.07.1998 № 146-FZ (red. ot 02.07.2021)* [Tax Code of the Russian Federation No. 146-FZ (Part 1) Dated July 31, 1998 (As Amended on July 2, 2021)]. URL: <https://www.nalogovyy-kodeks.ru> (accessed 2 October 2021).
2. *Code Général des Impôts*. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (accessed 2 October 2021).
3. *Définitions: Fiscalité-Dictionnaire de Français Larousse*. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/fiscalite/33867> (accessed 2 October 2021).
4. *Quelle-est la Différence Entre Taxe, Impôt et Redevance?* URL: <https://www.pointdroit.com> (accessed 2 October 2021).

Information About the Authors

Alexander I. Goncharov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, goncharova.sofia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6580-4104>

Irina S. Zemlyanskaya, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Accounting, Analysis and Audit, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, zemlyanskaya-is@vlgr.ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8642-045X>

Galina V. Baryshnikova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, baryshnikova-gv@vlgr.ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4823-6453>

Информация об авторах

Александр Иванович Гончаров, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, goncharova.sofia@gmail.com, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6580-4104>

Ирина Сергеевна Землянская, кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, zemlyanskaya-is@vlgr.ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8642-045X>

Галина Валерьевна Барышникова, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, baryshnikova-gv@vlgr.ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4823-6453>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.10>

UDC 324
LBC 67.400.8

Submitted: 20.07.2021
Accepted: 10.09.2021

THE BRASILIAN ELECTORAL JUSTICE

Alexey V. Szydowski

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: electoral justice can be called the basis of a modern system of democratic elections based on the principles of protecting the rights and freedoms of citizens and equal access for all to the electoral process on the terms of transparency, impartiality, and justice. **Purpose:** the purpose of the paper is to consider electoral justice in Brazil and analyze its significance for the political and electoral competition in the country during the elections. **Methods:** when working on the paper, the author studied a large volume of scientific and legal materials, some of which were little known to the Russian scientific community or introduced into the scientific circulation for the first time. The methodological framework for the research is a complex of general scientific and special legal methods, in particular, the system method, analysis, synthesis, and generalization and forecasting. The formal legal method was also used to analyze the normative legal acts, as well as a comparative approach when analyzing the foreign and Russian sources. The historical and legal method allowed us to consider the origin, formation, and development of electoral law in chronological order, taking into account the modern features of Brazil. **Results:** the peculiarities of the modern Brazilian electoral justice system are that such a system, created as a necessary element of democratic elections, eventually became the basis for the democratic consolidation of Brazil, influencing not only the making and application of independent decisions but also the rule-making in the electoral process. This is due, firstly, to the fact that the Brazilian electoral justice is independent neither of the regulatory body that carries out electoral justice, nor of the party interests, nor of the interests of the majority in the matters of protecting society exercising its electoral right. Secondly, the electoral justice system has quite broad powers in terms of implementing the rule-making process on the issues of law enforcement of the constitutional regulations on the electoral process. **Conclusions:** such rule-making contributes to the creation of conditions for the effective judicial protection and political competition, and the institution of electoral justice itself objectively shows its efficiency and is recommended for the implementation in the Russian Federation in the form of an autonomous system of electoral courts, including the federal electoral court, the electoral courts of the subjects of the federation, the municipal electoral courts and the corps of electoral judges of polling stations.

Key words: electoral justice, Brazil, electoral law, judicial bodies, democratic principles, electoral justice.

Citation. Szydowski A. V. The Brazilian Electoral Justice. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 77-82. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.10>

УДК 324
ББК 67.400.8

Дата поступления статьи: 20.07.2021
Дата принятия статьи: 10.09.2021

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ БРАЗИЛИИ

Алексей Валерьевич Шидловский

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Введение: электоральную юстицию можно назвать основой современной системы демократических выборов, построенных на принципах защиты прав и свобод граждан и равного доступа всех к избирательному процессу на условиях гласности, беспристрастности и справедливости. **Цель:** рассмотреть электоральную юстицию в Бразилии и проанализировать ее значение для политической и избирательной конкуренции в стране при осуществлении выборов. **Методы:** при работе над статьей автором был исследован большой объем научной и юридической литературы, в том числе малоизвестной российскому научному сообществу либо впервые вводимой в научный оборот. Методологическую основу исследования составляет комплекс

общенаучных и специальных юридических методов, в частности системный метод, анализ, синтез, обобщение и прогнозирование. Также был использован формально-юридический метод для проведения анализа нормативно-правовых актов, а также компаративистский подход при изучении зарубежных и российских источников. Историко-правовой метод позволил рассмотреть зарождение, становление и развитие избирательного права в хронологической последовательности с учетом современных особенностей Бразилии. **Результаты:** особенностями современной бразильской системы электоральной юстиции является то, что такая система, первоначально созданная как необходимый элемент демократических выборов, в конечном итоге стала основой демократической консолидации Бразилии, оказав влияние не только на вынесение и применение независимых решений, но и на нормотворчество в сфере избирательного процесса. Обусловлено это, во-первых, тем, что бразильская электоральная юстиция независима ни от регулирующего органа, осуществляющего электоральную юстицию, ни от партийных интересов, ни от интересов большинства в вопросах защиты общества, реализующего свое избирательное право. Во-вторых, электоральная юстиция имеет достаточно широкие полномочия в части осуществления нормотворческого процесса по вопросам правоприменения конституционных предписаний об избирательном процессе. **Выводы:** такое нормотворчество способствует созданию условий для эффективной судебной защиты и политической конкуренции, а сам институт электоральной юстиции объективно показывает свою эффективность и рекомендуется для внедрения в Российской Федерации в виде автономной системы электоральных судов, которая включает в себя федеральный электоральный суд, электоральные суды субъектов федерации, муниципальные электоральные суды и корпуса электоральных судов избирательных участков.

Ключевые слова: электоральная юстиция, Бразилия, избирательное право, судебные органы, демократические принципы, избирательная справедливость.

Цитирование. Шидловский А. В. Электоральная юстиция Бразилии // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 77–82. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.10>

Введение

Конституционное, законодательное и институциональное проектирование избирательных процессов в конкретной стране требует комплексного подхода, включающего в качестве одного из своих ключевых компонентов систему электоральной юстиции. Именно ее наличие является одним из важнейших направлений, призванных обеспечить эффективное регулирование избирательного режима.

Цели электоральной юстиции вполне понятны, и в специализированной литературе они сводятся к обеспечению подлинной и эффективной защиты права избирать или быть избранным и непосредственно участвовать в процессе или процедуре прямой демократии путем голосования различными способами.

Когда какие-либо действия, процедуры или решения, связанные с избирательным процессом, не соответствуют положениям закона, возникает конфликт, эффективно разрешить который можно только средствами электоральной юстиции.

Для многих стран, сравнительно недавно пришедших к демократическому режиму, электоральная юстиция – явление новое и недостаточно изученное как в теории, так и на

практике. Среди таких стран можно выделить и Бразилию. Растущая роль бразильской системы электоральной юстиции в укреплении демократического режима страны сравнительно недавно стала привлекать внимание бразильских исследователей [4, с. 32; 5, с. 118; 6; 8].

Независимость электоральной юстиции

Вместе с тем система электоральной юстиции в Бразилии, как и во многих других странах, вносит важный вклад в обеспечение стандартов справедливости выборов, тем самым демонстрируя сильную институциональную стабильность, которой она достигла в бразильской политической системе.

Категория «справедливость» применительно в избирательному процессу может быть истолкована по-разному. В широком смысле она подразумевает, что каждые действия и решения, связанные с избирательным процессом, должны быть осуществлены в соответствии с конституционными предписаниями, международными нормами права, а также иными законодательными актами. В узком смысле категория «справедливость» оз-

начает, что избирательное право можно не только защитить, но и восстановить за счет предоставления лицам, которые считают свои права нарушенными, возможности подать жалобу и получить судебное решение [6; 7].

В бразильской литературе, посвященной анализу и особенностям электоральной юстиции страны, отмечается также, что одним из условий установления справедливости в бразильском избирательном процессе является независимость регулирующего органа, осуществляющего электоральную юстицию, от партийных интересов [7; 8], а также от интересов большинства [4, с. 12]. В буквальном смысле сказанное обозначает, что независимость органов электоральной юстиции Бразилии защищает общество, реализующее свое избирательное право, от пристрастных интересов действующей власти.

Нейтралитет органов электорального правосудия Бразилии в отношении политических интересов имеет также и большое практическое значение, которое прослеживается в деятельности Высшего избирательного суда Бразилии – одной из четырех инстанций системы электоральной юстиции.

Во-первых, Высший избирательный суд страны не подотчетен политическим партиям и не имеет постоянного состава. Так, согласно положениям статей 118–121 Конституции Федеративной Республики Бразилия [8, с. 93] (далее – Конституция Бразилии) судьи Высшего избирательного суда вызываются из числа судей Верховного суда, Высшего суда и двух юристов, назначаемых Президентом Республики, а судьи областных судов вызываются из числа судей других судов и двух адвокатов, назначаемых Президентом Республики. Судьи системы электоральной юстиции являются судьями государственной юстиции, которые разделяют свое время между обычной деятельностью и деятельностью по выборам (которые по своему характеру носят сезонный характер).

Во-вторых, Высший избирательный суд Бразилии имеет достаточно широкие полномочия в части осуществления нормотворчества по вопросам правоприменения конституционных предписаний об избирательном процессе.

Однако для того, чтобы более детально проанализировать отдельные особенности

бразильской системы электорального правосудия, мы акцентируем внимание на структуре такой системы. Так, согласно ст. 118 Конституции Бразилии электоральная юстиция имеет четыре инстанции: Высший избирательный суд, региональные избирательные суды, судьи по выборам и избирательные комиссии. Высший избирательный суд является главным органом для принятия решений, касающихся управления и осуществления избирательного процесса. Кроме того, этот суд – последняя инстанция в случаях разногласий на выборах (вынесение решения по правилам).

Голосование в Бразилии является обязанностью для людей в возрасте от 18 до 60 лет. Жители страны в возрасте старше 16 и младше 18 лет (на момент проведения выборов) имеют право голосовать, но не обязаны это делать. Граждане должны зарегистрироваться в отделениях избирательной юстиции, которые затем выдают специальную карту, которая содержит уникальный номер, а также зону и участок, где зарегистрирован избиратель. Во время выборов органы электоральной юстиции (как правило, избирательная комиссия) публикуют в СМИ список избирателей, которые должны прийти на голосование. Органы электоральной юстиции при необходимости имеют право привлекать граждан к работе на выборах (проверка удостоверений личности, организация очередей и т. д.) на безвозмездной основе.

Органы электоральной юстиции отвечают за проверку соблюдения кандидатами законодательства. Случаи неправомерного поведения во время избирательных кампаний осуждаются и рассматриваются соответствующим органом электоральной юстиции.

Кроме того, все кандидаты должны отчитываться перед Избирательной комиссией, которая проверяет их на предмет соблюдения избирательного законодательства. Для того чтобы получить полномочия на посту, все избранные кандидаты должны иметь свои счета, утвержденные Избирательной комиссией.

В состав Высшего избирательного суда входят 7 членов: 3 судьи Верховного федерального суда (Федеральный трибунал Верховного суда), 2 судьи Высшего Суда (Высший трибунал правосудия) и 2 гражданина с юридическим образованием, соответствующими

знаниями и хорошей моральной репутацией, выдвинутых Верховным федеральным судом и назначенных, как уже было отмечено, Президентом. Эти внешние члены обычно являются юристами, работающими в области выборов. Региональные избирательные суды базируются в каждой столице штата. Помимо участия в управлении и осуществлении избирательного процесса, региональные избирательные суды выносят решения по спорам, связанным с реализацией гражданами их избирательных прав. Каждый региональный избирательный суд состоит из 7 членов: двух судей апелляционной инстанции из Суда штата, двух судей из суда низшей инстанции штата, выбранных Судом, одного судьи федерального суда низшей инстанции и двух граждан с юридическими знаниями и хорошей репутацией, назначенных Судом и выбранных Президентом. Судья по выборам определяется региональным избирательным судом из числа судей штата. Такие суды принимают участие в управлении и проведении избирательного процесса и выступают в качестве суда первой инстанции для вынесения решений, связанных с нарушением избирательных прав граждан. Избирательные комиссии являются специальными органами, созданными только для осуществления избирательного процесса. За 60 дней до выборов региональные избирательные суды определяют председателя избирательной комиссии и от двух до четырех граждан, обладающих юридическими знаниями и хорошей репутацией. Таким образом, избирательная комиссия помогает судье по выборам выполнять обязанности в части организации и контроля за избирательным процессом в конкретном регионе.

Бразильская специфика электоральной юстиции

Поскольку, как уже было отмечено ранее, органы электоральной юстиции Бразилии не имеют собственных штатных членов, а состоят из действующих судей судов различного уровня, существует определенная специфика работы органов электорального правосудия, к которой относится пересечение деятельности органов электоральной юстиции с высшими судебными органами, в том числе

с Конституционным судом, а также с судебными органами регионального уровня. Тот факт, что судьи системы электорального правосудия являются одновременно еще и судьями в других областях судебной системы, не означает, что они обязаны прекращать свою деятельность в этих областях; они могут совмещать два направления – электоральное и основное (которые часто пересекаются, создавая конфликт интересов). По указанной причине в Бразилии существует некое негласное правило, устанавливающее, что никто из судей электоральной юстиции не должен занимать свой пост в течение второго двухлетнего срока (по общему правилу срок полномочий судей электоральной юстиции должен составлять всего 2 года, но традиционно в Бразилии выбирают судей на 2 срока подряд).

Тем не менее, объединение электоральной юстиции с судебной властью создает, по нашему мнению, некий правовой щит против вмешательства любого представительного учреждения (социального, политического или партийного), что согласуется с принципами демократии в области избирательного права.

Так, главными особенностями, способствующими правильному применению избирательного права, являются развитие политической культуры и гражданского образования с акцентом на важность эффективного соблюдения демократических принципов и ценностей, которые включают строгое соблюдение верховенства права и права человека, мирное урегулирование споров с использованием электоральной независимой юстиции, что прослеживается на практике.

Каждые 4 года в Бразилии проводятся тысячи муниципальных выборов, которые обычно проходят без серьезных проблем. Однако во многих муниципалитетах ситуация не является стабильной. Через определенное время проводятся новые выборы, которые еще называют дополнительными. В случае с ними избиратели возвращаются на участки, чтобы снова выбрать главу муниципального образования. Обычно этим выборам предшествует настоящая судебная война, ведущаяся между противоборствующими группами и/или государственным обвинением и избранными кандидатами.

В этом контексте роль электоральной юстиции весьма очевидна, поскольку именно от нее зависит итоговый результат правильности избирательного процесса. Иными словами, защита средствами электоральной юстиции в Бразилии является дополнительной стратегией, используемой политическими субъектами из-за ее эффективности и независимости в части обеспечения избирательной конкуренции.

Выводы

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что электоральная юстиция в Бразилии выполняет административные, юрисдикционные, нормативные и консультативные функции. То есть отвечает не только за организацию выборов (применение правил) и за рассмотрение избирательных споров, но и за формулирование решений четко нормативного характера (нормотворчество).

Сама же Концепция дополнительных выборов взята из статьи 224 Избирательного кодекса Бразилии [2, с. 91; 3, с. 26; 5, с. 24], которая предусматривает проведение новых выборов в двух случаях: первый – когда число голосов, набранных за большинство должностей Президента Бразилии, губернатора региона или главы муниципального образования, превышает половину голосов; второй – когда проводятся дополнительные выборы (в таком случае Избирательная комиссия должна принять решение об отказе в регистрации, аннулировании или утрате мандата кандидата, избранного большинством голосов, без учета количества аннулированных голосов). Таким образом, дополнительные выборы в Бразилии проводятся всякий раз, когда предыдущие выборы аннулируются либо в результате аннулирования более половины голосов, либо в результате удаления избранного кандидата (путем отказа в регистрации, аннулировании мандата и проч.) на очередных выборах, и каждый раз основная роль в этом процессе отводится органам электоральной юстиции.

Также необходимо отметить, что первая инстанция электоральной юстиции несет ответственность более чем за 70 % всех решений, ведущих к дополнительным выборам.

При этом максимальный процент оспаривания таких решений за все время существования системы электоральной юстиции составлял лишь 20 % [8; 6]. Это является хорошим показателем электоральной юстиции и того, как ее вмешательство может влиять на справедливость в избирательном процессе.

Избирательная справедливость всегда являлась краеугольным камнем демократии ввиду того, что она гарантирует и законность избирательного процесса, и политические права граждан за счет правовых средств защиты избирательных прав.

Система электоральной юстиции, в свою очередь, с помощью правовых средств способствует разрешению политических конфликтов, гарантируя полное соблюдение установленных нормативными актами предписаний. Сильная и независимая система электоральной юстиции улучшает рамки, в которых сосуществуют политические, административные и судебные институты, обеспечивающие социальную стабильность в обществе.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что органы электоральной юстиции в Бразилии являются важнейшим средством защиты избирательных прав граждан страны, что обусловлено их независимостью от действующей власти и достаточно широкими полномочиями в сфере избирательного нормотворчества. Кроме того, несмотря на всю особенность системы электоральной юстиции Бразилии, заключающуюся в порядке выбора судей органов электоральной юстиции, модель управления этой системой, учитывая независимость электоральной юстиции от власти в стране, способствует созданию условий для эффективной судебной защиты и политической конкуренции, а сам институт электоральной юстиции объективно показывает свою эффективность и рекомендуется для внедрения в Российской Федерации в виде автономной системы электоральных судов, которая включает в себя федеральный электоральный суд, электоральные суды субъектов федерации, муниципальные электоральные суды и корпуса электоральных судов избирательных участков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Бразилии. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/09/Brazil-constitution-English.pdf> (дата обращения: 14.07.2021). – Загл. с экрана.
2. Сравнительное конституционное право / В. Е. Чиркин [и др.]. – М. : Манускрипт, 1996. – 728 с.
3. Старостина, И. А. Выборы федерального Президента Бразилии 2018 года: новые технологии в действии / И. А. Старостина, М. В. Старостенко // Избирательное законодательство и практика. – 2018. – № 4. – С. 23–27.
4. Couto, C. G. Constitution, Government and Democracy in Brazil / C. G. Couto, R. B. Arantes // *World Political Science Review*. – 2008. – № 4 (2). – P. 1–33.
5. Fleisher, D. El Impacto de la Justicia Electoral Sobre el Sistema Político Brasileño / D. Fleisher, L. Barreto // *América Latina Hoy*. – 2009. – Vol. 51, № 1. – P. 117–138.
6. Hamlin, R. The Judicialization of Politics: An Essentially Contested Concept / R. Hamlin, L. Kawar, G. Sala // Five College Faculty Seminar in Legal Studies. – Amherst, 2015.
7. Sadek, M. T. A Justiça Eleitoral e a Consolidação da Democracia no Brasil / M. T. Sadek. – São Paulo : Konrad Adenauer, 1995. – 90 p.
8. Rennó, L. Reforma Política: Consensos Necessários e Improváveis / L. Rennó // *Democracia Brasileira: Balanço e Perspectivas Para o Século 21*. – Belo Horizonte : UFMG, 2007. – 321 p.

REFERENCES

1. *Konstitutsiya Brazílii* [Brazilian Constitution]. URL: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/09/Brazil-constitution-English.pdf> (accessed 14 July 2021).
2. Chirkin V.E., Yudin Yu.A., Nikiforova M.A. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe pravo* [Comparative Constitutional Law]. Moscow, Manuscript Publ., 1996. 728 p.
3. Starostina I.A., Starostenko M.V. Vybory federalnogo Prezidenta Brazílii 2018 goda: novye tekhnologii v deistvii [Election of the Federal President of Brazil 2018: New Technologies in Action]. *Izbiratelnoe zakonodatelstvo i praktika* [Electoral Legislation and Practice], 2018, no. 4, pp. 23–27.
4. Couto C.G., Arantes R.B. Constitution, Government and Democracy in Brazil. *World Political Science Review*, 2008, no. 4 (2), pp. 1–33.
5. Fleisher D., Barreto L. El Impacto de la Justicia Electoral Sobre el Sistema Político Brasileño. *América Latina Hoy*, 2009, vol. 51, no. 1, pp. 117–138.
6. Hamlin R., Kawar L., Sala G. The Judicialization of Politics: An Essentially Contested Concept. *Five College Faculty Seminar in Legal Studies*. Amherst, 2015.
7. Sadek M.T. *A Justiça Eleitoral e a Consolidação da Democracia no Brasil*. São Paulo, Konrad Adenauer, 1995. 90 p.
8. Rennó L. Reforma Política: Consensos Necessários e Improváveis. *Democracia Brasileira: Balanço e Perspectivas Para o Século 21*. Belo Horizonte, UFMG, 2007. 321 p.

Information About the Author

Alexey V. Szydlowski, International Electoral Expert of the OSCE, International Observer for the US Presidential Elections in 2012 and 2016 from Russia, Head of the Legal Affairs and Government Relations Department, Center for Applied Research and Programs, Kosmonavta Volkova St, 5, Bld. 1, Office 1, 127299 Moscow, Russian Federation, alexey.szydlowski@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3923-3552>

Информация об авторе

Алексей Валерьевич Шидловский, международный электоральный эксперт ОБСЕ, международный наблюдатель на выборах Президента США в 2012 и 2016 гг. от России, руководитель Отдела по правовым вопросам и взаимодействию с органами государственной власти, Центр прикладных исследований и программ, ул. Космонавта Волкова, 5, стр. 1, пом. 1, 127299 г. Москва, Российская Федерация, alexey.szydlowski@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3923-3552>

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.11>

UDC 336.226.2
LBC 67.402

Submitted: 14.08.2021
Accepted: 15.09.2021

THE IMPORTANCE OF THE PRINCIPLES OF EFFICIENCY AND FAIRNESS IN PROPERTY TAXATION

Stanislav D. Kazachenkov

Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: to conduct an effective tax policy in the modern world, the state needs to rethink the development strategy in property taxation, which should be based on a system of taxation principles, in particular, the principle of efficiency (in conjunction with the principle of fairness). The novelty of the research lies in the fact that despite the theoretical research works on the subject under consideration, this area has not been sufficiently studied in the formation of a unified concept of the principle of efficiency in taxation (including property), which manifests the relevance of the work and the need for the study. The paper also considers the implementation of the principle of justice through the prism of property taxation in Rostov and Volgograd regions and examines the tools for applying the principle of justice in property taxation in law enforcement activities. **Purpose:** to study the statistics of tax efficiency together with the implementation of the principle of fairness in the modern tax system (through the example of property taxation in Rostov and Volgograd regions). **Methods:** the research is based on the method of system analysis and dialectics, synthesis, analogy, deduction, induction, the historical method, the method of unity of theory and practice, as well as special legal methods (the formal-legal method, the empirical methods of cognition and the dogmatic methods). **Results:** the formation of the concept of property taxation based on the principles of efficiency and fairness based on the analysis, statistical data, court decisions, and relations between the taxpayer, tax authorities, and the state due to the lack of sufficient study of the research in the scientific environment. **Conclusions:** the principle of equity of property taxation should take into account the peculiarities of modern legal and social realities, as well as the practical relations in taxation, together with the indicators of the effective principle of the same name by applying such principles in the theoretical and practical aspects.

Key words: principles, taxation, property, general legal principles, economic principles, principles of property taxation, fairness, efficiency, tax policy, mechanism.

Citation. Kazachenkov S.D. The Importance of the Principles of Efficiency and Fairness in Property Taxation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 83-90. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.11>

УДК 336.226.2
ББК 67.402

Дата поступления статьи: 14.08.2021
Дата принятия статьи: 15.09.2021

ЗНАЧИМОСТЬ ПРИНЦИПОВ ЭФФЕКТИВНОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В НАЛОГООБЛОЖЕНИИ ИМУЩЕСТВА

Станислав Дмитриевич Казаченков

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Введение: в целях проведения эффективной налоговой политики в современном мире государству необходимо переосмыслить стратегию развития в сфере имущественного налогообложения, которая дол-

жна опираться на систему принципов налогообложения, в том числе принципа эффективности (во взаимосвязи с принципом справедливости). Новизна исследования заключается в том, что, несмотря на теоретические исследовательские работы по рассматриваемой тематике, данная область недостаточно исследована в вопросе формирования единой концепции принципа эффективности в области налогообложения (в том числе имущественного), в чем и проявляется актуальность работы и потребность в изучении. Также нами рассмотрена реализация принципа справедливости через призму имущественного налогообложения на территории Ростовской и Волгоградской областей и исследован инструментарий применения принципа справедливости в сфере имущественного налогообложения в правоприменительной деятельности. **Цель:** изучение статистики эффективности налогообложения вместе с реализацией принципа справедливости в современной налоговой системе (на примере имущественного налогообложения в Ростовской и Волгоградской областях). **Методы:** исследование базируется на методе системного анализа и диалектики, синтеза, аналогии, дедукции, индукции, историческом методе, методе единства теории и практики, а также на специально-юридических методах (формально-юридический, эмпирические и догматические методы познания). **Результаты:** сформирована концепция имущественного налогообложения на основе принципов эффективности и справедливости с помощью анализа, статистических данных, судебных решений и отношений между налогоплательщиком, налоговыми органами и государством в связи с отсутствием достаточной проработки исследования в научной среде. **Выводы:** принцип справедливости имущественного налогообложения должен учитывать особенности современных реалий правовой и социальной действительности, а также практических отношений в сфере налогообложения вместе с показателями эффективного одноименного принципа путем применения таких принципов в теоретическом и практическом аспектах.

Ключевые слова: принципы, налогообложение, имущество, общеправовые принципы, экономические принципы, принципы имущественного налогообложения, справедливость, эффективность, налоговая политика, механизм.

Цитирование. Казаченков С. Д. Значимость принципов эффективности и справедливости в налогообложении имущества // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 83–90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.11>

Введение

Ключевой проблемой налогообложения во все времена является примирение государства и налогоплательщика, учитывая различные интересы участников данного процесса. Государство нуждается в финансовых средствах для реализации общесоциальных функций и, конечно же, стремится к постоянному увеличению бюджетных поступлений. Налогоплательщики же, напротив, не желают отчуждения своего имущества и хотят минимизировать свои «потери» при уплате налогов, тем самым сохранив свои сбережения для удовлетворения личных потребностей. Современная наука пытается решить эту задачу с помощью различных экономических, правовых и политических средств [16, р. 187; 17, р. 182; 18, р. 20; 20, р. 52]. Поэтому принцип справедливости – это, без сомнения, один из инструментов, выработанных финансово-правовой доктриной, который позволяет найти и удержать баланс между публичными и частными интересами в сфере налогового управ-

ления обществом, где эффективность должна быть полезной для любой из сторон. Следовательно, в данной статье необходимо рассмотреть, в чем состоит справедливость и эффективность налогообложения, в достаточной ли степени эти качества проявляются, а также выявить, какие меры по ее совершенствованию следует предпринять.

На первый взгляд, эти принципы противоречат друг другу: государству важна эффективность налогообложения, что влечет больший размер поступлений для осуществления фискальной функции государства, для налогоплательщиков же важна не эффективность, а «справедливость» в виде снижения налоговой нагрузки, льгот и равномерного распределения, так как любое отчуждение имущества вызывает у налогоплательщиков эмоциональное противоречие [1, с. 26; 3, с. 252; 4, с. 30].

И здесь мы задаемся вопросом – что же должно лежать в основе справедливого налогообложения, чтобы избежать негативных последствий?

А. Смит и его роль в создании классических принципов имущественного налогообложения

Родоначальник четырех принципов имущественного налогообложения А. Смит выдвигал идею равномерного (то есть справедливого) распределения бремени налогоплательщиков, суть которой заключается в том, что налоговые поступления с граждан государства следует взимать «...соответственно доходу, каким они пользуются под покровительством и защитой государства...» [10, с. 590]. Данная мысль важна тем, что таким выводом Смит одновременно определил две вещи: по какой причине налогоплательщики обязаны платить налоги и на что такие поступления должны расходоваться государством, под защитой которого они находятся [19, р. 252]. Он считал, что из трех обсуждаемых налогов (по аналогии с современными налогами: налог на прибыль организаций, налог на доходы физических лиц и земельный налог) первые два находятся под ответственностью предпринимателя / работодателя, а потому они «перекладываются». Именно земельный налог имеет прямое воздействие и приводит к реальному сокращению доходов землепользователей, так как не может быть ни на кого переложен. В связи с чем актуальным является рассмотрение налогообложения недвижимых объектов на текущий момент.

Совместное взаимодействие принципов эффективности и справедливости как реализация прав налогоплательщиков

Так, в настоящее время система налогообложения имущества претерпевает процесс совершенствования, связанный с завершением перехода к налогообложению недвижимых объектов по справедливой учетной стоимости [15, с. 353].

Действующее налоговое законодательство предусматривает применение кадастровой стоимости в налоговых конструкциях по налогу на имущество организаций (региональный), на имущество физических лиц и земельному налогу (местные), где в качестве налоговой базы предусмотрена кадастровая стоимость объектов недвижимости (п. 2 ст. 375

НК РФ в отношении налога на имущество организаций, ст. 408 НК РФ в отношении налога на имущество физических лиц и ст. 389 НК РФ относительно земельного налога).

Согласно Федеральному закону «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ [11], кадастровая стоимость устанавливается в процессе государственной кадастровой оценки, а также назначается по итогам рассмотрения споров о ней в суде. Исходя из определения данного понятия, региональные власти на протяжении последних лет внедряли налогообложение соответствующего имущества. Так, уже к 2015 г. некоторую коммерческую недвижимость, а также налог на имущество физических лиц (дачи, квартиры, земельные участки) стали рассчитывать по кадастровой стоимости в 28 регионах (в том числе в Москве и Московской области). К настоящему времени количество таких версий федерального закона растет.

Налогообложение имущества в Ростовской области также соответствует общей динамике. С 1 января 2018 г. Ростовская область перешла с расчета по инвентаризационной стоимости на новый порядок исчисления налога на имущество, исходя из кадастровой стоимости, согласно Областному закону Ростовской области «Об установлении единой даты начала применения на территории Ростовской области порядка определения налоговой базы по налогу на имущество физических лиц исходя из кадастровой стоимости объектов налогообложения» от 27 июля 2017 г. № 1174-ЗС [6]. С января 2021 г. уже не производится определение налоговой базы по налогу на имущество физлиц, исходя из инвентаризационной стоимости объектов капитального строительства. Таким образом, во всех субъектах Российской Федерации завершился переход к применению в качестве налоговой базы кадастровой стоимости, это значит, что для расчета налога за 2020 г. инвентаризационная стоимость применяться не будет [14]. Более того, после вступления в силу Федерального закона от 23 ноября 2020 г. № 374-ФЗ [13] были отменены условия, которые ограничивали количество периодов по проведению перерасчетов. Таким образом, с момента возникновения в налоговом периоде реализации льготы и применяется последняя, так

как ранее перерасчет суммы совершался не более чем за 3 налоговых периода, которые предшествовали году обращения налогоплательщика. Кроме того, согласно ст. 408 НК РФ, с 2021 г. налоговый орган рассматривает заявления об уничтожении или гибели объекта налогообложения по установленной процедуре. По результатам рассмотрения налогоплательщик получает от налогового органа уведомление, в котором либо указываются основания прекращения исчисления налога в связи с уничтожением или гибелью объекта, либо же об отказе для прекращения (с подробными причинами об отсутствии оснований для такого прекращения). Также в данной статье устанавливается понижающий коэффициент, который применяется, начиная с 2020 г., при расчете налога (например, сумма налога подлежит уплате по коэффициенту 0,6 применительно к первому налоговому периоду, за который исчисляется налог в отношении этого объекта при условии, если объект налогообложения образован с четвертого года применения в регионе в качестве налоговой базы кадастровой стоимости). Правило не применяется при исчислении налога для объектов, включенных в перечень, определяемый в соответствии со ст. 378.2 НК РФ, исключением являются гаражи и машино-места, расположенные в таких объектах налогообложения.

Однако при увеличении количества регионов, перешедших с расчета по инвентаризационной стоимости на кадастровую, появляется ряд сложностей. В том числе сложность возникает при применении массового метода оценки, географического масштаба и иных факторов. Так, ученые и практики утверждают, что кадастровая стоимость, которая установлена субъектами, часто не соответствует текущей рыночной стоимости и, следовательно, является завышенной [5, с.176]. В таких случаях рекомендуется оспаривать кадастровую стоимость земли, которая содержится в государственном реестре, посредством обращения в суд. Интересно то, что в соответствии с вышеуказанным Федеральным законом от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» выбор порядка проведения государственной кадастровой оценки осуществлялся субъектами Российской Федерации, а проце-

дура отбора исполнителя работ по государственной кадастровой оценке путем конкурсных процедур привела к тому, что органы государственной власти как заказчики этих работ не несли ответственности за неверные результаты оценки. В связи с чем в целях обеспечения единого методологического подхода государственной кадастровой оценки и повышения ответственности государственных органов за ее результаты правила проведения государственной кадастровой оценки вновь изменились. С 1 января 2017 г. вступил в силу Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» [12]. Значимость данного закона обусловлена тем, что введен институт государственных кадастровых оценщиков, а полномочия по определению кадастровой стоимости передаются государственным бюджетным учреждениям, которые на постоянной основе определяют кадастровую стоимость, так как это обеспечивает концентрацию ответственности, высокую прозрачность проведения процедур определения кадастровой стоимости и сопровождение ее результатов.

Следовательно, на данный момент Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» устанавливает определение кадастровой стоимости по единой методике, что позволяет повысить качество и обеспечить единообразие определения кадастровой стоимости при государственной кадастровой оценке. Кроме того, государственные бюджетные учреждения определяют и будут определять кадастровую стоимость вновь учтенных объектов недвижимости, ранее учтенных и объектов недвижимости, в отношении которых произошло изменение их количественных и/или качественных характеристик.

Активная реализация указанных полномочий в сфере государственной кадастровой оценки, например, в Ростовской области осуществляется министерством имущественных и земельных отношений финансового оздоровления предприятий.

В связи с чем в целях осуществления необходимых мероприятий по подготовке к проведению государственной кадастровой оценки создано государственное бюджетное учреждение Ростовской области «Центр со-

действия развитию имущественно-земельных отношений Ростовской области», а в 2021 г. планируется кадастровая оценка земель особо охраняемых территорий. Тем не менее запланированное проведение государственной кадастровой оценки земельных участков в составе земель особо охраняемых территорий и объектов, расположенных на территории Ростовской области, отменяется – это обусловлено тем, что в 2022 г., согласно Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусмотрено проведение всеми субъектами РФ государственной кадастровой оценки одновременно в отношении всех учтенных в ЕГРН земельных участков. В 2023 г. государственная кадастровая оценка будет проведена также в отношении всех зданий, помещений, сооружений, объектов незавершенного строительства, машиномест. Планируется, что к 2024 г. завершится оценка земельных участков всех категорий и объектов недвижимости, расположенных на территории Ростовской области [8].

В аспекте реализации принципа справедливости, помимо организационных моментов в сфере государственной кадастровой оценки, следует рассмотреть судебную практику, которая сложилась в Ростовской области. Проанализировав комплекс судебных решений Ростовского областного суда, принятых по итогам разрешения налоговых споров относительно налога на имущество физических лиц и земельного налога (№ 3А-496/2018 3А-496/2018~М-426/2018 М-426/2018 от 22 ноября 2018 г. по делу № 3А-496/2018, № 3А-152/2018 3А-152/2018 ~ М-823/2017 М-823/2017 от 22 марта 2018 г. по делу № 3А-152/2018, № 3А-421/2018 3А-421/2018~М-347/2018 М-347/2018 от 12 сентября 2018 г. по делу № 3А-421/2018, № 3А-133/2019 3А-133/2019~М-52/2019 М-52/2019 от 25 апреля 2019 г. по делу № 3А-133/2019, № 3А-333/2019 3А-333/2019~М-320/2019 М-320/2019 от 29 августа 2019 г. по делу № 3А-333/2019), а также Волгоградского областного суда (решения № 3А-127/2018 3А-127/2018 (3А-834/2017;) ~ М-763/2017 3А-834/2017 М-763/2017 от 9 февраля 2018 г. по делу № 3А-127/2018, № 3А-236/2018 3А-236/2018~М-33/2018 М-33/2018 от 10 апреля 2018 г. по делу № 3А-236/2018, № 3А-265/2018 3А-

265/2018~М-82/2018 М-82/2018 от 30 мая 2018 г. по делу № 3А-265/2018, № 3А-185/2019 3А-185/2019~М-67/2019 М-67/2019 от 26 марта 2019 г. по делу № 3А-185/2019, № 3А-176/2019 3А-176/2019~М-64/2019 М-64/2019 от 14 мая 2019 г. по делу № 3А-176/2019, № 3А-192/2019 3А-192/2019~М-82/2019 М-82/2019 от 30 мая 2019 г. по делу № 3А-192/2019, № 3А-260/2020 3А-260/2020~М-48/2020 М-48/2020 от 8 июля 2020 г. по делу № 3А-260/2020, № 3А-433/2020 3А-433/2020~М-295/2020 М-295/2020 от 2 октября 2020 г. по делу № 3А-433/2020, № 3А-452/2020 3А-452/2020~М-319/2020 М-319/2020 от 28 декабря 2020 г. по делу № 3А-318/2020) можно с уверенностью утверждать, что принцип справедливости активно используется судьями. Речь идет о тех случаях, когда суд, принимая во внимание, что кадастровая стоимость намного превышает рыночную, устанавливает кадастровую стоимость земельного участка в размере его рыночной стоимости по состоянию на 1 января 2014 года.

Таким образом, можно прийти к выводу, что налогоплательщики имеют равные права, а, соответственно, могут оспорить кадастровую стоимость недвижимого имущества (что является наиболее актуальным вопросом в сфере имущественного налогообложения в настоящее время, так как обычно она характеризуется более высокой ценой, чем рыночная), чем они пользуются и/или будут пользоваться в связи с активной разработкой данного вопроса в регионах, тем самым отвечая реалиям современности. Как правильно отметил известный экономист и философ А. Сен: «... вряд ли стоит всем миром биться над вопросом, почему налог в 39 % справедлив, а налог в 39,5 % – нет (или почему первый «справедливее» последнего) – скорее, необходимо прийти к действительному соглашению по основным вопросам, не вызывающим сомнений по части справедливости и несправедливости» [9, с. 142].

Вместе с тем считаем важным отметить последствия принятых судебных решений для участников налоговых отношений. Так, если суд изменяет налоговую базу для одного из земельных участков в определенной территориальной зоне согласно рыночной стоимости, то, возможно, муниципалитеты должны пересмотреть кадастровую стоимость земли для всего района. Если, например, соседние участки имеют со-

вершенно разную налоговую базу при одинаковых объективных параметрах, то здесь наблюдается прямое нарушение принципа справедливости имущественного налогообложения. В связи с чем мы считаем, что стоит предусмотреть механизм переоценки земли на основе вступивших в силу судебных решений.

За период с 1 января 2021 г. в судах по всей Российской Федерации инициировано 5 420 споров о величине, внесенной в государственный кадастр недвижимости кадастровой стоимости в отношении 11 419 тыс. объектов недвижимости [7]. В суды с исковыми заявлениями в отношении результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости обращаются как физические и юридические лица, так и органы государственной власти (местного самоуправления). В результате вынесенных в судебном порядке решений по искам, поступившим в суды в указанный период, наблюдается падение суммарной величины кадастровой стоимости в отношении объектов недвижимости, по которым были приняты решения, приблизительно на 23,03 млрд руб. (54%): суммарная величина кадастровой стоимости до оспаривания составляла 42,85 млрд руб., после оспаривания – 19,82 млрд рублей.

Также по состоянию на декабрь 2020 г. в Ростовской области имущественные налоги уплачены на сумму свыше 6,4 млрд рублей (более 90 % начисленных по данным налогам сумм) [2]. Из этого следует, что большая часть граждан не только исполнила свои налоговые обязательства перед государством своевременно, но и обезопасила себя от дополнительных финансовых потерь, которые неизбежно влечет появление налоговой задолженности. По состоянию на 1 мая 2021 г. 15 248 851 рублей начислено к уплате в текущем году, из них 8 043 445 поступило налогов, сборов, иных обязательных платежей в доходы консолидированного бюджета субъекта, а задолженность перед бюджетом по налогам, сборам, пеням, налоговым санкциям и процентам в целом по имущественному налогообложению составляет 8 433 124 рублей.

Выводы

Данная статистика говорит о том, что формирование баланса между публичными и част-

ными интересами в сфере налогообложения возможно благодаря активному использованию принципа справедливости в процессе правоприменения, в том числе судебного. И путь этот достаточно длительный. На примере проведения массовой кадастровой оценки объектов недвижимости можно увидеть, что в некоторых случаях стандартный подход ко всем налогоплательщикам дает сбой, не учитывает конкретных уникальных обстоятельств. Именно тогда появляются «несправедливые», излишне высокие или излишне низкие, налоговые обязательства перед государством, которые не соответствуют фактической стоимости имущества. Равновесие удается восстановить через механизм обжалования кадастровой стоимости в суде, где судьям даны полномочия назначить кадастровую стоимость с учетом доводов обеих сторон спора на основе принципа справедливости налогообложения. Говоря об эффективности, стоит отметить, что к концу прошлого года в Ростовской области имущественных налогов было уплачено более 90 % по имущественному налогообложению. Считаем, что данная статистика, учитывая текущие данные, повторится и к концу этого года, что говорит о высоком налоговом правосознании в субъекте (но, к сожалению, не в целом по стране, к чему предстоит стремиться) посредством того, что налогоплательщики активно пользуются налоговыми консультациями и оспариванием кадастровой стоимости через судебные органы, что в итоге и отвечает принципу справедливости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боброва, А. В. Концептуальная модель теории налогов / А. В. Боброва // Финансы и кредит. – 2005. – № 23. – С. 25–28.
2. Данные по формам статистической налоговой отчетности // Официальный сайт ФНС России. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn61/related_activities/statistics_and_analytics/forms/#t00. – Загл. с экрана.
3. Малько, А. В. Правотворческая политика в современной России / А. В. Малько. – М. : Проспект, 2016. – 484 с.
4. Митрофанова, И. А. Диверсификация функций и принципов современной системы налогообложения: теоретический подход / И. А. Митрофанова // Налоги и налогообложение. – 2006. – № 9. – С. 28–32.

5. Москвин, В. Н. Практика экспертной переоценки кадастровой стоимости земельных участков / В. Н. Москвин, Т. А. Соколова, А. С. Жанаева // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2016. – Т. 3, № 2. – С. 175–179.

6. Областной закон Ростовской области от 27 июля 2017 г. № 1174-ЗС «Об установлении единой даты начала применения на территории Ростовской области порядка определения налоговой базы по налогу на имущество физических лиц исходя из кадастровой стоимости объектов налогообложения» // Официальный портал Правительства Ростовской области. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.donland.ru/>. – Загл. с экрана.

7. Обобщенные сведения о рассмотрении споров о результатах определения кадастровой стоимости в судах // Официальный сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rosreestr.gov.ru/site/activity/kadastrrovaya-otsenka/rassmotrenie-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrvoy-stoimosti-informatsiya-o-sudebnykh-sporakh-v-otnoshenii-rezultatov-opredeleniya-kadastrvoy-stoimosti-obektov/>. – Загл. с экрана.

8. Период подготовки к работе по актуализации кадастровой стоимости: 2020 год // Приазовье. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://priazove.ru/2020-god-eto-period-podgotovki-k-rabote-po-aktualizacii-kadastrvoj-stoimosti/>. – Загл. с экрана.

9. Сен, А. Развитие как свобода / А. Сен; под ред. Р. М. Нуреева. – М.: Новое издательство, 2004. – 562 с.

10. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Эксмо, 2016. – 956 с.

11. Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3813.

12. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 27 (ч. 1). – Ст. 4170.

13. Федеральный закон от 23 ноября 2020 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 48. – Ст. 7627.

14. Федеральный закон от 4 октября 2014 г. № 284-ФЗ «О внесении изменений в статьи 12 и 85 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившим силу Закона Российской Федерации «О налогах на имущество физических лиц» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 40 (ч. 2). – Ст. 5315.

15. Черная, О. А. Имущественный комплекс организации: особенности оценки и налогообложения / О. А. Черная, О. Ф. Бочарова, В. С. Акопян // Вестник Академии знаний. – 2016. – № 3. – С. 353–357.

16. Buchanan, J. M., Musgrave R. Public Finance and Public Choice: Two Contrasting Visions of the State (CESifo Book Series) / J. M. Buchanan, R. Musgrave // The MIT Press, 1999. – 282 p.

17. Ferguson, N. The Ascent of Money: A Financial History of the World / N. Ferguson. – London: Allen Lane, 2008. – 442 p.

18. Quesnay, F. Tableau Oeconomique / F. Quesnay. – S. l.: Franklin Classics, 2018. – 28 p.

19. Musgrave, R. Public Finance in Theory and Practice / R. Musgrave. – New York: Tata McGraw-Hill, 2017. – 841 p.

20. Verri, P. Reflections on Political Economy (Reprints of Economics Classics) / P. Verri. – New York: Augustus M Kelley Pubs, 1993. – 120 p.

REFERENCES

1. Bobrova A.V. Kontseptualnaia model' teorii nalogov [Conceptual Model of Tax Theory]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2005, no. 23, pp. 25-28.

2. Dannye po formam statisticheskoi nalogovoi otchetnosti [Data on Forms of Statistical Tax Reporting]. *Ofitsialnyi sait FNS Rossii* [Official Website of the Federal Tax Service of Russia]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn61/related_activities/statistics_and_analytics/forms/#t00.

3. Mal'ko A.V. *Pravotvorcheskaia politika v sovremennoi Rossii* [Law-Making Policy in Modern Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 484 p.

4. Mitrofanova I.A. Diversifikatsiia funktsii i printsipov sovremennoi sistemy nalogooblozheniia: teoreticheskii podkhod [Diversification of Functions and Principles of the Modern Taxation System: Theoretical Approach]. *Nalogi i nalogooblozhenie* [Taxes and Taxation], 2006, no. 9, pp. 28-32.

5. Moskvin V.N., Sokolova T.A., Zhanaeva A.S. *Praktika ekspertnoi pereotsenki kadastrvoy stoimosti zemelnykh uchastkov* [The Practice of Expert Revaluation of the Cadastral Value of Land Plots]. *Interekspo Geo-Sibir'* [Interexpo Geo Siberia], 2016, vol. 3, no. 2, pp. 175-179.

6. Oblastnoi zakon Rostovskoi oblasti ot 27 iyulya 2017 g. № 1174-ZS «Ob ustanovlenii edinoini daty nachala primeneniia na territorii Rostovskoi oblasti poriadka opredeleniia nalogovoi bazy po nalogu na imushchestvo fizicheskikh lits iskhodia iz kadastrvoy stoimosti obiektov nalogooblozheniia» [Regional Law of Rostov Region No. 1174-ZS Dated July 27, 2017 “On the Establishment of a Single Date of Application of the Procedure for Determining the Tax Base for the Property Tax of Individuals Based on the Cadastral Value of

Taxable Objects” on the Territory of Rostov Region]. *Ofitsialnyi portal Pravitelstva Rostovskoi oblasti* [The Official Portal of the Government of Rostov Region]. URL: <http://www.donland.ru>.

7. Obobshchennye svedeniia o rassmotrenii sporov o rezultatakh opredeleniia kadastrovoi stoimosti v sudakh [Generalized Information About the Consideration of Disputes on the Results of Determining the Cadastral Value in the Courts]. *Ofitsialnyi sait Federalnoi sluzhby gosudarstvennoi registratsii, kadastra i kartografii (Rosreestr)* [Official Website of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography (Rosreestr)]. URL: <https://rosreestr.gov.ru/site/activity/kadastravaya-otsenka/rassmotrenie-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrvoy-stoimosti-/informatsiya-o-sudebnykh-sporakh-v-otnoshenii-rezultatov-opredeleniya-kadastrvoy-stoimosti-obektov->.

8. Period podgotovki k rabote po aktualizatsii kadastrovoi stoimosti: 2020 god [The Period of Preparation for the Work on Updating the Cadastral Value: 2020]. *Priazovye*. URL: <https://priazove.ru/2020-god-eto-period-podgotovki-k-rabote-po-aktualizatsii-kadastrvoy-stoimosti>.

9. Sen A. *Razvitie kak svoboda* [Development As Freedom]. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2004. 562 p.

10. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 956 p.

11. Federalnyy zakon ot 29 iyulya 1998 g. № 135-FZ «Ob otsenochnoi deiatelnosti v Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law No. 135-FL Dated July 29, 1998 “On Valuation Activities in the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1998, no. 31, art. 3813.

12. Federalnyi zakon ot 3 iyulya 2016 g. № 237-FZ «O gosudarstvennoi kadastrovoi otsenke» [Federal Law No. 237-F Dated July 3, 2016 “On State Cadastral Valuation”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2016, no. 27 (part 1), art. 4170.

13. Federalnyi zakon ot 23 noyabrya 2020 g. № 374-FZ «O vnesenii izmenenii v chasti pervuiu i vtoruiu Nalogovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i otdelnye zakonodatelnye akty Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law No. 374-FZ Dated November 23, 2020 “On Amendments to Part One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2020, no. 48, art. 7627.

14. Federalnyi zakon ot 4 oktyabrya 2014 g. № 284-FZ «O vnesenii izmenenii v stati 12 i 85 chasti pervoi i chast vtoruiu Nalogovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i priznanii utrativshim silu Zakona Rossiiskoi Federatsii “O nalogakh na imushchestvo fizicheskikh lits”» [Federal Law No. 284-FZ Dated October 4, 2014 “On Amendments to Articles 12 and 85 of Part One and Part Two of the Tax Code of the Russian Federation and the Invalidation of the Law of the Russian Federation ‘On Taxes on the Property of Individuals’”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 40 (part 2), art. 5315.

15. Chernaya O.A., Bocharova O.F., Akopyan V.S. Imushchestvennyi kompleks organizatsii: osobennosti otsenki i nalogoblozheniia [Property Complex of the Organization: Features of Assessment and Taxation]. *Vestnik Akademii Znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge], 2016, no. 3, pp. 353-357.

16. Buchanan J.M., Musgrave R. Public Finance and Public Choice: Two Contrasting Visions of the State (CESifo Book Series). *The MIT Press*, 1999. 282 p.

17. Ferguson N. *The Ascent of Money: A Financial History of the World*. London, Allen Lane, 2008. 442 p.

18. Quesnay F. *Tableau Oeconomique*. S.l., Franklin Classics, 2018. 28 p.

19. Musgrave R. *Public Finance in Theory and Practice*. New York, Tata McGraw-Hill, 2017. 841 p.

20. Verri P. *Reflections on Political Economy (Reprints of Economics Classics)*. New York, Augustus M Kelley Pubs, 1993. 120 p.

Information About the Author

Stanislav D. Kazachenkov, Postgraduate Student, Department of Financial and Administrative Law, Rostov State University of Economics (RINH), Bolshaya Sadovaya St, 69, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, kazachenkov94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8090-6800>

Информация об авторе

Станислав Дмитриевич Казаченков, аспирант кафедры финансового и административного права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), ул. Большая Садовая, 69, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, kazachenkov94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8090-6800>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.12>UDC 340.14
LBC 67.0Submitted: 30.07.2021
Accepted: 10.09.2021**A SHAM LEGAL PHENOMENON:
THE CONCEPT AND LEGAL COMPOSITION****Polina K. Zvereva**

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

Dmitry A. Kirillov

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

Introduction: in recent decades, there has been an increase in the number of legal phenomena in which nominal properties do not correspond to the real ones. So, even such terms as, for example, the nominal value of an asset and the like began to be included in the laws. The discrepancy between nominal and real properties has long been typical for sham transactions. Therefore, the researchers considered it appropriate to extend the rules on such transactions to the legal phenomena of various branches. So, in tax law, it is proposed to talk about a sham counterparty and apply the legal consequences to the real one. It is also important that in recent years the concept of “sham object” has appeared in the acts of financial and administrative law. The accumulation of relevant circumstances predetermined the **purpose** of the study – based on the generalization of the construction of a sham transaction to reveal the composition of the concept of “sham legal phenomenon”. **Results:** the prerequisites for the formulation of the concept of “sham legal phenomenon” are revealed. The expediency of introducing this concept into the legal circulation is characterized. The relevance of extrapolating the construction of a sham transaction to sham legal phenomena is justified. It is shown that the elements of the composition of a sham legal phenomenon are the covering phenomenon claimed by the participants as real; the covered (real) legal phenomenon; the legal consequences of the covered phenomenon; the participants of the legal phenomenon seeking to achieve the legal consequences characteristic of the covered phenomenon. The rule on the legal meaning of the consequences of the covered legal phenomenon is formulated. The **scope of application** of the results is the theory of law, the branch legal sciences, scientific legal research, law enforcement, law-making. **Conclusions:** it is necessary to study the scale, causes and consequences of the prevalence of sham legal phenomena in various branches of law.

Key words: sham transaction, sham legal phenomenon, inconsistency of nominal and real properties, composition of the concept of “sham legal phenomenon”, legal consequences.

Citation. Zvereva P.K., Kirillov D.A. A Sham Legal Phenomenon: The Concept and Legal Composition. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 91-95. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.12>

УДК 340.14
ББК 67.0Дата поступления статьи: 30.07.2021
Дата принятия статьи: 10.09.2021**ПРИТВОРНОЕ ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ:
ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЙ СОСТАВ****Полина Константиновна Зверева**

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Дмитрий Александрович Кириллов

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Введение: в последние десятилетия наблюдается рост числа правовых явлений, в которых номинальные свойства не соответствуют реальным. Так, даже в законы стали включаться такие термины, как номинальная стоимость актива и подобные. Несоответствие номинальных и реальных свойств уже стало типич-

ным для притворных сделок, потому исследователи сочли уместным распространение правил о таких сделках на правовые явления различных отраслей. Так, в сфере налогового права предложено вести речь о притворном контрагенте и применять правовые последствия к реальному. Также важно, что последние годы понятие «притворный объект» появилось в законах финансового и административного права. Накопление соответствующих обстоятельств предопределило **цель** исследования – на основе обобщения конструкции притворной сделки раскрыть состав понятия «притворное правовое явление». **Результаты:** выявлены предпосылки формулирования понятия «притворное правовое явление»; охарактеризована целесообразность введения данного понятия в правовой оборот; обоснована уместность экстраполяции конструкции притворной сделки на притворные правовые явления; показано, что элементами состава притворного правового явления выступают: прикрывающее явление, отмеченное участниками как реальное, прикрываемое (реальное) правовое явление, правовые последствия прикрываемого явления, участники правового явления, стремящиеся достичь правовых последствий, характерных для прикрываемого явления. Кроме того, нами сформулировано правило о правовом значении последствий прикрываемого правового явления. **Область применения результатов** – теория права, отраслевые правовые науки, научные правовые исследования, правоприменение и правотворчество. **Выводы:** в будущем требуется изучение масштабов, причин и последствий распространенности притворных правовых явлений в различных отраслях права.

Ключевые слова: притворная сделка, притворное правовое явление, рассогласованность номинальных и реальных свойств, состав понятия «притворное правовое явление», правовые последствия.

Цитирование. Зверева П. К., Кириллов Д. А. Притворное правовое явление: понятие и юридический состав // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 91–95. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.12>

Введение

В России отмечен рост числа правовых явлений, номинальные свойства которых рассогласованы с реальными (далее – «рассогласованные явления»). В результате появилось немало новых нормативных и доктринальных понятий – номинальный счет, номинальный бенефициар и др. Отсутствие системной реакции науки на изменившуюся ситуацию не могло не вызвать реакции практики. Появился ряд документов, среди которых импульсное место принадлежит Определением Конституционного суда от 8 апреля 2004 г. № 169-О [7] и от 4 ноября 2004 г. 324-О [8], а также Постановлению Пленума Высшего Арбитражного суда от 12 октября 2006 г. № 53 [10].

Для анализа свойств «рассогласованных явлений» проведено поисковое исследование, в результате которого выявлено важное общеправовое значение конструкции «притворная сделка». На основе данной конструкции корректны как разработка общего понятия «притворное правовое явление», так и характеристика соответствующего юридического состава.

Настоящее исследование предлагает новый подход к разрешению проблем соотношения реального и номинального в правовом пространстве.

Объект исследования – притворные правовые явления. Предмет исследования – понятие «притворное правовое явление» и его состав. Основные методы исследования – диалектический метод и концептуальный анализ. В ходе исследования использованы труды таких авторов, как К. Анахов, А.В. Демин, С.С. Канапинова, Н.М. Лакоценина, А.В. Николаев, В.С. Плотников, Р.Ю. Такташева.

О природе «рассогласованных явлений» в праве

Наш подход к оценке природы «рассогласованных явлений» основывается на диалектике содержания и формы. Он созвучен с принципом финансовой отчетности, который текстуально определяется как «...приоритет экономического содержания перед конкретно-юридическими формами» (далее – «принцип приоритета») [3, с. 102; 9, с. 732]. В российском праве этот принцип получил в 2004 г. рекомендательное [11], а 2008 г. императивное закрепление [12]. С 2008 г. Росстат начал распространять действие «принципа приоритета» на все сферы [13]. Тем самым уже в 2008 г. проявилась потребность в создании универсальной правовой конструкции.

С институционализацией в 2008–2009 гг. необоснованной налоговой выгоды [10] в литературе отмечены схожесть «рассогласован-

ных явлений» с притворной сделкой и уместность экстраполяции на них правил о последствиях притворных сделок. Так, К. Анахов, называет последствиями субъектной притворности «...ничтожность в части субъектного состава и применение правил о реальном субъектном составе...» [1, с. 48]. Проанализировав различные правовые конструкции, мы соглашаемся, что в качестве базовой для анализа «рассогласованных явлений» наиболее подходит конструкция статьи 170 Гражданского кодекса РФ о притворной сделке [2].

Общеправовое значение правил о ней подтверждает и появление в 2013 г. в статье 10 Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (далее – «ФЗ о бухучете») [14], а в 2016 г. в статье 15.11 КоАП РФ [5] схожего по логической конструкции, но общего по отношению к притворной сделке понятия «притворный объект бухгалтерского учета».

О понятии «притворное правовое явление»

Каждое «рассогласованное явление» для целей анализа удобно разбить на два «простых» – внешне оформленное (номинальное), но бессодержательное и содержательное (реальное), но внешне не оформленное. Общим для «рассогласованных явлений» выступает следующее правило: «Номинальное правовое явление, прикрывающее реальное, не имеет правового значения, не порождает правовых последствий, за исключением правовых последствий реального правового явления» [4].

Соответственно, притворное правовое явление представляется возможным определить как не имеющее правового значения номинальное правовое явление, прикрывающее реальное, которое его участники имели в виду, и правовые последствия которого действительны.

Базируясь на логике статьи 170 ГК РФ, использование одноэлементного термина «притворное явление» для обозначения притворно-реальной конструкции, представляется уместным. Этот же подход реализован в «ФЗ о бухучете» [14] и в статье 15.11 КоАП РФ [5] в понятии «притворный объект бухгалтерского учета», которое, очевидно, является

родовым по отношению к «общему» притворному правовому явлению и «единичной» притворной сделке.

О составе понятия «притворное правовое явление»

Экстраполируя на притворные правовые явления текст статьи 170 ГК РФ, полагаем возможным раскрыть состав понятия «притворное правовое явление» через следующие его элементы:

- прикрывающее номинальное (оформленное, но бессодержательное) правовое явление, заявляемое участниками как реальное;
- прикрываемое реальное (содержательное, но не оформленное) правовое явление;
- правовые последствия прикрываемого (реального, содержательного) правового явления;
- участники правового явления – лица, стремящиеся своим поведением достичь наступления правовых последствий, сущностно характерных для прикрываемого правового явления.

Факт сознательного несоответствия волеизъявления в притворной сделке «...подлинной воле сторон» [5, с. 49–50] не означает, что обязательным элементом состава понятия «притворное правовое явление» может выступать только недобросовестная злонамеренность участников. Мотивы притворности различны и в целом совпадают с таковыми у сторон притворной сделки.

Притворные правовые явления при «модельном» единстве конструкции состава многообразны по своим проявлениям и их видам – от притворного юридического факта до притворных правовых институтов.

Выводы

Приемлемым потенциалом для научно-го осмысления правовых явлений с рассогласованным внешним юридическим оформлением и внутренним содержанием обладает логическая конструкция притворной сделки. На базе конструкции сформулировано общеправовое понятие «притворное правовое явление», определены элементы юридического состава данного понятия, сформулировано

правило о правовом значении отдельных элементов и последствиях притворного правового явления. Тем самым заявленная цель исследования достигнута, задачи решены на достаточном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анахов, К. Необоснованная налоговая выгода: не дадим себя съесть! / К. Анахов // Налоговый консультант. – Тюмень. – 2010. – № 4. – С. 44–49.
2. Гражданский кодекс РФ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32 (ч. 1). – Ст. 3301.
3. Демин, А. В. Доктрина бенефициарной собственности в контексте BEPS: новые горизонты // А. В. Демин, А. В. Николаев // Закон. – 2018. – № 8. – С. 102–113.
4. Кириллов, Д. А. Притворные правовые явления в системе принципов административного процесса / Д. А. Кириллов // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 8, № 2. – С. 175–191.
5. Кодекс РФ об административных правонарушениях // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
6. Лакоценина, Н. М. О соотношении недействительности притворных сделок и смежных с ними сделок: общее и особенное / Н. М. Лакоценина // Современный юрист. – 2020. – № 4. – С. 44–53.
7. Определение КС РФ от 08.04.2004 № 169-О // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 48. – Ст. 4838.
8. Определение КС РФ от 04.11.2004 № 324-О // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 48. – Ст. 4839.
9. Плотников, В. С. Концептуальные основы: договорные обязанности и обязательства как элементы финансовой отчетности / В. С. Плотников, С. С. Канапинова // Международный бухгалтерский учет. – 2020. – № 7. – С. 726–741.
10. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник ВАС РФ. – 2006. – № 12.
11. Приказ Минфина РФ от 01.07.2004 № 180. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
12. Приказ Минфина РФ от 06.10.2008 № 106н. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
13. Приказ Росстата от 30.07.2020 № 424. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

14. Федеральный закон РФ от 06.12.2011 № 402-ФЗ «Об бухгалтерском учете» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7344.

REFERENCES

1. Anakhov K. Neobosnovannaya nalogovaya vygoda: ne dadim sebya s'est'! [Unjustified Tax Benefit: We Will Not Let Ourselves Be Eaten!] *Nalogovyy konsul'tant* [Tax Consultant]. Tyumen, s.n., 2010, no. 4, pp. 44–49.
2. Grazhdanskij kodeks RF [The Civil Code of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32 (part 1), art. 3301.
3. Demin A.V., Nikolaev A.V. Doktrina benefitsiarnoj sobstvennosti v kontekste BEPS: novye gorizonty [Doctrine of Beneficial Ownership in the Context of BEPS: The New Horizons]. *Zakon*, 2018, no. 8, pp. 102–113.
4. Kirillov D.A. Pritvornyye pravovyye yavleniya v sisteme printsipov administrativnogo protsesssa [Feigned Legal Phenomena in the System of Principles of Administrative Process]. *Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye*, 2021, vol. 8, no. 2, pp. 175–191.
5. Kodeks RF ob administrativnyh pravonarusheniyah [The Code of Administrative Offences of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 1 (part 1), art. 1.
6. Lakocenina N.M. O sootnoshenii nedejstvitel'nosti pritvornyh sdelok i smezhnyh s nimi sdelok: obshchee i osobennoe [On the Relationship Between the Invalidity of Sham Transactions and Related Transactions: General and Special]. *Sovremennyi yurist* [Modern Lawyer], 2020, no. 4, pp. 44–53.
7. Opredelenie KS RF ot 08.04.2004 № 169-O [Definition by the Constitutional Court of the Russian Federation No. 169-O Dated April 8, 2004]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2004, no. 48, art. 4838.
8. Opredelenie KS RF ot 04.11.2004 № 324-O [Definition by the Constitutional Court of the Russian Federation No. 324-O Dated November 4, 2004]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2004, no. 48, art. 4839.
9. Plotnikov V.S., Kanapinova S.S. Konceptual'nye osnovy: dogovornye obyazannosti i obyazatel'stva kak elementy finansovoj otchetnosti [Conceptual Principles: Contractual Obligations and Liabilities As Items of Financial Reporting]. *Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet* [International Standards of Accounting and Reporting], 2020, no. 7, pp. 726–741.

10. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 12.10.2006 № 53 «Ob otsenke arbitrazhnymi sudami obosnovannosti polucheniya nalogoplatel'shchikom nalogovoy vygody» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation No. 53 Dated October 12, 2006 “On Arbitration Courts Assessing the Validity of the Taxpayer Receiving a Tax Benefit]. *Vestnik VAS RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 2006, no. 12.

11. Prikaz Minfina RF ot 01.07.2004 № 180 [Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 180 Dated July 1, 2004]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

12. Prikaz Minfina RF ot 06.10.2008 № 106n [Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 106n Dated October 6, 2008]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

13. Prikaz Rosstata ot 30.07.2020 № 424 [The Rosstat Order No. 424 Dated July 30, 2020]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

14. Federalnyi zakon ot 06.12.2011 № 402-FZ «O bukhgalterskom uchete» [RF Federal Law No. 402-FZ Dated December 6, 2011 “On Accounting”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2011, no. 50, art. 7344.

Information About the Authors

Polina K. Zvereva, Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure, Tyumen State University, Volodarskogo St, 6, 625003 Tyumen, Russian Federation, p.k.zvereva@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5330-4783>

Dmitry A. Kirillov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, Tyumen State University, Volodarskogo St, 6, 625003 Tyumen, Russian Federation, d.a.kirillov@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1550-1962>

Информация об авторах

Полина Константиновна Зверева, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, 625003 г. Тюмень, Российская Федерация, p.k.zvereva@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5330-4783>

Дмитрий Александрович Кириллов, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, 625003 г. Тюмень, Российская Федерация, d.a.kirillov@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1550-1962>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.13>

UDC 342.4
LBC 67.400

Submitted: 04.05.2021
Accepted: 01.09.2021

SOME ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF CONSTITUTIONAL LEGAL NORMS

Marina A. Mokoseyeva

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Introduction: the Russian doctrinal sources have been noting the formation of a new type of law-making for several years. It differs from other types in that amendments and changes to the constitutional norms are made without their direct changing. This type of law-making is called “transformation of constitutional norms”. The **purpose** of the study is to formulate the concept of transformation of constitutional norms and to identify the specific features and distinctions of this legal phenomenon. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific knowledge, among which the main ones are the methods of comparison, analysis, and generalization of legal material. **Results:** the author’s position on the need to determine the features, limits, and distinctions of this institution in Russian science is based on the study of the modern legislation, as well as a large number of examples from judicial practice. Based on this approach to the study of legal material, the very concept of transformation of constitutional norms was studied, the ambiguities of the transformation processes were identified, and the features and limits of transformation were formulated. **Conclusions:** as a result of the study, the role of transformation as a regulator of public relations and a new type of law-making is revealed. The features, signs, and limits of the transformation of constitutional norms are established through the analysis of examples in the judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. It is determined that the transformation is temporary, can fill a legal gap, and has a specific mechanism of implementation, which is due to special forms of transformation (interpretation, application of legal positions, ratification, and implementation).

Key words: transformation of constitutional law, law-making, change of constitutional norms, constitutional norms, transformation, constitutional law.

Citation. Mokoseyeva M.A. Some Aspects of the Transformation of Constitutional Legal Norms. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 96-105. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.13>

УДК 342.4
ББК 67.400

Дата поступления статьи: 04.05.2021
Дата принятия статьи: 01.09.2021

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВОВЫХ НОРМ

Марина Александровна Мокосеева

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Введение: российские доктринальные источники уже не первый год отмечают формирование нового вида правотворчества. Оно отличается от остальных видов тем, что внесение изменений и правок в конституционные нормы происходит без непосредственного их изменения. Данный вид правотворчества получил наименование «трансформации конституционных норм». **Цель исследования:** сформулировать понятие трансформации конституционных норм и выявить специфические особенности и признаки данного правового явления. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы сравнения, анализа и обобщения юридического материала. **Результаты:** сформулированная автором позиция по поводу необходимости определения особенностей, пределов и признаков данного института в российской науке опирается на изучение современного законодательства, а также большого количества примеров из судебной практики. На основании такого подхода к изучению юридического материала было изучено само понятие трансформации конститу-

ционных норм, выявлены неоднозначности трансформационных процессов и сформулированы особенности и пределы трансформации. **Выводы:** в результате исследования выявлена роль трансформации как регулятора общественных отношений и нового вида правотворчества. Установлены особенности, признаки и пределы трансформации конституционных норм на примере анализа примеров из судебной практики Конституционного суда Российской Федерации. Определено, что трансформация носит временный характер, может восполнить правовой пробел и имеет специфический механизм реализации, который обусловлен особыми формами трансформации (толкование, применение правовых позиций, ратификация и имплементация).

Ключевые слова: трансформация конституционного права, правотворчество, изменение конституционных норм, конституционные нормы, трансформация, конституционное право.

Цитирование. Мокосеева М. А. Некоторые аспекты трансформации конституционных правовых норм // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 96–105. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.13>

Введение

Правовые нормы являются универсальным регулятором общественных отношений. В современном правовом обществе это один из самых распространенных и типичных способов закрепления наиболее приемлемого варианта поведения граждан того или иного государства. В Российской Федерации каждый год принимается около 2 тыс. правил поведения такого рода. Среди них не только новые нормативно-правовые акты, но и те, в которых внесли изменения, дополнения и поправки. Все эти изменения подлежат обязательному опубликованию в официальных правовых источниках. Так правила поведения становятся обязательными к исполнению, и в некоторых случаях предусматривается ответственность за отклонение от установленных законом вариантов поведения. А что, если законодательные органы власти не всегда принимают необходимые в обществе правила поведения? Или изменения могут быть приняты без соблюдения традиционной законотворческой процедуры? Если трансформация приведет к преобразованию духа и идейного содержания нормы права?

В.Д. Зорькин, председатель Конституционного суда Российской Федерации, в своей работе «Буква и дух Конституции» высказал интересную мысль о том, что доктрина «живой» конституции позволяет судьям адаптировать заложенный в конституционном тексте смысл к меняющимся реалиям современной действительности [5]. По его мнению, смысл «живой» доктрины заключается в том, что «можно выявлять актуальное значение главного закона в контексте современных реалий,

не искажая сути правового смысла, заложенного в его текст». Председатель Конституционного суда Российской Федерации указал на возможность актуализации конституционных нормативных правовых актов посредством каких-то иных процедур, которые, по нашему мнению, можно обобщить понятием «трансформации конституционных норм». Поэтому на указанные выше вопросы можно с уверенностью ответить положительно.

Итак, конституционно-правовая доктрина отмечает появление относительно нового вида правотворчества характера трансформационного [10, с. 88], который отличается от классической процедуры внесения изменений (также дополнений и поправок). Данный вид правотворчества, с нашей точки зрения, и получил наименование «трансформации конституционного права».

К сожалению, доктринальные источники не типологизируют данное явление. До настоящего времени не определены особенности и пределы данного правотворчества. Новый вид правотворчества: трансформации конституционных правовых норм весьма интересное и исключительно важное явление в современной правотворческой жизни. Отметим, что в современном правовом пространстве каждый осознает важность данных процессов, но в средствах массовой информации трансформация практически не освещается.

Отдельные аспекты данного явления уже давно рассматриваются российскими учеными. С.А. Авакьян, Г.Н. Андреева, В.Д. Зорькин, В.О. Лучин, А.В. Мазуров и многие другие описывают механизм совершенствования и развития конституционных норм. Однако только две работы: публикация

Н.Е. Таевой о результатах трансформации норм конституционного права под влиянием решений Конституционного суда 2013 г., и статья М.А. Мокосеевой о природе концепции «молчаливой» трансформации конституционных правовых норм 2018 г., посвящены исследованию трансформационных аспектов конституционных норм. Давайте посмотрим на практике, к чему может привести отсутствие подходов к данному новому правотворческому процессу.

Неоднозначность процессов трансформации

Решения Конституционного суда Российской Федерации относительно избрания высших должностных лиц субъектов Российской Федерации стали наиболее интересными примерами трансформационных процессов конституционных правовых норм. Имеются ввиду решения, датированные разными годами с перерывом в десять лет, это решения 1996 и 2006 годов.

Итак, 1996 год. В этот год Конституционный суд проверяет на конституционность Устав Алтайского края. Высшее должностное лицо края могло избираться не на выборах, а региональным органом законодательной власти на основании Устава. Указанное положение, по мнению Конституционного суда, противоречило ст. 10 Конституции Российской Федерации [24], так как высшее должностное лицо края должно было получать свою должность непосредственно от граждан Алтайского края и перед ними должно отвечать в рамках действующего законодательства [17]. Поэтому наделение правами и избрание региональным парламентом высшего должностного лица края, не соответствует основам конституционного строя, заложенным в гл. 1 Конституции Российской Федерации.

2005 год. По аналогичному делу орган конституционного контроля принимает диаметрально противоположное решение. В этом году Конституционный суд рассматривает федеральный закон от 11 декабря 2004 г. о внесении изменений в федеральные законы об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов

Российской Федерации и основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации [22]. Здесь орган конституционного контроля не находит нарушение норм Основного закона. Суд также проверяет процедуру избрания высшего должностного лица в субъектах Российской Федерации законодательными органами власти региона из кандидатур, предложенных Президентом Российской Федерации. Отметим, что в этом случае народные выборы высших должностных лиц заменялись избранием региональным парламентом. Конституционный суд не выявил нарушения норм Основного закона из-за того, что новый порядок избрания вводился Федеральным собранием Российской Федерации.

Таким образом, Конституционный суд Российской Федерации дважды трансформировал заложенный в конституционных нормах правовой смысл, исходя из политической и экономической целесообразности в определенный исторический период. Не меняя содержание самих конституционных норм, он, по сути, придал противоположное значение [2, с. 107].

Неоднозначность пределов процесса трансформации имела место и в других случаях принятия решений Конституционным судом Российской Федерации [6]. В 2020 г. суд занял иную правовую позицию, отличную от той, которая была им сформулирована в 1998 году.

Напомним, в далеком 1998 г. российские депутаты усмотрели неясность в трактовке ч. 3 ст. 81 Конституции Российской Федерации. Тогда орган конституционной юстиции принял решение в форме определения и мотивировал невозможность нахождения Президента на должности более двух сроков подряд (Определение Конституционного суда РФ по делу о толковании ст. 81 (ч. 3) и п. 3 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции Российской Федерации от 5 ноября 1998 г.). Решение было принято для находящегося тогда у власти с 1993 г. Б.Н. Ельцина. Его победа на выборах в 1996 г. ставила вопрос о возможности занятия поста Верховного главнокомандующего повторно. По мнению органа конституционного контроля, после принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. Б.Н. Ельцинне уходил в от-

ставку и продолжил выполнение своих функций в качестве Президента. Граждане Российской Федерации выразили ему доверие, и этого вполне достаточно для того, чтобы признать продолжающееся нахождение Б.Н. Ельцина в должности новым сроком Президента. Суд сделал вывод о том, что это положение дел вполне вписывается в требования ч. 3 ст. 81 Конституции Российской Федерации.

Теперь вспомним наши дни, а именно март 2020 года. Сегодня орган конституционной юстиции принимает другое решение по аналогичному делу. Здесь решение суда оформляется как заключение. В этом случае в суд обращается сам действующий Президент Владимир Владимирович Путин с запросом и просит проверить конституционность проекта закона поправок к Конституции Российской Федерации. Одна из многочисленных поправок касается нивелирования прежних сроков Президента для лиц уже занимавших эту должность [4]. В своем заключении судьи усмотрели возможность без учета числа сроков в течение которых лицо занимало и/или занимает эту должность на момент вступления в силу «поправок 2020» занимать должность Президента Российской Федерации. Теперь обновленная редакция ст. 81 главного закона страны предоставляет такое право Верховному главнокомандующему. Однако Суд отмечает важность одобрения данной нормы гражданам России на всенародном голосовании, что и было сделано 1 июля 2020 года.

Таким образом, одну и ту же правовую норму, а именно ч. 3 ст. 81 Конституции Российской Федерации, Конституционный суд Российской Федерации трансформирует, меняя заложенный в ней правовой смысл, исходя из условий современного политического развития российского общества. При этом он не изменяет самой конституционной правовой нормы.

Важность изучения такого рода трансформационных процессов обуславливается и тем, что иногда Конституционный суд начинает подменять своими решениями акты органов государственной власти Российской Федерации. Интересным примером является определение Конституционного суда 2009 г., касающееся применения смертной казни в

России [7]. По сути, данное решение подменило собой работу Федерального собрания Российской Федерации. Следующая правовая позиция тогда была сформулирована судом: «... в результате столь продолжительного по времени действия моратория на применение смертной казни в России сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни. Таким образом в нашем государстве происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания ...» [12]. Определение сделало невозможным применение смертной казни в настоящее время, и для этого не потребовалось принятие Государственной думой Федерального собрания соответствующего нормативного правового акта.

Конечно, процесс трансформации позволяет быстро и эффективно урегулировать то или иное общественное отношение в сложной политической обстановке или ситуации экономического кризиса [3, с. 42]. И это, безусловно, является положительным эффектом трансформации, но нельзя не отметить и отрицательный эффект от трансформационной деятельности. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации иногда снижают значение отдельных конституционных норм [1, с. 12–21].

Так, например, запрет на проведение референдума по вопросам, которые касаются исключительной компетенции федеральных органов государственной власти Российской Федерации был установлен на основе правовой позиции Конституционного суда. Среди прочего суд признал законным и обоснованным запрет на проведение всенародного голосования по вопросам принятия и изменения федерального бюджета [20]. Правовая позиция была положительно воспринята российским законодателем. Новые изменения, внесенные в закон о референдуме, лишили российских граждан возможности инициировать общероссийский референдум по любому вопросу. Сегодня по всем вопросам, отнесенным к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти Российской Федерации, референдум проводиться не может [1, с. 19–20]. Этот негативный эффект нельзя не отметить.

Особенности и пределы трансформации

Проведенный выше анализ трансформационных процессов в конституционном праве показал особую важность проблемы определения особенностей и пределов трансформации конституционных правовых норм. В связи с этим автор статьи попытался восполнить данный пробел [16, с. 187] и привел некоторые из особенностей этого явления:

1. Трансформация может восполнить правовой пробел и разрешить ту или иную правовую коллизию [13, с. 219]. Традиционно правовые пробелы и коллизии восполняются применением права и/или закона по аналогии либо новыми нормативно-правовыми актами. Однако процесс законотворчества в конституционном праве достаточно затруднен и обременен временными ограничениями. В этой связи принятие решений органами конституционного правосудия осуществляется достаточно быстро, что безусловно эффективно. Можно восполнить правовой пробел и разрешить возникшую правовую коллизию быстро и результативно. Конституционный суд в постановлении от 16 июня 1998 г. (о толковании конституционных положений отдельных положений ст. 125, 126, 127 Конституции Российской Федерации) признал за своими решениями о толковании такую же юридическую силу, что и за законами [16].

2. Трансформация носит временный характер. Необходимо отметить важность трансформации как механизма восполнения пробелов в нормах права, ее действенность в регулировании вновь возникающих общественных отношений. Трансформация должна быть подкреплена в разумный срок изменениями, дополнениями или принятием акта в установленном законом порядке. Это временный способ нуллификации соответствующего правового пробела или коллизии.

В своих решениях орган конституционного правосудия создает обязанность для Федерального собрания Российской Федерации принять соответствующие правовые акты и/или положения.

Например, мы хорошо помним, когда он указывал на эту обязанность в делах, касающихся механизма прекращения полномочий

Президента РФ по состоянию здоровья [15] или вопросов, которые могут быть вынесены на референдум [19], а также порядка передачи депутатом своего голоса при осуществлении голосования [18] и мн. др.

Указанную особенность отмечает и Н.Е. Таева, которая указывает в своих работах на необходимость разработки и принятию изменений и дополнений в конституционные нормативные правовые акты правотворческими органами [21, с. 1383].

3. Трансформация конституционных норм имеет специфический механизм реализации и формы. С моей точки зрения, можно выделить четыре формы трансформации: толкование и применение правовых позиций, осуществляемые Конституционным судом, имплементация решений иностранных судов и ратификация международных правовых актов. Особый порядок реализации трансформации присущ каждой из этих форм. Особый порядок реализации, конечно же, откладывает свой отпечаток и на сам процесс трансформации. Например, в процессе ратификации международных договоров участвует законодательный орган государственной власти Российской Федерации, что закреплено законом о международных договорах [23]. Или, например, процедура имплементации решений иностранных судов, которая требует проверки на соответствие Конституции Российской Федерации. То есть необходима процедура предварительного конституционного контроля.

Еще в 2001 г. было высказано мнение В.О. Лучиным и А.В. Мазуровым [9, с. 85] о появлении трансформационных процессов конституционно-правовых норм, которые связывались с этапами становления правовой системы России после распада советской государственности. Именно тогда, в «девяностые», была обнаружена необходимость осуществления толкования без необходимости внесения соответствующих поправок в законодательство [8, с. 89]. Конечно, в дальнейшем необходимость в данной форме правотворчества должна отпасть, вместе с принятием необходимой нормативно-правовой базы и внесением соответствующих поправок в Основной закон государства. Но, к сожалению, пока об этом говорить рано. Не поддерживают позицию о сокращении трансформацион-

ных процессов В.О. Лучина, А.В. Мазурова и другие конституционалисты. Н.Е. Таева также отмечает, что «... трансформация конституционно-правовых норм имеет более широкие границы распространения...» [21, с. 1383].

Однако факт сокращения трансформации подтверждает то обстоятельство, что «...за всю историю существования Конституционного Суда им было принято только 13 решений о толковании Конституции в период с 1995 по 2015 годы» [10, с. 88]. Последним решением такого рода должно стать постановление от 1 июля 2015 г. № 18-П «По делу о толковании статей 96 (часть 1) и 99 (части 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации», в котором исследовалась возможность изменения даты выборов депутатов Государственной Думы [14]. Однако в связи с принятием «поправок 2020» к Конституции Российской Федерации, мы можем констатировать факт не остановки трансформации, а лишь только ее нового витка развития.

Выводы

Таким образом, автор статьи делает однозначный вывод о формировании нового вида правотворчества под названием «трансформация».

Трансформация действует параллельно традиционным способам правотворчества и осуществляется в таких формах как: толкование, применение правовых позиций, ратификация и имплементация.

Под трансформацией необходимо понимать изменение смыслового содержания конституционных правовых норм без их текстуальных дополнений и поправок.

Трансформация конституционных норм имеет свои особенности и признаки и опосредуется в специфическом механизме ее реализации, обусловленным правовыми формами трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян, С. А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 1. – С. 12–21.

2. Воробьев, Н. И. Глава исполнительной власти (губернатор) субъекта Российской Федерации: что в перспективе наделение полномочиями (назначение) или всенародные выборы? / Н. И. Воробьев // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – № 4. – С. 107–113.

3. Головин, А. Г. К дискуссии о правовой природе актов Конституционного Суда Российской Федерации / А. Г. Головин // Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения) : материалы междунар. науч.-практ. конференции. – М., 2009. – С. 41–48.

4. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.04.2021).

5. Зорькин, В. Д. Буква и дух Конституции / В. Д. Зорькин // Российская газета. – 2018. – № 7689 (226). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html> <http://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 30.04.2021). – Загл. с экрана.

6. Комовкина, Л. С. Актуальные проблемы правотворческого процесса федеральных органов исполнительной власти / Л. С. Комовкина // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2016. – № 5 (21). – С. 186–189.

7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

8. Краснов, М. А. Толкования Конституции как ее фактические поправки / М. А. Краснов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 1. – С. 77–91.

9. Лучин, В. О. Толкование Конституции Российской Федерации (Обзор практики Конституционного Суда) / В. О. Лучин, А. В. Мазуров // Право и власть. – 2001. – № 1. – С. 85–94.

10. Мокосеева, М. А. Концепция «молчаливой» трансформации конституционных правовых норм без внесения изменений, дополнений и поправок в них посредством толкования и применения правовых позиций / М. А. Мокосеева // Правовое государство. – 2018. – № 2. – С. 86–93.

11. Определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 134-О «По делу о толковании статьи 81 (ч. 3) и п. 3 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.07.2020).

12. Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 г. «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 48. – Ст. 5867.

13. Петров, А. А. Может ли коллизия юридических норм порождать пробел в праве? / А. А. Петров // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 432. – С. 218–230.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 июля 2015 г. № 18-П «По делу о толковании статей 96 (ч. 1) и 99 (ч. 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 1283. – Ст. 4335.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2000 г. № 12-П «По делу о толковании положений статей 91 и 92 (ч. 2) Конституции Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий Президента Российской Федерации в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 29. – Ст. 3118.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании конституционных положений отдельных положений статей 125, 126, 127 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 25. – Ст. 3004.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 1996 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 4. – Ст. 409.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 1999 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона от 15 апреля 1998 года «О культурных ценностях, перемещенных

в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 30. – Ст. 3989.

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2007 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» в связи с жалобой граждан В. И. Лакеева, В. Г. Соловьева и В. Д. Уласа» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 14. – Ст. 1741.

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 12-П «По делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 45. – Ст. 4408.

21. Таева, Н. Е. Трансформация норм конституционного права под влиянием решений Конституционного Суда РФ / Н. Е. Таева // Lex Russica. – 2013. – Т. 95, № 12. – С. 1383–1387

22. Федеральный закон от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 50. – Ст. 4950.

23. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.

24. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

REFERENCES

1. Avakian S.A. Svoboda obshchestvennogo mneniya i konstitucionno-pravovye garantii ee osushchestvleniya [Freedom of Public Opinion and Constitutional and Legal Guarantees of Its Implementation]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2013, no. 1, pp. 12-21.

2. Vorobyov N.I. Glava ispolnitel'noj vlasti (gubernator) subyekta Rossijskoj Federacii: chto v perspektive nadelenie polnomochiyami (naznachenie) ili vsenarodnye vybory? [Head of the Executive Power

(Governor) of the Subject of the Russian Federation: What is the Future of Empowerment (Appointment) or National Elections?]. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy* [Socio-Economic Phenomena and Processes], 2010, no. 4, pp. 107-113.

3. Golovin A.G. K diskussii o pravovoj prirode aktov Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii [To the Discussion on the Legal Nature of Acts of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo: vyzovy XXI veka (Kutafinskie chteniya): materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii* [State and Law: Challenges of the 21st Century] (Kutafin Readings). Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2009, pp. 41-48.

4. Zaklyuchenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16 marta 2020 g. № 1-Z «O sootvetstvii polozheniyam glav 1, 2 i 9 Konstitucii Rossijskoj Federacii ne vstupivshih v silu polozhenij Zakona Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii «O sovershenstvovanii regulirovaniya ot del'nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti», a takzhe o sootvetstvii Konstitucii Rossijskoj Federacii poryadka vstupleniya v silu stat'i 1 dannogo Zakona v svyazi s zaprosom Prezidenta Rossijskoj Federacii» [Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1-Z Dated March 16, 2020 "On the Compliance with the Provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation, Which Have Not Come into Force, of the Provisions of the Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power", As Well As on Compliance with the Constitution of the Russian Federation of the Procedure for Entry into Force of Article 1 of this Law in Connection with the Request of the President of the Russian Federation"]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"* (accessed 30 April 2021).

5. Zorkin V.D. Bukva i duh Konstitucii [The Letter and Spirit of the Constitution]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2018, no. 7689 (226). URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniyami.html> <http://sudact.ru/regular/doc> (accessed 30 April 2021).

6. Komovkina L.S. Aktual'nye problemy pravotvorcheskogo processa federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti [Actual Problems of the Law-Making Process of Federal Executive Authorities]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina* [Bulletin of the University Named After O.E. Kutafin], 2016, no. 5 (21), pp. 186-189.

7. Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod (zaklyuchena v g. Rime 4 noyabrya 1950 g.) [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome on

November 4, 1950)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2001, no. 2, art. 163.

8. Krasnov M.A. Tolkovaniya Konstitucii kak ee fakticheskie popravki [Interpretation of the Constitution As Its Actual Amendments]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2016, no. 1, pp. 77-91.

9. Luchin V.O., Mazurov A.V. Tolkovanie Konstitucii Rossijskoj Federacii (Obzor praktiki Konstitucionnogo Suda) [Interpretation of the Constitution of the Russian Federation (Review of the Practice of the Constitutional Court)]. *Pravo i vlast'* [Law and Power], 2001, no. 1, pp. 85-94.

10. Mokošeeva M.A. Konceptiya «molchalivoj» transformacii konstitucionnyh pravovyh norm bez vneseniya izmenenij, dopolnenij i popravok v nih posredstvom tolkovaniya i primeneniya pravovyh pozicij [The Concept of "Silent" Transformation of Constitutional Legal Norms Without Making Changes, Additions and Amendments to Them Through the Interpretation and Application of Legal Positions]. *Pravovoe gosudarstvo* [Legal State], 2018, no. 2, pp. 86-93.

11. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 5 noyabrya 1998 g. № 134-O «Po delu o tolkovanii stat'i 81 (ch. 3) i p. 3 razdela vtorogo «Zaklyuchitel'nye i perekhodnye polozheniya» Konstitucii Rossijskoj Federacii» [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 134-O Dated November 5, 1998 "On the Case of Interpretation of Article 81 (Part 3) and Paragraph 3 of Section Two 'Final and Transitional Provisions' of the Constitution of the Russian Federation"]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"* (accessed 30 July 2021).

12. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19 noyabrya 2009 g. № 1344-O-R «O razyasnenii punkta 5 rezolyutivnoj chasti Postanovleniya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 2 fevralya 1999 goda № 3-P po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 41 i chasti tret'ej stat'i 42 Ugolovno-processual'nogo kodeksa RSFSR, punktov 1 i 2 Postanovleniya Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federacii ot 16 iyulya 1993 g. «O poryadke vvedeniya v dejstvie Zakona Rossijskoj Federacii «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Zakon RSFSR «O sudoustrojstve RSFSR», Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR, Ugolovnyj kodeks RSFSR i Kodeks RSFSR ob administrativnyh pravonarusheniyah» [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1344-O-R Dated November 19, 2009 "On Clarification of Paragraph 5 of the Operative Part of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated February 2, 1999 on Business About Check of Constitutionality of Provisions of Article 41 and Part Three of Article 42 of the Criminal Procedure Code of

RSFSR, Points 1 and 2 of the Decree of the Supreme Soviet of the Russian Federation of July 16, 1993 'On the Procedure for Introduction in Action of the Law of the Russian Federation' About Modification and Additions in the RSFSR Law 'On Judicial System of RSFSR', Criminal Procedure Code of the RSFSR, the Criminal Code of the RSFSR and the RSFSR Code of Administrative Offences"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2009, no. 48, art. 5867.

13. Petrov A.A. Mozhet li kolliziya yuridicheskikh norm porozhdat' probel v prave? [Can a Conflict of Legal Norms Create a Gap in the Law?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2018, no. 432, pp. 218-230.

14. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 1 iyulya 2015 g. № 18-P «Po delu o tolkovanii statej 96 (ch. 1) i 99 (ch. 1, 2 i 4) Konstitucii Rossijskoj Federacii» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-P Dated July 1, 2015 "On the Case of Interpretation of Articles 96 (Part 1) and 99 (Parts 1, 2 and 4) of the Constitution of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2015, no. 1283, art. 4335.

15. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 11 iyulya 2000 g. № 12-P «Po delu o tolkovanii polozhenij statej 91 i 92 (ch. 2) Konstitucii Rossijskoj Federacii o dosrochnom prekrashchenii polnomochij Prezidenta Rossijskoj Federacii v sluchae stojkoj nesposobnosti po sostoyaniyu zdorov'ya osushchestvlyat' prinadlezhashchie emu polnomochiya» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 12-P Dated July 11, 2000 "On the Case About Interpretation of Provisions of Articles 91 and 92 (Part 2) of the Constitution of the Russian Federation on Early Termination of Powers of the President of the Russian Federation in Case of Persistent Inability for Health Reasons to Exercise His Powers"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2000, no. 29, art. 3118.

16. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16 iyunya 1998 g. № 19-P «Po delu o tolkovanii konstitucionnyh polozhenij ot del'nyh polozhenij statej 125, 126, 127 Konstitucii Rossijskoj Federacii» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 19-P Dated June 16, 1998 "On the Case of Interpretation of Constitutional Provisions of Certain Provisions of Articles 125, 126, 127 of the Constitution of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1998, no. 25, art. 3004.

17. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 18 yanvarya 1996 g. № 2-P «Po delu o proverke konstitucionnosti ryada polozhenij Ustava (Osnovnogo Zakona) Altajskogo kraya» [Resolution

of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P Dated January 18, 1996 "On the Case of Verification of Constitutionality of Several Provisions of the Charter (Basic Law) of Altai Krai"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 4, art. 409.

18. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 20 iyulya 1999 g. № 12-P «Po delu o proverke konstitucionnosti Federal'nogo zakona ot 15 aprelya 1998 goda «O kul'turnyh cennostyakh, peremeshchennyh v Soyuz SSR v rezul'tate Vtoroj mirovoj vojny i nahodyashchihysya na territorii Rossijskoj Federacii» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 12-P Dated July 20, 1999 "On the Case of Verification of Constitutionality of the Federal Law Dated April 15, 1998 "On Cultural Values Displaced to USSR As a Result of the Second World War and Located on the Territory of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1999, no. 30, art. 3989.

19. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21 marta 2007 g. № 3-P «Po delu o proverke konstitucionnosti ryada polozhenij statej 6 i 15 Federal'nogo konstitucionnogo zakona «O referendume Rossijskoj Federacii» v svyazi s zhaloboj grazhdan V.I. Lakeeva, V.G. Solov'eva i V.D. Ulasa» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P Dated March 21, 2007 "On the Case of Verification of Constitutionality of Several Provisions of Articles 6 and 15 of the Federal Constitutional Law 'On Referendum of the Russian Federation' in Connection with Complaints of Citizens V.I. Lakeev, V.G. Solovyov and V.D. Ulas"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2007, no. 14, art. 1741.

20. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 31 oktyabrya 1995 g. № 12-P «Po delu o tolkovanii stat'i 136 Konstitucii Rossijskoj Federacii» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 12-P Dated October 31, 1995 "On the Case of Interpretation of Article 136 of the Constitution of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1995, no. 45, art. 4408.

21. Taeva N.E. Transformaciya norm konstitucionnogo prava pod vliyaniem reshenij Konstitucionnogo Suda RF [Transformation of Constitutional Law Norms Under the Influence of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Lex Russica*, 2013, vol. 95, no. 12, pp. 1383-1387.

22. Federal'nyj zakon ot 11 dekabrya 2004 g. № 159-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti subyektov Rossijskoj Federacii» i v Federal'nyj zakon «Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendume

grazhdan Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 159-FZ Dated December 11, 2004 “On Amendments to the Federal Law ‘On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive State Authorities of Constituent Entities of the Russian Federation’ and Federal Law ‘On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendum of Citizens of the Russian Federation’”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2004, no. 50, art. 4950.

23. Federal'nyj zakon ot 15 iyulya 1995 g. № 101-FZ «O mezhdunarodnyh dogovorah Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 101-FZ Dated July 15, 1995 “On International Treaties of the Russian Federation”].

Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1995. no. 29, art. 2757.

24. Federal'nyj zakon ot 6 oktyabrya 1999 g. № 184-FZ «Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti subyektov Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 184-FZ Dated October 6, 1999 “On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1999, no. 42, art. 5005.

Information About the Author

Marina A. Mokoseyeva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Mari State University, 1, Lenina Sq., 424001 Yoshkar-Ola, Russian Federation, pvl_mkstv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4473-4201>

Информация об авторе

Марина Александровна Мокосеева, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Марийский государственный университет, пл. Ленина, 1, 424001 г. Йошкар-Ола, Российская Федерация, pvl_mkstv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4473-4201>

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.14>

UDC 347.451.031
LBC 67.404.2

Submitted: 20.08.2021
Accepted: 20.09.2021

THE CONSUMER RIGHTS PROTECTION IN PASSENGER CAR PURCHASE AND SALE CONTRACTS: THE LAW ENFORCEMENT ANALYSIS

Olesya A. Belova

Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the private law protection of consumer interests in modern trade relations is represented by a wide range of various tools that allow consumers to adequately protect their rights and restore justice. At the same time, the specifics of trade relations, whose subject is a passenger car intended for use for personal household purposes, and having the characteristics of a complex technical product, in some cases, due to the technical and legal illiteracy of the consumer, put consumers in a less favorable position as the least protected party. The **purpose** of the study is to identify current trends in judicial protection and self-defense of the rights of consumers as a party to the contract of purchase and sale of passenger cars. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are analysis, synthesis, generalization, and comparative jurisprudence. **Results:** the study analyzes the law enforcement materials over the past 2-3 years, identifies a cluster of the most relevant court proceedings arising from the protection of consumer rights when selling passenger cars (the disputes about setting deadlines for which it is impossible to use a passenger car for its intended purpose due to the need for repair work, the disputes about the conditions, the place and time of the technical inspection and maintenance of the car). The author expressed his opinion about the potential possibilities of using interactive information platforms to verify information about a product as a means of self-protection of consumer rights when buying and selling cars. **Conclusions:** the author insists on using a “flexible” approach in the field of application of the legislative norms when setting the deadlines for technical / repair work to eliminate malfunctions, and to count the entire period of the car’s stay on the territory of the service station within the specified period (currently, the judicial practice has taken the path of setting off only the time of the actual labor costs for repair work in the specified period according to the working schedule at the service enterprise). The author supports the position of the courts, which does not attach exceptional importance to the place and time of warranty repair and maintenance, and the protection of the interests of the consumer is not conditioned by the imperative requirements implanted in the service book. In the field of self-protection of the rights of car buyers, the author recommends wider use of the modern information platforms presented on the official websites of the state agencies, and the information obtained from these interactive platforms should be supported by the contract itself as its integral part.

Key words: consumer protection, passenger car, technically complex goods, maintenance and repair, warranty repair.

Citation. Belova O.A. The Consumer Rights Protection in Passenger Car Purchase and Sale Contracts: The Law Enforcement Analysis. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 106-112. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.14>

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ДОГОВОРАХ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ЛЕГКОВЫХ АВТОМОБИЛЕЙ: АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Олеся Александровна Белова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: частнопредметная охрана интересов потребителей в современных торговых отношениях представлена широким спектром различных инструментов, позволяющих потребителям адекватно защитить свои права и восстановить справедливость. Одновременно с этим, специфика торговых отношений, предметом которых выступает легковой автомобиль, предназначенный для использования в личных бытовых целях, и обладающий характеристиками сложного технического товара, в ряде случаев в силу технической и правовой неграмотности потребителя, ставит потребителей в менее выгодное положение как наименее защищенную сторону. Выявление современных тенденций судебной защиты и самозащиты прав потребителей как стороны в договоре купли-продажи легковых автомобилей составило **цель** настоящего исследования. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают анализ, синтез, обобщение и сравнительное правоведение. **Результаты:** в исследовании проведен анализ материалов правоприменения за последние 2–3 года, выявлен кластер наиболее актуальных судебных разбирательств, вытекающих из защиты прав потребителей при продаже легковых автомобилей (споры об установлении сроков, при которых невозможно использовать легковой автомобиль по назначению ввиду необходимости проведения ремонтных работ, споры об условиях, месте и времени прохождения технического осмотра и обслуживания автомобиля). Автор изложил мнение о потенциальных возможностях применения информационных интерактивных платформ для проверки сведений о товаре как средстве самозащиты прав потребителей при купле-продаже автомобилей. **Выводы:** автор настаивает на использовании «гибкого» подхода в сфере применения законодательных норм при установлении сроков проведения технических / ремонтных работ по устранению неисправностей, и засчитывать в указанный срок весь период нахождения автомобиля на территории автосервиса (в настоящее время судебная практика пошла по пути зачета в указанный период лишь времени реально произведенных трудовых затрат на ремонтные работы согласно графику рабочего времени на предприятии сервиса). Автор поддерживает позицию судебных инстанций, при которой не придается исключительного значения месту и времени проведения гарантийного ремонта и обслуживания, а правоохрана интересов потребителя не обуславливается императивными требованиями, вживленными в сервисную книжку. В сфере самозащиты прав покупателей автомобилей автор рекомендует шире использовать современные информационные площадки, представленные на официальных сайтах госорганов, и сведения, полученные с указанных интерактивных платформ, подкреплять к самому договору как его неотъемлемую часть.

Ключевые слова: защита прав потребителей, легковой автомобиль, технически сложный товар, техническое обслуживание и ремонт, гарантийный ремонт.

Цитирование. Белова О. А. Защита прав потребителей в договорах купли-продажи легковых автомобилей: анализ правоприменения // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 106–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.14>

Введение

Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения. Данная фраза является не только «крылатой», но и характеризует потребности современного общества и нужды широких масс населения, поскольку в настоящее время в каждой семье есть как минимум один автомобиль. Востребованность таких «желез-

ных коней» создает на рынке огромное количество предложений, провоцирующих и множество конфликтных ситуаций, вызванных качеством продаваемого товара, его техническим обслуживанием. В связи с этим стоит более детально остановиться как на общих, так и на специальных инструментах частно-правовой охраны интересов потребителей применимых при заключении договора купли-продажи,

предметом которых выступают автотранспортные средства, приобретаемые для личных бытовых нужд.

Обращая внимание на действующее законодательство, отметим, что современному потребителю предоставляется широкий спектр инструментов частноправовой природы, направленных на защиту нарушенных прав и восстановления баланса интересов в потребительской сфере. В нормах о правоохране интересов потребителей также учитываются правовые особенности договора купли-продажи, предметом которого выступает транспорт как технически сложный товар. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 10.11.2011 № 924, к технически сложным средствам отнесены в частности легковые автомобили и транспортные средства, снабженные двигателями внутреннего сгорания (электродвигателем) [5].

Так, в соответствии с п. 2 ст. 503 ГК РФ в случае если покупателю был продан некачественный товар, недостатки которого не были оговорены продавцом во время заключения договора купли-продажи, он имеет право на защитные действия, такие как: замена недоброкачественного товара на аналогичный товар надлежащего качества; отказ от исполнения договора розничной купли-продажи и заявление требований о возврате уплаченной за товар суммы [1].

При этом стоит также обратиться к Закону «О защите прав потребителей», где в ст. 18 указывается, что покупатель технически сложного товара может применить указанные выше инструменты в течение 15 дней со дня передачи покупателю данного товара. При этом данные требования могут быть заявлены и по истечении 15 дней, но только в определенных случаях, а именно: наличие существенных недостатков у товара; нарушение сроков устранения недостатков; невозможность использования товара в течение каждого года гарантийного срока в совокупности более чем 30 дней вследствие неоднократного устранения недостатков [2].

Несмотря на лаконичность вышеперечисленных законодательных норм о восстановлении нарушенных прав потребителей при продаже легковых автомобилей как технически сложных товаров ненадлежащего качества,

потребители зачастую руководствуются «бытовой» логикой, оказываясь не в состоянии грамотно определить способ надлежащей защиты и реализовать свои права. К тому же анализ правоприменительной практики приводит нас к выводу, что в потребительской сфере до настоящего времени не достигнуто атмосферы «баланса интересов» и потребители по-прежнему находятся в невыгодном положении, сохраняя статус «наименее защищенной стороны».

Современные тенденции судебной защиты прав потребителей, вытекающие из договора купли-продажи легковых автотранспортных средств

Спор об установлении сроков, при которых невозможно использовать легковой автомобиль в бытовых целях согласно назначению товара.

В Краснооктябрьском районном суде г. Волгограда рассматривалось дело по иску М. к ООО «АС». Исходя из заявленных исковых требований и фабулы дела, установлено, что М. приобрел автомобиль у ООО «АС». За время эксплуатации автомобиля гражданин неоднократно обращался к дилеру с жалобами на неисправности. Позднее в данном автомобиле при запуске произошло короткое замыкание в проводке и задымление салона, истцом были предприняты действия по предотвращению возгорания автомобиля. Для устранения возникших неисправностей, автомобиль был доставлен к дилеру на гарантийный ремонт. Поскольку автомобиль находился длительное время на гарантийном ремонте, а именно 58 дней в течение года, истец требовал расторжения договора [6].

При вынесении решения суд учитывал только объективное время, затраченное на ремонт, и фактически разделил позицию ответчика, который указывал на то, что автомобиль на ремонте находился менее 58 дней. По мнению ответчика и представленным доказательствам, на устранение неисправностей ушло меньшее количество дней, фактический ремонт проводился в более короткие промежутки времени, в то время как истец основывал свои требования на времени, когда автомобиль находился у дилера, при этом он не

исключал время, когда с автомобилем не проводились ремонтные работы.

Из приведенного примера следует, что потребитель весьма широко трактовал законодательную норму, в частности, в «период невозможности использования автомобиля» было засчитано все время нахождения автомобиля в сервисном центре.

Как следует из судебного акта, само по себе нахождение спорного автомобиля в этот период в сервисном центре не свидетельствует об отсутствии объективной возможности истца использовать данный автомобиль по прямому назначению, а вызвано лишь усмотрением истца, так как доказательств наличия со стороны ответчика препятствий к использованию транспортного средства его собственником материалы дела не содержат.

Одновременно к материалам дела приобщены результаты экспертной оценки, согласно которым срок устранения недостатков (с учетом трудоемкости указанных работ и сроков проведения необходимых сопутствующих работ и оказания сопутствующих услуг, предусмотренных технологической схемой работ) составил:

- по заказ-наряду № от ДД.ММ.ГГГГ – до 5,13 часа (до 0,43 дня);
- по заказ-наряду № от ДД.ММ.ГГГГ – до 3,83 часа (до 0,32 дня);
- по заказ-наряду № от ДД.ММ.ГГГГ – до 4,53 часа (до 0,38 дня);
- по заказ-наряду № от ДД.ММ.ГГГГ – до 312 часов (до 26 дней).

Эксперт также пояснил, что при определении срока устранения недостатков он исходил из указанного на официальном сайте ответчика 12-часового рабочего дня сервисной станции. Начало периода, в который производились ремонтные работы и работы по устранению недостатков, рассчитывалось им с начала рабочего дня, а конец периода определялся до закрытия сервисного центра.

Таким образом, срок, при котором потребитель не имел возможности использовать товар по назначению, фактически был приравнен к периоду выполнения ремонтных работ исходя из графика рабочего дня ответчика.

На наш взгляд, в приведенном примере продемонстрирована вопиющая несправедливость и явное ущемление прав потребителя.

Полагаем, при подобных ситуациях суду надлежит учитывать весь период проведения ремонтных работ, то есть период, при котором автомобиль находился на территории сервисного центра, поскольку в действительности потребитель был лишен возможности полноценно использовать автомобиль. Указанный подход будет являться практическим воплощением логики законодателя, заложенной в нормах о защите прав потребителей, и способствовать вынесению законных и объективных решений.

Включение в договор купли-продажи легкового автомобиля императивных требований о месте и сроках прохождения технического обслуживания.

В рамках проводимого исследования стоит отдельно коснуться широкого пласта судебных разбирательств по защите прав покупателей легковых автомобилей в период гарантийного обслуживания. Зачастую продавцы ищут различные способы не устранять недостатки, отказывают в удовлетворении требований потребителя, основанных на правилах гарантийного обслуживания. Так, на практике часто возникает ситуация, когда владельцы автомобилей проходят техническое обслуживание не у официальных дилеров, поскольку в официальных станциях технического обслуживания (далее – ТО) плата за его проведение устанавливается несоизмеримо высокой. В то же время при прохождении ТО в других организациях, дилер отказывает в гарантийном обслуживании, ссылаясь на то, что в сервисной книжке указывается ограничение области действия гарантии, в частности устанавливается следующее императивное правило: «Нарушением владельцем и/или иным лицом эксплуатирующим автомобиль требований и/или рекомендаций руководства для владельца, в частности, в отношении эксплуатации автомобиля, в том числе путем проведения технического обслуживания / ремонта автомобиля в ремонтной организации не являющейся Дилером».

Нам отрадно отметить тот факт, что складывающаяся судебная практика не придает исключительного значения месту и времени проведения гарантийного ремонта и обслуживания, и не обуславливает правоохра-

ну интересов потребителя императивными требованиями, вживленными в сервисную книжку.

Показателен судебный акт, в основу которого были положены результаты судебной экспертизы, явно доказывающей, что возникшие в автомобиле существенные недостатки имели производственный характер и не могут ставиться в зависимость от места и времени прохождения гарантийного сервисного обслуживания [7].

Меры по самозащите прав покупателей легковых автотранспортных средств

Применение информационных интерактивных платформ для проверки сведений о товаре.

Трансформации современных торговых и предпринимательских отношений [3, с. 6], их адаптация под актуальные информационно-технологические преобразования [4, с. 8] позволяют нам затронуть вопрос применения информационных технологий в аспекте защиты и самозащиты прав потребителей.

Законодательством установлено правило о том, что предоставляемый товар должен быть свободен от прав третьих лиц, то есть не должен находиться в залоге или аресте (абз. 1 п. 1 ст. 460 ГК РФ). Однако на практике часто возникают ситуации, когда продавец умалчивает о данных обременениях и продает такое транспортное средство. Поскольку такие случаи являются весьма распространенными, хочется предложить возможное решение данной проблемы. Так, в настоящее время проверить автомобиль на наличие ограничений, розыска и иного, можно при помощи нескольких сервисов, таких как Официальный сайт ГИБДД, Официальный сайт нотариальной палаты, Официальный сайт Российского союза автомобилистов. Для сокращения количества споров предполагается сделать обязательной проверку автомобиля перед покупкой. При применении таких методов каждая из сторон будет заранее знать о том, что проверка автомобиля будет проводиться гражданами и то, что она является необходимой для регистрации транспортного средства. Предполагается, что данная мера будет служить определенным препятствием для заклю-

чения договоров купли-продажи автомобилей с теми или иными ограничениями.

Использование интерактивных сервисов для получения достоверной информации о товаре также позволит избежать ситуации, когда гражданин приобретает автомобиль, регистрирует его в собственность, но при прохождении технического осмотра или при осмотре автомобиля сотрудниками полиции устанавливается, что в данном автомобиле был изменен VIN кузова [8]. Зачастую данное может свидетельствовать о том, что данное авто числится в угоне или же таким способом скрывается его нахождение в залоге, аресте или розыске. Исправить данную ситуацию можно при помощи установления обязательного осмотра транспортного средства на наличие изменений, исправлений VIN на данном автомобиле. Таким образом, изменение данного номера можно обнаружить намного раньше, что позволит предотвратить перепродажу автомобиля, а также раскрыть преступления относительно данной собственности.

На практике также не редко бывает, что продавец скрывает информацию относительно количества аварий в которых была машина, использовалось ли транспортное средство в качестве такси или на ней осуществляли тест-драйв в салоне у дилера. Данные действия влияют на износ автомобиля, что снижает его долговечность. Все вышеперечисленное не должно скрываться продавцами, поскольку непредоставление полной информации о товаре накладывает на продавца ответственность за недостатки автомобиля как товара [8].

Выводы

Частноправовая охрана интересов покупателей легковых автомобилей как технических сложных товаров имеет свои особенности, которые проявляются в процессе как судебной защиты, так и самозащиты нарушенных прав.

В результате проведенного анализа материалов судебных разбирательств по исследуемому вопросу мы можем констатировать, что не во всех судебных актах отражены объективные и справедливые решения. И только «гибкое» правоприменение судьями действующих норм с учетом правовой неграмотности потребителей, отсутствия у них тех-

нических знаний о ремонте и обслуживании технических сложных вещей, к которым относятся автомобили, позволит сбалансировать правоохрану в потребительской сфере.

В сфере самозащиты прав покупателей автомобилей мы рекомендуем шире использовать современные информационные площадки, представленные на официальных сайтах госорганов, и сведения, полученные с указанных интерактивных платформ, подкреплять к самому договору как его неотъемлемую часть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2021). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/538fb2366ff013d11fa713165993ec30e68f3105/. – Загл. с экрана.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 11.06.2021) «О защите прав потребителей». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/76ae101b731ecc22467fd9f1f14cb9e2b8799026/. – Загл. с экрана.
3. Иншакова, А. О. Правовая адаптация в условиях влияния промышленной революции на предпринимательскую деятельность и ключевые компоненты экосистемы / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 6–13. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.1>.
4. Иншакова, А. О. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях индустрии 4.0 / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.1>.
5. Постановление Правительства РФ от 10.11.2011 № 924 (ред. от 27.03.2019) «Об утверждении перечня технически сложных товаров». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121597/63df0c03a72c20f83fbac36216d643e24c7dc5cd/. – Загл. с экрана.
6. Решение № 2-2660/2019 2-2660/2019~М-2212/2019 М-2212/2019 от 12 декабря 2019 г. по делу № 2-2660/2019. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/5py9zIG9Gzo4/>. – Загл. с экрана.
7. Решение № 2-3282/2019 2-66/2020 2-66/2020(2-3282/2019;)~М-2359/2019 М-2359/2019 от 11 февраля

2020 г. по делу № 2-3282/2019. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/VJmqZAbR6edN/>. – Загл. с экрана.

8. Решение № 2-947/2019 от 26 ноября 2019 г. по делу № 2-151/2019(2-2526/2018;)~М-2434/2018. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/5vteMlabYTQX/>. – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. *Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 09.03.2021, s izm. i dop., vstup. v silu s 29.06.2021)* [Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of No 14-FZ Dated January 26, 1996 (As Amended on March 9, 2021 and Put into Force on June 26, 2021)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/538fb2366ff013d11fa713165993ec30e68f3105.
2. *Zakon RF ot 07.02.1992 № 2300-1 (red. ot 11.06.2021) «O zashchite prav potrebitel'ej»* [The Law of the Russian Federation No. 2300-1 Dated February 7, 1992 (As Amended on June 11, 2021) “On Protection of Consumer Rights”]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/76ae101b731ecc22467fd9f1f14cb9e2b8799026/.
3. Inshakova A.O. *Pravovaya adaptaciya v usloviyah vliyaniya promyshlennoj revolyucii na predprinimatel'skuyu deyatel'nost' i klyuchevye komponenty ekosistemy* [Legal Adaptation in the Context of the Impact of the Industrial Revolution on Business and the Key Components of the Ecosystem]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 6-13. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.1>.
4. Inshakova A.O. *Pravo i informacionno-tekhnologicheskie preobrazovaniya obshchestvennyh otnoshenij v usloviyah industrii 4.0* [Law and Information Technology Transformation of Public Relations Under Industry 4.0 Conditions]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.1>.
5. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 10.11.2011 N 924 (red. ot 27.03.2019) «Ob utverzhdenii perechnya tekhnicheskii slozhnyh tovarov»* [Decree of the Government of the Russian Federation No. 924 Dated November 10, 2011 (As Amended on March 27, 2019) “On Approving the List of Technically Complex Goods”]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121597/63df0c03a72c20f83fbac36216d643e24c7dc5cd.
6. *Reshenie № 2-2660/2019 2-2660/2019~М-2212/2019 М-2212/2019 ot 12 dekabrya 2019 g. po delu № 2-2660/2019*.

delu № 2-2660/2019 [Judgment No. 2-2660/2019~M-2212/2019 M-2212/2019 Dated December 12, 2019 in Case No. 2-2660/2019]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5py9zlG9Gzo4>.

7. *Reshenie № 2-3282/2019 2-66/2020 2-66/2020(2-3282/2019;)-M-2359/2019 M-2359/2019 ot 11 fevralya 2020 g. po delu № 2-3282/2019* [Judgment No. 2-3282/2019 2-66/2020 2-66/2020(2-3282/

2019;)-M-2359/2019 M-2359/2019 Dated February 11, 2020 in Case No. 2-3282/2019]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VJmqZAbR6edN>.

8. *Reshenie № 2-947/2019 ot 26 noyabrya 2019 g. po delu № 2-151/2019(2-2526/2018;)-M-2434/2018* [Judgment No. 2-947/2019 Dated November 26, 2019 in Case No. 2-151/2019(2-2526/2018;)-M-2434/2018]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5vteMlabYTQX>.

Information About the Author

Olesya A. Belova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, belova.aa@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5994-192X>

Информация об авторе

Олеся Александровна Белова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, belova.aa@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5994-192X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.15>

UDC 349
LBC 67.404.9

Submitted: 26.06.2021
Accepted: 10.08.2021

THE PROBLEMS OF REGULATING THE REPAYMENT OF CLAIMS OF BANKRUPTCY CREDITORS IN THE COURSE OF BANKRUPTCY PROCEEDINGS AND THE APPLICATION OF THE INSTITUTION OF OFFSET OF HOMOGENEOUS COUNTERCLAIMS¹

Anton O. Zaitsev

LLC “Shchekin and Partners”, Moscow, Russian Federation

Introduction: the main goal of bankruptcy is satisfaction of creditors’ claims. In this connection, the legislator, based on the requests of law enforcement practice, must make changes to the current legislation, including the legalization of other ways to replenish the debtor’s bankruptcy estate. The author identifies the **purpose** of the study as a justification for the legislative consolidation of the possibility of legal succession by a particular person of the rights of bankruptcy creditors after the repayment of the latter’s claims. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are the methods of system, analysis, and comparative law. **Results:** the author’s position justified in the work is based on the needs of the institution of bankruptcy. Based on the analysis of the current legislation and the established law enforcement practice, the author shows the shortcomings of the existing legal structures used to repay creditors’ claims. **Conclusions:** the author proposed a variant of repayment of the claims of bankruptcy creditors by a third party, which is fundamentally different from the legally fixed structures and based on the possible subrogation of the transfer of the rights of bankruptcy creditors to it.

Key words: repayment of claims, bankruptcy creditors, termination of bankruptcy proceedings, succession, set-off in bankruptcy.

Citation. Zaitsev A.O. The Problems of Regulating the Repayment of Claims of Bankruptcy Creditors in the Course of Bankruptcy Proceedings and the Application of the Institution of Offset of Homogeneous Counterclaims. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 113-118. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.15>

УДК 349
ББК 67.404.9

Дата поступления статьи: 26.06.2021
Дата принятия статьи: 10.08.2021

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОГАШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ КОНКУРСНЫХ КРЕДИТОРОВ В ХОДЕ КОНКУРСНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ЗАЧЕТА ВСТРЕЧНЫХ ОДНОРОДНЫХ ТРЕБОВАНИЙ¹

Антон Олегович Зайцев

ООО «Щекин и партнеры», г. Москва, Российская Федерация

Введение: банкротство имеет основной своей целью удовлетворение требований кредиторов. В связи с этим законодатель, опираясь на запросы правоприменительной практики, должен вносить изменения в действующее законодательство, в том числе по легализации иных путей пополнения конкурсной массы должника. Автором обозначена **цель** исследования, как обоснование законодательного закрепления возможности правопреемства третьим лицом прав конкурсных кредиторов после погашения требований последних. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди

которых основное место занимают сравнительно-правовой метод, а также методы системности и анализа. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция опирается на потребности института банкротства. На основании анализа действующего законодательства и сложившейся правоприменительной практики, автором показаны недостатки существующих правовых конструкций, используемых для погашений требований кредиторов. **Выводы:** автором предложен принципиально отличающийся от законодательно закрепленных, конструкций, вариант погашения требований конкурсных кредиторов третьим лицом, основанный на возможной суброгации перехода к нему прав конкурсных кредиторов.

Ключевые слова: погашение требований, конкурсные кредиторы, прекращение производства по делу о банкротстве, правопреемство, зачет в банкротстве.

Цитирование. Зайцев А. О. Проблемы регулирования погашения требований конкурсных кредиторов в ходе конкурсного производства и применения института зачета встречных однородных требований // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 113–118. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.15>

Введение

Настоящая статья была написана в период внесения в Государственную Думу Правительством Российской Федерации Проекта ФЗ № 117553, которым планируется внести масштабные поправки в Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). По этой причине в статье не рассматривается вопрос совершенствования ст. 113 Закона о банкротстве, которой регулируется вопрос погашения требований конкурсных кредиторов должника в процедуре внешнего управления, упраздняющей Проектом.

Иногда конкурсное производство прекращается в связи с погашением требований кредиторов учредителями (участниками) должника, собственником имущества должника – унитарного предприятия либо третьим лицом / третьими лицами. Вариативности последствий применения института погашения требований конкурсных кредиторов, а также его сочетание с институтом зачета встречных однородных требований и посвящена настоящая статья.

Вариативность последствий применения института погашения требований конкурсных кредиторов

Полагаем, что возможно выделить три варианта развития событий после погашения всех требований конкурсных кредиторов.

Первый вариант предполагает, что, погасив требования всех включенных в реестр кредиторов, третье лицо заявляет о правопреемстве, которое санкционирует суд, и дело о

банкротстве подлежит прекращению. В силу ст. 313 и 387 ГК РФ права конкурсных кредиторов в порядке суброгации переходят третьему лицу. Переход прав материальных влечет переход прав процессуальных. Суд в порядке ст. 48 АПК РФ производит процессуальное правопреемство, о чем выносится соответствующее определение. Затем дело о банкротстве подлежит прекращению.

Институт зачета в банкротстве имеет крайне ограниченную сферу применения. После введения первой процедуры в деле о банкротстве не допускается прекращение обязательств должника зачетом, а в случае совершения таких сделок, они подлежат оспариванию. Применяя первый вариант, и третье лицо, в случае наличия у него задолженности перед должником, и конкурсный управляющий должник, будут иметь возможность зачесть свои требования, поскольку такие действия не будут противоречить п. 8 ст. 142 Закона о банкротстве.

Хотя в ряде случаев², суды придерживаются этого подхода, он не нашел широкого применения, поскольку не основан на буквальном толковании ст. 113 и 125 Закона о банкротстве, в отличие от второго подхода.

Он основан на том, что после погашения требований кредиторов, дело о банкротстве прекращается, а процессуального правопреемства не происходит. Вызвано это тем, что согласно п. 14 ст. 113 Закона о банкротстве денежные средства, перечисленные на специальный банковский счет должника или в депозит нотариуса, считаются предоставленными должнику на условиях договора беспроцентного займа, срок которого определен моментом востребования. Ввиду того, что обязательство

должника перед лицом является обязательством новым, права конкурсных кредиторов вообще не переходят к третьему лицу. Данный подход является самым распространенным в судебной практике. Содержательнее всего он изложен в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 10.11.2020 № Ф05-6337/2019 по делу № А40-118496/2018.

В таком случае применение института зачета в банкротстве вообще отсутствует, поскольку отсутствует само дело о банкротстве. Прекращение встречных однородных обязательств будет происходить в обычном порядке и полностью поддаваться регулированию ГК РФ.

В указанном постановлении изложена идея, которой следуют все арбитражные суды Российской Федерации: «погашение требований всех кредиторов третьим лицом имеет целью прекращение производства по делу о банкротстве» [7]. Мы позволим себе не согласиться с этой позицией.

Полагаем, что суд, осознанно или нет, придерживается объективной теории правового интереса. Исходя из буквы закона, суд говорит о цели введения законодателем такого института, но заблуждается в целях лиц, которые выражают желание такие требования погасить. Заблуждением является отождествление цели введения института погашения требований кредиторов и целей, которые преследуют третьи лица, прибегая к нему. Более того, суд ставит знак равенства между целью и последствиями, что также не является верным: у третьего лица цели могут быть совершенно разные, но последствием совершения его действия для достижения цели, будет прекращение производства по делу о банкротстве.

Согласимся с В.П. Грибановым, что не в силах законодателя предусмотреть все многообразие применения субъективных прав: «одно и то же по своему содержанию субъективное право может обслуживать различные интересы лиц» [1, с. 68]. Несмотря на то, что цель института погашения требований конкурсных кредиторов прямо не указана в ст. 113 и 125 Закона о банкротстве, последствием погашения является прекращение производства по делу о банкротстве. В следствие этого, разумным будет предположить, что цель

третьего лица будет ограничена последствиями. И если последствия не входят в цель третьего лица, то и погашать требования конкурсных кредиторов он не будет. Обосновано ли такое ограничение последствий погашения требований кредиторов?

Институт несостоятельности (банкротства) детерминирован многоотраслевым характером отношений, которые им регулируются [3, с. 133–134]. Несмотря на то, что в основной своей массе институт банкротства регулируется нормами императивными, он не лишен диспозитивных начал, поскольку лежит в плоскости рыночной экономики, где субъекты вольны сами решать, как урегулировать свои отношения.

Законом о банкротстве установлен перечень лиц, которые имеют право исполнить обязательства должника. Они имеют свой правовой интерес в том, чтобы погасить требования кредиторов. Собственник имущества должника, который является унитарным предприятием и учредители (участники) должника имеют очевидный интерес в том, чтобы, погасив требования кредиторов, прекратить производство по делу о банкротстве.

Обоснованность перехода к третьему лицу прав конкурсных кредиторов в порядке суброгации после погашения требований кредиторов

В отношении третьих лиц, желающих погасить требования кредиторов, все не так однозначно [4, с. 131]. При включении в перечень третьих лиц, законодатель, вероятно, предполагал самую очевидную конструкцию: бенефициар должника или иные лица по просьбе контролирующих должника лиц погашают требования конкурсных кредиторов [2, с. 46–51]. В таком случае цели контролирующих лиц, которые сводятся к прекращению дела о банкротстве, транслируются через третьих лиц. Однако возможна ситуация, когда, например, дебитор должника / бенефициара должника или их конкурент вознамерится получить контроль над ходом процедуры, активами должника или иным образом воспользоваться институтом несостоятельности (банкротства) в многогранных экономических отношениях³.

По этой причине нам видится, что возможен третий вариант регулирования отношений, возникающих в связи с погашением третьими лицами требований конкурсных кредиторов. Он заключается в том, что после погашения требований кредиторов, производство по делу о банкротстве не прекращается, а к третьему лицу переходят все права конкурсных кредиторов в порядке суброгации.

Зачатки такого подхода можно найти в некоторых определениях о прекращении производства по делу о банкротстве [8–11]. В них заинтересованное лицо ходатайствует о прекращении производства по делу о банкротстве, хотя такая обязанность прямо законом не установлена, а, напротив, может толковаться в пользу продолжения конкурсного производства.

Данный подход имеет ощутимые достоинства. Так, в случае перехода к третьему лицу прав требований конкурсных кредиторов, погасив только требования в размере основной задолженности, за третьим лицом будет закреплено право требования на возможные финансовые санкции, в том числе мораторные проценты. Более того, третье лицо сможет претендовать на данное ранее конкурсным управляющим обеспечение, которое могло быть дано как должником, так и иным лицом.

Третье лицо, если требования из навязанной ему ст. 113 Закона о банкротстве договора займа не будут исполнены, будет удовлетворять свои требования в ординарном процессе и, если обязательство не будет исполнено, заново возбуждать дело о банкротстве, что является крайне неэффективной стратегией. При применении предлагаемого подхода кредитор уже включен в реестр требований кредиторов должника, находящегося в ликвидационной процедуре банкротства.

В то же время, установленные законом о банкротстве меры по восстановлению платежеспособности должника будут применяться чаще и эффективнее. Если намерения третьего лица заключаются в завладении активами должника, то продолжение процедуры подходит для этого дела как нельзя лучше, поскольку исключает необходимость договариваться с другими кредиторами о порядке пользования имуществом, переданного в качестве отступного или полученного в ходе за-

мещения активов. Такой подход не противоречит Закону о банкротстве, а также сложившейся судебной практике, поскольку ВС РФ неоднократно указывал, что законный материальный интерес любого кредитора должника, прежде всего, состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований. Все предоставленные кредиторам права, а также инструменты влияния на ход процедуры несостоятельности направлены на способствование достижения названной цели [5–6].

Одновременно с этим, третье лицо, в случае отсутствия иных кредиторов, имеющих более высокую очередность удовлетворения своих требований, имеет возможность погасить свои требования в порядке зачета в порядке п. 8 ст. 142 Закона о банкротстве, поскольку ограничения применения данного института прекращения обязательств не будут релевантными.

Выводы

Таким образом, закрепление в Законе о банкротстве правовой конструкции, которая легализовала бы переход к третьему лицу всех прав конкурсных кредиторов в порядке суброгации, после погашения требований кредиторов, без прекращения производства по делу, на наш взгляд позволило бы учитывать интересы всех лиц, участвующих в деле о банкротстве. Полагаем, что при введении ограничений его применения по усмотрению законодателя, он соответствует принципам и ценностям Закона о банкротстве. Так конкурсные кредиторы получают полное удовлетворение своих основных требований. Несмотря на то, что некоторые из них теряют право на обеспечение, это не затрагивает их интересов, учитывая статистику по удовлетворенным требованиям [11]. Требования кредиторов первой и второй очереди, а также требования кредиторов по текущим платежам будут удовлетворены перед требованием третьего лица⁴. Конкурсный управляющий получает положенные ему проценты, которых он лишен указанием ВАС РФ, закрепленном в Постановлении Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 97. В случае недостаточности имущества, все риски возлагаются на погасившее требования

третье лицо. Наконец, должник находился в ликвидационной стадии, поэтому его интересы и интересы контролирующих его лиц все также отодвигаются на последнее место.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правовые позиции, приводимые в статье, являются частным мнением автора и не отражают позиции юридической фирмы, в которой он работает.

² Например, дело № А57-25624/2016.

³ Речь идет о правомерном интересе, который не нарушает права иных лиц и соответствует законодательству РФ.

⁴ Во втором случае им бы пришлось снова заявлять требования к должнику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М., 2000. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Кораев, К. Б. Исполнение обязательств кредитной организации ее учредителями или третьими лицами в конкурсном производстве / К. Б. Кораев // Закон. – 2014. – № 3. – С. 48–53.

3. Несостоятельность (банкротство) : учеб. курс в 2 т. / ред. С. А. Карелина. – М. : Статут, 2019. – Т. 1. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Определение арбитражного суда Краснодарского края от 06.07.2020 г. по делу №А32-17047/2015. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Определение арбитражного суда Омской области от 10.10.2019 г. по делу №А46-1460/2019. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Определение арбитражного суда Пермского края от 03.04.2019 г. по делу № А50-11632/14. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Определение арбитражного суда Самарской области от 09.12.2020 г. по делу № А55-9626/2017. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.10.2020 №305-ЭС17-3119 (5, 6) по делу № А40-45790/2012. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Фе-

дерации от 25.01.2017 №305-ЭС16-1594. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Петров, Д. А. Проблемы исполнения обязательств должника-банкрота третьим лицом или учредителем / Д. А. Петров // Арбитражные споры. – 2018. – № 4. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.11.2020 № Ф05-6337/2019 по делу № А40-118496/2018. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Результаты процедур в делах о банкротстве за 3 кв. 2020 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/e9e4ea38-3e8e-46de-9635-d59d6372cb94>. – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Gribanov V.P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav [Exercise and Protection of Civil Rights]. Moscow, 2000. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

2. Koraev K.B. Ispolnenie obiazatelstv kreditnoi organizatsii ee uchrediteliami ili tretimi litsami v konkursnom proizvodstve [Performance of Obligations of a Credit Institution by Its Founders or Third Parties in Bankruptcy Proceedings]. *Zakon*, 2014, no. 3, pp. 48-53.

3. Nesostoiatelnost (bankrotstvo): ucheb. kurs v 2 t. [Insolvency (Bankruptcy). Training Course in 2 Vols.]. Moscow, Statut Publ., 2019, vol. 1. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

4. Opredelenie arbitrazhnogo suda Krasnodarskogo kraia ot 06.07.2020 g. po delu №А32-17047/2015 [Ruling of the Arbitration Court of Krasnodar Krai Dated July 6, 2020 in Case No. A32-17047/2015]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

5. Opredelenie arbitrazhnogo suda Omskoi oblasti ot 10.10.2019 g. po delu № А46-1460/2019 [Ruling of the Arbitration Court of Omsk Region Dated October 10, 2019 in Case No. A46-1460/2019]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

6. Opredelenie arbitrazhnogo suda Permskogo kraia ot 03.04.2019 g. po delu № А50-11632/14 [Ruling of the Arbitration Court of Perm Region Dated April 3, 2019 in Case No. A50-11632/14]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

7. Opredelenie arbitrazhnogo suda Samarskoi oblasti ot 09.12.2020 g. po delu № А55-9626/2017 [Ruling of the Arbitration Court of Samara Region Dated December 9, 2020 in Case No. A55-9626/2017]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

8. Opredelenie Sudebnoi kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi

Federatsii ot 01.10.2020 № 305-ES17-3119(5, 6) po delu № A40-45790/2012 [Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES17-3119 (5,6) Dated October 1, 2020 in Case No. A40-45790/2012]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

9. Opredelenie Sudebnoi kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 25.01.2017 № 305-ES16-1594 [Decision of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES16-1594 Dated January 25, 2017]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

10. Petrov D.A. Problemy ispolneniia obiazatelstv dolzhnika-bankrota tretim litsom ili uchreditelem

[Problems of Fulfilling the Obligations of a Bankrupt Debtor by a Third Party or a Gounder]. *Arbitrazhnye spory*, 2018, no. 4. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

11. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 10.11.2020 № F05-6337/2019 po delu № A40-118496/2018 [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District No. F05-6337/2019 Dated November 10, 2020 in Case No. A40-118496/2018]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

12. Rezul'taty protsedur v delakh o bankrotstve za 3 kv. 2020 goda [Results of Procedures in Bankruptcy Cases for the 3rd Quarter of 2020]. URL: <https://fedresurs.ru/news/e9e4ea38-3e8e-46de-9635-d59d6372cb94>.

Information About the Author

Anton O. Zaitsev, Lawyer, LLC "Shchekin and Partners", Presnenskaya Emb., 12, MIBC "Moscow City", Federation Tower "Vostok", Floor 14, Office 3, 123112 Moscow, Russian Federation, p.zaitsevanton@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0729-0998>

Информация об авторе

Антон Олегович Зайцев, юрист, ООО «Щекин и партнеры», Пресненская наб., 12, ММДЦ «Москва-Сити», Башня Федерация «Восток», эт. 14, оф. 3, 123112 г. Москва, Российская Федерация, p.zaitsevanton@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0729-0998>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.16>

UDC 34.043

LBC 67.404.219

Submitted: 06.06.2021

Accepted: 01.09.2021

**SUBSTITUTION OF PARTIES IN THE OBLIGATION AND SURETYSHIP:
CONTRADICTIONS IN THE CONSTRUCTION
OF A SOLIDARY PLURALITY OF PERSONS
(Part 1)**

Natalia V. Kvitsinia

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Elvira O. Osadchenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the authors conducted a study of the differentiation of the norms on surety and substitution of parties in the obligation due to the lack of their clear regulation by the legislator. The paper discusses the concepts of co-suretyship and individual suretyship, reveals their similarities and differences. The authors highlighted the problems of applying the rules on the substitution of parties in the obligation and the responsibility of the surety and also suggested the ways to resolve them. The **purpose** of the study is to develop some proposals for improving the institution of suretyship and bringing it into line with the norms on the substitution of parties in an obligation. **Methods:** the study used historical, comparative law, logical research methods, as well as the method of the literal and broad interpretation of normative legal acts and court decisions. **Results:** the civil law doctrine of the institute of suretyship and co-suretyship was supplemented, the legal position of suretyship in the proper performance of its obligations for the debtor was determined from the standpoint of the science of civil law. **Conclusions:** according to the results of the study, it is proposed to amend the current legislation and completely exclude from it the provisions on the independent regulation of “joint suretyship”, i.e. to recognize Part 3 of Article 363 of the Civil Code of the Russian Federation as invalid. The provisions developed by the authors will simplify and streamline the law enforcement practice in the issues under consideration.

Key words: debtor, creditor, surety, co-surety, obligation, performance, recourse.

Citation. Kvitsinia N.V., Osadchenko E.O. Substitution of Parties in the Obligation and Suretyship: Contradictions in the Construction of a Solidary Plurality of Persons (Part 1). *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 119-124. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.16>

УДК 34.043

ББК 67.404.219

Дата поступления статьи: 06.06.2021

Дата принятия статьи: 01.09.2021

**ПЕРЕМЕНА ЛИЦ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ И ПОРУЧИТЕЛЬСТВО:
ПРОТИВОРЕЧИЯ КОНСТРУКЦИИ
СОЛИДАРНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ЛИЦ
(Часть 1)**

Наталья Вячеславовна Квициния

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Эльвира Олеговна Осадченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: автором проводится исследование разграничения норм о поручительстве и перемене лиц в обязательстве ввиду отсутствия их четкого регламентирования законодателем. В статье рассматриваются понятия сопоручительство и индивидуальное поручительство, выявляются их сходства и различия. Автором выделены проблемы применения норм о перемене лиц в обязательстве и ответственности поручителя, а также предлагаются пути их разрешения. **Целью** исследования является разработка предложений по совершенствованию института поручительства и приведение его в соответствие с нормами о перемене лиц в обязательстве. **Методы:** в работе использовались исторический, сравнительно-правовой, логический методы исследования, а также метод буквального и расширительного толкования нормативно-правовых актов и судебных решений. **Результаты:** дополнена гражданско-правовая доктрина института поручительства и сопоручительства, с позиций науки гражданского права определено правовое положение поручителя при надлежащем выполнении им обязательства за должника. **Выводы:** по результатам исследования предложено внести изменения в действующее законодательство и полностью исключить из него положения о самостоятельном регулировании «совместного поручительства», т. е. признать утратившей силу ч. 3 ст. 363 ГК РФ. Разработанные автором положения позволяют упростить и упорядочить правоприменительную практику в рассматриваемых вопросах.

Ключевые слова: должник, кредитор, поручитель, сопоручитель, обязательство, исполнение, регресс.

Цитирование. Квициния Н. В., Осадченко Э. О. Перемена лиц в обязательстве и поручительство: противоречия конструкции солидарной множественности лиц // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 119–124. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.16>

Введение

Гражданские правоотношения во все времена занимали центральное положение в любом цивилизованном обществе и постоянно изменялись. Корни современного гражданского права были заложены в римском праве и претерпели с тех пор значительные преобразования, однако его основные институты до настоящего времени сохранились, хотя и в измененном виде. К таким институтам относятся, в частности, поручительство, некоторые проблемные аспекты которого мы раскроем в настоящей статье.

Понятие «поручительство» упоминается в Гражданском кодексе Российской Федерации [3], Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» [8] и в ряде других нормативных актов. В ГК РФ не содержится общего определения данного понятия. Вместе с тем содержащееся в ст. 173 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» понятие, а также положения ст. 361 ГК РФ позволяют говорить о том, что поручительство – это односторонняя обязанность лица, давшего поручительство за должника, отвечать перед кредитором за исполнение должником как денежных, так и неденежных обязательств полностью или в части.

Многие цивилисты предпринимали попытки раскрыть правовую природу поручительства. Так, по мнению И.М. Тютрюмова, поручительство – это всегда принятие ответствен-

ности за должника в случае его неплатежа [7]. Из данного определения вытекает, что поручитель отвечает только по денежным обязательствам, что является не совсем верным.

В свою очередь К.П. Победоносцев считает, что поручительство имеет место по обязательству, которое еще не исполнено, но предположительно исполнится в оговоренные сроки и после его исполнения лицо теряет правовой статус поручителя [5].

Некоторые ученые под поручительством понимают обязательство, по которому поручитель берет на себя обязанность по исполнению перед кредитором основного обязательства за должника [2]. Однако данная точка зрения представляется ошибочной, поскольку такая конструкция предполагает перевод обязанности по исполнению обязательства с первоначального должника на поручителя. Так он становится новым должником и происходит перемена лиц, что при поручительстве не предусмотрено. В данной конструкции, у каждого лица своя обязанность: должник обязан исполнить обязательство перед кредитором, поручитель – отвечать за должника.

Юридическая природа правоотношений поручительства

Существо правоотношений поручительства практически не изменилось с древнейших времен и представляет собой обязанность

лица отвечать за надлежащее исполнение должником своих обязательств перед кредитором. Тем не менее, несмотря на очень длительное развитие данного института, его современное правовое регулирование содержит и пробелы, и существенные коллизии. На наш взгляд, одну из таких значимых коллизий представляет собой правовое неравенство поручителей между собой в случае, если несколько лиц дают совместное поручительство или каждый дает его самостоятельно. Рассмотрим обозначенную проблему на двух абстрактных примерах.

Представим следующую ситуацию: должник получил кредит в банке на 900 000 руб., а трое других лиц предоставили совместное поручительство за исполнение этим должником его обязательств по кредитному договору, т. е. стали с точки зрения закона сопоручителями. В связи с невыполнением основным должником принятых на себя обязательств банк предъявил требования к одному из сопоручителей, который и исполнил это обязательство.

В силу ч. 3 ст. 363 ГК РФ лица, которые предоставили именно совместное поручительство, по общему правилу, отвечают перед кредитором солидарно. И в случае, если один из этих сопоручителей самостоятельно исполнит обязательство перед кредитором, в силу указанной нормы он получит «право потребовать от других лиц, предоставивших обеспечение основного обязательства совместно с ним, возмещения уплаченного пропорционально их участию в обеспечении основного обязательства». Из этого нормативного положения следует, что если сопоручители не установили в договоре иное, то один из сопоручителей, который исполнил обязательство, получает, в соответствии с ч. 3 ст. 363 и пп. 1 и 2 ст. 325 ГК РФ, право регрессного требования к остальным сопоручителям. Однако в размере регрессного требования не в полном объеме исполненного им обязательства, а в равных долях с каждого сопоручителя за вычетом доли, падающей на него самого. Данная формула закреплена также и в современной судебной практике, а именно в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45 [6].

Следовательно, если один из трех сопоручителей выплатил за должника, как указа-

но в нашем примере, 900 000 руб. банку, то он получит право регрессного требования к остальным двум сопоручителям в сумме только 600 000 руб., т. е. $\frac{1}{3}$ от этой суммы падает на него самого.

Рассмотрим другой пример, отметив, при этом, что и в первом и во втором случае каждый поручитель, исполнивший обязательство за основного должника имеет право требовать от самого должника возврата уплаченной суммы в полном объеме, независимо от участия и статуса его самого и других поручителей в этом обязательстве.

Предположим, тот же самый должник взял в банке кредит на сумму в 900 000 руб. и также три лица приняли на себя поручительство за этого должника. Допустим, они приняли его не совместно, а каждый в отдельности, т. е. каждый из этих трех поручителей заключил самостоятельный договор поручительства с банком и обязался лично отвечать перед кредитором в солидарном порядке. Далее, также, как и в предыдущем примере, в связи с невыполнением основным должником принятых на себя обязательств, банк предъявил требование к одному из трех поручителей, который и исполнил это обязательство единолично. На первый взгляд, приведенные примеры аналогичны и, казалось бы, должны иметь идентичные правовые последствия, однако, действующее правовое регулирование существенно ограничивает права сопоручителей по отношению к тем лицам, которые дают «индивидуальное» поручительство.

Так, согласно подп. 3 п. 1 ст. 387 ГК РФ права кредитора по обязательству переходят к другому лицу вследствие исполнения обязательства поручителем должника. В развитие данной нормы ч. 1 ст. 384 ГК РФ предусматривает, что, по общему правилу право первоначального кредитора, в нашем примере – банка, переходит к новому кредитору (поручителю, исполнившему обязательство) в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. Кроме того, в законе прямо указано на то, что новый кредитор получает и обеспечение исполнения обязательства, которое имел предыдущий кредитор. Если обязательство было обеспечено залогом, то право на него получает но-

вый кредитор, а если поручительством других лиц, то получает права кредитора по отношению к другим поручителям.

Из приведенных формулировок видно, что, если обязательство исполнил «обычный» поручитель, т. е. не имеющий статуса «сопоручителя», то он занимает в обязательстве место кредитора. Поскольку права кредитора не ограничены никакими «долями, падающими на него самого», то «новый кредитор» будет иметь право не просто предъявить требования к остальным поручителям, но и предъявить его в полном объеме, т. е. в сумме 900 000 рублей.

Ключевое отличие данных норм от положений ч. 3 ст. 363 ГК РФ заключается в отсутствии приставки «со-», т. е. сопоручитель, в отличие от просто «поручителя», уже не вправе предъявлять требования к другим «сопоручителям» на полную сумму выплаченного им долга. Следовательно, совместное поручительство на законодательном уровне ограничивает права сопоручителей по отношению к поручителям, которые дали самостоятельные поручительства кредитору.

Система права любого цивилизованного государства стремится максимально реализовать принцип справедливости и равной ответственности всех лиц за равные деяния. Данный принцип заключается в том, что одно лицо не может понести большую ответственность, чем другое лицо, если они находятся в равном правовом положении.

На наш взгляд, применительно к вышеуказанным примерам принцип справедливости нарушен непосредственно на законодательном уровне, поскольку существо правоотношений поручительства никак не зависит от того, дано ли оно совместно несколькими лицами или индивидуально каждым из них. Существующая правовая регламентация ставит поручителя, который давал «индивидуальное» поручительство и исполнившего обязательство, в значительно более выгодное положение, чем такого же исполнившего обязательство поручителя, который дал «совместное» поручительство.

Следует уточнить, что даже юристы, практикующие многие годы, не всегда способны в конкретном договоре поручительства выявить положения, которые впоследствии могут быть расценены судом как принятие ли-

цом на себя совместного с другими лицами поручительства, а для гражданина, не обладающего познаниями в области юриспруденции выявить такие положения практически невозможно.

В связи с выявленными противоречиями полагаем необходимым внести изменения в действующее законодательство и полностью исключить из него положения о самостоятельном регулировании «совместного поручительства», т. е. признать утратившей силу ч. 3 ст. 363 ГК РФ. При этом мы считаем, что не потребуется вносить какие-либо изменения в ст. 325 ГК РФ, поскольку она «автоматически» перестанет регулировать правоотношения поручителей между собой. На наш взгляд, реализация этого предложения уравнивает в правах всех поручителей путем предоставления им единого правового механизма замены кредитора в обязательстве в порядке ст. 384, 387 ГК РФ.

Судебная практика применения ст. 384–387 ГК РФ

В связи с исследуемой темой мы хотим привести пример из практики применения судами Волгоградской области положений ст. 384–387 ГК РФ о перемене кредитора в обязательстве вследствие его исполнения поручителем.

В 2005 г. Беспалов О.Б. (далее – Заемщик) получил в банке кредит в сумме 515 000 руб., поручителями по которому выступили его супруга – Беспалова Н.К., и двое его знакомых. Поскольку Заемщик не исполнял свои обязанности по возврату кредита, банк в 2006 г. предъявил в суд иск о взыскании с него и поручителей суммы задолженности в размере 484 687 руб. 87 к. в солидарном порядке, который был удовлетворен судом.

После получения исполнительных листов банк предъявил к исполнению только один из них в отношении Беспаловой Н.К., т. е. реализовал свое право, предусмотренное ч. 1 ст. 323 ГК РФ в силу которой кредитор, не получивший полного удовлетворения от одного из солидарных должников, имеет право требовать недополученное от остальных солидарных должников, при этом солидарные должники остаются обязанными до тех пор, пока обязательство не исполнено полностью [4].

Данный факт был установлен судом на основании соответствующего ответа УФССП России по Волгоградской области [1].

Задолженность, в основной части, была погашена Беспаловой Н.К. в конце 2019 г., она обратилась в суд с заявлением о процессуальном правопреемстве и попросила заменить банк на нее в части исполненных ею на тот момент требований в сумме 465 617 руб. 7 копеек.

Рассмотрев заявление Беспаловой Н.К. о процессуальном правопреемстве суд первой инстанции, неверно трактуя положения гл. 24 ГК РФ, определил отказать в его удовлетворении, сославшись на то, что заявителем не было представлено доказательств состоявшейся уступки права требования. При этом, суд первой инстанции указал на право Беспаловой Н.К. обратиться в суд с иском о взыскании выплаченных ею денежных средств в порядке регресса за вычетом своей доли или взыскания убытков с основного должника. Кроме того, суд сослался на п. 1 ст. 325 ГК РФ, согласно которому, в данном случае уплата задолженности Беспаловой Н.К., освобождает остальных должников (заемщика и двух других поручителей) от исполнения данного обязательства.

Волгоградский областной суд данное решение отменил и принял по делу новый судебный акт об удовлетворении заявления Беспаловой Н.К., указав, что в данном случае не требовалось доказывать уступку требования, поскольку правопреемство было осуществлено на основании закона (подп. 3 п. 1 ст. 387 ГК РФ), а процессуальное правопреемство в силу ст. 44 ГПК РФ возможно на любой из стадий гражданского судопроизводства. Более того, Волгоградский областной суд вышел за пределы и заявленных требований, и доводов апелляционной жалобы, поскольку к моменту рассмотрения дела судом апелляционной инстанции Беспалова Н.К. исполнила обязательство уже не частично, а в полном объеме. Вышестоящий суд осуществил правопреемство не в пределах заявленной суммы в 465 617 руб. 7 к., а в полном объеме – 484 687 руб. 87 копеек.

Заключение

Исследование означенного выше судебного акта подтверждает, что, несмотря на

весьма длительное существование гражданско-правовых институтов поручительства и правопреемства, применение их на практике затруднено непониманием их правовой сущности в правоприменительной практике. Полагаем, что данное непонимание вызвано сложностью разграничения «классической» солидарной ответственности от солидарной ответственности поручителя, осложненной двойственными правовыми конструкциями его возможного правового поведения после исполнения обязанности перед кредитором.

Обоснованное нами предложение об исключении п. 3 ст. 363 ГК РФ из действующего законодательства, на наш взгляд, позволит хотя бы частично упростить и упорядочить гражданско-правовое регулирование отношений по перемене лиц в обязательствах и по поручительству, а также правоприменительную практику в соответствующих судебных процессах.

Окончание следует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 25.03.2020 по делу № 33-3731/2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://oblsud—vol.sudrf.ru/moduls.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8448814&delo_id=5&new=5&text_number=1.
2. Герасимов, А. Правильный договор – гарантия поручительства / А. Герасимов // Бизнес-адвокат. – 2005. – № 13.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Квициния, Н. В. Ответственность солидарных должников перед кредитором (коллизия между нормами Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и положениями Гражданского кодекса РФ) / Н. В. Квициния, С. Х. Абдурахманов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 99–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/1c.jvolsu.2018.2.15>.
5. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права: Договоры и обязательства / К. П. Победоносцев ; науч. ред. В. С. Ем. – М. : Статут, 2003. – Ч. 3. – 622 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах раз-

решения споров о поручительстве» // Российская газета. – 2021. – 15 Янв. (№ 6).

7. Тютрюмов, И. М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / И. М. Тютрюмов ; науч. ред. В. С. Ем. – М. : Статут, 2004. – Кн. 4. – 635 с.

8. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.01.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

REFERENCES

1. *Apellyacionnoe postanovlenie Volgogradskogo oblastnogo suda ot 25.03.2020 po delu № 33-3731/2020* [Appeal Decision of the Volgograd Regional Court in Case No. 33-3731/2020 Dated March 25, 2020]. URL: https://oblsud-vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8448814&delo_id=5&new=5&text_number=1.

2. Gerasimov A. *Pravil'nyj dogovor – garantiya poruchitel'stva* [Correct Contract – Guarantee of Surety]. *Biznes-advokat* [Business-Lawyer], 2005, no. 13.

3. *Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 09.03.2021)* [Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ Dated November 30, 1994 (As Amended on March 9, 2021)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.

4. Kvitsinia N.V., Abdurakhmanov S.Kh. *Otvetstvennost' solidarnyh dolzhnikov pered*

kreditorom (kolliziya mezhdu normami Federal'nogo zakona «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» i polozheniyami Grazhdanskogo kodeksa RF) [Liability of Joint and Several Debtors to the Creditor (Conflict Between the Provisions of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” and the Regulations of the Russian Civil Code)]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 99-104. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.2.15>.

5. Pobedonostsev K.P. *Kurs grazhdanskogo prava: Dogovory i obyazatel'stva* [Course of Civil Law: Contracts and Obligations]. Moscow, Statut Publ., 2003, part 3. 622 p.

6. *Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.12.2020 № 45 «O nekotoryh voprosah razresheniya sporov o poruchitel'stve»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 45 Dated December 24, 2020 “On Some Issues of Dispute Resolution on Surety”]. *Rossiyskaya Gazeta*, 2021, January 15, no. 6.

7. Tyutyumov I.M. *Zakony grazhdanskije s razyasneniyami Pravitel'stvuyushchego Senata i kommentariyami russkih juristov* [Civil Laws with Explanations of the Senate and a Review of Russian Lawyers]. Moscow, Statut Publ., 2004, book 4. 635 p.

8. *Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ (red. ot 30.12.2020) «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» (s izm. i dop., vstup. v silu s 02.01.2021)* [Federal Law No. 127-FZ Dated October 26, 2002 (As Amended on December 30, 2020) “On Insolvency (Bankruptcy)” (Reviewed and Put into Force on January 2, 2021)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 43, art. 4190.

Information About the Authors

Natalia V. Kvitsinia, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, maksim20777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6538-9796>

Elvira O. Osadchenko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, elviraosa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7709-4821>

Информация об авторах

Наталья Вячеславовна Квициния, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, maksim20777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6538-9796>

Эльвира Олеговна Осадченко, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, elviraosa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7709-4821>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.17>

UDC 347.4
LBC 67.404

Submitted: 06.08.2021
Accepted: 23.09.2021

THE KEY ELEMENTS OF THE GUARANTEE SYSTEM OF COMPLIANCE WITH THE LEGITIMATE INTERESTS OF THE PARTIES TO INVESTMENT TRANSACTIONS: INTERDEPENDENCE AND FUNCTIONS¹

Denis E. Matytsin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Volzhsky Branch of International Law Institute, Volzhsky, Russian Federation

Introduction: the relevance of the research is due to the transformation of social relations in the neo-industrial era, which opens up technological innovations to mankind. In this regard, there is an objective need to revise and modernize many legal institutions and create a new legislative matter for the normal functioning of the banking and investment sector adequate to modern realities. **Purpose:** the paper contributes to the formation of the understanding of individual investors, recipients of investments, and investment intermediaries of the fact that there is a set of special means that can be freely implemented in a situation of violation of the rights and non-compliance with the legitimate interests of each of the participants in these relations. These special means should represent the interrelated and interdependent elements of the system, reinforcing, complementing each other, thereby forming a synergistic effect and thereby providing these guarantees. **Methods:** the methodological framework for the conducted scientific research is the method of historical materialism. In addition, while writing the paper, both the traditional general scientific methods (the dialectical method of cognition, analysis, synthesis, induction, deduction, etc.) and the specific scientific legal methods (formal-legal, the method of legal interpretation, etc.) were used. **Results:** the author substantiates the existence of five functional elements that guarantee in their totality a system of guarantees of compliance with the legitimate interests of participants to remote digital investment transactions. Firstly, there is a developed civil law regulation. Secondly, a workable institution of the financial Ombudsman. Thirdly, the effective regulation of this market segment by the central bank. Fourthly, jurisdictional and non-jurisdictional justice operating within the framework of legality. Fifthly, advanced information technologies for transactions and protection of rights. The functioning of the designated system of guarantees is investigated by elements. **Conclusions:** in summary, it is concluded that the efforts of scientists and developers-practitioners should be aimed at creating an end-to-end technology for participation in remote digital investment transactions and protection of their rights by the parties. The necessity of introducing special service applications that make up such technology is argued. It is proved that the implementation of such technology will allow functioning effectively, mutually complementing and strengthening all the elements of the guarantee system. It is proved that the key idea underlying the end-to-end technology of participation in remote digital investment transactions is the execution of the transactions themselves in the mode of smart contracts, which are executed, and the facts about the execution of their stages are stored in the distributed registry system. At the same time, this information technology should be integrated with the hardware and software complex of the GOSUSLUGI portal as a special service presented in the personal account of a citizen, as well as with the website of the Federal Tax Service with the corresponding service in the personal account of a party – a legal entity. These services should provide for a guaranteed and unhindered (automatic) possibility of an electronic, legally significant, appeal by a party to a remote digital investment transaction to the Bank of Russia, to a financial commissioner, to an arbitration institution, to a court.

Key words: neo-industrial era, technological innovations, remote digital investment transactions, digital financial assets, securities, undocumented securities, protection of rights.

Citation. Matytsin D.E. The Key Elements of the Guarantee System of Compliance with the Legitimate Interests of the Parties to Investment Transactions: Interdependence and Functions. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 125-135. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.17>

КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ ГАРАНТИЙ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ СТОРОН ИНВЕСТИЦИОННЫХ СДЕЛОК: ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ И ФУНКЦИИ¹

Денис Евгеньевич Матыцин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Международный юридический институт (Волжский филиал), г. Волжский, Российская Федерация

Введение: актуальность проведенного исследования обусловлена трансформацией общественных отношений в неоиндустриальную эпоху, открывающую перед человечеством технологические новации. В связи с этим возникла объективная необходимость в пересмотре и модернизации многих правовых институтов и создании новой законодательной материи, в том числе и для нормального адекватного современным реалиям функционирования сферы банковского обслуживания и инвестирования. **Цель:** статья способствует формированию понимания частных инвесторов, получателей инвестиций и инвестиционных посредников того факта, что существует особый набор специальных возможностей, которые можно беспрепятственно реализовать в ситуации нарушения прав и несоблюдения законных интересов каждого из участников данных отношений. Эти возможности должны представлять собой взаимосвязанные и взаимозависимые элементы системы, усиливая и дополняя друг друга. Тем самым они образуют синергетический эффект и обеспечивают указанные гарантии. **Методы:** методологическую основу проведенного научного исследования составляет метод исторического материализма. Кроме того, в ходе написания статьи были использованы как традиционные общенаучные методы (диалектический, анализ, синтез, индукция, дедукция и проч.), так и частнонаучные юридические (формально-юридический, метод юридического толкования и др.). **Результаты:** обосновывается наличие пяти функциональных элементов, гарантирующих в своей совокупности систему соблюдения законных интересов участников дистанционно-цифровых инвестиционных сделок: во-первых, развитое гражданско-правовое регулирование; во-вторых, работоспособный институт финансового омбудсмана; в-третьих, эффективное регулирование данного сегмента рынка центральным банком; в-четвертых, действующее в рамках законности юрисдикционное и неюрисдикционное правосудие; в-пятых, передовые информационные технологии совершения сделок и защиты прав. Исследуется функционирование обозначенной системы гарантий по элементам. В заключении делается **вывод**, что усилия ученых и разработчиков-практиков должны быть направлены на создание сквозной технологии участия в дистанционно-цифровых инвестиционных сделках. Аргументируется необходимость внедрения специальных сервисных приложений, реализующих такую технологию, это позволит ей эффективно функционировать, взаимно дополняя и усиливая все элементы системы гарантий. Доказано, что ключевой идеей, положенной в основу сквозной технологии участия в дистанционно-цифровых инвестиционных сделках, является совершение самих сделок в режиме смарт-контрактов, которые исполняются, а факты об исполнении их этапов хранятся в системе распределенного реестра. При этом данная информационная технология должна быть интегрирована с аппаратно-программным комплексом портала «ГОСУСЛУГИ» в качестве специального сервиса, представленного в личном кабинете гражданина, а также с веб-сайтом ФНС в личном кабинете стороны – юридического лица. Указанные сервисы должны предусматривать гарантированную и беспрепятственную (автоматическую) возможность электронного, имеющего юридическое значение, обращения стороны по дистанционно-цифровой инвестиционной сделке, в Банк России, к финансовому уполномоченному, в третейское учреждение, в суд.

Ключевые слова: неоиндустриальная эпоха, технологические новации, дистанционно-цифровые инвестиционные сделки, цифровые финансовые активы, ценные бумаги, бездокументарные ценные бумаги, защита прав.

Цитирование. Матыцин Д. Е. Ключевые элементы системы гарантий соблюдения законных интересов сторон инвестиционных сделок: взаимозависимость и функции // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 125–135. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.17>

Введение

Современное общество вступило в неоиндустриальную эпоху, открывающую перед человечеством технологические новации, влияющие на общественные отношения. Этим обусловлена необходимость пересматривать многие правовые институты и создавать новую законодательную материю. Качественные изменения ряда сфер жизнедеятельности сопряжены с модернизацией в первую очередь IT-инфраструктуры, открывающей новые возможности для граждан и участников предпринимательской деятельности в сфере банковского обслуживания и инвестирования [21, р. 241].

По нашему мнению, система гарантий соблюдения законных интересов участников дистанционно-цифровых инвестиционных сделок интегрирует 5 функциональных элементов: 1) развитое гражданско-правовое регулирование; 2) работоспособный институт финансового омбудсмена; 3) эффективное регулирование данного сегмента рынка центральным банком; 4) действующее в рамках законности юрисдикционное и неюрисдикционное правосудие; 5) передовые информационные технологии совершения сделок и защиты прав. Рассмотрим далее функционирование означенной системы гарантий по элементам.

Исследование

Первый элемент в системе гарантий – развитое гражданско-правовое регулирование. Основной массив правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере инвестирования в информационном пространстве, безусловно, сосредоточен в рамках гражданского законодательства и принятых в соответствии с ним федеральных законов. Для инвестиционных отношений ключевой категорией гражданского права являются объекты гражданских прав. Под термином «объект гражданских прав» можно понимать «юридически пассивное материальное или идеальное явление, в отношении которого могут совершаться односторонние юридически значимые действия» [8], поскольку легальная дефиниция в действующем законодательстве отсутствует. Согласимся также с позицией ученых относительно того, что объекты гражданских право-

отношений являются конкретизированными и детализированными участниками конституционных правоотношений [5].

Согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ бездокументарные ценные бумаги относятся к имущественным правам, входящим в группу иного имущества, образующего одну из групп объектов гражданских прав [2]. Это отличает их от документарных ценных бумаг, которые относятся к вещам и представляют собой материальное явление (объект материального мира). В связи с отсутствием овеществленного документа бездокументарные ценные бумаги образуют идеальное явление, равно как и безналичные денежные средства, а также современные новеллы законодательства, для краткости мы их называем крипто-объекты: утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровые валюты (при этом без каких-либо ограничений допустимы даже их комбинации) [19].

В то же время большинство правоведов сходятся во мнении, что с «потерей» акциями и облигациями документарной формы изменился лишь способ легитимации закрепляемых ими прав. А введение такой формы в оборот обусловлено в первую очередь потребностью хозяйственного оборота. По мнению Д.В. Лубягиной, данное обстоятельство, наоборот, подчеркивает определяющее значение содержащихся в них прав. Поэтому развитие различных конструкций в силу движения научно-технологического прогресса не только не умаляет, но и не изменяет основную функцию ценных бумаг [4]. Данный подход позволяет сделать обоснованный вывод, что в случае с бездокументарными ценными бумагами содержание преобладает над формой. Это происходит из-за того, что, во-первых, как показывает историческая ретроспектива, ценные бумаги возникли вследствие упрощения оборота обязательств, закрепленных в них; во-вторых, предметы материального мира давно перестали являться единственным источником и хранилищем информации, наряду с ними вошли в оборот новейшие объекты инвестирования – крипто-объекты. Мы считаем, что они являются следующей ступенью развития именно конструкции бездокументарных ценных бумаг и представляют собой электронные эквиваленты обязательств и требо-

ваний. Также мы считаем, что данное явление отражает достойный современный уровень развития гражданско-правового регулирования инвестиционных отношений в Интернете, и предлагаем некоторые пути совершенствования законодательства.

Второй элемент в системе гарантий – работоспособный институт уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг. Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ) вступил в силу в полном объеме в 2021 году. Согласно закону Решение финансового уполномоченного подлежит обязательному исполнению финансовой организацией. В случае неисполнения вступившего в силу Решения финансового уполномоченного в установленный срок финансовый уполномоченный выдает удостоверение, являющееся исполнительным документом. Далее его воплощают в жизнь судебные приставы. При несогласии с вступившим в силу Решением финансового уполномоченного финансовая организация вправе в течение 10 рабочих дней обратиться в суд для его обжалования.

Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ устанавливает, что финансовый уполномоченный рассматривает обращения потребителей финансовых услуг только в отношении финансовых организаций, обязанных взаимодействовать с ним, а также финансовых организаций, которые взаимодействуют добровольно, с размером требований потребителя о взыскании денежных сумм до 500 тыс. рублей. Согласно Отчету о деятельности службы финансового уполномоченного за 2020 г. [20] мы можем сделать вывод, что в течение указанного периода с финансовым уполномоченным взаимодействовали только страховые организации и микрофинансовые организации. Фактически в 2020 г. функционировали финансовые уполномоченные: главный финансовый уполномоченный; финансовый уполномоченный в сфере страхования; двое финансовых уполномоченных в сферах страхования, микрофинансирования, кредитной кооперации и деятельности кредитных организаций. Поступили обращения в отношении 137 страховых организаций, 102 микрофинансовых организаций, 24 кредитных организаций, 4 кредитных потребительских

кооперативов, 27 организаций, осуществляющих иные виды деятельности, всего 187 386 обращений потребителей финансовых услуг (из них 81 % – в электронной форме через веб-сайт finombudsman.ru). Доля не принятых финансовым уполномоченным к рассмотрению обращений составила 17,2 % (из-за несоблюдения претензионного порядка, предусмотренного в ст. 16 Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ). Из 114 907 Решений, принятых финансовым уполномоченным в 2020 г., 86 % (98 798) принято о полном или частичном удовлетворении требований потребителей или об отказе в их удовлетворении (по существу спора) и 14 % (16 109) о прекращении рассмотрения [20].

Обратим внимание на основания отказов (всего 43 330 случаев в течение 2020 г.). Три четверти – 74,4 % отказов (32 244 случая) – произошли из-за того, что заявитель предварительно не обратился в финансовую организацию; 18,8 % отказов (8 156 случаев) – вследствие превышения суммой требования размера 500 тыс. руб., а также из-за того, что финансовая организация не включена в Реестр (перечень) финансовых организаций, взаимодействующих с финансовым уполномоченным; 3,5 % отказов (1 483 случая) произошли из-за того, что имеется Решение финансового уполномоченного или соглашение, принятое по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям. Показательно, что менее 0,01 % отказов в рассмотрении обращений (15 случаев) произошли вследствие того, что обращение содержит нецензурные либо оскорбительные выражения, угрозы жизни, здоровью и имуществу финансового уполномоченного или иных лиц. Средний размер требований заявителей в 2020 г. составил 207 868 руб.: по страховым спорам – в среднем 208 763 руб., по спорам в отношении микрофинансовых организаций – в среднем 20 989 руб. [20].

В 2020 г. средний срок рассмотрения финансовым уполномоченным (с учетом сроков приостановления рассмотрения спора для проведения независимой экспертизы) обращений составил 16 рабочих дней; обращений третьих лиц, которым уступлено право требования потребителя к финансовой организации, – 27 рабочих дней. Из принятых 98 798 Решений по существу спора, из которых 42 728 со-

ставляют Решения о полном или частичном удовлетворении требований потребителя, исполнено 30 181 Решение – 70,6 % от всех Решений. Исполнение 6 099 (14,3 %) Решений, принятых в 2020 г., по состоянию на 31.05.2021 приостановлено в связи с их обжалованием финансовыми организациями в судебном порядке. По состоянию на 31.05.2021 по результатам рассмотрения заявлений финансовых организаций об обжаловании судами вынесено 10 363 решения: 4 860 решений об отказе в иске финансовой организации (Решение финансового уполномоченного оставлено в силе) – 46,91 %; 425 решений суда об удовлетворении иска финансовой организации (Решение финансового уполномоченного отменено, из них 423 решения в сфере страховых отношений) – 4,1 %; 5 078 решений суда об изменении Решения финансового уполномоченного – 48,99 % [20].

По нашему мнению, необходимо расширение указанного круга сфер финансовых услуг за счет добавления дистанционно-цифровых инвестиционных сделок в информационном пространстве, которые совершают частные инвесторы (физические лица). Следует добавить отношения инвестирования с использованием финансовых и инвестиционных платформ, информационных систем, при помощи которых осуществляются сделки с крипто-объектами – утилитарными цифровыми правами, цифровыми финансовыми активами, цифровой валютой. Операторы указанных платформ, профессиональные участники рынка – инвестиционные посредники, получатели инвестиций – должны взаимодействовать с финансовым уполномоченным в силу закона. В этой части законодательство должно быть дополнено.

Третий элемент в системе гарантий – эффективное регулирование инвестиционных отношений в информационном пространстве центральным банком. Ст. 75 Конституции Российской Федерации закрепляет особый конституционно-правовой статус Банка России, в том числе его исключительное право на осуществление денежной эмиссии (часть 1), а также его основную функцию – обеспечение устойчивости рубля (часть 2). Статус, цели деятельности, иные функции и полномочия Банка России детализируются Федеральным законом от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Централь-

ном банке Российской Федерации (Банке России)» и другими федеральными законами. Указанные акты регулируют и оборот различных объектов инвестирования. Банк России имеет особую роль в этом регулировании, особенно в обеспечении стабильности этих рынков.

Ст. 42 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» раскрывает более 39 функций Банка России на рынке ценных бумаг. Например, он устанавливает порядок и осуществляет лицензирование различных видов профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, а также приостанавливает или аннулирует указанные лицензии в случае нарушения требований законодательства Российской Федерации о ценных бумагах. Кроме того, Банк России устанавливает квалификационные требования к работникам организаций – профессиональным участникам рынка ценных бумаг, а также к профессиональному опыту лиц, осуществляющих функции единоличного исполнительного органа профессиональных участников рынка ценных бумаг. Банк России утверждает программы квалификационных экзаменов для аттестации граждан в сфере профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг; определяет условия и порядок аккредитации организаций, осуществляющих аттестацию граждан в сфере профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг в форме приема квалификационных экзаменов и выдачи квалификационных аттестатов; осуществляет аккредитацию таких организаций, назначает типы и формы квалификационных аттестатов и ведет реестр аттестованных лиц. Также в рамках одной из своих функций Банк утверждает требования к осуществлению деятельности по инвестиционному консультированию, регулирует порядок определения инвестиционного профиля клиента инвестиционного советника; требования к форме предоставления индивидуальной инвестиционной рекомендации; требования к осуществлению деятельности по инвестиционному консультированию.

В рамках Федерального закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» (ст. 11) Банк России на основа-

нии исследования пакета специальной документации присваивает юридическому лицу – заявителю статус оператора финансовой платформы и включает сведения о нем в Реестр операторов финансовых платформ. Наряду с этим Мегарегулятор устанавливает требования к обеспечению защиты информации, которые обязаны соблюдать операторы финансовых платформ. Кроме того, Банк России (ст. 12) устанавливает порядок реализации мероприятий по выявлению операций, направленных на совершение финансовых сделок с использованием финансовой платформы без волеизъявления участников, и мер по противодействию совершению таких сделок. В этой связи Банк России формирует и ведет базу данных о случаях и попытках осуществления операций, направленных на совершение упомянутых финансовых сделок. При этом указанные данные доводятся Мегарегулятором до операторов финансовых платформ, финансовых организаций в установленном порядке на периодической основе. Также Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ предусматривает порядок рассмотрения Банком России проекта Правил финансовой платформы, отклонения и регистрации этих правил. Тем самым юридическое лицо – заявитель получает возможность полноценного и окончательного формирования своего специального статуса оператора финансовой платформы. Отметим, что ст. 17 указанного закона предусматривает состоящий из 6 групп развернутый перечень полномочий Банка России, включая требования к отчетности и информации, которые представляются в установленные сроки оператором финансовой платформы в Банк России.

Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [19] обязует нормотворческое право Банка России установить требования по нейтрализации конфликта интересов [11], а также к инвестиционным платформам, с использованием которых приобретаются ценные бумаги или утилитарные цифровые права. Кроме того, в ст. 16 закона определены 8 полномочий Банка России, в том числе по установлению состава сведений, включаемых в от-

четы операторов инвестиционных платформ, по порядку, форме и срокам представления таких отчетов в Банк России [12]. Банк России ведет на своем веб-сайте Реестр, принимает решение о внесении сведений (об отказе) о юридическом лице – заявителе в Реестр операторов инвестиционных платформ на основании заявления и прилагаемых к нему документов, нормативным актом он устанавливает перечень и требования к этим документам [13]. Каждый оператор инвестиционной платформы обязан предоставлять по запросу Банка России документы и информацию, связанные с осуществлением деятельности по организации привлечения инвестиций, для осуществления надзорных и иных функций.

Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [18] предусматривает участие Банка России в определении порядка хранения и учета цифровых финансовых активов, что также следует отнести к гарантийным механизмам инвестиционной стабильности [14]. Банк России аналогично финансовым и инвестиционным платформам ведет Реестр операторов информационных систем, включает (выносит отказ) заявителей в этот Реестр, осуществляет надзор за деятельностью каждого оператора информационной системы. Например, если выявляются факты несоответствия специалистов оператора информационной системы установленным требованиям, Банк России направляет предписание с требованием об устранении нарушений. Кроме того, Банк России наделен правом исключить оператора из Реестра операторов информационных систем при невыполнении требований Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [15].

По нашему мнению, Банк России является передовым и эффективным Мегарегулятором-гарантом, качество и интенсивность регулирования им отечественного финансового рынка, включая инвестиционный сегмент Интернета, считаем вполне удовлетворительными. При этом уточним, частный инвестор вправе в любое время обратиться в Банк России с

обращением (жалобой) о действиях контрагента по инвестиционному отношению, ни одно подобное обращение Мегарегулятором не остается без ответа и без принятия необходимых мер. Также следует упомянуть о системной профилактической работе, которая ведется Банком России. Например, 1 июня 2021 г. на веб-сайте Мегарегулятора опубликован Список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности (с признаками «финансовой пирамиды», нелегального кредитора потребителей и незаконного профессионального участника рынка ценных бумаг) на финансовом рынке, который сформирован с помощью специальной системы мониторинга, а также по обращениям граждан и организаций [1].

Четвертый элемент в системе гарантий – юрисдикционное и неюрисдикционное правосудие, действующее в рамках законности. Ст. 118 Конституции Российской Федерации устанавливает, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. В ст. 3 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [16] закреплено, что на территории нашей страны обеспечивается единство судебной системы. Правосудие осуществляется строго в соответствии с законными процедурами. Для инвестиционных отношений в информационном пространстве наиболее характерны имущественные споры, в этой связи, не умаляя значения [7] конституционного, уголовного, административного судопроизводства, прежде всего обратим внимание на гражданское и арбитражное правосудие. По нашему мнению, отечественное гражданское судопроизводство в целом способствует укреплению правопорядка в России, предупреждению правонарушений, формированию уважения к действующему гражданскому законодательству и суду. Оно осуществляется в трех видах: приказное производство, исковое производство и особое производство. Судопроизводство в арбитражных судах решает задачу защиты нарушенных прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, нарушенных прав и законных интересов государства в сфере экономической деятельности.

Как отмечено выше, инвестирование, осуществляемое физическими лицами посред-

ством Интернета в информационном пространстве, следует относить к сложной и высоко рискованной предпринимательской деятельности. Полагаем, в составе арбитражных судов должны быть выделены специальные судебные составы для разрешения этой категории споров. Законодательство в этой части следует дополнить положениями об обязательном досудебном обращении частного инвестора к финансовому уполномоченному, и только после вынесения им Решения, при несогласии гражданина с имеющимся Решением, должно быть предоставлено право обращения в арбитражный суд. Аналогичное положение должно быть закреплено Законодателем в отношении альтернативной формы правосудия – неюрисдикционного процесса. Его субъектами являются договаривающиеся стороны – частный инвестор и его контрагент. В круг субъектов также следует включить лиц, содействующих разрешению конфликта (это могут быть, например, консультант, посредник, медиатор, арбитр). Объектом альтернативной формы правосудия – неюрисдикционного процесса – являются блага, выраженные в правах следующих лиц: инвестора (получить своевременно и в полном объеме возврат своих вложений и ожидаемые доходы); получателя инвестиций (получить своевременно и в полном объеме финансовые ресурсы от инвестора на определенный сторонами срок). В составе указанных благ также указаны интересы сторон: для инвестора – возможность с приемлемым риском осуществить приращение своего капитала; для получателя инвестиций – возможность реализовать свой предпринимательский проект при помощи ресурсов, полученных от инвестора на срок договора. Неюрисдикционный процесс осуществляется на основе принципов, которые аналогичны и созвучны принципам государственного правосудия. Процедуры альтернативной формы правосудия могут включать посредничество, медиацию, консультации, переговоры, добрые услуги, согласительную процедуру, претензионный порядок, арбитраж и др. [6].

Пятый элемент в системе гарантий – передовые информационные технологии совершения сделок и защиты прав участников инвестиционных отношений. В Письме Минэкономразвития России от 14.08.2020 [10] со-

общается о новой редакции Паспорта Федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (2018–2024 гг.) Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В рамках решения поставленных задач Федерального проекта должны быть созданы правовые условия для формирования единой цифровой среды доверия, в том числе уточнен правовой статус удостоверяющих центров, установлены унифицированные требования к универсальной (единой) усиленной квалифицированной электронной подписи; кроме того, необходимо расширить возможности и способы идентификации. Должны быть созданы правовые условия для формирования сферы электронного гражданского оборота, во-первых, в части определения совершаемых в письменной (электронной) форме сделок, автоматизированных («самоисполняемых») договоров; во-вторых, в части процедур хранения электронных документов, создания, хранения и использования электронных дубликатов (электронных образов) бумажных документов. Также необходимо обеспечить правовые условия для сбора, хранения и обработки данных с использованием новых технологий в части установления порядка обезличивания персональных данных, условий и порядка их использования, уточнения ответственности за их ненадлежащую обработку, порядка получения согласия на их обработку. Нужно сформировать правовые условия в сфере развития судопроизводства и нотариата. Во-первых, в части унификации правил подачи исковых заявлений, жалоб, ходатайств, а также иных заявлений и ходатайств в электронной форме, а также допустимости электронных доказательств. Во-вторых, в части дистанционного участия в судебном заседании. В-третьих, в части развития инструментов электронного нотариата (изготовление нотариальных документов в электронной форме, дистанционное совершение нотариальных действий). И наконец, должно быть обеспечено законодательное функционирование особых правовых режимов в условиях цифровой экономики («регуляторных песочниц») [10].

Паспорт Федерального проекта «Цифровое государственное управление» [9] устанавливает, что уже в 2021 г. на базе Еди-

ной системы идентификации и аутентификации должна быть создана «платформа идентификации, включая биометрическую идентификацию, облачную квалифицированную электронную подпись, цифровые профили гражданина и юридического лица, а также единое пространство доверия электронной подписи цифровой платформы электронного правительства».

Заключение

Таким образом, усилия ученых и разработчиков – практиков должны быть направлены на создание сквозной технологии участия в дистанционно-цифровых инвестиционных сделках. Эта технология должна включать специальные сервисные приложения, обеспечивающие: во-первых, согласование условий и совершение самой сделки; во-вторых, стандартизированное претензионное обращение стороны сделки (электронный шаблон) с выражениями относительно поведения контрагента; в-третьих, по мере развития конфликта обращение по процедуре защиты нарушенных прав (Банк России, финансовый омбудсмен, суд). Реализация такой технологии позволит эффективно функционировать всем элементам системы гарантий, взаимно дополняя и усиливая их. Ключевая идея, которая должна быть положена в основу сквозной технологии участия в дистанционно-цифровых инвестиционных сделках – совершение самих сделок в режиме смарт-контрактов [4], которые исполняются, а факты об исполнении их этапов хранятся в системе распределенного реестра. При этом данная информационная технология должна быть интегрирована с аппаратно-программным комплексом портала «ГОСУСЛУГИ» в качестве специального сервиса, представленного в личном кабинете гражданина. А также с веб-сайтом ФНС с соответствующим сервисом в личном кабинете стороны – юридического лица. Указанные сервисы должны предусматривать гарантированную и беспрепятственную (автоматическую) возможность электронного, имеющего юридическое значение, обращения стороны по дистанционно-цифровой инвестиционной сделке, в Банк России, к финансовому уполномоченному, в третейское учреждение, в суд.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20-18-00314 «Трансформация общественных отношений в условиях индустрии 4.0: юридическая превенция».

The reported study was funded by Russian Academy of Sciences within the framework of the scientific project No. 20-18-00314 “Transformation of public relations in the context of Industry 4.0: legal prevention”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банк России. Официальный сайт. Список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cbr.ru/inside/BlackList/> (дата обращения: 05.06.2021). – Загл. с экрана.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Иншакова, А. О. Применение смарт-контрактов во внешнеэкономической деятельности / А. О. Иншакова, А. И. Гончаров // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах : сб. науч. тр. 8-й Междунар. науч.-практ. конференции (21–22 февраля 2019 г.). – Курск : Юго-Зап. гос. ун-т. – 2019. – Том 1. – С. 174–180.
4. Лубягина, Д. В. Влияние формы ценной бумаги на содержание гражданско-правового регулирования // Адвокат. – 2017. – № 2. – С. 18–23.
5. Лунгу, Е. В. Конституционные правоотношения и гражданско-правовые отношения: сравнительный анализ / Е. В. Лунгу, Е. С. Брылякова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 7. – С. 13–18.
6. Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации (вместе с «Многосторонними соглашениями по торговле товарами») // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 37.
7. Марьяна, Е. В. Судебная система Российской Федерации : учеб. пособие / Е. В. Марьяна. – Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2020. – 144 с.
8. Объекты гражданских прав : учеб. для бакалавриата, специалитета и магистратуры / А. И. Гончаров [и др.] ; под ред. А. И. Гончарова, А. О. Иншаковой. – 2-е изд. – М. : Юрайт, 2019 ; Волгоград : Изд-во Волгоградского государственного университета. – 556 с.
9. Паспорт Федерального проекта «Цифровое государственное управление». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru> (дата обращения: 05.06.2021). – Загл. с экрана.
10. Письмо Минэкономразвития России от 14.08.2020 № 26355-ВФ/Д31 и «О новой редакции паспорта федерального проекта Нормативное регулирование цифровой среды национальной программы Цифровая экономика Российской Федерации». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudact.ru/law/doc/?law-txt=&law/> (дата обращения: 05.06.2021). – Загл. с экрана.
11. Указание Банка России от 02.12.2019 № 5337-У «О требованиях к внутреннему документу (документам) по управлению конфликтами интересов оператора инвестиционной платформы» // Вестник Банка России. – 2020. – № 5.
12. Указание Банка России от 29.01.2020 № 5395-У «О порядке и сроках составления и представления в Банк России отчетов операторами инвестиционных платформ, формах отчетов операторов инвестиционных платформ и составе включаемых в них сведений» // Вестник Банка России. – 2020. – № 43.
13. Указание Банка России от 04.12.2019 № 5342-У «О порядке ведения реестра операторов инвестиционных платформ» // Вестник Банка России. – 2020. – № 10.
14. Указание Банка России от 03.12.2020 № 5646-У «О случаях и порядке зачисления цифровых финансовых активов номинальному держателю цифровых финансовых активов, который учитывает права на цифровые финансовые активы, принадлежащие иным лицам» // Вестник Банка России. – 2021. – № 6.
15. Указание Банка России от 16.12.2020 № 5664-У «О порядке исключения Банком России оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, из реестра операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов» // Вестник Банка России. – 2021. – № 9.
16. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. – 1997. – 6 янв. (№ 3).
17. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – 7 авг. (№ 172).
18. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2020. – 6 авг. (№ 173).

19. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – 7 авг. (№ 172).

20. Финансовый уполномоченный. Официальный сайт. Отчет о деятельности 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://finombudsman.ru/wp-content/uploads/2021/05/Otchet-o-deyatelnosti-v-2020-godu.pdf> (дата обращения: 04.06.2021). – Загл. с экрана.

21. Inshakova, E.I. Neo-Industrialization of the Russian Economy: Technological and Digital Development / E. I. Inshakova, A. Ya. Ryzhenkov, A. O. Inshakova // *Studies in Computational Intelligence*. – 2019. – Vol. 826. – P. 239–250.

REFERENCES

1. Bank Rossii. *Oficial'nyj sajt. Spisok kompanij s vyjavlennymi priznakami nelegal'noj dejatel'nosti na finansovom rynke* [The Bank of Russia. Official Website. A List of Companies with Identified Signs of Illegal Activity in the Financial Market]. URL: <https://cbr.ru/inside/BlackList> (accessed 5 June 2021).

2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (ch. 1) ot 30.11.1994 № 51-FZ [The Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ (Part 1) Dated November 30, 1994]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.

3. Inshakova A.O., Goncharov A.I. *Primenenie smart-kontraktov vo vneshnejekonomicheskoj dejatel'nosti* [Application of Smart Contracts in Foreign Economic Activity]. *Sovremennye podhody k transformacii koncepcij gosudarstvennogo regulirovanija i upravlenija v social'no-ekonomicheskix sistemah: sb. nauch. tr. 8-j Mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii (21–22 fevralja 2019 g.)* [Modern Approaches to the Transformation of the Concepts of State Regulation and Management in Socio-Economic Systems. Collection of Scientific Papers of the 8th International Scientific and Practical Conference (February 21–22, 2019)]. Kursk, Yugo-Zapadnyj gosudarstvennyj universitet, 2019, vol. 1, pp. 174–180.

4. Lubjagina D.V. *Vlijanie formy cennoj bumagi na sodержanie grazhdansko-pravovogo regulirovanija* [The Influence of the Form of a Security on the Content of Civil Law Regulation]. *Advokat* [Lawyer], 2017, no. 2, pp. 18–23.

5. Lungu E.V., Bryljakova E.S. *Konstitucionnye pravootnoshenija i grazhdansko-pravovye otnoshenija: sravnitel'nyj analiz* [Constitutional Legal Relations and Civil Law Relations: Comparative Analysis]. *Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe*

samoupravlenie [State Power and Local Self-Government], 2018, no. 7, pp. 13–18.

6. Marrakeshskoe soglasenie ob uchrezhdenii Vsemirnoj torgovoj organizacii (vmeste s «Mnogostoronnimi soglasenijami po trgovle tovarami») [The Marrakesh Agreement on the Establishment of the World Trade Organization (Together with the “Multilateral Agreements on Trade in Goods”)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2012, no. 37.

7. Mar'ina E.V. *Sudebnaja sistema Rossijskoj Federacii: ucheb. posobie* [The Judicial System of the Russian Federation. Textbook]. Samara, Izd-vo Samarskogo universiteta, 2020. 144 p.

8. Goncharov A.I., Baltutite I.V., Davtyan-Davydova D.N. *Obyekty grazhdanskix prav: ucheb. dlja bakalavriata, specialiteta i magistratury* [Objects of Civil Rights. Textbook for Bachelor's, Specialty and Master's Degree]. Moscow, Yurajt Publ., Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. 556 p.

9. *Pasport Federal'nogo proekta «Cifrovoe gosudarstvennoe upravlenie»* [The Passport of the Federal Project “Digital Government”]. URL: <https://digital.gov.ru> (accessed 5 June 2021).

10. *Pis'mo Minjekonomrazvitiija Rossii ot 14.08.2020 № 26355-VF/D31i «O novoj redakcii pasporta federal'nogo proekta Normativnoe regulirovanie cifrovoj sredy nacional'noj programmy Cifrovajaj ekonomika Rossijskoj Federacii»* [A Letter to the Ministry of Economic Development of Russia No. 26355-VF/D31i Dated August 14, 2020 “On the New Version of the Passport of the Federal Regulation of the Digital Environment of the National Program Digital Economy of the Russian Federation”]. URL: <https://sudact.ru/law/doc/?law-txt=&law> (accessed 5 June 2021).

11. *Ukazanie Banka Rossii ot 02.12.2019 № 5337-U «O trebovanijah k vnutrennemu dokumentu (dokumentam) po upravleniju konfliktami interesov operatora investicionnoj platformy»* [Instruction of the Bank of Russia No. 5337-U Dated December 2, 2019 “On Requirements to the Internal Document (Documents) on Managing Conflicts of Interest of the Operator of the Investment Platform”]. *Vestnik Banka Rossii* [Bulletin of the Bank of Russia], 2020, no. 5.

12. *Ukazanie Banka Rossii ot 29.12.2020 № 5395-U «O porjadke i srokah sostavlenija i predstavlenija v Bank Rossii otchetov operatorami investicionnyh platform, formah otchetov operatorov investicionnyh platform i sostavevključaemyh v nihsvedenij»* [Instruction of the Bank of Russia No. 5395-U Dated December 29, 2020 “On the Procedure and Deadlines for the Preparation and Submission to the Bank of Russia of Reports by Operators of Investment

Platforms, Forms of Reports of Operators of Investment Platforms and the Composition of Information Included in Them”]. *Vestnik Banka Rossii* [Bulletin of the Bank of Russia], 2020, no. 43.

13. Ukazanie Banka Rossii ot 04.12.2019 № 5342-U «O porjadke vedenija reestra operatorov investicionnyh platform» [Instruction of the Bank of Russia No. 5342-U Dated December 4, 2019 “On the Procedure for Maintaining the Register of Operators of Investment Platforms”]. *Vestnik Banka Rossii* [Bulletin of the Bank of Russia], 2020, no. 10.

14. Ukazanie Banka Rossii ot 03.12.2020 g. № 5646-U «O sluchajah i porjadke zachislenija cifrovyyh finansovyh aktivov nominal’nomu derzhatelju cifrovyyh finansovyh aktivov, kotoryj uchityvaet prava na cifrovyje finansovye aktivy, prinadlezhashhie inym litsam» [Instruction of the Bank of Russia No. 5646-U Dated December 3, 2020 “To the Cases and Procedure for Admission of Digital Financial Assets Nominee Digital Financial Assets, Which Takes into Account the Law on Digital Financial Assets Held by Other Parties”]. *Vestnik Banka Rossii* [Bulletin of the Bank of Russia], 2021, no. 6.

15. Ukazanie Banka Rossii ot 16.12.2020 № 5664-U «O porjadke iskljuchenija Bankom Rossii operatora informacionnoj sistemy, v kotoroj osushhestvlyajetsja vypusk cifrovyyh finansovyh aktivov, iz reestra operatorov informacionnyh sistem, v kotoryh osushhestvlyajetsja vypusk cifrovyyh finansovyh aktivov» [Instruction of the Bank of Russia No. 5664-U Dated December 16, 2020 “On the Procedure for Excluding by the Bank of Russia the Operator of an Information System in Which Digital Financial Assets are Issued from the Register of Operators of Information Systems in Which Digital Financial Assets are Issued”]. *Vestnik Banka Rossii* [Bulletin of the Bank of Russia], 2021, no. 9.

16. Federal’nyj konstitucionnyj zakon ot 31.12.1996 № 1-FKZ «O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii» [Federal Constitutional Law No. 1-FKZ Dated December 31, 1996 “On the Judicial System of the Russian Federation”]. *Rossijskaja gazeta*, 1997, January 6, no. 3.

17. Federal’nyj zakon ot 02.08.2019 № 259-FZ «O privilechenii investicij s ispol’zovaniem investicionnyh platform i o vnesenii izmenenij v otdel’nye zakonodatel’nye akty Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 259-FZ Dated August 2, 2019 “On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Rossijskaja gazeta*, 2019, August 7, no. 172.

18. Federal’nyj zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ «O cifrovyyh finansovyh aktivah, cifrovoj valjute i o vnesenii izmenenij v otdel’nye zakonodatel’nye akty Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 259-FZ Dated July 31, 2020 “On Digital Financial Assets Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Rossijskaja gazeta*, 2020, August 6, no. 173.

19. Federal’nyj zakon ot 02.08.2019 № 259-FZ «O privilechenii investicij s ispol’zovaniem investicionnyh platform i o vnesenii izmenenij v otdel’nye zakonodatel’nye akty Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 259-FZ Dated August 2, 2019 “On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Rossijskaja gazeta*, 2019, August 7, no. 172.

20. *Finansovyyj upolnomochennyj. Oficial’nyj sait. Otchet o dejatel’nosti 2020* [Financial Commissioner. Official Website. Activity Report 2020]. URL: <https://finombudsman.ru/wp-content/uploads/2021/05/Otchet-o-deyatelnosti-v-2020-godu.pdf> (accessed 4 June 2021).

21. Inshakova E.I., Ryzhenkov A.Ya., Inshakova A.O. Neo-Industrialization of the Russian Economy: Technological and Digital Development. *Studies in Computational Intelligence*, 2019, vol. 826, pp. 239-250.

Information About the Author

Denis E. Matytsin, Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Institute of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Volzhsky Branch of International Law Institute, Bolshevistskaya St, 7, 404106 Volzhsky, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, dmatytsin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

Информация об авторе

Денис Евгеньевич Матыцин, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; доцент кафедры гражданского права и процесса, Международный юридический институт (Волжский филиал), ул. Большевикская, 7, 404106 г. Волжский, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, dmatytsin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.18>

UDC 346.7

LBC 67.407

Submitted: 20.07.2021

Accepted: 10.09.2021

TRANSFORMATION OF CIVIL LAW REGULATION OF BANK LENDING TO ENVIRONMENTAL ENTREPRENEURSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EUROPEAN UNION

Tatyana V. Kokoreva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
LLC "Heat Supply Concessions", Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper considers the study of the issues of the civil law regulation of bank lending to environmental entrepreneurship through the analysis of such concepts as "green banking", "environmental entrepreneurship", and "social goal of green financing". **Purpose:** the author examines the concept and features of bank lending to environmental entrepreneurship, their essential features, highlighted by the civil doctrine and used by judicial practice. Using the **methods** of scientific cognition, primarily the method of systematic and comparative analysis, the author identifies the constitutive features of bank lending to environmental entrepreneurship by applying an essential-substantive approach to the study of the concept of environmental entrepreneurship and its development in Russia with the help of bank lending. **Results:** it is established that there is no single approach to understanding bank lending to environmental entrepreneurship in the modern scientific literature. To determine the main approaches to understanding bank lending to environmental entrepreneurship, the author's approaches to the definition of this phenomenon are systematized. **Conclusions:** the author concludes that there are no methodologically sound approaches to the financing of environmental entrepreneurship in the banking sector. It seems that the solution to such a problem is possible by creating a universal framework for the methodological support of risk assessment to apply bank lending to environmental entrepreneurship.

Key words: bank lending, environmental entrepreneurship, green financing, effective public policy, green banking.

Citation. Kokoreva T.V. Transformation of Civil Law Regulation of Bank Lending to Environmental Entrepreneurship in the Russian Federation and the European Union. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 136-142. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.18>

УДК 346.7

ББК 67.407

Дата поступления статьи: 20.07.2021

Дата принятия статьи: 10.09.2021

ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РФ И ЕС

Татьяна Васильевна Кокорева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
ООО «Концессии теплоснабжения», г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: статья посвящена исследованию вопросов гражданско-правового регулирования банковского кредитования экологического предпринимательства через анализ таких понятий как «зеленый банкинг», «экологическое предпринимательство», «социальная цель зеленого финансирования». С этой целью автор рассматривает понятие и признаки банковского кредитования экологического предпринимательства, их существенные особенности, выделяемые цивилистической доктриной и используемые судебной практикой. С помощью **методов** научного познания, прежде всего, метода системного и сравнительного анализа, автор выделяет конституирующие признаки банковского кредитования экологического предпринимательства путем применения сущностно-субстанционального подхода к изучению понятия экологического предпринимательства и его развитие в России с помощью банковского кредитования. **Результаты:** установлено, что в современной

научной литературе нет единого подхода к пониманию банковского кредитования экологического предпринимательства. В целях определения основных подходов к пониманию банковского кредитования экологического предпринимательства проведена систематизация авторских подходов к определению данного явления. **Выводы:** автором сделан вывод о том, что в банковском секторе фактически отсутствуют методологически обоснованные подходы к вопросам финансирования экологического предпринимательства. Представляется, что решение такой проблемы возможно путем создания универсальной основы по методическому обеспечению оценки рисков для целей применения банковского кредитования экологического предпринимательства.

Ключевые слова: банковское кредитование, экологическое предпринимательство, зеленое финансирование, эффективная государственная политика, зеленый банкинг.

Цитирование. Кокорева Т. В. Трансформации гражданско-правовых механизмов банковского кредитования экологического предпринимательства в РФ и ЕС // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 136–142. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.18>

Введение

На сегодняшний день целый ряд направлений в гражданско-правовом регулировании является новым, одним из них выступает и «зеленое финансирование». Представляется важным с позиции гражданско-правового аспекта уточнить предпосылки и концептуальные направления гражданско-правового регулирования «зеленого финансирования». С этой целью необходимо рассмотреть особенности существующих подходов к правовому регулированию банковского кредитования экологического предпринимательства и позиции ученых по данному вопросу.

Предпосылки и концептуальные направления гражданско-правового регулирования «зеленого финансирования»

В последние годы происходит формирование так называемого экологического предпринимательства и экологического рынка. При этом, в данной сфере прослеживаются следующие тенденции:

– формирование подходов к экологическому предпринимательству как к межотраслевому институту, которое регламентируется нормами различных отраслей права, в том числе и гражданского;

– экологический рынок включает в себя различные общественные отношения, урегулированные нормами права, в первую очередь гражданско-правовыми нормами, ключевая роль в которых с точки зрения рассматриваемого вопроса отводится регулированию кредитно-финансовой деятельности.

По мнению С.В. Злобина, «экологическая предпринимательская деятельность – это об-

щественно значимая, самостоятельная, инициативная деятельность лиц, связанная с осознанным принятием на себя потенциального риска наступления невыгодных последствий в сфере производства продукции природоохранного назначения, заключающаяся в проведении научно-исследовательской, кредитно-финансовой деятельности, выполнении экологически значимых работ и оказании услуг, направленная на получение прибыли (дохода)» [2, с. 7].

Как правило, основной предпосылкой для формирования зеленого финансирования становится развитие правоотношений, связанных в первую очередь с возникновением необходимости финансирования в сфере экологического предпринимательства. Становление и развитие предпринимательской деятельности в России, несомненно, датируется периодом 1990-х годов.

До этого времени развитие предпринимательства сдерживалось применением административно-командных способов регулирования экономических отношений со стороны государства. В связи с этим отсутствовало и соответствующее гражданско-правовое развитие подобных правоотношений.

Несомненно, становление вопросов гражданского регулирования отношений по поводу банковского кредитования экологического предпринимательства базируется на тех процессах в сфере экологии, которые направлены на снижение антропогенной нагрузки и улучшение качества окружающей природной среды, при этом необходимость формирования новых подходов в Российской Федерации обусловлена мировыми тенденциями в рассматриваемой сфере.

В настоящее время начинает формироваться концепция устойчивого развития в виде ответственного инвестирования, где цели пред-

принимательской деятельности тесно переплетаются с социальными. В таком аспекте банковское кредитование приобретает особую социальную цель, на основе которой может происходить реализация полученных средств.

На сегодняшний день отсутствует единый образный подход к гражданско-правовым аспектам регулирования банковского кредитования экологического предпринимательства. Как правило, применяются общие положения, регулирующие предпринимательскую деятельность и банковское кредитование. ГК РФ не содержит специализированных норм о банковском кредитовании экологического предпринимательства. Однако можно отследить тенденции по поводу влияния государства на сферу кредитования так называемых зеленых проектов.

Находясь на стадии формирования, зеленое финансирование во многом испытывает на себе влияние государственной политики. В связи с незначительным распространением на практике зеленого финансирования, устойчивые подходы в данной сфере еще не сложились. В основу применения зеленого финансирования положены многие нормативные акты, определяющие направления государственной политики. При этом в отдельных из них косвенно затрагиваются исследуемые вопросы, например:

– Постановление Правительства РФ от 14.12.2010 № 1016 [6], в котором речь идет о поддержке инвестиционных проектов;

– Постановление Правительства РФ от 03.01.2014 № 3 [5], закрепляющее возможность поддержки государства для выплаты процентов по кредитам, связанным с реализацией инноваций в сфере гражданского права.

В целом, «зеленое финансирование» в Российской Федерации находится на стадии становления. Имеют место предпосылки для его функционирования, присутствуют определенные действия со стороны государства, закладываются основы государственной политики в данной сфере. Принят ряд нормативных правовых актов, которые направлены на рост инноваций и инвестиций для экологического предпринимательства. Однако законодательная база относительно положений именно гражданского законодательства не имеет достаточных оснований для формирования финансирования экологического предпринимательства.

Между тем, несмотря на то, что экологическое предпринимательство не является развитым в необходимой степени, нельзя сказать, что оно совсем отсутствует. Так, согласно исследованиям Р.А. Беспалова, С.В. Антоненко: «Зеленый банкинг требует тщательной осмотрительности в соответствии с руководящими принципами управления экологическими рисками (ЕЯМ). В последние годы банки уделяют значительное внимание энергоэффективности» [1, с. 148].

Отдельные «зеленые проекты» реализуются участниками гражданско-правовых отношений, однако широкого распространения данный подход на практике не находит. По мнению А.М. Фатхутдиновой, «на современном этапе требуется проводить работу над уже имеющимися законодательными актами, а также разрабатывать новые, которые помогли бы и дальше развивать эколого-ориентированную деятельность как отдельный институт в области экологического предпринимательства, что позволит развивать природоохранительную деятельность». Автор отмечает, что экологически ориентированная экономика обеспечивает повышение конкурентоспособности всей национальной экономики [7, с. 112].

При этом, существенную проблему представляет и отсутствие официальной дефиниции «экологическое предпринимательство». По мнению М.М. Митрофановой, «большинство ученых и практиков под экологическим предпринимательством понимают вид предпринимательской деятельности по производству продукции, выполнению работ и предоставлению услуг природоохранного назначения, которая осуществляется с целью охраны окружающей среды» [4].

В настоящее время в законе не определено, какое предприятие следует считать экологически ориентированным, равно как и отсутствуют устойчивые подходы по отношению к вопросам определения критериев экологического предпринимательства, его характеристик, а значит и субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Фактически, это негативно влияет на вопросы «зеленого финансирования», так как не заложены концептуальные основы для развития подобной деятельности.

Представляется, что в качестве субъектов экологического предпринимательства в Российской Федерации могут выступать субъекты, которые способны реализовывать

полномочия по осуществлению предпринимательской деятельности.

Необходимо учитывать, что экологическое предпринимательство обладает определенной спецификой, основанной на концепции устойчивого развития, обусловленной высокой социальной значимостью экологического предпринимательства. Между тем в международных правовых актах, равно как и в отечественном законодательстве, отсутствует определение тех признаков и критериев, которые позволяют четко разграничить экологическое предпринимательство от иных видов предпринимательской деятельности.

Фактически создается ситуация, когда роль и значение экологического предпринимательства подчеркивается, равно как и возникает необходимость в разработке эффективных средств ее гражданско-правового регулирования, однако необходимые меры в данной области не предпринимаются.

Представляется, что в Российской Федерации на сегодняшний день имеются общие условия для формирования рынка «зеленого» финансирования. Так, на уровне стратегического планирования имеет место развитие данной сферы в системе нормативно-правового обеспечения. Такое положение прослеживается в системе принимаемых в последние годы нормативно-правовых актов.

Однако с позиции гражданско-правового регулирования фактически отсутствует развитие в сфере экологического предпринимательства и банковского кредитования в данном секторе. В целом существующая законодательная база является недостаточной для организации рынка «зеленого» финансирования в России. Имеют место и недостатки именно в методическом обеспечении. В то же время в регламентации гражданско-правовых отношений в указанной сфере имеет весомое значение именно участие государства, которое должно стимулировать развитие банковского кредитования экологического предпринимательства.

**Тенденции развития
эффективного правового регулирования
финансирования
экологического предпринимательства**

Представляется целесообразным рассмотреть нормативно-правовую базу, приме-

няемую к правоотношениям по поводу банковского кредитования экологического предпринимательства. Данная деятельность имеет общие признаки предпринимательской деятельности, однако приобретает в своей основе особую социальную направленность.

Соответственно, можно говорить о том, что так как экологическое предпринимательство имеет особую специфику и направленность, а зачастую и не может приносить ощутимую финансовую прибыль, как иные виды предпринимательской деятельности, ему необходима особая поддержка со стороны государства. При этом в целом мировые тенденции свидетельствуют об усилении такого аспекта.

Тенденции развития эффективного правового регулирования финансирования экологического предпринимательства можно увидеть и в странах Европейского Союза (далее – ЕС).

Так, в ЕС вопросы зеленого финансирования разработаны на достаточно глубоком уровне. Основой политической международной инициативы в этом направлении стало взаимодействие Совета по финансовой стабильности G20 и Целевой группы по раскрытию информации, связанной с изменением климата, на пути к подготовке рекомендаций по добровольному раскрытию финансовой информации, связанной с изменением климата [9]. В частности, специалисты пришли к выводу, что субъекты хозяйствования должны предоставлять в том числе банкам информацию о собственных мероприятиях по управлению климатическими рисками в четырех направлениях: политическом и правовом (обязательства по ценообразованию и отчетности на углерод, наличие судебных дел и т. п.); технологическом (технологии, товары, услуги и их экологическая безопасность или планы по их замене на более экологически безопасные; неудачное инвестирование в новые технологии); рыночном (изменение поведения клиентов; неопределенность рыночных сигналов, увеличение стоимости сырья). Соответствующие рекомендации были разработаны для определенных промышленных и финансовых секторов. В них содержатся в том числе аргументы для оценки рисков, с которыми сталкивается предприятие, особенно при переходе страны к низкоуглеродной экономике. Ряд

стран на данный момент уже одобрили и ввели рекомендации Целевой группы на государственном уровне.

При этом ЕС придерживается нескольких важных подходов, затрагивающих вопросы финансирования экологического предпринимательства:

– прозрачность информации, ее раскрытие с целью формирования устойчивости на финансовом рынке;

– нормативный нейтралитет, который должен в равной степени использоваться различными операторами финансового рынка;

– мониторинг ситуации на рынке со стороны уполномоченных органов.

Соответственно, подобные подходы позволяют реализовать две важные цели – осуществить поддержку экологического предпринимательства со стороны государства и разработать соответствующие меры, направленные на совершенствование гражданско-правового регулирования.

Рассматривая вопросы зеленого финансирования в Российской Федерации, следует отметить, что единый нормативный акт (раскрывающий основные его цели, понятие, основополагающие компоненты и иные принципиально важные вопросы) в данной сфере отсутствует. Хотя направления государственной политики по данному поводу находят косвенное отражение в различных нормативных правовых актах в основном подзаконного уровня, комплексное толкование принципиально значимых вопросов отсутствует.

Так, если говорить о банковском кредитовании экологического предпринимательства, то здесь следует отметить, что применяются общие положения о кредитовании, закрепленные в структуре ГК РФ. Фактически в структуре ГК РФ отсутствуют предпосылки для становления банковского кредитования экологического предпринимательства как самостоятельного направления кредитных правоотношений. Хотя меры государственной поддержки для так называемого экологического предпринимательства существуют, что находит отражение в системе нормативных правовых актов.

В связи с развитием экологического предпринимательства и сопутствующего ему банковского кредитования в стране, на сегод-

няшний день необходима разработка эффективной государственной политики в данной сфере, применение эффективных рычагов воздействия, которые смогли бы обезопасить стороны от тех рисков, возникающие у них в связи с заключением кредитных договоров.

Существенную проблему представляет тот факт, что в банковском секторе фактически отсутствуют методологически обоснованные подходы к вопросам финансирования экологического предпринимательства, о чем неоднократно указывалось в научной литературе. Так, по мнению Е.П. Федоровой, «многие банки и институциональные инвесторы еще не разработали методики, способные идентифицировать и количественно оценить кредитные и рыночные риски, которые могут возникнуть в результате реализации проектов» [8].

Представляется, что решение такой проблемы возможно и созданием универсальной основы по методическому обеспечению оценки рисков для целей применения банковского кредитования экологического предпринимательства [3]. ЦБ РФ напрямую не участвует в гражданском обороте, однако в силу его особого положения регулятора финансовой стабильности рубля он может в меру своих полномочий значительно изменять экономическое поле России. В контексте рассматриваемой проблемы ЦБ РФ как регулятор гражданских правоотношений намерен создать условия для развития рынка «зеленых» и социальных облигаций, «зеленой» ипотеки, а также способствовать адаптации участников финансового рынка к климатическим рискам.

Подводя итоги, следует отметить, что в настоящее время в сфере гражданско-правового регулирования банковского кредитования экологического предпринимательства имеют место следующие проблемы:

1) отсутствие специализированных норм в структуре ГК РФ, которые затрагивали бы данные вопросы;

2) у банков и иных кредитных организаций отсутствуют стандарты кредитования экологического предпринимательства, позволяющие комплексно учитывать экологические, социальные аспекты, влияющие на вопросы одобрения кредитов для экологического предпринимательства;

3) публичный аспект осуществления экологического предпринимательства, необходимость пропаганды данного направления со стороны государства;

4) установление требований к субъектам, которые задействованы в сфере экологического предпринимательства, в том числе для целей кредитования.

Основу финансовой экосистемы должно составить венчурное финансирование, «зеленые» кредиты и облигации, краудфандинг, а также различные инструменты государственной финансовой и нефинансовой поддержки и стимулирования.

Итак, под банковским кредитованием экологического предпринимательства мы понимаем деятельность кредитных организаций по финансированию зеленых проектов имеющих экологическую направленность и социально значимые цели, а также по стимулированию предпринимателей на ведение экобизнеса с соблюдением Принципов Экватора [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспалов, Р. А. Создание «зеленого» банка в условиях «цифровизации» экономики / Р. А. Беспалов, С. В. Антоненко // Вестник Брянского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 143–151.
2. Злобин, С. В. Правовое регулирование экологического предпринимательства в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Злобин Сергей Владимирович. – Волгоград, 2011. – 27 с.
3. Концепция организации в России методологической системы по развитию зеленых финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/84163/press_04102019.pdf. – Загл. с экрана.
4. Митрофанова, М. М. Правовые основы экологического предпринимательства в России / М. М. Митрофанова // Environmental Law: Theory, Practice, Issues. – С. 109–122.
5. Постановление Правительства РФ от 03.01.2014 № 3 (ред. от 19.04.2021) «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в 2014–2019 годах в российских кредитных организациях и государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ», а также в международных финансовых организациях, созданных в соответ-

ствии с международными договорами, в которых участвует Российская Федерация, на реализацию комплексных инвестиционных проектов по приоритетным направлениям гражданской промышленности и (или) выплату купонного дохода по облигациям, выпущенным в 2014–2019 годах в рамках реализации комплексных инвестиционных проектов по приоритетным направлениям гражданской промышленности» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 3. – Ст. 272 ; 2021. – № 17. – Ст. 2989.

6. Постановление Правительства РФ от 14.12.2010 № 1016 (ред. от 07.06.2017) «Об утверждении Правил отбора инвестиционных проектов и принципалов для предоставления государственных гарантий Российской Федерации по кредитам либо облигационным займам, привлекаемым на осуществление инвестиционных проектов» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 52 (ч. 1). – Ст. 7081.

7. Фатхутдинова, А. М. Правовое регулирование экологического предпринимательства / А. М. Фатхутдинова // Современный юрист. – 2020. – № 3 (32). – С. 112–120.

8. Федорова, Е. П. Роль государства в решении проблем развития «зеленого» финансирования / Е. П. Федорова // Финансовый журнал. – 2020. – № 4. – С. 37–51.

9. Худякова, Л. С. Международное сотрудничество в развитии «зеленого» финансирования / Л. С. Худякова // Деньги и кредит. – 2017. – № 7. – С. 10–18.

10. Equator Principles. – Electronic text data. – Mode of access: <https://equator-principles.com/>. – Title from screen.

REFERENCES

1. Bepalov R.A., Antonenko S.V. Sozdanie «zelenogo» banka v usloviyah «cifrovizacii» ekonomiki [Creation of a “Green” Bank in the Context of “Digitalization” of the Economy]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Bryansk State University], 2019, no. 2, pp. 143-151.
2. Zlobin S.V. *Pravovoe regulirovanie ekologicheskogo predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii* : dis. ... kand. jurid. nauk [Legal Regulation of Environmental Entrepreneurship in the Russian Federation. Cand. jurid. sci. diss.]. Volgograd, 2011. 27 p.
3. *Koncepciya organizacii v Rossii metodologicheskoy sistemy po razvitiyu zelenyh finansovyh instrumentov i projektov otvetstvennogo investirovaniya* [The Concept of Organizing a Methodological System in Russia for the Development of Green Financial Instruments and Responsible Investment Projects]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/84163/press_04102019.pdf.

4. Mitrofanova M.M. Pravovye osnovy ekologicheskogo predprinimatel'stva v Rossii [Legal Foundations of Environmental Entrepreneurship in Russia]. *Environmental Law: Theory, Practice, Issues*, pp. 109-122.

5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 03.01.2014 № 3 (red. ot 19.04.2021) «Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya subsidij iz federal'nogo byudzheta rossijskim organizacijam na vozmeshchenie chasti zatrat na uplatu procentov po kreditam, poluchennym v 2014–2019 godah v rossijskih kreditnyh organizacijah i gosudarstvennoj korporacii razvitiya «VEB.RF», a takzhe v mezhdunarodnyh finansovyh organizacijah, sozdannyh v sootvetstvii s mezhdunarodnymi dogovorami, v kotoryh uchastvuet Rossijskaya Federaciya, na realizaciyu kompleksnyh investicionnyh proektov po prioritnym napravleniyam grazhdanskoj promyshlennosti i (ili) vyplatu kuponnogo dohoda po obligacijam, vypushchennym v 2014–2019 godah v ramkah realizacii kompleksnyh investicionnyh proektov po prioritnym napravleniyam grazhdanskoj promyshlennosti» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 3 Dated January 3, 2014 (As Amended on April 19, 2021) “On Approval of the Rules for the Provision of Subsidies from the Federal Budget to Russian Organizations to Reimburse Part of the Cost of Paying Interest on Loans Received in 2014–2019 in Russian Credit Organizations and the State Development Corporation ‘VEB.RF’, As Well As in International Financial Organizations Created in Accordance with International Treaties in Which the Russian Federation Participates, for the Implementation of Complex Investment Projects in Priority Areas of the Civil Industry and (or) Payment of Coupon Income on Bonds Issued in 2014–2019 As Part of the Implementation of

Complex Investment Projects in Priority Areas of the Civil Industry”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 3, art. 272; 2021, no. 17, art. 2989.

6. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14.12.2010 № 1016 (red. ot 07.06.2017) «Ob utverzhdenii Pravil otbora investicionnyh proektov i principalov dlya predostavleniya gosudarstvennyh garantij Rossijskoj Federacii po kreditam libo obligacionnym zajmam, privlekaemym na osushchestvlenie investicionnyh proektov» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 1016 Dated December 14, 2010 (As Amended on June 7, 2017) “On Approval of the Rules for the Selection of Investment Projects and Principals for the Provision of State Guarantees of the Russian Federation on Loans or Bonded Loans Attracted for the Implementation of Investment Projects”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2010, no. 52 (part 1), art. 7081.

7. Fatkhutdinova A.M. Pravovoe regulirovanie ekologicheskogo predprinimatel'stva [Legal Regulation of Environmental Entrepreneurship]. *Sovremennyy jurist* [Modern Lawyer], 2020, no. 3 (32), pp. 112-120.

8. Fedorova E.P. Rol' gosudarstva v reshenii problem razvitiya «zelenogo» finansirovaniya [The Role of the State in Solving the Problems of the Development of “Green” Financing]. *Finansovyy zhurnal* [Financial Journal], 2020, no. 4, pp. 37-51.

9. Khudyakova L.S. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v razvitii «zelenogo» finansirovaniya [International Cooperation in the Development of “Green” Financing]. *Den'gi i kredit* [Money and Credit], 2017, no. 7, pp. 10-18.

10. *Equator Principles*. URL: <https://equator-principles.com>.

Information About the Author

Tatyana V. Kokoreva, Postgraduate Student, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Head of the Department for Interaction with the Law Enforcement Agencies and Internal Investigation, LLC “Heat Supply Concessions”, Port-Saida St, 16A, 400066 Volgograd, Russian Federation, t.korotkova@teplovolgograd.ru, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2159-0682>

Информация об авторе

Татьяна Васильевна Кокорева, аспирант кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; начальник отдела по взаимодействию с правоохранительными органами и проведению служебных расследований, ООО “Концессии теплоснабжения”, ул. Порт-Саида, 16А, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, t.korotkova@teplovolgograd.ru, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2159-0682>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.19>

UDC 347.19
LBC 67.404

Submitted: 30.06.2021
Accepted: 10.08.2021

AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR IN THE STATUS OF THE SOLE EXECUTIVE BODY OF A CORPORATION

Sergey V. Mudritsky

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the legislation allows for the possibility of transferring the powers of the sole executive body to an individual entrepreneur, expanding them. In this regard, the paper sets the **goal** of determining the legal status of an individual entrepreneur as the sole executive body of a corporation. **Methods:** in the course of the research, the dialectical, formal-legal, comparative-legal, structural-functional and other methods of cognition were used. **Results:** based on the provisions of the current legislation, the analysis of the legal status of the sole executive body in the person of an individual entrepreneur is carried out; the negative and positive aspects of the transfer of powers of the sole executive body to an individual entrepreneur are noted. **Conclusions:** as a result of the study, the imperfection of the current legislation regulating the legal status of an individual entrepreneur in the person of the sole executive body is noted and the need for making some changes and additions to the regulatory legal acts is justified.

Key words: management agreement, sole executive body, individual entrepreneur, corporation, corporate management bodies, manager.

Citation. Mudritsky S.V. An Individual Entrepreneur in the Status of the Sole Executive Body of a Corporation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 143-147. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.19>

УДК 347.19
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 30.06.2021
Дата принятия статьи: 10.08.2021

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ В СТАТУСЕ ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА КОРПОРАЦИИ

Сергей Васильевич Мудрицкий

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: законодательство допускает возможность передачи полномочий единоличного исполнительного органа индивидуальному предпринимателю, расширяя их. В связи с этим, в статье поставлена **цель** определения правового статуса индивидуального предпринимателя как единоличного исполнительного органа корпорации. **Методы:** в ходе исследования использовались диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой, структурно-функциональный и другие методы познания. **Результаты:** на основании положений действующего законодательства проводится анализ правового статуса единоличного исполнительного органа в лице индивидуального предпринимателя, отмечаются отрицательные и положительные аспекты передачи полномочий единоличного исполнительного органа индивидуальному предпринимателю. **Выводы:** в результате исследования отмечено несовершенство действующего законодательства, регламентирующего правовой статус индивидуального предпринимателя в лице единоличного исполнительного органа и обоснована необходимость внесения ряда изменений и дополнений в нормативные правовые акты.

Ключевые слова: договор об управлении, единоличный исполнительный орган, индивидуальный предприниматель, корпорация, органы управления корпорации, управляющий.

Цитирование. Мудрицкий С. В. Индивидуальный предприниматель в статусе единоличного исполнительного органа корпорации // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 143–147. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.19>

Введение

В последние годы значительно возрос интерес исследователей к изучению проблем правового статуса единоличного исполнительного органа корпораций, поскольку на него возлагается основная обязанность по управлению и организации деятельности корпорации, которые могут иметь и негативный эффект для корпоративной организации в виде причиненных убытков, например, ввиду заключения невыгодной сделки, осуществления необоснованных выплат сотрудникам корпорации и т. д. Сегодня законодательство допускает передачу функций единоличного исполнительного органа корпорации индивидуальному предпринимателю. В то же время непонимание правовой природы исполнения индивидуальным предпринимателем полномочий единоличного исполнительного органа корпорации приводит к различным проблемным вопросам, связанным с определением требований к индивидуальному предпринимателю в качестве единоличного исполнительного органа корпорации, порядку передачи полномочий единоличного исполнительного органа, определению порядка и объема привлечения к ответственности.

Общая характеристика индивидуального предпринимателя в качестве единоличного исполнительного органа корпорации

Юридические лица обладают собственной системой корпоративного управления. Органы юридического лица представляют собой его составную часть, которая согласно имеющимся у нее полномочиям способствует формированию и выражению воли общества, а также осуществляет руководство его деятельностью. Обладание юридическим лицом признаком организационного единства предполагает наличие в обществе устойчивой структуры и стабильных органов управления, обладающих собственной компетенцией. Единоличным исполнительным органом может быть не только участник корпорации, но и постороннее лицо. Положениями гражданского законодательства допускается назначение на должность единоличного исполнительного

органа гражданина или юридического лица, которые имеют опосредованное отношение к его деятельности [1]. Важнейшее значение в данном аспекте имеет профессионализм и компетентность потенциального кандидата.

Единоличный исполнительный орган является обязательным органом управления в каждой корпорации. Корпорация может передать его функции не только физическому и юридическому лицу, но и физическому лицу в статусе индивидуального предпринимателя, поскольку соответствующего запрета в нормах гражданского законодательства не содержится. Соответствующая возможность допускается в нормах специального корпоративного законодательства. Так, на основании абз. 3 ч. 1 ст. 69 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [6] (далее – Закон об АО) собрание акционеров может принять решение о передаче полномочий единоличного исполнительного органа общества индивидуальному предпринимателю (управляющему). В п. 2 ч. 2.1. ст. 32 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [5] (далее – Закон об ООО) также говорится о возможности передачи полномочий единоличного исполнительного органа общества индивидуальному предпринимателю (далее – управляющий), утверждению такого управляющего и условий договора с ним.

Индивидуальным предпринимателем может признаваться гражданин, который регистрируется в данном качестве для осуществления предпринимательской деятельности. Как справедливо отмечает ряд исследователей, несмотря на имеющееся внешнее сходство, правовое положение индивидуального предпринимателя и юридического лица носят различный характер [2, с. 54]. Если обратиться к положениям гражданского законодательства, то оно также достаточно ясно разграничивает правовой режим данных участников правоотношений.

Анализ действующего законодательства позволяет прийти к выводу о фрагментарном и недостаточном правовом регулировании передачи полномочий единоличного исполнительного органа корпорации индивидуальному предпринимателю и определении его правового статуса. Так, ни в Законе об ООО ни в

Законе об АО не закреплено специальной статьи, которая бы предусматривала требования к индивидуальному предпринимателю как единоличному исполнительному органу корпорации (например, стаж осуществления предпринимательской деятельности, экономические показатели ведения бизнеса и т. д.), порядку передачи полномочий и оформления с ним отношений и т. д. Кроме вышеобозначенных правовых предписаний, ни в одной статье Закона об ООО и Закона об АО нет больше никаких упоминаний об индивидуальном предпринимателе как единоличном исполнительном органе корпораций. ГК РФ также оставляет данную сферу правоотношений без правовой регламентации. Это позволяет прийти к выводу, что законодатель полностью относит разрешение данных вопросов на усмотрение корпораций. Выбор оптимальной модели корпоративного управления оставлен за учредителями корпорации, которые на основе оценки негативных и отрицательных факторов должны прийти к собственному выбору.

Индивидуальный предприниматель в лице единоличного исполнительного органа не является работником корпорации, а получает статус управляющего, что подразумевает необходимость заключения с ним договора об управлении. Требования к содержанию такого договора, в том числе, к обязательным его условиям, также не регламентированы нормами законодательства.

Преимущества и недостатки передачи полномочий единоличного исполнительного органа индивидуальному предпринимателю

Передача полномочий единоличного исполнительного органа индивидуальному предпринимателю сопряжена с рядом как негативных, так и положительных аспектов, оказывающих влияние на деятельность корпорации.

Индивидуальный предприниматель обладает определенными преимуществами в качестве единоличного исполнительного органа в том числе:

1. Имеет опыт в сфере осуществления предпринимательской деятельности, заключения гражданско-правовых договоров [3, с. 94]. Роль индивидуального предпринимателя в

качестве единоличного исполнительного органа заключается в осуществлении общего руководства за деятельностью корпорации, что проявляется в определении стратегических целей и задач деятельности корпорации, подписании гражданско-правовых сделок, оформлении трудовых отношений с работниками, представлении интересов корпорации во внешних отношениях с другими юридическими лицами, публичными образованиями, в судебных органах.

Индивидуальный предприниматель в качестве единоличного исполнительного органа должен исполнять свои обязанности добросовестно, руководствоваться разработанными в корпорации правилами и стандартами поведения, установившейся корпоративной культурой и взаимоотношениями между сотрудниками. Он также осуществляет волеизъявление корпорации ввиду того обстоятельства, что он воплощает в жизнь принятые решения общего собрания участников (акционеров) и совета директоров общества, представляет интересы корпорации, вправе заключать различные сделки с контрагентами.

2. Договорная регламентация взаимоотношений корпорации и индивидуального предпринимателя (например, в части определения порядка работы, вознаграждения, иных поощрительных сумм, ответственности за ненадлежащее выполнение обязанностей и т. д.). По сравнению с работником корпорации в статусе единоличного исполнительного органа с индивидуальным предпринимателем гораздо проще разорвать договорные отношения, прописав, например, в тексте договора об управлении положения, что в случае не достижения определенных экономических показателей деятельности корпорации с индивидуальным предпринимателем (например, увеличение чистой прибыли по итогам деятельности корпорации за год на 10 %) договор подлежит расторжению.

3. Допуская возможность передачи индивидуальному предпринимателю полномочий единоличного исполнительного органа по управлению и руководству деятельностью корпорации, законодательство не предусматривает никаких ограничений в основаниях и пределах ответственности индивидуального предпринимателя в лице единоличного исполнительного

органа. В случае привлечения к ответственности отвечают принадлежащим ему имуществом. Помимо этого в договоре об управлении стороны могут согласовать повышенные меры ответственности индивидуальному предпринимателю в качестве единоличного исполнительного органа, конкретизировать основания и формы гражданско-правовой ответственности.

Передача полномочий единоличного исполнительного органа индивидуальному предпринимателю имеет и экономическую целесообразность в том плане, что сокращает издержки корпорации по уплате налоговых и страховых взносов. Помимо этого положения законодательства допускаются расходы индивидуальным предпринимателем наличных денежных средств, находящихся на его банковском счете, без каких-либо ограничений для личных нужд, что позволяет корпорации. В то же время имеются риски, связанные с признанием налоговыми органами произведенных затрат необоснованными. В судебной практике не единичными являются случаи, когда корпорации в целях занижения налоговых выплат заключают фиктивные договоры об управлении с индивидуальными предпринимателями [4]. В итоге такие договоры признаются трудовыми, а на корпорации возлагается обязанность по уплате недоначисленных налогов и страховых взносов.

Выводы

Правовое регулирование статуса индивидуального предпринимателя в качестве единоличного исполнительного органа корпорации носит комплексный характер и осуществляется нормами различных отраслей права: корпоративного и гражданского. В то же время уровень правовой регламентации правоотношений в данной сфере невозможно признать достаточным. Законодательство, допуская передачу полномочий единоличного исполнительного органа корпорации индивидуальному предпринимателю, не конкретизирует его правовой статус. В этой связи считаем необходимым в Законе об ООО и Законе об АО предусмотреть общие требования к содержанию договора об управлении, порядку его заключения и расторжения и т. д. В частности це-

лесообразным является определить максимальный срок действия договора об управлении не более пяти лет. Следует предусмотреть специальные требования к индивидуальному предпринимателю в целях ограждения от возможных случаев заключения фиктивных договоров об управлении и повышении уровня профессионализма и компетентности индивидуальных предпринимателей как управляющих (например, указание при регистрации данного вида деятельности в качестве основной, создание саморегулируемых организаций управляющих индивидуальных предпринимателей, предъявление требований к наличию специального образования и квалификации).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Долинская, В. В. Проблемы корпоративных споров при разработке единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / В. В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 3. – С. 51–57.
3. Мудрицкий, С. В. Роль единоличного исполнительного органа в деятельности корпорации / С. В. Мудрицкий // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 91–96. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.12>.
4. Определение Верховного Суда РФ от 25.05.2018 № 303-КГ18-1430 по делу № А73-3767/2017. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2020; с изм. от 24.02.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
6. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020; с изм. от 24.02.2021) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

REFERENCES

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (ch. 1) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 09.03.2021) [Civil Code of the Russian Federation (Part 1) No. 51-FZ Dated November 30, 1994 (As Amended on March 9, 2021)]. *Sobraniye Zakonodatel'stva RF* [Collection of

Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.

2. Dolinskaya V.V. Problemy korporativnykh sporov pri razrabotke edinogo Grazhdanskogo protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Problems of Corporate Disputes in the Development of a Unified Civil Procedure Code of the Russian Federation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2015, no. 3, pp. 51-57.

3. Mudritsky S.V. Rol' edinolichnogo ispolnitelnogo organa v deiatelnosti korporatsii [The Role of the Sole Executive Body in the Activities of the Corporation]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 91-96. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.12>.

4. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 25.05.2018 g. № 303-KG18-1430 po delu № A73-3767/2017 [Ruling of the Supreme Court of the Russian

Federation No. 23-kg18-5 Dated 25.05.2018 in Case No. A73-3767/2017]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

5. Federalnyi zakon ot 08.02.1998 № 14-FZ (red. ot 31.07.2020; s izm. ot 24.02.2021) «Ob obshchestvakh s ogranichennoi otvetstvennostiu» [Federal Law No. 14-FL Dated February 8, 1998 (Reviewed on July 31, 2020; As Amended on February 24, 2021) "On Limited Liability Companies"]. *Sobraniye Zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1998, no. 7, art. 785.

6. Federalnyi zakon ot 26.12.1995 № 208-FZ (red. ot 31.07.2020; s izm. ot 24.02.2021) «Ob aktsionernykh obshchestvakh» [Federal Law No. 208-FL Dated December 26, 1995 (Reviewed on July 31, 2020; As Amended on February 24, 2021) "On Joint Stock Companies"]. *Sobraniye Zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 1, art. 1.

Information About the Author

Sergey V. Mudritsky, Postgraduate Student, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, mudritsky.sv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5311-7526>

Информация об авторе

Сергей Васильевич Мудрицкий, аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, mudritsky.sv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5311-7526>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.20>

UDC 338
LBC 65.05

Submitted: 28.07.2021
Accepted: 10.09.2021

BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN COPYRIGHT

Anastasia Y. Ponomarchenko

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper examines the potential of blockchain technology and blockchain-based smart contracts in respect of copyright. Copyright has long been secured through technical means, in particular, through digital rights management. With the advent of blockchain technology, a new era is expected in the field of administration and enforcement of copyright using computer code, therefore, the author sets the **goal** of investigating the essence and capabilities of blockchain technology. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are the methods of consistency and analysis. **Results:** based on the analysis of the experience of foreign countries, the essence of blockchain technology and the smart contract is investigated. The paper presents the recommendations on the use of blockchain technology as a form of regulatory ordering, which can express public and private goals. **Conclusions:** as a result of the study, the role of blockchain as one of the methods of copyright protection and its potential is identified, and also how blockchain technology can affect the ways of distributing copyrighted content in the digital world is considered. It is established that such a technology can provide an unprecedented level of access to copyright information, transparency, and traceability of its subsequent changes. The instant receipt of remuneration and the availability of the technical possibility of sovereign ownership of the produced digital content are attractive to copyright holders. Blockchain technology has gained universal attention as a developing information security system and over the years will become a powerful component of protecting the results of intellectual activity.

Key words: copyright, blockchain, smart contract, cryptocurrency, bitcoin.

Citation. Ponomarchenko A.Y. Blockchain Technology in Copyright. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 148-152. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.20>

УДК 338
ББК 65.05

Дата поступления статьи: 28.07.2021
Дата принятия статьи: 10.09.2021

ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН В СФЕРЕ АВТОРСКОГО ПРАВА

Анастасия Евгеньевна Пономарченко

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в настоящей статье исследуется потенциал технологии блокчейн и смарт-контрактов в отношении авторского права, которое уже давно обеспечивается с помощью технических средств, в частности с помощью управления цифровыми правами. С появлением технологии блокчейн ожидается новая эра в сфере администрирования и обеспечения соблюдения авторских прав с помощью компьютерного кода, в связи с чем автором в работе поставлена **цель** исследования сущности и возможностей технологии блокчейн. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы системности и анализа. **Результаты:** на основании анализа опыта зарубежных стран проводится исследование сущности технологии блокчейн и смарт-контракта. В настоящей статье излагаются рекомендации по использованию данной технологии в качестве формы нормативного упорядочивания, которая может выражать общественные и частные цели. **Выводы:** в результате исследования выявлена роль блокчейна как одного из способов защиты авторских прав, его потенциал, а также рассмотрено, как технология блокчейн может повлиять на способы распространения контента, защищенного авторским

правом, в цифровом мире. Установлено, что такая технология может обеспечить беспрецедентный уровень доступа к информации об авторских правах, прозрачности и отслеживаемости ее последующих изменений. Мгновенное получение вознаграждения и наличие технической возможности суверенного владения производимым цифровым контентом привлекательны для владельцев авторских прав. Технология блокчейн завоевала всеобщее внимание как развивающаяся система информационной безопасности, с годами она станет мощным компонентом защиты результатов интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: авторское право, блокчейн, смарт-контракт, криптовалюта, биткойн.

Цитирование. Пономарченко А. Е. Технология блокчейн в сфере авторского права // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 148–152. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.20>

Введение

С появлением и усложнением технологии блокчейн, а также смарт-контрактов, ощущается новая волна технологической трансмутации, которая может оказать существенное влияние на развитие авторского права. Предполагается, что исследуемые технологии могут предоставить новые механизмы для управления правами интеллектуальной собственности, которые впоследствии могут заменить существующие парадигмы.

Сущность технологии блокчейн

Блокчейн – это децентрализованная технология, используемая для защиты безопасности и конфиденциальности онлайн-транзакций. Блокчейн представляет собой распределенную (без централизованного хранилища) базу данных, в которой хранится информация обо всех транзакциях участников системы в виде цепочки блоков [7, с. 85]. В такой децентрализованной базе данных хранится постоянно растущий список упорядоченных записей – блоков, каждый из которых содержит метку времени и ссылку на предыдущий блок. Новые записи могут вноситься только с согласия большинства участников системы, а информация, которая однажды уже была записана, не может быть изменена или удалена.

В технологическом обзоре, представленном Национальным институтом стандартов и технологий США (NIST), технология блокчейн определяется как «распределенные цифровые реестры криптографически подписанных транзакций, сгруппированных в блоки» [8, с. 1].

Технология получила свое название из-за того, что, как было сказано ранее, представляет собой цепочку блоков. Каждый из

которых объединяет несколько транзакций и затем добавляется к существующей цепочке. Данные группируются в блоки, которые по достижении определенного размера привязываются к существующему реестру посредством процесса хеширования. Блоки реестра имеют разные ключевые компоненты, включая хэш всех транзакций, содержащихся в блоке (его «отпечаток пальца»), метку времени и хэш предыдущего блока (который создает последовательную цепочку).

Поскольку блоки постоянно добавляются, но никогда не удаляются, цепочку из них можно квалифицировать как структуру данных только для добавления. Криптографическая хэш-цепочка блоков повышает прозрачность и подотчетность операций. Применение технологии блокчейн позволит производить учет прав на результаты интеллектуальной деятельности для дальнейшего создания единого реестра результатов интеллектуальной деятельности [5, с. 508].

Таким образом, блокчейн предлагает новый способ хранения зашифрованной информации и синхронизации этих данных на нескольких компьютерах. Реестр передается на неопределенное количество компьютеров-членов (называемых узлами) в пределах организации, страны или всего мира, каждая транзакция полностью реплицируется на любой компьютер участника. Блокчейн не находится в одном центральном месте и не контролируется одним центральным лицом.

Перспективы использования технологии блокчейн в сфере авторского права

Авторское право защищает оригинальные произведения автора, закрепленные на материальном носителе. Оно регулируется на-

циональными законами и управляется централизованным государственным органом, поэтому степень защиты зависит от законов конкретной страны. В настоящей статье мы рассмотрели несколько перспектив использования технологии блокчейн в управлении произведениями, охраняемыми авторским правом.

Во-первых, использование блокчейна позволяет отслеживать цифровые активы (через токены), которые могут использоваться в качестве доказательства авторства и происхождения объектов интеллектуальной деятельности (далее – ИД). Что касается атрибуции, хеширование позволяет создать уникальный отпечаток материала, защищенного авторским правом, который устанавливает авторство и тот факт, что творческая работа существовала в данный момент, без раскрытия фактического содержания. Важно отметить, что токены могут кодировать информацию, а также предусматривать условия использования защищенного материала. Для незарегистрированных прав интеллектуальной собственности технология блокчейн дает преимущество в виде записи с указанием времени создания объектов ИД, требования к использованию такого объекта и прочее. Технология блокчейн дает возможность создания реестра авторских прав.

Во-вторых, технология блокчейн через смарт-контракты способна обеспечивать прозрачные и неопосредованные транзакции. Смарт-контракт является алгоритмом, предназначенным для автоматизации процесса исполнения контрактов [1, с. 165–166].

В 1994 г. Н. Сабо ввел термин «смарт-контракт», или «умный контракт», и определил его как «компьютеризированный протокол транзакций, который выполняет условия контракта» [6]. Он разработал компьютерное программное обеспечение, содержащее в себе договорные положения, которое позволило связать стороны таким образом, что отказ от соглашения в одностороннем порядке практически невозможен. С этой точки зрения смарт-контракт представляется как рикарданское соглашение, его цель заключается в создании контрактов, которые могут быть прочитаны как людьми, так и машинами.

Для некоторых смарт-контракт является лишь небольшой частью компьютерного

кода с определенными характеристиками. Канадско-российский программист, сооснователь и бывший редактор печатного журнала Bitcoin Magazine, сооснователь проекта Ethereum, В.Д. Бутерин изображает смарт-контракты как «криптографические ящики», которые содержат ценность и открываются только при соблюдении определенных условий». В контексте технологии блокчейн смарт-контракт – это запрограммированная логика, которая работает в распределительной системе, подобной реестру, в ответ на отправку транзакции.

Таким образом, с технической точки зрения смарт-контракты – это просто компьютерные программы, которые могут последовательно выполняться сетью компьютеров без необходимости в посреднике. Благодаря своей распределительной природе и, следовательно, гарантированному исполнению, смарт-контракты устойчивы к фальсификации, что делает их привлекательными во многих сферах, включая авторское право.

Смарт-контракты выполняются автоматически и не могут быть остановлены, если эта опция специально не встроена в код, что позволяет совершать сделки в ситуациях, лишенных доверия со стороны людей или организаций, снижает транзакционные издержки и риск контрагента и неопределенность интерпретации [2, с. 95]. После того, как соглашение будет переведено в код, вмешательство стороны или посредника становится недоступным, исполнение договора заменяется автоматическим исполнением программного обеспечения.

Смарт-контракты тесно связаны с прозрачностью и экономией средств, поскольку, как только пользователь приобретет определенный цифровой актив на веб-сайте, правообладатель одновременно с этим может запустить смарт-контракт, так что все остальные действия (например, выплата вознаграждения правообладателям) автоматизированы. В сочетании с цифровыми валютами возможности смарт-контракта позволяют осуществлять оплату использования цифровых активов [4, с. 189].

Технология блокчейн гарантирует правообладателям (авторам) самостоятельно устанавливать цены и условия использования их

результатов интеллектуальной деятельности. Так, британская певица, автор песен и композитор И. Хип недавно выпустила свою песню «Tiny Human» через сервис «Uj», основанный на блокчейне, что позволило ей напрямую взаимодействовать со своими поклонниками и предлагать им свою работу по хорошей цене. В свою очередь, право является основой развития цифровых технологий, включая блокчейн, и защиты субъективных прав [3, с. 7].

Выводы

Таким образом, технология блокчейн может предложить правообладателям безопасность и надежную защиту от возможных злоумышленников, включая нарушителей авторских прав, которые стремятся получить доступ к цифровому активу. Права пользователя будут закодированы в блокчейне, тем самым подключенные системы будут проверять их и расшифровывать связанный контент, защищенный авторским правом. Смарт-контракт будет использоваться для предоставления доступа к цифровому активу через токены, находящихся в цепочке, роль которых заключается в обеспечении выплаты вознаграждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дерюгина, Т. В. Блокчейн, смарт-контракты и управление незарегистрированными правами интеллектуальной собственности / Т. В. Дерюгина, А. Е. Пономарченко // Парадигмы управления, экономики и права. – 2020. – № 2 (2). – С. 163–169.
2. Заколдаев, Д. А. Технология блокчейн в России: достижения и проблемы / Д. А. Заколдаев, Р. В. Ямщиков, Н. В. Ямщикова // Вестник Московского областного университета. – 2018. – № 2. – С. 93–107.
3. Иншакова, А. О. Права как основа инфраструктурного обеспечения цифровой экономики и технологии интернета вещей // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 6–11. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.1>.
4. Ковалева, А. С. Перспективы использования технологии блокчейн в России / А. С. Ковалева, Г. А. Диеспоров, А. Е. Коняева // Journal of Economy and Business. – 2019. – № 3 (2). – С. 187–193.
5. Рузакова, О. А. Применение технологии Blockchain к систематизации результатов интеллек-

туальной деятельности / О. А. Рузакова, Е. С. Гринь // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 38. – С. 508–520.

6. Сабо, Н. Смарт-контракты / Н. Сабо // Фonetические науки. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart.contracts.html> (дата обращения: 02.09.2021). – Загл. с экрана.

7. Сальникова, А. В. Технология блокчейн как инструмент защиты авторских прав / А. В. Сальникова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 4 (113). – С. 83–90.

8. Yaga, D. Blockchain Technology Overview / D. Yaga [et al.]. – Gaithersburg : National Institute of Standards and Technology, 2018. – 57 p. – DOI: <https://doi.org/10.6028/NIST.IR.8202>.

REFERENCES

1. Deriugina T.V., Ponomarchenko A.E. Blokchein, smart-kontrakty i upravlenie nezaregistrovannymi pravami intellektualnoi sobstvennosti [Blockchain, Smart Contracts and Management of Unregistered Intellectual Property Rights]. *Paradigmy upravleniia, ekonomiki i prava* [Paradigms of Managment, Economics and Law], 2020, no. 2 (2), pp. 163-169.
2. Zakoldaev D.A., Iamshchikov R.V., Iamshchikova N.V. Tekhnologiiia blokchein v Rossii: dostizheniia i problemy [Blockchain Technology in Russia: Achievements and Challenges]. *Vestnik Moskovskogo oblastnogo universiteta*, 2018, no. 2, pp. 93-107.
3. Inshakova A.O. Prava kak osnova infrastruktornogo obespecheniia tsifrovoi ekonomiki i tekhnologii interneta veshchei [Rights As the Basis for Infrastructural Support of the Digital Economy and the Technology of the Internet of Things]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 6-11. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.1>.
4. Kovaleva A.S., Diesporov G.A., Koniaeva A.E. Perspektivy ispolzovaniia tekhnologii blokchein v Rossii [Prospects for Using Blockchain Technology in Russia]. *Zhurnal ekonomiki i biznesa* [Journal of Economy and Business], 2019, no. 3 (2), pp. 187-193.
5. Ruzakova O.A., Grin E.S. Primenenie tekhnologii Blockchain k sistematzatsii rezultatov intellektualnoi deiatelnosti [Application of Blockchain Technology to the Systematization of the Results of Intellectual Activity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2017, no. 38, pp. 508-520.
6. Sabo N. Smart-kontrakty [Smart Contracts]. *Foneticheskie nauki* [Phonetic Sciences]. URL: <http://>

www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart.contracts.html (accessed 2 September 2021).

7. Salmikova A.V. Tekhnologiya blokchein kak instrument zashchity avtorskikh prav [Blockchain Technology As a Copyright Protection Tool]. *Aktual'nye*

problemy rossiiskogo prava [Actual Problems of Russian Law], 2020, no. 4 (113), pp. 83-90.

8. Yaga D., Mell P., Roby N., Scarfone K. *Blockchain Technology Overview*. Gaithersburg, National Institute of Standards and Technology, 2018. 57 p. DOI: <https://doi.org/10.6028/NIST.IR.8202>.

Information About the Author

Anastasia Y. Ponomarchenko, Senior Lecturer, Department of Financial and Business Law, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, ponomarchenko.anasatsiya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5476-7931>

Информация об авторе

Анастасия Евгеньевна Пономарченко, старший преподаватель кафедры финансового и предпринимательского права, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, ponomarchenko.anasatsiya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5476-7931>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.21>

UDC 340.12
LBC 67.404

Submitted: 25.08.2021
Accepted: 23.09.2021

RECOGNITION AS A LEGAL FACT IN CIVIL LAW

Anatoly Ya. Ryzhenkov

B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russian Federation

Introduction: the concept of recognition in civil studies is most often identified with one of the methods of protecting civil rights, which is specified among others in Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation. At the same time, the protection of civil rights under the norms of Chapter 2 of Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation does not imply such purely factual actions that would not create legal consequences, which would contradict the very existence of their legislative consolidation. The **purpose** of the study is to reveal the concept and legal consequences of recognition as a legal fact in civil law. **Tasks:** to correlate recognition as a method of protection and as a legal fact; to determine the types, conditions, and subjects of recognition; to reveal the mechanism of connection between recognition and its legal consequences. **Methods:** system, logic, analysis, synthesis, comparison. **Results:** recognition as a legal fact in civil law can be defined as follows: it is a public-legal decision of a body with authority on the existence of a legally significant circumstance, either that took place in the past, or that arises as a result of this decision. Recognition is not a legal requirement, since it does not in itself oblige the subjects of legal relations to perform or not perform any actions. **Conclusions:** the mechanism of connection of recognition with its legal consequences is characterized by the fact that it most often acts as an element of a complex set of facts. Recognition is nothing more than the addition of an imperious authority to the already existing conditions for the emergence, modification or termination of legal relations in order to eliminate the uncertainty associated with them.

Key words: recognition, protection, legal fact, legal relationship, court decision.

Citation. Ryzhenkov A. Y. Recognition As a Legal Fact in Civil Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 153-159. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.21>

УДК 340.12
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 25.08.2021
Дата принятия статьи: 23.09.2021

ПРИЗНАНИЕ КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Анатолий Яковлевич Рыженков

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Введение: понятие признания в цивилистических исследованиях чаще всего отождествляется с одним из способов защиты гражданских прав, который указан в числе других в ст. 12 ГК РФ. Вместе с тем защита гражданских прав в соответствии с нормами гл. 2 ч. 1 ГК РФ не предполагает чисто фактических действий, которые бы не создавали правовых последствий, что противоречило бы самому наличию их законодательного закрепления. **Цель исследования:** раскрыть понятие и правовые последствия признания как юридического факта в гражданском праве. **Методы:** в данном исследовании использовались системный и логический методы, анализ, синтез, сравнение. **Результаты:** признание как юридический факт в гражданском праве может быть определено следующим образом: это публично-правовое решение органа, обладающего властными полномочиями, о наличии юридически значимого обстоятельства, имевшего место в прошлом либо возникающего в результате данного решения. Признание не является юридическим требованием, поскольку само по себе не обязывает субъектов правоотношений к совершению или несомнению каких-либо действий. **Выводы:** механизм связи признания с его правовыми последствиями характеризуется тем, что оно чаще всего выступает как элемент сложного юридического состава. Признание представляет собой не что иное, как добавление властного авторитета к уже сложившимся условиям возникновения, изменения или прекращения правоотношений, с тем чтобы устранить связанную с ними неопределенность.

Ключевые слова: признание, защита, юридический факт, правоотношение, судебное решение.

Цитирование. Рыженков А. Я. Признание как юридический факт в гражданском праве // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 153–159. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.21>

Введение

Понятие признания в цивилистических исследованиях чаще всего отождествляется с одним из способов защиты гражданских прав, который указан в числе других в ст. 12 ГК РФ.

Что касается ст. 8 ГК РФ, посвященной основаниям возникновения гражданских правоотношений, в ней признание не упоминается и поэтому, как правило, в качестве самостоятельного юридического факта не рассматривается.

Вместе с тем нетрудно увидеть, что характером юридического факта признание обладает по своей природе даже без специального указания в законе.

Защита гражданских прав в соответствии с нормами гл. 2 ч. 1 ГК РФ не предполагает чисто фактических действий, которые бы не создавали правовых последствий, что противоречило бы самому наличию их законодательного закрепления.

Это подтверждается характером всех иных способов защиты гражданских прав, перечисленных в ст. 12 (кроме признания), а именно: восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; присуждение к исполнению обязанности в натуре; возмещение убытков; взыскание неустойки, компенсации морального вреда и т. п. [3] – все они, несомненно, влекут юридически значимые последствия.

Следовательно, признание права и остальные виды признания, предусмотренные ст. 12 ГК РФ, помимо того, что являются способами защиты прав, априори относятся и к числу юридических фактов.

Признание права как способ его защиты

Одна из наиболее характерных особенностей признания права в смысле, представленном в ст. 12 ГК РФ, заключается в том, что это признание рассматривается в от-

дельности от реализации соответствующего права.

Например, если сравнивать иск и признание с иском об отчуждении, то последний состоит из двух частей, одна из которых подтверждает спорное правоотношение, а другая содержит приказ, тогда как «отличительной чертой решения по иску о признании является то, что оно ограничивается лишь первой частью и не возлагает на ответчика обязанностей по исполнению спорного правоотношения» [8, с. 77].

Например, если арбитражный суд признает за истцом право дольщика-инвестора на получение жилой площади, поскольку между истцом и ответчиком был заключен договор о долевом участии в строительстве и истец выполнил свои договорные обязательства, то, как отмечает А.С. Старовойтова, «в приведенном примере действительный интерес истца состоял не в подтверждении правоотношения (констатации действительности и заключенности договора), а в получении в собственность жилой площади, т. е. в исполнении обязательства. Требование о признании обязательственного права в данном случае не обеспечивает его эффективной защиты, поскольку в рамках дела по иску о признании суд только подтверждает наличие правоотношения и не возлагает на ответчика обязанностей по исполнению обязательства» [8, с. 78].

При этом, как подчеркивал В.М. Гордон, «предметом подтверждения по иску о признании являются... такие моменты в правовом положении сторон, которые служат причиной, способною создать право одной стороны требовать исполнения от другой» [2, с. 40].

Не вполне точной представляется позиция Д.Н. Латыпова, в соответствии с которой «способ защиты гражданского права должен соответствовать содержанию нарушенного права и характеру нарушения, при этом нарушено или оспорено может быть только существующее право. Применение такого способа защиты, как признание права, возможно, когда само право уже существует и необходимо

лишь судебное подтверждение данного факта» [5, с. 62].

Это утверждение противоречит сразу нескольким положениям ч. 1 ГК РФ, в том числе п. 3 ст. 222 – о признании судом права собственности на самовольную постройку, п. 3 ст. 225 – о судебном признании права муниципальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь, и т. п. Во всех этих и подобных случаях судом признается именно такое право, которого не существовало до момента принятия решения.

Д.Н. Латыпов, комментируя эти положения, считает, что «неразрешенным остается вопрос о нелогичности применения признания (констатации) существующего права при его отсутствии. Все же, думается, более уместно в данной ситуации говорить о наделении правом заинтересованного лица» [5, с. 63].

Как представляется, ошибка здесь состоит в том, что признание искусственно противопоставляется наделению и безосновательно связывается только с «существующим правом», в то время как с точки зрения гражданского законодательства признание, очевидно, может не только обеспечивать имеющиеся гражданские права, но и конституировать новые.

Разрешить указанные несоответствия можно при том условии, если не сводить признание как юридический факт только к способу защиты прав, а придать ему гораздо более широкое гражданско-правовое значение.

Признание в теоретическом смысле

Даже в контексте защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ) признание выступает в нескольких формах – не только как собственно «признание права», но и как признание оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, а также решения собрания и акта государственного органа или органа местного самоуправления.

Есть основания полагать, что признание вообще является универсальным атрибутом не только гражданского, но и любого права, объективного или субъективного.

Существование права неразрывно связано с наличием его признанности (легитимности), которая не только обосновывает само право, но и определяет его справедливость.

Как отмечает А.В. Поляков, право – это коммуникация, система человеческих взаимодействий на основе передаваемой информации. Понимание того, что социальный мир – это коммуникативное единство текстов и смыслов, действий и взаимодействий, то есть intersubjectивный конструкт, позволяет говорить о важности процесса признания в праве: «Предпосылкой правовой коммуникации и легитимации является признание субъектов коммуникативными личностями, т. е. их необходимо рассматривать как лиц, обладающих изначально свободой, равенством, достоинством и ответственностью. Сама коммуникация возможна только потому, что субъекты изначально обладают такими качествами и, соответственно, достоинством» [7, с. 63].

В механизме правового признания присутствует идея взаимности, и именно данный принцип позволяет правовой коммуникации осуществиться в юридической практике. Асимметричность в признании приводит к конфликту, неспособности сторон правоотношения договориться и прийти к единому решению.

Анализ общего значения признания в сфере права позволяет сделать следующие предварительные выводы:

а) признание воспринимается как инструмент, который необходим в ситуации асимметричности, т. е. когда один из участников процесса не признает права другого и нарушает их;

б) признание является первым этапом в разрешении конфликтных и любых противоречивых ситуаций: если признание не осуществляется, то нет предмета для правового взаимодействия; в свою очередь, наличие конфликта свидетельствует о том, что субъекты уже признали нечто, но предметы их признания расходятся, следовательно, нет согласованного однонаправленного признания.

Признание в гражданском праве выступает как совмещение в едином поле различных фактических обстоятельств и их правовых оценок, благодаря чему участники правоотношения могут артикулировать общие условия дальнейшего взаимодействия.

При этом признание всегда опирается на обоснованность и точную артикуляцию всех фактов, которыми руководствуются участни-

ки правоотношения, и принимаемых на их основе решений.

Таким образом, еще одно из своеобразных свойств признания как юридического факта – его вторичный характер по отношению к иным фактам.

Так, согласно выводам А.С. Старовойтовой, одним из необходимых условий признания права являются «юридические факты, свидетельствующие о существовании подтверждаемого субъективного гражданского права у одной из сторон в споре» [9, с. 10].

Даже в приведенных выше примерах, когда путем признания право конституируется впервые, оно основывается на установленных фактах (например, в случае признания права муниципальной собственности на бесхозную недвижимую вещь такими фактами являются отсутствие или неизвестность собственника, постановка вещи на учет, истечение года с этого момента (ст. 225 ГК РФ)).

Трудно согласиться с мнением, что одним из таких юридических фактов, предшествующих признанию, является непризнание: «Самое важное то, что побуждает участника действовать – это факт непризнания права, который вынуждает заинтересованное лицо обращаться с требованием о защите права путем его признания в установленном законом порядке» [1, с. 109].

Однако отсутствие признания, как и любое отсутствие, само по себе еще не является юридическим фактом, а может лишь сочетаться с каким-либо самостоятельным юридическим фактом в виде действия или бездействия.

Нет оснований и отождествлять непризнание с правонарушением или злоупотреблением правом: «Добросовестное непризнание, как основание защиты возможно только в случае непризнания прав добросовестным субъектом, т. е. таким, который не знал и не мог знать о существовании права у конкретного лица. Если право не будет признаваться недобросовестным субъектом, т. е. таким, который знал или должен был знать о наличии субъективного права у лица, то подобное поведение следует расценивать как нарушение права (злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ))» [1, с. 110].

Этот вывод может быть корректным только при наличии дополнительного условия:

если признание права входило в обязанности этого субъекта – что вовсе не является каким-либо универсальным правилом.

Далее необходимо уточнение субъектного состава признания как юридического факта. Так, по мнению Д.Н. Латыпова, субъектом признания права может быть только суд: «По сути, удовлетворяя иск о признании права, суд властно подтверждает наличие между сторонами правоотношения и вытекающего из него субъективного права истца... В этой ситуации, думается, нецелесообразно передавать разрешение споров о признании права в ведение несудебных органов власти при наличии действующей судебной системы» [5, с. 60].

Хотя, как ясно из ранее сказанного, в общем смысле субъектом признания может быть любое лицо. Анализ гражданского законодательства показывает, что признание конструируется в его нормах не просто как заявление, но как властный акт, публично-правовой по своему характеру, и его субъектом действительно является суд.

В зависимости от объекта можно выделить 2 вида признания. Например, как отмечает А.В. Люшня, «иск о признании права собственности существует в двух видах: положительном и отрицательном. Первый вид иска направлен на судебное подтверждение наличия у истца искомого права на спорную вещь; второй – на подтверждение отсутствия у ответчика полагаемого за ним права на фактический объект спора» [6, с. 63].

В более общем виде можно различать 2 формы:

1) признание-утверждение – это констатация того, что действительно было совершено или что может быть совершено в указанные сроки;

2) признание-отклонение – это объявление юридической ничтожности чего-либо по соответствующим основаниям.

Гражданско-правовые последствия признания

Юридические последствия признания довольно многообразны. Ими могут быть:

– установление опеки над недееспособным лицом (п. 1 ст. 29 ГК РФ) или попечи-

тельства над ограниченно дееспособным (п. 1 ст. 30);

– ограничение прав (например, в соответствии с п. 1 ст. 213.30 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 29.06.2015 № 154-ФЗ), при признании гражданина банкротом в течение 5 лет с даты завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры он не вправе принимать на себя обязательства по кредитным договорам и/или договорам займа без указания на факт своего банкротства; согласно п. 3 той же ст. 213.30 в течение 3 лет с даты завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры он не вправе занимать должности в органах управления юридического лица, иным образом участвовать в управлении юридическим лицом, если иное не установлено настоящим Федеральным законом) [10; 11];

– невозможность участия в правоотношении (согласно п. 2 ст. 213.30 Закона «О несостоятельности (банкротстве)», в течение 5 лет с даты завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры дело о его банкротстве не может быть возбуждено по заявлению этого гражданина);

– возмещение убытков (согласно п. 4 ст. 60.1 ГК РФ, лица, недобросовестно способствовавшие принятию признанного судом недействительным решения о реорганизации, обязаны солидарно возместить убытки участнику реорганизованного юридического лица, голосовавшему против принятия решения о реорганизации или не принимавшему участия в голосовании, а также кредиторам реорганизованного юридического лица);

– передача имущества (согласно п. 1 ст. 43 ГК РФ, имущество гражданина, признанного безвестно отсутствующим, при необходимости постоянного управления им передается на основании решения суда лицу, которое определяется органом опеки и попечительства и действует на основании договора о доверительном управлении, заключаемого с этим органом);

– восстановление (согласно п. 2 ст. 60.2 ГК РФ, в результате признания реорганизации несостоявшейся восстанавливаются юридические лица, существовавшие до реорганизации, с одновременным прекращением юридических лиц, созданных в результате реорганизации, о чем делаются соответствующие записи в едином государственном реестре юридических лиц);

– ликвидация юридического лица вследствие признания его банкротом (п. 1 ст. 65 ГК РФ);

– отмена ранее принятого решения (согласно п. 1 ст. 1512 ГК РФ, признание недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку влечет отмену решения федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности о регистрации товарного знака) [4];

– приобретение права собственности (п. 3 ст. 222 ГК РФ) и т. п.

Заключение

Признание как юридический факт в гражданском праве может быть определено следующим образом: это публично-правовое решение органа, обладающего властными полномочиями, о наличии юридически значимого обстоятельства, имевшего место в прошлом либо возникающего в результате данного решения.

Признание не является юридическим требованием, поскольку само по себе не обязывает субъектов правоотношений к совершению или несозвершению каких-либо действий.

Вместе с тем появление таких обязанностей и прав является результатом признания в соответствии с законом.

Механизм связи признания с его правовыми последствиями характеризуется тем, что оно чаще всего выступает как элемент сложного юридического состава.

Иначе говоря, признание является одновременно и самостоятельным юридическим фактом, и правовым последствием какого-то иного юридического факта.

Признание представляет собой не что иное, как добавление властного авторитета к уже сложившимся условиям возникновения,

изменения или прекращения правоотношений, с тем чтобы устранить связанную с ними неопределенность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова, Е. Е. Отдельные проблемы признания права как способа защиты гражданских прав / Е. Е. Богданова // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 2. – С. 103–112.
2. Гордон, В. М. Иски о признании / В. М. Гордон. – Ярославль : Типография губернского правления, 1906. – 370 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (ч. I). – Ст. 5496.
5. Латыпов, Д. Н. Особенности признания права как способа защиты гражданских прав / Д. Н. Латыпов // Журнал российского права. – 2013. – № 9. – С. 60–71.
6. Люшня, А. В. Иск о признании права собственности и исковая давность / А. В. Люшня // Журнал российского права. – 2005. – № 11. – С. 62–66.
7. Поляков, А. В. Признание права и принцип формального равенства / А. В. Поляков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2015. – № 6. – С. 57–76.
8. Старовойтова, А. С. Признание права как способ защиты обязательственных прав / А. С. Старовойтова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 2. – С. 76–84.
9. Старовойтова, А. С. Признание права как способ защиты гражданских прав: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Старовойтова Анна Сергеевна. – М., 2020. – 29 с.
10. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
11. Федеральный закон от 29.06.2015 № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 27. – Ст. 3945.

REFERENCES

1. Bogdanova E.E. Otdel'nye problemy priznaniya prava kak sposoba zashhity grazhdanskih

prav [Separate Problems of Recognition of the Right As a Way of Protection of Civil Rights]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2018, no. 2, pp. 103-112.

2. Gordon V.M. *Iski o priznanii* [Claims for Recognition]. Yaroslavl, Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1906. 370 p.

3. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (ch. 1) ot 30.11.1994 № 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part 1) No. 51-FZ Dated November 30, 1994]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.

4. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (ch. 4) ot 18.12.2006 № 230-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part 4) No. 230-FZ Dated December 18, 2006]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2006, no. 52 (part I), art. 5496.

5. Latypov D.N. Osobennosti priznaniya prava kak sposoba zashhity grazhdanskih prav [Features of the Recognition of Law As a Way to Protect Civil Rights]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2013, no. 9, pp. 60-71.

6. Ljushnja A.V. Isk o priznanii prava sobstvennosti i iskovaja давность' [Claim for Recognition of Property Rights and Limitation Period]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2005, no. 11, pp. 62-66.

7. Poljakov A.V. Priznanie prava i princip formal'nogo ravenstva [Recognition of Law and the Principle of Formal Equality]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie* [News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 2015, no. 6, pp. 57-76.

8. Starovojtova A.S. Priznanie prava kak sposob zashchity objazatel'stvennyh prav [Recognition of Law As a Way to Protect Binding Rights]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2019, no. 2, pp. 76-84.

9. Starovojtova A.S. *Priznanie prava kak sposob zashchity grazhdanskih prav: problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Recognition of Law As a Way to Protect Civil Rights: Problems of Theory and Practice. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2020. 29 p.

10. Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ «O nesostojatel'nosti (bankrotstve)» [Federal Law No. 127-FZ Dated October 26, 2002 "On (Bankruptcy)"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 43, art. 4190.

11. Federal'nyj zakon ot 29.06.2015 № 154-FZ «Ob uregulirovanii osobennostej nesostojatel'nosti (bankrotstva) na territorijah Respubliki Krym i goroda federal'nogo znachenija Sevastopolya i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj

Federacii» [Federal Law No.154-FZ Dated June 29, 2015 “On the Settlement of the Peculiarities of Insolvency (Bankruptcy) in the Territories of the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol and on

Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2015, no. 27, art. 3945.

Information About the Author

Anatoly Ya. Ryzenkov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Civil Law and Procedure, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, A.S. Pushkina St, 11, Bld. 1A, 358000 Elista, Russian Federation, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

Информация об авторе

Анатолий Яковлевич Рыженков, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, ул. А.С. Пушкина, 11, корп. 1А, 358000 г. Элиста, Российская Федерация, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.22>

UDC 347.625.2
LBC 67.91

Submitted: 15.10.2021
Accepted: 26.11.2021

LEGAL REGULATION OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS IN MEDIEVAL ENGLAND

Vladislav V. Egorov

Volgograd Cooperative Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation,
Volgograd, Russian Federation

Mariya S. Zhurava

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Department of Internal Affairs for the North-Western Administrative District of the Main Directorate
of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow, Moscow, Russian Federation

Introduction: the family is one of the greatest values created by mankind in the entire history of its existence. Society and the state are interested in its positive development, preservation and consolidation; everyone needs a strong, reliable family, regardless of age. The **purpose** of this article is to consider the development of marriage and family relations in medieval England and their features. To reveal the position of the author of the article about why knowledge about family and marriage relations in medieval England is needed in modern Russia, which is significant for Russian civil and family law. When writing the article, the following research methods were used - analysis and synthesis, classification and comparison **methods**. **Results:** the article considers that by the example of studying English gender relations in the medieval period, it is possible to trace the process of formation of gender history in modern medieval studies. The author has carried out work on the study of existing forms of marriage in England, the processes of transformation of the family into a stable basis of Western society. **Conclusions:** as a result of the study, it was found that in the Middle Ages monogamous marriage prevailed over polygamy and a man's right to divorce, and its goal gradually shifted from realizing the interests of parents and relatives to meeting the needs of a married couple. Over time, the ancient clan lost its importance and disappeared. Thus, constantly changing in its composition throughout the life cycle, the family household already dominated at all levels of the social landscape by the boundary separating the Middle Ages from Modern Times.

Key words: marriage, family, divorce, inheritance, clan, church.

Citation. Egorov V.V., Zhurava M.S. Legal Regulation of Marriage and Family Relations in Medieval England. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 160-165. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.22>

УДК 347.625.2
ББК 67.91

Дата поступления статьи: 15.10.2021
Дата принятия статьи: 26.11.2021

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

Владислав Викторович Егоров

Волгоградский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Мария Сергеевна Журава

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Управление внутренних дел по Северо-Западному административному округу главного управления
Министерства внутренних дел России по г. Москве, г. Москва, Российская Федерация

Введение: семья – одна из величайших ценностей, созданных человечеством за всю историю своего существования. В ее позитивном развитии, сохранении и упрочении заинтересовано общество и государство; в крепкой, надежной семье нуждается каждый человек независимо от возраста. **Цель** данной статьи – рассмотреть развитие брачно-семейных отношений в средневековой Англии и их особенности. Раскрыть позицию автора статьи о том, зачем в современной России нужны знания о семейно-брачных отношениях в средневековой Англии, что значимого для Российского гражданского и семейного права. При написании статьи использовались следующие **методы** исследования: анализ и синтез, методы классификации, сравнения. **Результаты:** в статье рассмотрено, что на примере изучения английских гендерных отношений в средневековый период можно отследить процесс становления гендерной истории в современной медиэвистике. Автором проведена работа по исследованию существовавших форм брака в Англии, процессов трансформации семьи в устойчивую основу западного общества. **Выводы.** В результате исследования установлено, что в эпоху Средневековья моногамный брак возобладал над полигамией и правом мужчины на развод, а его цель постепенно смещалась от реализации интересов родителей и родственников к удовлетворению потребностей супружеской четы. С течением времени, древний клан утратил свое значение и исчез. Таким образом, постоянно меняясь по своему составу на протяжении жизненного цикла, семейное домохозяйство уже господствовало на всех уровнях социального ландшафта к рубежу, отделяющему Средневековье от Нового времени.

Ключевые слова: брак, семья, развод, наследование, клан, церковь.

Цитирование. Егоров В. В., Журава М. С. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в средневековой Англии // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 160–165. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.22>

Введение

В Англии все земли – от графства до крестьянского держания – находились в феодальном условном держании, которое было принесено с нормандским завоеванием. Здесь не было «владений», не было аллодиальных земель в прямом владении [2, с. 91].

Семья была главной производственной единицей, в которой мужчина и женщина выполняли каждый свою долю работы. Мужчины трудились за пределами дома: пахали землю, сеяли, снимали урожай, косили траву, веяли и молотили зерно, как они это делали всегда. Женщины выполняли свою традиционную домашнюю работу, которая не всегда требовала их пребывания в самом доме: готовили, доили коров, сбивали масло и сыр, пряли и ткали, кормили домашнюю птицу, обрабатывали огород, собирали в лесах и на полях ягоды, орехи и зелень. Дети помогали им в этих занятиях, а также подбирали колосья после жатвы, пасли овец, ухаживали за домашней птицей и присматривали за младшими братьями и сестрами. В страду женщины и старшие дети присоединялись к мужчинам на полях.

Институты брака и семьи в Средневековой Англии

Из жизни английского общества XIII в. исчезли такие старые германские семейные

инструменты защиты и права, широко распространенные в англо-саксонское время, как кровная месть и вергельд, их функции перешли к другим институтам.

Семьи как среднего, так и высшего достатка, улучшали условия своей жизни. Кроме приобретения земель они могли обновить свое жилище, приобрести дополнительных животных и другие предметы домашнего хозяйства, с выгодой женить сыновей и выдать замуж дочерей. В этом социальном слое спрос на наследниц был столь же велик, как и в более высоком, а наследование непрямыми наследниками при отсутствии прямых играло для крестьян ту же роль, что и для баронов.

Молодые крестьяне не оставляли заключение брака на усмотрение родителей, как приходилось делать знатым юношам. Напротив, они активно ухаживали, а в некоторых местах устанавливали свои собственные деревенские ритуалы [4, с. 86].

Какова бы ни была свобода при ухаживании, при заключении брака молодые люди любого уровня не могли не принимать во внимание соображения старших. Лишь немногие юноши и девушки оказывались настолько легкомысленны, чтобы вступать в брак без земли и домашнего имущества. Старшие в свою очередь не упускали из вида и нематериальные соображения [3, с. 86].

Развод среди крестьян оставался редкостью. Родственные отношения, запрещенные церковью, могли быть предлогом для расторжения брака у знати, но этот предлог не имел смысла для крестьян, которые едва знали, кто были их дедушки и бабушки, не говоря уже о троюродных и четвероюродных братьях и сестрах, а даже если и знали, у них не было возможности при отсутствии письменных свидетельств доказать родственную связь. Более того, сама серьезность, с которой законы о родстве воспринимались и церковью, и людьми, исключали их циничное использование [6, с. 114].

Если развод был редким явлением, то раздельная жизнь супругов нет. Неформальный разъезд без утверждения суда случался и среди крестьян, и среди городских ремесленников. Церковные суды давали формальное разрешение на раздельное проживание («раздельные постель и стол») по причинам жестокого обращения, прелюбодеяния, импотенции, и даже просто при несовместимости характеров.

Брак был привилегией, и за него приходилось платить даже свободным от господского меркета. Размеры и формы передаваемого обеими сторонами имущества при заключении брака менялись в зависимости от изменений на брачном рынке. Германского жениха, выплачивающего «утренний дар» (Morgengabe) невесте на утро после физического подтверждения брака, сменил через несколько столетий флорентийский жених, спешащий поутру в Monte delle Doti забрать приданое невесты [4, с. 81].

Правовое положение семьи в средневековом английском обществе

Возникновение в конце XX в. неформального супружеского сожительства как прелюдии или замены брака может рассматриваться в исторической перспективе как надолго задержавшийся ответ на проблему, созданную Реформацией и Контрреформацией. В XVI в. результатом ужесточения определения брака стало усиление влияния родителей. В длительной перспективе уменьшение роли доходов от земли делало свободный выбор вступающих в брак предвосхищением будущего [7, с. 119].

Заключение брака создавало проблемы для низшего слоя мирян и для церковных судов. Для высшего слоя проблема состояла скорее в расторжении брака, которое беспокоило епископов и пап. Свободолюбивые короли и знать новых варварских государств были запуганы и задобрены до того, что отказались от лишних жен и по крайней мере начали скрывать своих наложниц, но стойко держались за односторонний развод, и в этом их поддерживало общественное мнение по причине необходимости наследников [1, с. 79].

Отцы невест не только давали приданое, но и обычно выплачивали *merchet* – плату за свадьбу дочери виллана. Недавнее исследование Э. Сёрл [7, с. 187] прояснило характер *merchet* (этимология слова оказалась непреодолимой загадкой), вытекающего скорее из манориальных владельческих и наследственных правил, нежели являющегося просто налогом на разрешение вступить в брак. Он выплачивался только несвободными крестьянами или свободными держателями несвободных земель и по сути своей представлял залог, препятствующий отчуждению манориальной собственности в качестве приданого. Очевидно, его платило меньшинство вилланов, поскольку для большинства дочерей приданое либо не существовало, либо было незначительным. «Глупая или бедная девушка может выйти замуж как она хочет,» но без имущества. Если же она брала часть семейного наследства, оно облагалось налогом. Если она выходила замуж за человека, живущего за пределами манора, *merchet* бывал несколько выше, хотя и не всегда. В 1283 г. в деревне Ньютон Лонгвилл две невесты должны были выплатить *merchet*, каждый из которых был оценен в «12 петухов». При этом одна из них выходила замуж «внутри манора», вторая – за человека, не принадлежавшего к нему. В 1320 г. засвидетельствован *merchet* в деревне Грейт Хорвуд, размер которого составлял четверть (8 бушелей) овса, за разрешение выйти замуж за человека, очевидно, не жившего в маноре.

Одна беркширская вдова в 1339 г. выдала дочь замуж за свободного человека, не подлежащего юрисдикции ее лендлорда. Все ее добро и движимое имущество было приказано конфисковать, но вдова обратилась к лендлорду и, выдав свою дочь без движимого

имущества, обошлась штрафом в два шиллинга. Как отцы невест торговались с семьями женихов о размере приданого, так они торговались и с управляющими своих господ о размере *merchet*. Если земля составляла часть приданого, *merchet* мог достигать 4 фунтов, если же речь о земле не шла, то обычно он составлял от 6 пенсов до 2 шиллингов.

Приданое обычно включало как деньги, так и движимое имущество, состоявшее из домашнего скота, сельскохозяйственных орудий, утвари, зерна, масла, драгоценностей, столового серебра или таких предметов обихода, как мебель и одеяла, простыни, скатерти. Вильям Алейн из Браутона возбудил дело против своего тестя в 1294 г. из-за приданого, которое состояло (или должно было состоять) из платья, кастрюли в два галлона, сосуда в полгаллона, двух ковров, 5 шиллингов, «чтобы починить телегу железом», и 6 шиллингов для передачи церкви. В том же году в Эбботе Риптоне против Агнес Хуберт было возбуждено дело из-за приданого, состоявшего из лошади, свиньи, четырех бушелей пшеницы и трех коз. Эти приданные имели значительную ценность, но были меньше, чем вдова часть, которую обычно жених обещал невесте: от трети до половины своей земли по-смертно.

В случае прелюбодейния мужчины карались также, как и женщины. Хотя это преступление находилось в ведении церковных судов, лендлорд тоже брал штраф с держателя, которого суд признал виновным. Между 1294 и 1323 гг. судебные протоколы Браутона насчитывают 24 случая прелюбодейний. В 10 из них названы имена обоих виновных, только мужчины поименованы в 8, только женщины – в 6. Некоторые из имен повторяются с разными партнерами, и почти две трети обвиняемых принадлежат к ведущим семьям.

Развлечения вдов рассматривались как случаи прелюбодейния в церковных судах и облагались штрафом в манориальных судах, иногда даже с временной конфискацией земли. В Гиртоне в 1291 г. Матильда, вдова Роберта Уорика, вступила во внебрачную связь с Робертом Корбесом «и из-за этого потеряла часть движимого имущества лендлорда». Ее возлюбленный, видимо, был вором. Земля Матильды была «взята под руку лендлорда»,

а она выплатила 3 шиллинга. Возможно, аналогичные отягчающие обстоятельства присутствовали и в деле Агнес Фабер, вдовы из Варбойза, обвиненной во внебрачной связи с Ричардом Инграмом. Ее земля была конфискована, и, чтобы вернуть ее назад, Агнес пришлось выплатить 20 шиллингов.

Браки обычно устраивались сватами: родителями, братьями, тетками, дядями, друзьями. Учение катаров утверждало, что брак – это зло, поскольку в результате него появляются дети, и чистые души оказываются заключены в порочную плоть, но катары Монтайю тем не менее женились и выходили замуж. Гийом Белибаст, катарский «перфект», оправдывал брак, говоря, что, поскольку грех один, что с женой, что с любовницей, «то уж лучше мужчине прилепиться к одной женщине, чем перелетать от одной к другой, как пчела с цветка на цветок». Он добавлял и практическое соображение: неразборчивый в связях человек не только порождает бастардов, но и в будущем станет жертвой своих любовниц, которые оберут его и сделают нищим. «Но когда человек прилепился к одной женщине, она помогает ему содержать *ostal* в порядке».

Перфекты катаров рекомендовали наиболее благоприятную для свадебной церемонии, которой они руководили, фазу луны. День проходил в обычных танцах и пиршестве, невеста надевала свадебное платье, которое после церемонии упаковывала и хранила всю свою жизнь.

Браками управляла экономика, но не исключалась и любовь. Бернар Клерже, бейлиф, свидетельствовал, что он «безумно влюбился в Раймону (Бело), которая теперь моя жена», причем его страсть стала предметом шуток для его брата Пьера. Бернар мог позволить себе жениться по любви. Женщины в документах инквизиции, однако, не говорят о любви в браке. Они в основном ощущают себя предметами в игре, в которую играют мужчины. Ухаживание было небрежным. Женщина выходила замуж рано, в 14 лет, а мужчина женился только после того, как устроится в жизни, иногда в возрасте от 30 до 40 лет. Такая разница означала для общины большое количество вдов, а для женщин – редкие вторые и даже третьи браки.

Сексуальная мораль в Монтайю была свободной. Развод был неизвестен в деревне, но женатые пары иногда расходились. Понс Риве и его мать, оба катары, выгнали из своего дома его жену Фабрисс, которая катаркой не была. Занявшись продажей вина в деревне, Фабрисс стала еще одной женщиной, которая жила независимо.

Выводы

Таким образом, на протяжении Средних Веков моногамный брак возобладавал над полигамией и правом мужчины на развод, а его цель постепенно смещалась от реализации интересов родителей и родственников к удовлетворению потребностей супружеской четы. Основываемая семья, несмотря на передачу ею некоторых важных функций церкви, государству и обществу, укрепляла свои позиции в качестве основной ячейки западного общества. Древний клан утратил свое значение и исчез. Постоянно меняясь по своему составу на протяжении жизненного цикла, семейное домохозяйство уже господствовало на всех уровнях социального ландшафта, когда Средневековье незаметно пересекало порог Нового времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдурахманова, И. В. История государства и права зарубежных стран : учеб. пособие / И. В. Абдурахманова. – М. : Норма, 2020. – 478 с.
2. Борисевич, М. М. История государства и права зарубежных стран : крат. учеб. курс / М. М. Борисевич, О. А. Бельчук, С. Г. Евтушенко. – М. : [s. n.], 2019. – 352 с.
3. Графский, В. Г. Всеобщая история права и государства : учебник / В. Г. Графский. – М. : [s. n.], 2017. – 752 с.
4. Исаев, М. А. История государства и права зарубежных стран. В 2 т. Т. 2. Средневековье. Новое

и новейшее время : учебник / М. А. Исаев. – М. : Юрайт, 2018. – 544 с.

5. История государства и права зарубежных стран. В 2 ч. Ч. 2 : учебник / под ред. Н. А. Крашенинниковой, О. А. Жидкова. – М. : Норма, 2019. – 720 с.

6. Мухаев, Р. Т. История государства и права зарубежных стран : учебник / Р. Т. Мухаев. – М. : Юрайт, 2014. – 1008 с.

7. Соломатин, А. Ю. История государства и права зарубежных стран : учеб. пособие / А. Ю. Соломатин. – М. : Норма, 2020. – 344 с.

REFERENCES

1. Abdurakhmanova I.V. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: ucheb. posobie* [History of the State and Law of Foreign Countries. Textbook]. Moscow, Norma Publ, 2020. 478 p.
2. Borisevich M.M., Belchuk O.A., Yevtushenko S.G. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: krat. ucheb. kurs* [History of the State and Law of Foreign Countries. A Short Training Course]. Moscow, s.n., 2019. 352 p.
3. Grafsky V.G. *Vseobshchaya istoriya prava i gosudarstva: uchebnyk* [Universal History of Law and State. Textbook]. Moscow, s.n., 2017. 752 p.
4. Isaev M.A. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnyh stran. V 2 t. T. 2. Srednevekov'e. Novoe i novejshee vremya: uchebnyk* [History of the State and Law of Foreign Countries. In 2 Vols. Vol. 2. "The Middle Ages. New and Recent Times". Textbook]. Moscow, Yurayt Publ., 2018. 544 p.
5. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnyh stran. V 2 t. T. 2: uchebnyk* [History of the State and Law of Foreign Countries. In 2 Vols. Vol. 2. Textbook]. Moscow, Norma Publ, 2019. 720 p.
6. Mukhaev R.T. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: uchebnyk* [History of the State and Law of Foreign Countries. Textbook]. Moscow, Yurayt Publ., 2014. 1008 p.
7. Solomatin A.Yu. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: ucheb. posobie* [History of the State and Law of Foreign Countries. Textbook]. Moscow, Norma Publ, 2020. 344 p.

Information About the Authors

Vladislav V. Egorov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Organization of Research Work of the Volgograd Cooperative Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation, Novosibirskaya St, 76, 400002 Volgograd, Russian Federation, vlad-negoro2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9391-3452>

Mariya S. Zhurava, Master of Jurisprudence, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Inspector, Department of the Organization of Activities of District Police Officers and Units for Minors, Department of Internal Affairs for the North-Western Administrative District of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow, Marshala Rybalko St, 4., 123060 Moscow, Russian Federation, mgurava@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3986-8283>

Информация об авторах

Владислав Викторович Егоров, кандидат исторических наук, доцент, начальник отдела организации научно-исследовательской работы, Волгоградский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, ул. Новосибирская, 76, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация, vlad-negoro2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9391-3452>

Мария Сергеевна Журава, магистр юриспруденции, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; инспектор отдела организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних, Управление внутренних дел по Северо-Западному административному округу главного управления Министерства внутренних дел России по г. Москве, ул. Маршала Рыбалко, 4, 123060 г. Москва, Российская Федерация, mgurava@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3986-8283>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.23>

UDC 347.626.2
LBC 67.407

Submitted: 09.05.2021
Accepted: 01.09.2021

ON THE NEED TO IMPROVE THE LEGAL REGULATION OF AGRICULTURAL LAND TRANSFER

Andrey N. Sadkov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Natalia I. Baturina

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Gennady A. Pechnikov

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper deals with the problems of the legal regulation of agricultural land turnover, analyzes the procedure and the main legal conflicts that arise when allocating a share from a land plot classified as agricultural land. The **purpose** of the study is to find solutions aimed at improving the legal regulation of agricultural land turnover. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific knowledge, among which the main ones are the methods of analysis, synthesis, generalization, and comparative law. **Results:** the authors' position justified in the work is based on the current Russian legislation and the opinions of competent scientists on the issues of clarifying the specifics of agricultural land turnover. **Conclusions:** the authors concluded that as the main criterion for classifying a land plot as agricultural land, it is necessary to consider the presence of a fertile layer on a particular land plot suitable for growing crops. The paper substantiates the position that the norms of the Civil Code of the Russian Federation applied to public relations within the framework of agricultural land turnover should be applied exactly as long as they do not conflict with the requirements of the environmental legislation.

Key words: agricultural land, allocation of land share, real estate object, land categorization, land turnover, land plot.

Citation. Sadkov A.N., Baturina N.I., Pechnikov G.A. On the Need to Improve the Legal Regulation of Agricultural Land Transfer. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 166-173. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.23>

УДК 347.626.2
ББК 67.407

Дата поступления статьи: 09.05.2021
Дата принятия статьи: 01.09.2021

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬХОЗНАЗНАЧЕНИЯ

Андрей Николаевич Садков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Наталья Игоревна Батурина

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Геннадий Алексеевич Печников

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассматривается проблематика правового регулирования оборота земель сельскохозяйственного назначения, проанализирован порядок и основные правовые коллизии, возникающие при выделе доли из земельного участка, отнесенного к категории земель сельскохозяйственного назначения. **Целью** исследования является поиск решений, направленных на совершенствование правового регулирования оборота земель сельхозназначения. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают анализ, синтез, обобщение и сравнительное правоведение. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция опирается на действующее российское законодательство и мнения компетентных ученых по вопросам уточнения специфики оборота земель сельхозназначения. **Выводы:** авторами сделан вывод, что в качестве основного критерия отнесения земельного участка к категории земель сельхозназначения необходимо рассматривать наличие на том или ином земельном участке плодородного слоя, пригодного для выращивания сельскохозяйственных культур. Обосновывается позиция, что нормы ГК РФ, применяемые к общественным отношениям в рамках оборота земель сельхозназначения, должны применяться ровно до тех пор, пока они не вступают в конфликт с требованиями экологического законодательства.

Ключевые слова: земли сельхозназначения, выдел земельной доли, объект недвижимости, категорирование земель, оборот земель, земельный участок.

Цитирование. Садков А. Н., Батурина Н. И., Печников Г. А. О необходимости совершенствования правового регулирования оборота земель сельхозназначения // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 166–173. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.23>

Введение

Сельскохозяйственное производство всегда занимало важное место в национальной экономике России. В последние годы объемы произведенной российским аграрно-промышленным комплексом продукции неуклонно растут. Сегодня Россия по данному направлению деятельности составляет действенную конкуренцию странам, традиционно считающимся лидерами сельхозпроизводства. Во многом это обусловлено тем, что в нашей стране земли, пригодные для сельскохозяйственного производства, занимают в структуре земельного фонда достаточно большой удельный вес. По состоянию на 2013 г. в России зафиксировано 385,5 млн га сельскохозяйственных угодий [6], что позволяет относить Российскую Федерацию к пятерке стран с максимальной площадью пахотных земель в расчете на человека [3, с. 253].

Однако несмотря на определенные достижения России в сфере сельхозпроизводства, экспертами отмечается достаточно низкая эффективность использования российских земель сельскохозяйственного назначения, сокращение площадей земель, пригодных для аграрного производства, вывод таких земель из сельскохозяйственного оборота [9, с. 27].

Нередко в качестве причины нерационального использования земель сельхозназначения, эксперты называют их приватизацию.

Данные выводы обуславливаются тем, что в рамках приватизационных процессов в России появилась такая группа собственников земель, которые приобретали земельные угодья не для использования их в сельхозпроизводстве, а исключительно в качестве инвестиционного ресурса – как объекты недвижимости [2]. При этом, анализ применения норм Федерального закона от 24.07.2002 «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» № 101 – ФЗ (далее – ФЗ-101), регламентирующих вопросы ответственности за ненадлежащее использование земельных участков сельскохозяйственного назначения по своему целевому назначению, показывает, что, несмотря на допускаемое законом изъятие неиспользуемых земельных участков у собственников, игнорирующих проблематику непрерывности целевого землепользования, должной эффективности по данному направлению не достигнуто.

Исследование

В качестве одного из проблемных вопросов, связанных с обеспечением должной эффективности целевого использования земель сельхозназначения, следует отметить пробелы в правовом регулировании порядка выдела доли из земельного участка, отнесенного к категории сельскохозяйственных земель и находящегося в общей собственности. Сегодня

можно констатировать, что закрепленная в ст. 15 ФЗ-101 дефиниция категории «земельная доля», применимая к землям сельскохозяйственного назначения, находящимся в общей собственности, не отвечает потребностям современного экономического оборота. Принятый в начале 2000-х гг., ФЗ-101 концептуально задумывался как гарантия защиты прав на землю участников бывших колхозов, которые функционировали по принципам, характерным для кооперативов П.М. Коловангин отмечает, что при реорганизации указанных форм агропромышленных организаций более 12 млн граждан России получили в свое распоряжение земельные доли [5, с. 421]. Данный факт следует рассматривать с двух сторон. С одной стороны, бывшие колхозники приобрели в отношении земельных участков (на которых они раньше осуществляли хозяйственную деятельность) полный набор правомочий, присущих собственникам земли. Земля перешла к людям, трудившимся на ней, а сами труженики получили возможность продолжить работу в рамках освоенного производства в соответствии с собственными представлениями об аграрно-хозяйственном предпринимательстве. С другой стороны, возникли процедурные проблемы, вызванные сложностью внедрения режима долевой собственности на земли сельскохозяйственного назначения бывших колхозов и совхозов, перешедшие гражданам в порядке приватизации. Особенно много вопросов возникло при выделе персональной доли из общего массива земель.

В отличие от ранее действовавших норм земельного права, предоставлявших возможность закрепления прав на землю реформируемых колхозов и совхозов посредством использования конструкции земельных паев, в соответствии с действующей редакцией ст. 12 ФЗ-101 собственник земельной доли может потребовать ее выдела из общего земельного массива в натуре по правилам, предусмотренным гражданским законодательством. Введение новых правил было обусловлено тем, что держатели земельных паев были связаны между собой целевым назначением земельного участка и, как правило, не имели возможности его раздела или выдела доли в натуре. Такая ситуация выступила сдержива-

ющим фактором на пути перехода от коллективного к единоличному хозяйствованию в агропромышленном комплексе. Разрешить сложившуюся ситуацию стало возможным только после применения к анализируемым отношениям гражданско-правового инструментария.

Прежде всего это проявилось в том, что земельные участки стали рассматриваться как делимые вещи, что позволяет использовать механизм выдела доли в натуре. Законодательно была установлена возможность распространения на выделяемую часть земельного участка комплекса собственнических прав, не зависящих от хозяйственной деятельности, осуществляемой на земельном участке в целом.

Однако окончательного разрешения проблем в сфере землепользования по данному направлению не произошло. Это обусловлено тем, что пока сохраняется категорирование земель, в том числе, и по признаку хозяйственной деятельности, ведущейся на земельном участке, проблема определения правового режима земель в зависимости от вида ее использования, сохраняется. Следует отметить, что Верховный суд Российской Федерации строго придерживается тактики сохранения целевого назначения земельных участков, отнесенных к категории сельскохозяйственных угодий. Суд может отказать в натуральном разделе земельного участка сельскохозяйственного назначения, а равно и в выделе доли из него, если возникает угроза невозможности использования участка по целевому назначению [7].

В соответствии со ст. 9 Федерального закона от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» при выходе какого-либо члена из крестьянского (фермерского) хозяйства, натурального выдела земельной доли из общего земельного участка не происходит, поскольку, по мнению законодателя, это угрожает возможности продолжения ведения сельскохозяйственной предпринимательской деятельности. Именно поэтому вместо выдела земельной доли в натуре предоставляется денежная компенсация.

Если же земельный участок не относится к категории общего имущества крестьянского (фермерского) хозяйства, то выделу зе-

мельной доли в натуре может препятствовать отсутствию согласия на это со стороны других собственников. Хотя формально последнее и не является окончательным запретом для выдела доли, такое решение собственников требует судебного оспаривания.

В соответствии с Методическими рекомендациями по выделу земельных участков в счет земельных долей, одобренными Минсельхозом РФ 23.01.2003, инициатор выдела земельного участка из состава общих земель имеет право самостоятельно заключить договор с кадастровым инженером на проведение землеустроительных работ в целях такого выдела без согласия остальных собственников. Ему необходимо лишь уведомить остальных участников общей собственности о своем намерении. Для этого требуется либо лично вручить вышеназванное уведомление остальным участникам долевой собственности, либо направить соответствующую информацию для опубликования в печатном органе, определенном субъектом Российской Федерации для размещения подобных уведомлений. В случае отсутствия возражений кадастровый инженер составляет соответствующее заключение и приступает к межеванию. Если же возражения поступают, то их оспаривание осуществляется в судебном порядке.

Для предоставления возражений на выдел земельного участка из общего земельного массива остальным собственникам отводится 30-дневный срок. В качестве причины для возражений, как правило, выступают либо предлагаемый размер компенсации остальным собственникам (если рыночная стоимость единицы площади выделяемого земельного участка превышает рыночную стоимость единицы площади, оставшейся после выдела земли), либо размер выделяемой доли.

Региональным законодателем допускаются такие случаи, когда фактическая площадь земельного участка, выделяемого в счет земельной доли, может несколько превышать или же быть меньше площади, указанной в кадастровых документах. В соответствии с п. 5 ст. 8 Закона Волгоградской области от 17 июля 2003 г. № 855-ОД «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения в Волгоградской области» это обуславливает-

ся состоянием и свойствами почвы выделяемого земельного участка, влияющими на дальнейшее целевое и разрешенное использование оставшегося после выдела земельной доли участка и земли, выделенной в качестве доли.

Дуалистический подход к земле, демонстрируемый российским законодателем, проявляющийся в рассмотрении земельного участка и в качестве объекта недвижимости, и в качестве природного ресурса, приводит к тому, что режим использования земель сельскохозяйственного назначения определяется не только видом осуществляемой на земле хозяйственной деятельности, но и местом конкретного земельного участка в определенной экосистеме.

При организации землепользования следует учитывать, что до 17 процентов территории земель сельскохозяйственного назначения занято древесными и кустарниковыми насаждениями, отнесенными к лесному фонду РФ. И хотя нормы ст. 120 Лесного кодекса РФ определяют, что целевое назначение земель, не относящихся к землям лесного фонда, не меняется, если на земельном участке сельхозназначения имеются защитные леса (лесополосы), то они рассматриваются как объекты охраны окружающей среды. Несомненно это должно учитываться при определении пределов владения, пользования и распоряжения землей, на которой расположены лесные насаждения. Очевидно, что выдел доли из таких земельных участков должен осуществляться с соблюдением не только земельного, но и лесного законодательства. Это значительно усложняет процедуру оформления выдела доли, а в отдельных случаях и вовсе делает такую процедуру неосуществимой.

Думается, что возможно несколько выходов из сложившейся ситуации. Во-первых, возможно в законодательном порядке установить приоритет гражданских норм над земельным и иным природоресурсным законодательством. Ю.И. Шуплецова предлагает применять при разделе и выделе доли из земельных участков, занятых лесными насаждениями, правила ст. 134 и 135 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Земельный участок, в соответствии с

данным подходом, рассматривается как главная вещь, а все остальное находящееся на нем имущество как принадлежность [11].

Признавая право на существование такой позиции, мы полагаем, что предлагаемый Ю.И. Шуплецовым метод разрешения коллизии требует определенной корректировки, поскольку в ГК РФ не учитываются экологические свойства земельных участков. Кроме того, возможны ситуации, когда земельный участок как теоретически делимая вещь, может быть занят фактически неделимым объектом недвижимости (например, если на земельном участке находится водный объект). Для устранения таких ситуаций полагаем необходимым закрепить в российском законодательстве правило, определяющее, что нормы ГК РФ применяются до тех пор, пока они не вступают в конфликт с требованиями экологического законодательства.

В качестве второго направления разрешения проблематики, связанной с выделом земельной доли из общих земель сельхозназначения, видится отказ от использования механизма категорирования земель. Данная проблематика обсуждается во властных структурах достаточно давно. В 2012 г. в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации был представлен проект изменений в Земельный кодекс Российской Федерации (далее – ЗК РФ), предусматривавший упразднение всех категорий земель, за исключением лесного и водного фонда, а также земель особо охраняемых территорий. Однако данные предложения так и не получили признания, поскольку экспертами был отмечен высокий риск утраты земельных площадей, предназначенных для ведения сельского хозяйства и передачу их под застройку по упрощенной процедуре, не предусматривающей утверждения изменения категории земли органами публичной власти.

В качестве еще одной попытки отказа от категорирования земель следует рассматривать распоряжение Правительства РФ от 03.03.2012 № 297-р «Об утверждении Основ государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012–2020 годы» (далее – Основы). По мнению разработчиков Основ, земельное законодательство России должно полностью изба-

виться от деления земель на категории, так как это повторяет нормы и процедуры территориального планирования и градостроительного зонирования, установленные в соответствующих нормативных правовых актах. Замысел, изложенный в тексте Основ, нашел свое воплощение в проекте Федерального закона № 50654-6 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены категорий земель и признании утратившим силу Федерального закона «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» [8]. В указанном законопроекте сформулировано предложение о необходимости оперировать вместо правовой категории «целевое назначение», применяемой к земельным участкам, категорией «разрешенное использование», сутью которой является указание на тот вид деятельности, который допускается осуществлять собственнику на принадлежащем ему участке. В соответствии с вышеназванным проектом, публичные ограничения на разрешенные виды деятельности, должны устанавливаться только в отношении земельных участков, занятых лесными насаждениями, земель, отведенных для целей недропользования, и земель особо охраняемых природных территорий. В отношении остальных земель, порядок использования и вид осуществляемой деятельности, должен определяться собственником соответствующего земельного участка.

Мы понимаем стремление разработчиков анализируемого законопроекта упразднить достаточно спорные административные ограничения на пути осуществления права собственности на землю установленные действующим земельным законодательством. Однако не следует забывать, что земля не только и не столько объект недвижимости, сколько в первую очередь природный ресурс, универсальный пространственный базис и естественное средство производства. Думается, что при современном уровне правосознания населения отмена категорирования земель по целевому назначению может привести к собственническому «экстремизму», одним из проявлений которого видится запрет проезда специальной противопожарной техники к водоемам для

забора воды при выполнении противопожарных мероприятий [10]. Мы солидарны с позицией Е. Кузнецова, который полагает, что если допустить законодательный отказ от деления земель на категории, то следует аргументированно обосновать от какого именно критерия, лежащего в основании такого категорирования, следует отказаться [6].

Зачастую сегодня необходимость отнесения земельного участка к той или иной категории определяется скорее географически. Нередко в качестве основополагающего критерия отнесения земельного участка к категории земель сельхозназначения выступает факт нахождения земельного участка за границами населенного пункта и его предыдущее использование в процессе сельскохозяйственной деятельности. Однако объективность использования такого критерия весьма сомнительна. Жизнь полна примеров, когда на земельных участках, находящихся в пределах населенных пунктов, в промышленных масштабах выращивается сельскохозяйственная продукция, и, наоборот, когда в силу определенных процессов целесообразность использования некоторых земель, ранее участвовавших в сельхозпроизводстве крайне низка [4].

К сожалению, имеющееся сегодня в п. 4 ст. 79 ЗК РФ указание на «особую ценность» земельного участка сельхозназначения, относится не к способности почвы к повышенному плодородию, а к кадастровой стоимости этого участка, механизм формирования которой нередко далек от сельхозпроизводства.

Выводы

Мы солидарны с мнением тех ученых, которые предлагают при необходимости использования участков, отнесенных в настоящее время к категории земель сельхозназначения, в качестве площадей, отводимых под строительство, обращаться к так называемым «неудобиям», то есть к землям, которые географически входят в состав категории земель сельхозназначения, но фактически непригодны для разведения сельскохозяйственных культур [1].

Насущная необходимость нормативной, основанной на современных научных подходах, дефиниции категории «земли сельскохо-

зяйственного назначения» не вызывает сомнения. Это не менее актуально, чем установление порядка раздела участков указанных категорий или организация ведения хозяйства на них. Полагаем, что в качестве основного критерия отнесения земельного участка к категории земель сельхозназначения должно рассматриваться наличие на том или ином земельном участке плодородного слоя, пригодного для выращивания сельскохозяйственных культур. Несомненно, нормы ГК РФ, применяемые к общественным отношениям в рамках оборота земель сельхозназначения, должны применяться ровно до тех пор, пока они не вступают в конфликт с требованиями экологического законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валиев, Р. Н. Правовые проблемы организации выдела земельных долей / Р. Н. Валиев, И. А. Владимиров // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2019. – № 6 (1). – DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-11276>.
2. Голубева, И. Н. Проблемы неиспользования земель сельскохозяйственного назначения. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://otveri.info/inform/problemyi-neispolzovaniya-zemel-seelskohozyaystvennogo-naznacheniya/> (дата обращения: 30.04.2021). – Загл. с экрана.
3. Грачкова, Ю. Л. Проблемы правового регулирования оборота земельных долей / Ю. Л. Грачкова // *Пробелы в российском законодательстве*. – 2018. – № 3. – С. 253–257.
4. Козлова, Н. Искусство кройки и житья / Н. Козлова // *Российская газета*. – 2017. – Ноябрь. (№ 252 (7418)). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/11/07/verhovnyj-sud-raziasnil-pravila-razdela-zemelnogo-uchastka.html> (дата обращения: 30.04.2021). – Загл. с экрана.
5. Коловангин, П. М. Собственность на землю в России. История и современность / П. М. Коловангин. – СПб. : [s. n.], 2003. – 528 с.
6. Кузнецов, Е. Особенности выдела земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения / Е. Кузнецов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.egidacentr.ru/stat/land/vydel-zemelnogo-uchastka-iz-selskohozjajstvennogo-naznachenija.html> (дата обращения: 30.04.2021). – Загл. с экрана.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части

первой Гражданского кодекса Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Проект Федерального закона № 50654-6 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены категорий земель и признании утратившим силу Федерального закона “О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую”» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 06.04.2012). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Рыженков, А. Я. О некоторых теоретических проблемах управления земельным фондом / А. Я. Рыженков // Российская юстиция. – 2012. – № 10. – С. 27–32.

10. Соповещание о ситуации с паводками и пожарами в регионах. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63281> (дата обращения: 30.04.2021). – Загл. с экрана.

11. Шуплецова, Ю. И. Правовое регулирование лесных отношений в Российской Федерации: монография / Ю. И. Шуплецова. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. – 216 с.

REFERENCES

1. Valiev R.N., Vladimirov I.A. Pravovye problemy organizatsii vydela zemelnykh dolei [Legal Problems of Organizing the Allocation of Land Shares]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2019, no. 6 (1). DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-11276>.
2. Golubeva I.N. *Problemy neispolzovaniia zemel selskokhoziaistvennogo naznachenii* [Problems of Non-Use of Agricultural Land]. URL: <http://otveri.info/inform/problemyi-neispolzovaniia-zemel-seelskohozyaystvennogo-naznacheniya/> (accessed 30 April 2021).
3. Grachkova Yu.L. Problemy pravovogo regulirovaniia oborota zemelnykh dolei [The Problems of Turnover of Land Shares]. *Probely v rossiiskom zakonodatelstve* [Gaps in Russian Legislation], 2018, no. 3, pp. 253-257.
4. Kozlova N. Iskusstvo kroiki i zhitia [The Art of Cutting and Living]. *Rossiiskaia gazeta*, 2017, November (No. 252 (7418)). URL: <https://rg.ru/2017/11/07/verhovnyj-sud-raziasnil-pravila-razdela-zemelnogo-uchastka.html> (accessed 30 April 2021).
5. Kolovangin P.M. *Sobstvennost' na zemlyu v Rossii* [Land Ownership in Russia]. *Istoriia i sovremennost'* [History and Modernity]. Saint Petersburg, s.n., 2003. 528 p.
6. Kuznetsov E. *Osobennosti vydela zemel'nogo uchastka iz zemel' sel'skokhoziaistvennogo naznacheniya* [Features of the Allocation of a Land Plot from Agricultural Land]. URL: <http://www.egidacentr.ru/stat/land/vydel-zemelnogo-uchastka-iz-selskhozajstvennogo-naznachenija.html> (accessed 30 April 2021).
7. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 6, Plenuma VAS RF № 8 ot 01.07.1996 «O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s primeneniem chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 6, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 8 Dated July 1, 1996 “On Some Issues Related to the Application of Part one of the Civil Code of the Russian Federation”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.
8. Projekt Federal'nogo zakona № 50654-6 «O vnesenii izmenenii v Zemel'nyj kodeks Rossiiskoj Federatsii i otdelnye zakonodatel'nye akty Rossiiskoj Federatsii v chasti otmeny kategorii zemel' i priznanii utrativshim silu Federalnogo zakona “O perevode zemel ili zemelnykh uchastkov iz odnoi kategorii v druguiu”» (red., vnesennaia v GD FS RF, tekst po sostoianiiu na 06.04.2012) [Draft Federal Law No. 50654-6 “On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Abolition of Land Categories and Invalidation of the Federal Law ‘On the Transfer of Land or Land Plots from One Category to Another’” (Reviewed, Introduced in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Text As of April 6, 2012)]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.
9. Ryzhenkov A.Ya. O nekotorykh teoreticheskikh problemakh upravleniia zemel'nym fondom [On Some Theoretical Problems of Land Management]. *Rossiiskaia yustitsiya* [Russian Justice], 2012, no. 10, pp. 27-32.
10. *Soveshchanie o situatsii s pavodkami i pozharami v regionakh* [Meeting on the Situation with Floods and Fires in the Regions]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63281> (accessed 30 April 2021).
11. Shupletsova Yu.I. *Pravovoe regulirovanie lesnykh otnoshenii v Rossiiskoi Federatsii: monografiia* [Legal Regulation of Forest Relations in the Russian Federation. Monograph]. Moscow, IZiSP, KONTRAKT, 2018. 216 p.

Information About the Authors

Andrey N. Sadkov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Process, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, adkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6148-0576>

Natalia I. Baturina, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, nataliya_baturina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4306-2749>

Gennady A. Pechnikov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Criminal Procedure of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, shmel82@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9670-1703>

Информация об авторах

Андрей Николаевич Садков, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sadkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6148-0576>

Наталья Игоревна Батурина, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, nataliya_baturina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4306-2749>

Геннадий Алексеевич Печников, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, shmel82@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9670-1703>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.24>

UDC 347.822.4
LBC 67.4

Submitted: 01.09.2021
Accepted: 23.09.2021

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE ACTIVITIES OF THE AVIATION SECURITY SERVICE IN RUSSIA

Alexander V. Sarychev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Ivan N. Arkhiptsev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Ekaterina A. Karaulova

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Introduction: Aviation Security Service is an independent system that ensures the safety of air passengers and the airport as a whole. It has been given a free hand recently, namely, with the adoption of Federal Law No. 491-FZ Dated December 31, 2017 “On Amending the Aviation Code of the Russian Federation for ensuring aviation security”. Before the enactment, these functions were fulfilled by the police. In its activities, the police used some technical means necessary to identify the objects prohibited in circulation, but after the transfer of such powers to the Aviation Security Service, there was a process of improving and digitalizing technical devices, which contributed to improving the quality of screening air passengers, baggage and airport facilities. In its activities, the Aviation Security Service uses a highly systematic improved safety technology; a huge range of high-tech devices is used to ensure this service. But despite the improvement of technologies in the inspection system, the broadening of powers of the Aviation Security Service, there are also several shortcomings in its activities. Such are the gaps in the regulatory framework both for the Aviation Security Service itself and for interaction with the territorial Departments of Internal Affairs in transport. In addition, there is poor recruitment of personnel and corruption component in this area.

Purpose: the purpose of the study is to analyze the features of aviation security in Russia and develop measures to improve the activities of the Aviation Security Service. **Research methods:** the methodological framework for the study is made up of the general scientific methods of cognition. To ensure the objectivity of the research, the analyzed problem is revealed by the authors as a phenomenon using a systematic approach, which allows us to reveal its mechanism in such a way that the theoretical provisions are used with maximum efficiency in practical activities.

Research results and conclusions: the authors highlight the features of the activities of the Aviation Security Service in Russia during inspection measures, and also identify the main security problems at the airports.

Key words: security, aviation, airport, Aviation Security Service, police, acts of unlawful interference, warning.

Citation. Sarychev A.V., Arkhiptsev I.N., Karaulova E.A. On the Issue of Improving the Activities of the Aviation Security Service in Russia. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 174-183. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.24>

УДК 347.822.4
ББК 67.4

Дата поступления статьи: 01.09.2021
Дата принятия статьи: 23.09.2021

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБЫ АВИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ

Александр Викторович Сарычев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Иван Николаевич Архипцев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
г. Белгород, Российская Федерация

Екатерина Алексеевна Караулова

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
г. Белгород, Российская Федерация

Введение: служба авиационной безопасности (САБ) представляет собой самостоятельную систему, которая обеспечивает безопасность авиапассажиров и аэропорта в целом. Всю широту своих полномочий она получила недавно, а именно с принятием Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 491-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации в части обеспечения авиационной безопасности». До вступления этого закона данными функциями занималась полиция. В своей деятельности полиция использовала ряд технических средств, необходимых для выявления объектов, запрещенных в обороте, но после передачи таких полномочий службе авиационной безопасности произошел процесс совершенствования и цифровизации технических устройств, что поспособствовало улучшению качества осуществления досмотра авиапассажиров, багажа и объектов аэропорта. В своей деятельности САБ используют высоко систематизированную усовершенствованную технику безопасности, на обеспечении данной службы стоит огромный спектр высокотехнологических устройств. Но, несмотря на совершенствование технологий в досмотровой системе и расширение полномочий САБ, имеет место быть и ряд недостатков в ее деятельности. Таковыми являются, например, пробелы как в нормативной базе самой службы авиационной безопасности, так и по взаимодействию с территориальными ОВД на транспорте. Кроме того, в данной сфере часто встречаются некачественный подбор персонала и коррупционная составляющая. **Цель исследования** – проанализировать особенности обеспечения авиационной безопасности в России и разработать меры по совершенствованию деятельности службы авиационной безопасности. **Методы исследования:** методологическую основу данного исследования составляют общенаучные методы познания. С целью обеспечения объективности исследования анализируемая проблема раскрывается нами как явление при использовании системного подхода. Это позволяет раскрыть его механизм таким образом, чтобы теоретические положения с максимальной эффективностью использовались в практической деятельности. **Результаты исследования и выводы:** авторами выделены особенности деятельности службы авиационной безопасности в России при проведении досмотровых мероприятий, а также выявлены основные проблемы безопасности в аэропортах.

Ключевые слова: безопасность, авиация, аэропорт, служба авиационной безопасности, полиция, акты незаконного вмешательства, предупреждение.

Цитирование. Сарычев А. В., Архипцев И. Н., Караулова Е. А. К вопросу о совершенствовании деятельности службы авиационной безопасности в России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 174–183. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.24>

Введение

Одним из основополагающих элементов осуществления безопасности на воздушном судне является эффективность работы службы авиационной безопасности. В связи с увеличением риска совершения террористических актов, которые проявляются в захвате воздушного судна; проносе, установке и приведении в действие взрывных устройств; захвате заложников и т. д., а также с ухудшением политической и социально-экономической составляющих стран, повышением конфликтных зон, появилась необходимость в совершен-

ствовании предполетного досмотра, досмотра груза, самолетов и других авиационных средств.

В связи с тем, что воздушный транспорт является одним из важнейших компонентов нормального функционирования государства, любая попытка выведения из строя данного транспорта приводит к резкому резонансу в обществе. Различные незаконные деяния, связанные с нарушением действия воздушной инфраструктуры, подрывают веру общества в безопасность, а также вносят отрицательный вклад в ухудшение политической и социальной сфер жизни. Все это побуж-

дает такой орган, как Федеральная авиационная служба РФ, к активному совершенствованию мер, связанных с досмотром как граждан, так и воздушных судов, выполняющих внутренние и международные рейсы.

Анализируя статистические данные о происшествиях на объектах воздушного транспорта, необходимо отметить наибольшую угрозу совершения взрыва.

Так, например, 24 января 2011 г. в зале прилетов международных рейсов московского аэропорта Домодедово террорист-смертник Магомед Евлоев взорвал бомбу мощностью от 5 до 10 кг в тротиловом эквиваленте. На месте погибли 35 человек, впоследствии в больницах скончались еще двое пострадавших, всего ранения получили порядка 170 человек.

31 октября 2015 г. на борту лайнера Airbus 321 авиакомпании «Когалымавиа», выполнявшим рейс Шарм-эш-Шейх – Санкт-Петербург, из-за действия взрывного устройства погибло 224 пассажира и члена экипажа самолета [2]. 22 марта 2016 г. в аэропорту города Брюсселя произошло 2 взрыва, произведенные террористами смертниками, в результате чего 14 человек погибли, а 96 получили телесные повреждения различной степени тяжести [5].

Как мы видим из приведенных выше примеров актов незаконного вмешательства, эти угрозы создают необходимость в усилении проведения досмотров всех составляющих аэропорта. Целью досмотра является обнаружение запрещенных объектов и веществ. Для качественного проведения данного мероприятия, сотрудники службы авиационной безопасности (далее – САБ) должны обладать специальными навыками и проходить профессиональную подготовку. В связи с этим следует отметить, что сотрудники САБ допускаются к осуществлению своей непосредственной работы только после того, как пройдут специальную подготовку, проверку знаний и документальное оформление (лицензирование) своей деятельности.

При отборе кандидатов важной составляющей является значимость человеческого фактора, поэтому отбор персонала должен проходить с особой строгостью. Основными критериями отбора являются высокая стрессоустойчивость, а также умение пользоваться специализированными техническими устройствами.

Следующим критерием является непосредственно подготовка высококвалифицированного сотрудника. Так, после принятия на обучение данных лиц, необходимо обучить их специальным навыкам и умениям в данной сфере. Для этого существуют различные приборы с использованием компьютерных технологий. Примерами являются прибор «Студент», который используется для выявления разных предметов в вещах и грузах, и прибор «Курсан» для поиска взрывных устройств.

Данная охранная структура получила всю широту полномочий сравнительно недавно. Ранее функциями осуществления предполетного досмотра, досмотра багажа и ручной клади, а также осуществлением безопасности воздушной инфраструктуры занималась полиция. Так, Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 491-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации в части обеспечения авиационной безопасности» была исключена норма, содержащаяся в Федеральном законе от 3 февраля 2014 г. № 15, а также в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», которая предполагала обеспечение полицией авиационную безопасность как на воздушном судне, так и в аэропорту, было отменено положение об участии в осуществлении предполетного досмотра пассажиров, багажа и ручной клади. Согласно новой редакции Воздушного кодекса (далее – ВК РФ) полиция осуществляет свою деятельность в рамках ФЗ «О полиции», а досмотр осуществляет исключительно служба авиационной безопасности. Органы внутренних дел больше не участвуют и в согласовании правил проведения предполетного и послеполетного досмотра, которые теперь принимаются единолично федеральным исполнительным органом, уполномоченным в области транспорта [10]. В связи с этим, как правильно указывают А.А. Разувакин и Н.М. Тюкалова, возникают проблемы взаимодействия правоохранительных органов и представителей авиакомпаний в сфере обеспечения безопасности авиации [4, с. 60].

Однако следует отметить, что законодательство не исключает возможности осуществления данных мер сотрудниками полиции. Так в случае проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также в случае наруше-

ний правил провоза или проноса предметов, запрещенных в обороте, сотрудники полиции имеют право на проведение необходимых мер, предусмотренные нормативными актами.

Необходимо заметить, что принятие Федерального закона, ограничивающего право полиции на осуществление предполетного досмотра, вызвало появление конфликтной ситуации. Так, в случае нарушений пассажирами правил перевозки запрещенных в обороте предметов, создании угрозы жизни и здоровью граждан, путем совершения противоправных деяний, сотрудники авиационной безопасности не имеют полномочий задерживать таких правонарушителей. Необходимо ожидать сотрудников полиции для принятия мер к привлечению к ответственности. Это вызывает некий диссонанс в работе САБ.

Таким образом, следует отметить, что служба авиационной безопасности получила всю широту полномочий сравнительно недавно. Она представляет собой самостоятельную структуру, которая обеспечивает как безопасность пассажиров, экипажа и сотрудников аэропорта, так и безопасное функционирование аэропорта в целом. Работа, связанная с осуществлением досмотра, требует постоянной концентрации, четкого выполнения инструкций и приказов, регламентирующих данную деятельность. Кроме того, немаловажными качествами являются умение принимать быстрое и четкое решение, а также навыки применения специальных средств. Для этого необходимо проводить тщательный отбор. Кандидаты еще на первоначальном этапе должны обладать навыками, связанными с умением преодолевать стрессовые ситуации и т. д. С принятием нового Федерального закона, который внес изменения в УК РФ, а также в Федеральный закон «О полиции», сотрудники полиции были освобождены от осуществления предполетного досмотра, что вызвало некоторые проблемы в осуществлении мер связанные с досмотром.

**Особенности деятельности
службы авиационной безопасности
при проведении
досмотровых мероприятий**

Как известно, целью осуществления предполетного досмотра являются защита

жизни и здоровья авиапассажиров, экипажа и объектов аэровокзального комплекса; а также пресечение попытки проноса и перевозки, запрещенных в обороте предметов. Для того чтобы решить эти задачи необходимо использование специальных технических средств.

До вступления в силу Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 491-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации в части обеспечения авиационной безопасности» досмотром занималась полиция. В своей деятельности они использовали ряд технических средств. Основными являлись стационарные пункты с техническими средствами, содержащие различные рамки стационарного металлоискателя, транспортеры рентгенотелевизионного интроскопа, ручные металлоискатели. С развитием технологий и передачей полномочий в этой сфере службе авиационной безопасности и вневедомственной охране, усовершенствовались старые специальные средства, и появились новые [1, с. 196].

Так, существует ряд технических устройств, которые используются для обнаружения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств и иных объектов, представляющих угрозу. Современные рентгеновские приборы позволяют автоматически выделить потенциально опасные зоны и отобразить их на мониторе. После чего происходит регистрация и сохранение данной угрозы на устройстве для дальнейшего проведения неотложных мер. Одним из нововведений в досмотровом оборудовании, является создание техники, которая дает возможность получить многокадровые изображения, что позволяет достаточно полно изучить багаж и ручную кладь авиапассажира. Так, например, в аэропорту Шереметьево имеется система согласования багажа. Она помогает отслеживать движение багажа до контейнера в самолете, а также принимать меры в случае, если пассажир опоздал на рейс и договор авиаперевозки с ним был расторгнут. Кроме этого, в аэропортах используют бесконтактный арочный детектор, который безошибочно определяет в багаже / ручной клади наркотические средства и взрывчатые вещества.

Для обеспечения безопасности аэропортового комплекса был создан централизо-

ванный центр диспетчера. Данная система позволяет быстро решать проблемы, связанные с выведением из строя технических устройств, а также используется для улучшения организации основных мероприятий воздушной инфраструктуры. Кроме того, она помогает быстрому взаимодействию служб аэровокзала. Так, на рисунке 1 указаны все службы взаимодействия САБ.

Происходит регулирование парковочных мест автотранспорта, амбаров и стоянок с находящимися воздушными суднами. Для этого создается система прохождения разрешения водителя для въезда и выезда с территории аэропорта (парковки). Для служебного персонала созданы КПП, которые также оснащены техническими средствами для осуществления досмотра как водителя и пассажира, так и самого транспортного средства. Вся территория аэропорта оснащена пожарно-охранной сигнализацией и периметральным освещением. Все технические средства, которые стоят на обеспечении службы авиационной охраны прошли необходимые эксперименты и были допущены Роспотребнадзором, а также имеют соответствующие сертификаты соответствия. Служба авиационной безопасности использует весь спектр технических средств. Так, перед посадкой на самолет осуществляются досмотровые мероприятия воздушного судна и багажного отделения. Проводится досмотровый контроль бортовых за-

пасов (продуктов питания, буфетно-кухонного оборудования, а также товаров бортовой продажи).

Кроме этого, существуют следующие разновидности специальных технических устройств, представленные на рисунке 2.

Качеству досмотровой системы ничего не должно мешать. Так, например, в результате неэффективного досмотра в 2011 г. в аэропорте Сургута произошел пожар. В хвостовом отделе самолета ТУ-154 были обнаружены следы взрывчатого устройства, которое было заложено авиапассажиром. Это свидетельствует о том, что необходимо исключить попадание таких предметов, которые приводят к выведению из строя воздушных судов, а также наносят урон жизни и здоровью гражданам. Во всех аэропортах установлен повышенный режим безопасности. Так, например, к проносу и провозу запрещены: колющие режущие предметы, в ручной клади запрещено провозить емкости, превышающие 100 мл, в полном запрете находятся жидкости.

Отсутствие оружия у сотрудников САБ делает невозможной (или затруднительной и опасной) реализацию ими прав, предусмотренных в п. 3 ст. 84 ВК РФ, таких как: 1) задержание для передачи правоохранительным органам лиц, нарушивших требования авиационной безопасности; 2) применение мер в соответствии с законодательством Российской Федерации в случаях, если жизни или здоро-

Рис. 1. Службы взаимодействия САБ

вью пассажиров, членов экипажа воздушного судна или других граждан угрожает опасность.

Данная норма является оспоримой. Так, 26 ноября 2018 г. Арбитражный суд города Москвы своим решением удовлетворил заявление ПАО «Аэрофлот – российские авиалинии» о признании частично недействительным предписания, выданного по результатам проверки авиакомпании Управлением государственного авиационного надзора и надзора за обеспечением транспортной безопасности по Центральному федеральному округу (далее – Управление) Федеральной службы по надзору в сфере транспорта (далее – Ространснадзор). Авиакомпания оспорила пункт предписания, содержащий требование о вооружении сотрудников службы авиационной безопасности «Аэрофлота» (дело А41-72460/2018). В период с 3 по 25 мая 2018 г. Управлением была проведена плановая проверка в отношении авиакомпании для оценки ее деятельности на соответствие законодательству Российской Федерации о гражданской авиации и международным договорам Российской Федерации в области гражданской авиации. В ходе проверки было выявлено нарушение п. 5 Федеральных авиационных правил «Тре-

бования авиационной безопасности к аэродромам», утвержденных Приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 28 ноября 2005 г. № 142 (ФАП-142), а именно: сотрудники САБ авиакомпании не были оснащены служебным оружием и специальными средствами в соответствии с законодательством Российской Федерации. Требование об устранении данного нарушения было включено в предписание от 25 мая 2018 г., выданное по результатам проверки.

В судебном заседании авиакомпания отстаивала позицию о незаконности и неисполнимости данного требования. Основным доводом являлось то, что САБ авиакомпании не относится к субъектам, перечисленным в Федеральном законе от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» («Закон об оружии»). Кроме этого, постановление о привлечении «Аэрофлота» к административной ответственности за указанное нарушение было отменено вышестоящим органом Ространснадзора. Суд, установив, что, с учетом изменений, внесенных в ст. 83 ВК РФ, авиакомпания не является юридическим лицом с особыми уставными задачами и, следовательно, не входит в перечень субъектов, имеющих право на приобретение оружия.

Рис. 2. Виды специальных технических устройств, применяемых в аэропортах

В результате разрешения данного дела, выяснилось, что законодательство имеет пробелы. Данная компания была освобождена от ответственности, но вопрос об обязанности использования огнестрельного оружия службами авиационной безопасности остался в подвешенном состоянии [7].

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что до момента вступления в силу Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 491-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации в части обеспечения авиационной безопасности» безопасностью на аэровокзалах занималась полиция. В своей деятельности она использовала ряд технических средств, необходимых для выявления объектов, запрещенных в обороте. Но после передачи таких полномочий службе авиационной безопасности произошел процесс совершенствования и цифровизации технических устройств, что поспособствовало улучшению качества осуществления досмотра авиапассажиров, багажа и объектов аэропорта. В своей деятельности САБ использует высокосистематизированную усовершенствованную технику безопасности. На обеспечении данной службы стоит огромный спектр высокотехнологических устройств. Несмотря на все это, имеют место быть попытки проноса и провоза взрывчатых веществ, взрывных устройств, наркотических средств и т. д. Причинами являются некачественное соблюдение инструкций по применению технических средств и присутствие человеческого фактора. Еще одной острой проблемой стоит несовершенство в законодательной базе данной службы.

Проблемы обеспечения безопасности в аэропортах

Рассмотрев высокую оснащенность воздушной инфраструктуры, можно сказать, что, при выполнении четко предложенных инструкций, безопасность аэропорта не будет нарушена. Но, несмотря на все вышеуказанные преимущества технических устройств, систем охранно-пожарной сигнализации и других средств обеспечения безопасности, существует ряд проблем в данной системе.

Так, зачастую, при подборе персонала уполномоченные должностные лица недоста-

точно серьезно подходят к данному вопросу. Кроме того, имеет место быть коррупционная составляющая, проявляющаяся в покупке дипломов, сертификатов и поступлении на работу. К сожалению, руководители недостаточно ясно понимают последствия таких нарушений. Так, например, в результате некачественного отбора, на работу может поступить лицо, которое не обладает навыками профайлинга, психологически не устойчиво и некомпетентно в своей речи. Мы солидарны с мнением А.Г. Тетерюка и П.В. Иванова, которые вполне обоснованно считают, что «осуществление эффективной антикоррупционной политики возможно не только путем совершенствования законодательной системы, но и путем осуществления оптимального информационного освещения деятельности по противодействию коррупции, направленного на повышение общественной значимости результатов борьбы с коррупцией» [8, с. 77].

В обязанности сотрудника полиции на транспорте входит как охрана объектов и патрулирование прилегающей территории, так и оперативное реагирование на сообщения САБ о совершении или возможности совершения противоправных действий. САБ и служба вневедомственной охраны, которым были переданы основные полномочия, должны взаимодействовать с сотрудниками полиции. Последним необходимо предоставить полномочия в проведении определенных мероприятий в системе топливно-энергетического комплекса, а также предоставить возможность изучения инфраструктуры аэропорта. Кроме этого, необходимо уделять внимание предупредительным мероприятиям.

Негативно сказывается недостаточность норм в законодательной базе по взаимодействию САБ с полицией. Имеется ряд противоречий, которые наносят урон аэропорту и системе безопасности в целом. Из-за таких проблем полиция и служба авиационной безопасности не могут в полном объеме осуществлять свои полномочия, так как один нормативный акт их предоставляет, а другой, наоборот, ограничивает.

Недостатки нормативно-правовой базы, а также отсутствие достаточного количества научных исследований, направленных на решение проблем организации взаимодействия

в сфере транспортной безопасности, приводят к существенным затруднениям в организации борьбы с преступностью, которые не могут быть устранены без комплексного, системного подхода к существующей проблеме. Необходимость взаимодействия в сфере авиационной безопасности между транспортными и территориальными органами внутренних дел, а также транспортными предприятиями обусловлена также тем, что для данных структур характерны общие цели, задачи, некоторые функции, применяемые формы и методы работы в направлении обеспечения общественной безопасности, борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и т. д.

Для осуществления безопасности авиапассажиров, аэропорта и их структурных подразделений необходимо использовать опыт зарубежных стран, например, США и Израиля, которые основывают деятельность на принципе единоначалия и используют современные способы и средства обеспечения авиационной безопасности в аэропортах [6, с. 69–70]. Однако на практике в нашей системе это будет сделать сложно, так как имеет место быть структурный характер. Участие в обеспечении безопасности в нашей стране принимают как структурные подразделения хозяйствующего субъекта, так и органы, относящиеся к правоохранительной системе. Деятельность каждого субъекта регулируют отдельные нормативные акты, а их взаимодействие почти нигде не закреплено что вызывает еще одну проблему эффективности обеспечения безопасности [3, с. 67]. Кроме того, полагаем, что необходимо расширение сотрудничества в области авиационной безопасности со всеми заинтересованными государствами и международными организациями. В частности, по нашему мнению, следует активизировать работу в данном направлении с государствами, входящими в Шанхайскую организацию сотрудничества (далее – ШОС), где приоритетной задачей в транспортной сфере является создание благоприятных условий для развития устойчивого транспортного сообщения, обеспечивающего потребности развития экономического сотрудничества стран ШОС [9, с. 301–302].

Выводы

Подводя итог изложенному, следует отметить, что, несмотря на совершенствование технологий в досмотровой системе и расширение полномочий САБ, в этой сфере, к сожалению, присутствует ряд недостатков. Такими являются пробелы как в нормативной базе самой службы авиационной безопасности, так и по взаимодействию с территориальными ОВД на транспорте. Кроме того, некачественный подбор персонала и коррупционная составляющая приводят к повышению риска неэффективности осуществления авиационной безопасности. Для эффективности обеспечения безопасности требуется четкое определение задач каждого субъекта авиационной безопасности, ответственности каждой организации за порученную часть деятельности, определение сфер и методов их взаимодействия. Необходимая и успешно функционирующая система безопасности в сфере гражданской авиации может быть создана только тогда, когда между субъектами будут устранены все противоречия и конфликты интересов, что, в свою очередь, потребует устранения пробелов в законодательстве и адекватных мер организационного характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ионов, В. В. Многопараметрическая оценка деятельности операторов интроскопов / В. В. Ионов, В. В. Курчавов // Мир транспорта. – 2014. – № 2 (51). – С. 194–201.
2. Катастрофа российского самолета Airbus A321 «Когалымавиа» в Египте. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ria.ru/20201031/krushenie-1582146390.html> (дата обращения 01.08.2021). – Загл. с экрана.
3. Краснов, С. И. Разработка критериев качества авиационной безопасности на основе квадратичной зависимости ущерба от отклонения параметров системы / С. И. Краснов, А. М. Лебедев // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2018. – № 174. – С. 66–68.
4. Разувакин, А. А. Проблемы взаимодействия органов внутренних дел с иными субъектами в области обеспечения авиационной безопасности / А. А. Разувакин, Н. М. Тюкалова // Административное право и процесс. – 2018. – № 5. – С. 60–67.

5. Серия терактов в Брюсселе 22 марта 2016 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210322/bryussel-1601974245.html> (дата обращения: 01.08.2021). – Загл. с экрана.

6. Столбина, Л. В. Отдельные аспекты обеспечения авиационной безопасности: международный опыт / Л. В. Столбина, О. В. Панфилова, Н. В. Быхтина // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2020. – № 1 (39). – С. 66–72.

7. Суд признал неисполнимым требование об оснащении службы авиационной безопасности оружием. Правильно ли суд истолковал закон? – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://avialaw.blog/blog/sudebnaya-praktika/sud-priznal-trebovanie-ob-osnashchenii-sluzhby-aviacionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 12.08.2021). – Загл. с экрана.

8. Тетерюк, А. Г. Отдельные аспекты реализации принципов противодействия коррупционной преступности в деятельности территориальных органов МВД России на транспорте / А. Г. Тетерюк, П. В. Иванов // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2018. – № 1. – С. 77–82.

9. Транспортная безопасность : учебник / А. Н. Александров [и др.]; под ред. И. Ф. Амельчакова. – Белгород : [с. н.], 2017. – 325 с.

10. Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 491-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации в части обеспечения авиационной безопасности» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 1 (ч. I). – Ст. 75.

REFERENCES

1. Ionov V.V., Kurchavov V.V. Mnogoparametricheskaja otsenka deyatel'nosti operatorov introskopov [Multiparametric Evaluation of the Activity of Introscope Operators]. *Mir transporta* [World of Transport], 2014, no. 2 (51), pp. 194-201.

2. *Katastrofa rossiiskogo samoleta Airbus A321 «Kogalymavia» v Egipte* [The Crash of the Russian Airbus A321 “Kogalymavia” Plane in Egypt]. URL: <https://ria.ru/20201031/krushenie-1582146390.html> (accessed 1 August 2021).

3. Krasnov S.I., Lebedev A.M. Razrabotka kriteriev kachestva aviatsionnoi bezopasnosti na osnove kvadratichnoi zavisimosti ushcherba ot otkloneniia parametrov sistemy [Development of Aviation Safety Quality Criteria Based on the Quadratic Dependence of Damage on the Deviation of System Parameters]. *Nauchnyi vestnik MGTU GA*

[Scientific Bulletin of MSTU GA], 2018, no. 174, pp. 66-68.

4. Razuvakin A.A., Tiukalova N.M. Problemy vzaimodeistviia organov vnutrennikh del s inymi subyektami v oblasti obespecheniya aviatsionnoi bezopasnosti [Problems of Interaction of Internal Affairs Bodies with Other Subjects in the Field of Aviation Security]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process], 2018, no. 5, pp. 60-67.

5. *Seriia teraktov v Briussele 22 marta 2016 goda* [A Series of Terrorist Attacks in Brussels on March 22, 2016]. URL: <https://ria.ru/20210322/bryussel-1601974245.html> (accessed 1 August 2021).

6. Stolbina L.V., Panfilova O.V., Bykhtina N.V. Otdelnye aspekty obespecheniia aviatsionnoi bezopasnosti: mezhdunarodnyi opyt [Certain Aspects of Aviation Security: International Experience]. *Problemy pravookhranitel'noj deiatel'nosti* [Law Enforcement Problems], 2020, no. 1 (39), pp. 66-72.

7. *Sud priznal neispolnimym trebovanie ob osnashchenii sluzhby aviatsionnoi bezopasnosti oruzhiem. Pravil'no li sud istolkoval zakon?* [The Court Found the Requirement to Equip the Aviation Security Service with Weapons Unenforceable. Did the Court Interpret the Law Correctly?]. URL: <https://avialaw.blog/blog/sudebnaya-praktika/sud-priznal-trebovanie-ob-osnashchenii-sluzhby-aviacionnoy-bezopasnosti> (accessed 12 August 2021).

8. Teteriuk A.G., Ivanov P.V. Otdel'nye aspekty realizatsii printsipov protivodeistviya korruptsionnoj prestupnosti v deiatel'nosti territorial'nykh organov MVD Rossii na transporte [Some Aspects of the Implementation of the Principles of Combating Corruption Crime in the Activities of the Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Transport]. *Problemy pravookhranitel'noj deiatel'nosti* [Law Enforcement Problems], 2018, no. 1, pp. 77-82.

9. Aleksandrov A.N. et al. *Transportnaia bezopasnost: uchebnik* [Transport Security. Textbook]. Belgorod, s.n., 2017. 325 p.

10. Federal'nyj zakon ot 31 dekabrya 2017 g. № 491-FZ «O vnesenii izmenenij v Vozdushnyj kodeks Rossiiskoj Federatsii v chasti obespecheniya aviatsionnoj bezopasnosti» [Federal Law No. 491-FZ Dated December 31, 2017 “On Amendments to the Air Code of the Russian Federation in Terms of Ensuring Aviation Security”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2018, no. 1, (part I), art. 75.

Information About the Authors

Alexander V. Sarychev, Lecturer, Department of Tactical and Special Training, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Ivan N. Arkhipsev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, ArhipsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Ekaterina A. Karaulova, Cadet, Faculty of Law Enforcement Activities, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, karaulova.yekaterina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4963-341>

Информация об авторах

Александр Викторович Сарычев, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Иван Николаевич Архипцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, ArhipsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Екатерина Алексеевна Караулова, курсант факультета правоохранительной деятельности, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, karaulova.yekaterina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4963-341>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.25>

UDC 347.1
LBC 67.4

Submitted: 28.08.2021
Accepted: 23.09.2021

THE PARADOXES OF THE LAW AND JUDICIAL PRACTICE INVOLVING THE LEASE OF LAND PLOTS

Pyotr M. Filippov

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paradox of the judicial practice on claims of the municipal authorities on forcing the conclusion of lease agreements of land plots with the owners of parking spaces in the underground parking lots (garages). The Tax Code of the Russian Federation (Article 15 of the Tax Code of the Russian Federation) establishes a fee for the use of land. The forms of payment for the use of land are land tax and rent. Article 15 of the Tax Code of the Russian Federation establishes that the land tax refers to local taxes and the payment for it goes to the local budget of the municipality in whose territory the tax was introduced. The right of ownership of land (real estate) is registered and is publicly available. The tax authorities immediately issue payment receipts and the owners pay the tax, so the payment for the use of land is observed. Nevertheless, the municipal authorities (the departments of municipal property of the DMI) require owners to conclude lease agreements, lease their property and pay a fee to the local budget. The courts satisfy such claims and create a paradox that does not meet the requirements of the Constitution of the Russian Federation (Article 36), the requirements of the Civil Code of the Russian Federation, which establishes that the landlord can only be the owner or a person authorized by law or the owner to lease the property (Article 608 of the Civil Code of the Russian Federation). It is paradoxical, but that's the fact that the owner of his property becomes both a landlord and a tenant of his property. And the departments receive double payment for the use of land in the form of a local tax and in the form of rent. It is necessary to formulate the norms of the Tax Code of the Russian Federation and the Civil Code of the Russian Federation more clearly and expressly so that there is no possibility of a paradoxical interpretation of the procedure for their application. In addition, the courts recognize the owner as unreasonably enriched, since the registered ownership of the land plot is not considered a sufficient legal basis to use his property. The **purpose** of the study is the author's attempts to show contradictions in the judicial practice on the application of the norms of the Constitution of the Russian Federation, the Tax Code of the Russian Federation, and the Civil Code of the Russian Federation. **Methods:** in the process of the research, the method of a systematic approach to the study of legal concepts, comparative legal analysis, and synthesis was used. **Results:** the author clearly shows the conflict of interests of the owners of land plots and the departments of municipal property. As a result of the study, it is shown that the wording of the norms of the Tax Code of the Russian Federation and the Civil Code of the Russian Federation allows them to be interpreted differently and, accordingly, applied differently. **Conclusions:** the author proposes the rules for the exact interpretation of the norms of law and changes in the judicial practice in such cases.

Key words: land lease agreement, object of the lease agreement, object of taxation, individualizing features of the object of the land lease agreement and the object of taxation, forms of payment for the use of land.

Citation. Filippov P.M. The Paradoxes of the Law and Judicial Practice Involving the Lease of Land Plots. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 184-188. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.25>

УДК 347.1
ББК 67.4

Дата поступления статьи: 28.08.2021
Дата принятия статьи: 23.09.2021

ПАРАДОКСЫ ЗАКОНА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ, СВЯЗАННЫЕ С АРЕНДОЙ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Петр Мартынович Филиппов

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье проанализирован парадокс судебной практики по искам муниципальных органов о понуждении заключения договоров аренды земельных участков с собственниками парковочных мест (машиномест) в подземных паркингах (гаражах). Налоговый кодекс РФ (ст. 15 НК РФ) устанавливает платность за пользование землей. Формами платы за пользование землей являются земельный налог и арендная плата. Статья 15 НК РФ устанавливает, что земельный налог относится к местным налогам, а плата за него поступает в местный бюджет того муниципального образования, на территории которого введен налог. Право собственности на землю (недвижимость) регистрируется и находится в открытом доступе. Налоговые органы сразу выписывают платежные квитанции, а собственники оплачивают налог и таким образом платность использованием земель соблюдается. Тем не менее муниципальные органы (департаменты муниципального имущества ДМИ) требуют от собственников, чтобы они заключали арендные договоры, брали в аренду свою собственность и вносили плату в местный бюджет. Суды удовлетворяют такие иски и создают парадокс, который не отвечает требованиям Конституции РФ (ст. 36) и Гражданского кодекса РФ, который однозначно устанавливает, что арендодателем может быть только собственник или лицо, уполномоченное законом или собственником сдавать имущество в аренду (ст. 608 ГК РФ). Парадоксально, но факт, что собственник своего имущества становится одновременно и его арендодателем, и его арендатором. Департаменты получают двойную плату за пользование землей в формах местного налога и арендной платы. Нужно более ясно и четко формулировать нормы Налогового и Гражданского кодексов РФ, чтобы не было возможности парадоксального толкования о порядке их применения. Кроме того, суды признают собственника неосновательно обогатившимся, так как зарегистрированное право собственности на земельный участок не считают достаточным правовым основанием, чтобы пользоваться своей собственностью. **Целью** настоящего исследования являются попытки автора показать противоречия в судебной практике по применению норм Конституции РФ, НК РФ и ГК РФ. **Методология:** в процессе работы над исследованием использовался метод системного подхода к изучению правовых понятий, сравнительного правового анализа и синтеза. **Результаты:** исследован конфликт интересов собственников земельных участков и департаментов муниципального имущества. В результате исследования показано, что формулировки норм НК РФ и ГК РФ позволяют по-разному их толковать и, соответственно, по-разному их применять. **Выводы:** автором предложены правила точного толкования норм права и изменения судебной практики по таким делам.

Ключевые слова: договор аренды земельных участков, объект договора аренды, объект обложения налогом, индивидуализирующие признаки объекта договора аренды земельного участка и объекта обложения, формы оплаты за пользование землей.

Цитирование. Филиппов П. М. Парадоксы закона и судебной практики, связанные с арендой земельных участков // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 184–188. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.25>

Введение

В советском социалистическом государстве (СССР) земля находилась в государственной собственности, и владение и пользование землей было бесплатным. Ей можно было только пользоваться, но продавать или покупать ее было нельзя, т. е. права распоряжения землей не было ни у кого, кроме государства.

В настоящее время Конституция Российской Федерации в ст. 36 прямо установила, что граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю [3]. А п. 2 этой статьи подчеркивает: владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляется их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и

законных интересов иных лиц. Это же указано и в ст. 209 Гражданского кодекса РФ [1].

Аренда земельных участков: закон и судебная практика

Налоговый кодекс РФ (НК РФ ст. 65) [4] устанавливает платность за пользование землей. Формами платы за пользование землей являются земельный налог и арендная плата. Ст. 15 НК РФ устанавливает, что земельный налог относится к местным налогам и плата за него поступает в местный бюджет того муниципального образования, на территории которого введен налог.

Земельный кодекс РФ в п. 3 ст. 3 [2] устанавливает, что имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по соверше-

нию сделок с ними регулируются гражданским законодательством, законодательством о недрах, об охране окружающей среды и специальными законами. Данное положение Земельного кодекса РФ соответствует установленному правилу в ст. 3 Гражданского кодекса РФ о том, что нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать Гражданскому кодексу. Так, гражданский кодекс РФ в ст. 608 «Арендодатель» категорично указывает на то, что право сдачи имущества в аренду принадлежит его собственнику, арендодателями могут быть также лица, уполномоченные законом или собственником сдавать имущество в аренду. Никто другой не может быть арендодателем. Ст. 22 ЗК РФ «Аренда земельных участков» говорит только об арендаторах и даже не упоминает об арендодателях. Это может означать, что арендодателями могут быть только собственники. Об обязанностях арендодателя говорится в ст. 611 ГК РФ «Предоставление имущества арендатору», арендодатель обязан предоставить имущество в состоянии, соответствующем условиям договора аренды и назначению имущества. Это означает, что арендодатель подготовил сам за свой счет сдаваемое в аренду имущество. При этом он, согласно требованию гражданского кодекса, при сдаче имущества в аренду обязан передать и относящиеся к имуществу документы (технические паспорта, сертификаты качества и др.), а для сдачи в аренду земельного участка передать кадастровый паспорт, кадастровый номер и т. п., то есть те документы, которые подтверждают право собственности на сдаваемое имущество, с данными, позволяющими определенно установить объект – предмет договора. Нормы гражданского кодекса нигде даже не упоминают о том, что арендатором земельного участка может быть собственник этого участка. По формальной логике и по существующей теории права два собственника на один и тот же объект не могут вступать между собой в договорные арендные отношения. Они же сособственники. Таковы основные правила действующего гражданского законодательства в сфере арендных положений.

На первый взгляд кажется, что никаких противоречий нет, однако практика заключе-

ния договоров аренды земельных участков указывает на ряд парадоксов. Попробуем показать это на примере судебных дел в городе Волгограде. В феврале 2019 г. департамент муниципального имущества (далее – ДМИ) города Волгограда стал предъявлять требования, а затем и иски в суды о заключении договоров аренды земельных участков – парковочных мест (машиномест) в подземном паркинге (гараже), с их владельцами – собственниками. Подземный паркинг расположен по адресу ул. Двинская 15. По этому адресу также расположено офисное здание и детская площадка, часть площади гаража находится под детской площадкой, а другая часть под офисным зданием.

В 2009 г. после окончания строительства здания и подземного гаража, большинство парковочных мест было выкуплено и право собственности зарегистрировано. Собственникам были выданы свидетельства о праве собственности (выписки из реестра собственников недвижимости), проведены кадастровые работы БТИ, составлены кадастровые паспорта и номера, и все эти документы с указанием местоположения и площади машиноместа были вручены владельцам парковочных мест. И, в силу платности пользования землей, налоговые службы сразу стали высылать платежные счета об оплате земельного налога. Собственники вносили и вносят плату за пользование землей в форме налога, как предусмотрено в ст. 65 ЗК РФ.

Вторая форма оплаты за пользование землей – арендная плата, по смыслу закона, должна производиться арендаторами земельных участков, которые не являются собственниками этих участков. Однако на практике формулировка ст. 65 ЗК РФ о формах оплаты за пользование землей написана через союз «и», из-за чего ДМИ и суды толкуют это так, что собственники парковочных машиномест должны заключать договоры аренды с ДМИ и брать в аренду свои собственные земельные участки. Парковочные места не имеют ни стен, ни дверей, единственным индивидуализирующим признаком является их площадь. Это подтверждается кадастровыми паспортами и номером и выпиской из реестра собственников недвижимости. Факт регистрации права собственности свидетельствует о том,

что данный участок – площадь парковочного места – выбыл из собственности муниципалитета. А плату за пользование землей ДМИ получает в форме земельного налога, который является местным налогом (ст. 15 Налогового кодекса РФ). Перечисление форм платы за пользование землей через союз «и» стало одной из причин парадокса в законодательстве, которая дает возможность муниципалитетам толковать его так, чтобы получать двойную плату за пользование землей в виде и земельного налога, и арендной платы.

Другой причиной подобного парадокса, на наш взгляд, является формулировка п. 4 ст. 65 ЗК РФ, которая указывает, что порядок, условия и сроки внесения арендной платы за земельные участки, находящиеся в частной собственности, устанавливаются договорами аренды земельных участков. Эта формулировка закона позволяет толковать его так, что якобы собственник земельного участка – площади парковочного места – должен брать свою собственность в аренду и платить муниципалитету еще раз за пользование этим же парковочным местом с той же площадью. Это же парадокс. Данное положение можно подтвердить очень просто. Ст. 607 ГК РФ «Объекты аренды» называет то, что может быть передано в аренду и на первом месте указаны земельные участки и другие природные объекты. При этом, в п. 3 этой же статьи ГК уточняется, что в договоре аренды должны быть указаны данные, позволяющие определенно устанавливать имущество, подлежащее передаче арендатору в качестве объекта аренды. Если же такие данные отсутствуют в условиях договора, то объект считается не согласованным сторонами и соответствующий договор не считается заключенным. Об этом кроме п. 3 ст. 607 ГК РФ говорит и п. 1 ст. 432 ГК РФ «Основные положения о заключении договора». Кроме того, формулировка п. 4 ст. 65 ЗК РФ, на наш взгляд, означает, что собственник земельного участка вправе сам сдавать в аренду свой участок земли без согласия муниципалитета, а также устанавливать условия и порядок арендной платы, и такой договор подлежит государственной регистрации. Из этой формулировки никак нельзя делать вывод о том, что собственник обязан брать свой участок в аренду у муниципалитета.

Департамент муниципального имущества, предъявляя иски в суды к владельцам парковочных машиномест, не предъявил никаких правоустанавливающих документов на каждый конкретный земельный участок. В качестве объекта договора аренды земельного участка указал на участок земли, который был представлен застройщику для строительства офисного здания и подземного паркинга с другим кадастровым номером и совсем с другой площадью. Под этим кадастровым номером зарегистрирован участок, включающий всю площадь подземного паркинга, зеленых насаждений, площадь для мусорных баков и для стоянок автомобилей во дворе дома. Такое положение говорит о том, что ДМИ не выполнил свою обязанность по качественному межеванию всей площади, не указал, какая площадь паркинга без зеленых насаждений и других участков, которые выходят за пределы паркинга, а также не разделил площадь паркинга, которая находится под офисным зданием. Соответственно такому положению ДМИ, назначая экспертизу по оценке стоимости земли, неправильно определил объект экспертизы, что привело к значительному увеличению суммы стоимости земельного участка. Все это привело, и не могло не привести, к разногласию и отказу владельцев машиномест от принудительного заключения договора аренды с ДМИ.

Выводы

Объектом налогообложения является земельный участок, определяемый его размером. Объектом договора аренды земельного участка также является его размер, и других признаков, которые бы разделяли эти понятия, не существует. Владельцы парковочных мест имеют правоустанавливающие документы на такие участки земли и в соответствии с Конституцией РФ (ст. 36) вправе свободно пользоваться землей. А для того, чтобы требовать заключения договора аренды земельного участка с его собственником, надо предварительно признать регистрацию права собственности незаконной. Районные и апелляционные суды города Волгограда выносят решения в пользу департамента муниципального имущества, который не имеет доказательств о праве соб-

ственности на те объекты, указываемые в исковых заявлениях, и даже подменяет кадастровые номера. Владельцы пользуются участком с одним номером, а ДМИ предъявляет другой номер. На возражения ответчиков судьи не обращают внимания, для них главный аргумент – платность пользования землей. На наш взгляд, это тоже можно назвать парадоксом судебной практики. Суды не применяют системное толкование ряда законов, расположенных в других нормативных правовых актах, как это часто делает Конституционный суд Российской Федерации.

Кроме того, суды, удовлетворяя требования муниципалитетов о понуждении заключения договоров аренды с собственниками машиномест, создают еще один парадокс – собственники своего имущества становятся арендодателями, как собственники земли, и арендаторами своего имущества. А департаменты получают вторую плату за пользование землей наряду с оплатой земельного налога. Но и это еще не все. Суды по требованию муниципальных органов не признают достаточным правовым основанием зарегистрированное право собственности, чтобы пользоваться землей, и применяют институт неосновательного обогащения. Такие судебные акты явно противоречат правилам ст. 36 Конституции РФ [4]. А с собственников взыскивают начисленные суммы неосновательного обогащения и даже проценты за пользование чужими деньгами. Апелляционные и кассационные инстанции оставляют подобные решения в силе, а соответствующие жалобы без удовлетворения.

Полагаем, что такая практика судов по удовлетворению исков местных муниципаль-

ных органов о понуждении собственников земельных участков, которые уже платят земельный налог в местный бюджет, является порочной и подлежит исправлению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – Дек. (№ 238–239).
2. Земельный кодекс от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Российская газета. – 2001. – Окт. (№ 211–212).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – Дек. № 237.
4. Налоговый кодекс (ч. 2) // Российская газета. – 1998. – Авг. (№ 148–149).

REFERENCES

1. Grazhdanskij kodeks (ch. 1) ot 30.11.1994 № 51-FZ [Civil Code (Part 1) No. 51-FZ Dated November 30, 1994]. *Rossiyskaya Gazeta*, 1994, December 8 (no. 238-239).
2. Zemel'nyj kodeks ot 25.10.2001 № 136-FZ [Land Code No. 136-FZ Dated October 25, 2001]. *Rossiyskaya Gazeta*, 2001, October 30 (no. 211–212).
3. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation (Adopted by Popular Vote on December 12, 1993 with Amendments Approved During the All-Russian Vote on July 1, 2020)]. *Rossiyskaya Gazeta*, 1993, December 25 (no. 237).
4. Nalogovyy kodeks (ch. 2) [The Tax Code (Part 2)]. *Rossiyskaya Gazeta*, 1998, August (no. 148–149).

Information About the Author

Piotr M. Filippov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Civil Law and Procedure, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, civillaw34@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7406-5590>

Информация об авторе

Петр Мартьянович Филиппов, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, civillaw34@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7406-5590>

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.26>

UDC 343.13

LBC 67.410.211

Submitted: 20.06.2021

Accepted: 10.09.2021

THE IMPROVEMENT OF THE PROCEDURAL ORDER FOR CHECKING THE REASONS AND GROUNDS FOR INITIATING A CRIMINAL CASE

Natalia A. Solovyova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Pavel P. Fantrov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Vladimir M. Shinkaruk

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the range of tasks facing the stage of initiating a criminal case is quite diverse, which leads to different interpretations of their content by the scientists-processualists. The authors of the paper assess the problems of determining the reasons and grounds for initiating a criminal case. The problem considered by the authors of the manuscript is relevant because of their insufficiently clear legislative definition and their related ambiguous interpretation. The **purpose** of the study: to identify the problems that hinder the improvement of the procedural order for checking the reasons and grounds for initiating a criminal case. The research **objectives:** to analyze the points of view of the scientists-processualists about the expediency of eliminating the first stage of the criminal process; to offer some recommendations for transforming the stage of initiating a criminal case. **Methods:** the methodological framework for the study is represented by a system of methods of scientific cognition, which should include: general scientific, systemic, institutional, and comparative legal. **Results:** the paper provides an assessment of the position of some researchers specializing in criminal procedure law on the need to eliminate the stage of initiating a criminal case, which the authors of the paper do not share, citing the following arguments: the considered stage of the criminal process acts as a kind of filter that separates the law enforcement agencies from procedural activities for the analysis of information that does not hide the signs of a criminally punishable act; will cause an increase in the burden on investigators and interrogators; the burden on the federal budget will increase due to the procedural costs. **Conclusions:** considering the possibility of improving the stage of initiating a criminal case, borrowing the experience of the representative countries of the Anglo-Saxon legal system, the authors of the paper conclude that as a result of this, the procedural status of some participants in the criminal process will change, which is alien to the Russian criminal procedure legislation: the replacement of the functions of the investigator by the prosecutor and the court; the exercise of the function of the body of inquiry by the investigator; the acquisition by the defender of the status of the subject of proof on a par with the investigator and the inquirer. It is noted that the attempt of the legislator to give evidentiary value to the information obtained during the pre-investigation check as an independent reason for initiating a criminal case was not successful.

Key words: criminal process, initiation of a criminal case, procedural order, investigator, inquirer, prosecutor.

Citation. Solovyova N.A., Fantrov P.P., Shinkaruk V.M. The Improvement of the Procedural Order for Checking the Reasons and Grounds for Initiating a Criminal Case. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 189-194. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.26>

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА ПРОВЕРКИ
ПОВОДОВ И ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА****Наталья Алексеевна Соловьева**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Павел Петрович Фантров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Владимир Маркович Шинкарук

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: круг задач, стоящих перед стадией возбуждения уголовного дела, достаточно многообразен, что приводит к различной трактовке учеными-процессуалистами их содержания. Авторами статьи дается оценка проблемам определения поводов и оснований для возбуждения уголовного дела. Рассматриваемая проблема является актуальной из-за недостаточно четкого их законодательного определения и связанной с этим их неоднозначной интерпретацией. **Цель исследования:** выявить проблемы, препятствующие совершенствованию процессуального порядка проверки поводов и оснований для возбуждения уголовного дела. **Задачи исследования:** проанализировать точки зрения ученых-процессуалистов о целесообразности ликвидации первой стадии уголовного процесса; предложить ряд рекомендаций по преобразованию стадии возбуждения уголовного дела. Методологическая основа данного исследования представлена системой **методов** научного познания, к которым следует отнести: общенаучные, системный, институциональный и сравнительно-правовой. **Результаты:** в статье приводится оценка позиции некоторых исследователей, специализирующихся в области уголовно-процессуального права, о необходимости ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, которую авторы данной статьи не разделяют, приводя следующие аргументы: рассматриваемая стадия уголовного процесса выступает своеобразным фильтром, отгораживающим правоохранительные органы от процессуальной деятельности по анализу той информации, которая не кроет под собой признаков уголовно-наказуемого деяния; данная стадия обусловит увеличение нагрузки на следователей и дознавателей; с помощью нее усилится нагрузка на федеральный бюджет вследствие процессуальных издержек. **Выводы:** рассматривая возможность совершенствования стадии возбуждения уголовного дела, заимствуя опыт стран-представителей англо-саксонской правовой системы, авторы статьи приходят к выводу, что в результате этого изменится процессуальный статус некоторых участников уголовного процесса, что чуждо российскому уголовно-процессуальному законодательству. А именно произойдет: замещение функций следователя прокурором и судом; осуществление функции органа дознания следователем; приобретение защитником статуса субъекта доказывания наравне со следователем и дознавателем. Отмечается, что попытка законодателя придать доказательственное значение сведениям, полученным в ходе доследственной проверки, в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела не увенчалось успехом.

Ключевые слова: уголовный процесс, возбуждение уголовного дела, процессуальный порядок, следователь, дознаватель, прокурор.

Цитирование. Соловьева Н. А., Фантров П. П., Шинкарук В. М. Совершенствование процессуального порядка проверки поводов и оснований для возбуждения уголовного дела // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 189–194. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.26>

Введение

Среди исследователей-процессуалистов проблема определения поводов и оснований для возбуждения уголовного дела остается дискуссионной, порождающей немало предло-

жений об изменениях и дополнениях законодательства, которые являются достаточно спорными.

Не претендуя на детальное исследование точек зрения ученых-процессуалистов, возникших при определении понятия повода

(поводов) для возбуждения уголовного дела, отметим лишь, что большинство авторов сходятся во мнении, что они (поводы) имеют информационное и правовое содержание [8].

В той связи иногда рассматриваются в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела результаты оперативно-розыскной деятельности, содержащие в себе информацию о готовящемся или совершенном общественно опасном деянии. В правоприменительной практике немало случаев, когда подобное «оперативное» сообщение облекается в форму рапорта об обнаружении признаков преступления. При этом, если исходить из предлагаемой в специальных исследованиях правильной оценки информационного содержания повода, то такое сообщение не нуждается в особом процессуальном оформлении, поскольку в нем уже содержится достаточная информация, необходимая для начала уголовно-процессуальной деятельности.

Поэтому полагаем, что правильнее рассматривать повод для возбуждения уголовного дела, учитывая его правовое содержание, как юридический факт. Это обусловлено тем, что только надлежащее процессуальное оформление направленной в правоохранительные органы информации о готовящемся или совершенном деянии, содержащем признаки преступления, порождает права и обязанности у субъектов и обуславливает официальное начало проверки данной информации. По результатам проведения доследственной проверки лицо, производящее ее, принимает решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом. Следовательно, повод для возбуждения уголовного дела в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства выступает безусловным поводом для проведения проверки сообщения о преступлении и лишь в отдельных случаях, при наличии достаточных оснований, поводом для возбуждения уголовного дела [5].

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена недостаточно четким законодательным определением поводов и оснований стадии возбуждения уголовного дела и связанной с этим их неоднозначной интерпретацией.

Процессуальный порядок проверки поводов и оснований для возбуждения уголовного дела

Рассмотрение сообщений о преступлениях начинается с приема и регистрации таковых. Этот этап законодательно закреплен ведомственными нормативными актами, однако подробная его регламентация не содержится в УПК РФ. Сообщение о преступлении подлежит обязательному приему во всех следственных органах. Соответственно, должностное лицо не может отказать в приеме заявления или сообщения о преступлении, мотивируя это подследственностью данного органа [2, с. 27].

Следующим этапом является регистрация поступившего сообщения в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, происшествиях (далее – КУСП) и передача для дальнейшего разрешения в уполномоченный орган. После регистрации сообщения о преступлении в КУСП должностное лицо обязано выдать заявителю талон, в котором содержатся регистрационный номер, дата и данные лица, зарегистрировавшего сообщение.

В настоящее время существует процессуальная неопределенность, порождающая дискуссии ученых-процессуалистов, касательно доказательного значения сведений, содержащихся в объяснении. Используя буквальное толкование нормы ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, А.Н. Халиков делает вывод, что «...введение данной нормы породило объединение процесса доказывания с моментом регистрации сообщения о преступлении и началом его проверки» [9, с. 53]. Тем не менее правовая позиция Конституционного суда Российской Федерации заключается в том, что «...объяснения, полученные до возбуждения уголовного дела, следует относить к иным документам» [7]. Точку зрения о том, что сведения, содержащиеся в объяснении, представляют собой лишь источник доказательств, разделяют и другие отечественные процессуалисты, к которым следует отнести прежде всего А.И. Григорьеву [3] и А.В. Земцову [4].

Необходимость совершенствования стадии возбуждения уголовного дела является дискуссионным вопросом среди отечествен-

ных ученых-процессуалистов ввиду их прямого отношения к досудебному производству. Многие из них приходят к выводу о необходимости упразднения стадии возбуждения уголовного дела. К данным авторам относится и А.С. Лизунов, который полагает, что целесообразно «...ликвидировать стадию возбуждения уголовного дела и отказаться от вынесения постановления о возбуждении» [6, с. 125].

На наш взгляд, позиция А.С. Лизунова представляется не совсем состоятельной по ряду причин. Во-первых, первая стадия уголовного процесса выступает неким «фильтром», отгораживающим процессуальную деятельность правоохранительных органов от той информации, которая не является уголовно-наказуемым деянием. Во-вторых, ликвидация первой стадии уголовного процесса приведет к существенному увеличению количества уголовных дел (более чем на 6,2 млн), по которым принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела [1, с. 7]. Это обусловит нагрузку на следователей и дознавателей, что неизбежно приведет к дефициту кадров в правоохранительных органах. В-третьих, из-за возможных процессуальных издержек, если подозреваемые и/или обвиняемые будут признаны невиновными в совершении преступлений, увеличится нагрузка на федеральный бюджет.

В контексте темы исследования интересным нам представляется опыт Канады, где предварительное следствие представляет собой отыскание и обнаружение носителей доказательственной информации, которая впоследствии будет представлена в суде. Как только доказательства вины подозреваемого собраны, он задерживается полицией, после чего в суде уведомляется о предъявленном ему обвинении. Лишь после этого момента судья принимает решение об избрании в отношении обвиняемого меры пресечения.

Для того чтобы арестовать подозреваемого, полиция должна иметь доказательства, что именно данное лицо совершило указанное преступление. К ним относятся, например, показания свидетелей, идентифицирующие подозреваемого как лицо, совершившее преступление, или же серьезные косвенные доказательства, такие как отпечатки пальцев или ДНК, связывающие подозреваемого с местом происшествия или потерпевшим.

Такая уголовно-процессуальная модель предварительного следствия присуща странам-представителям англо-саксонской правовой системы, но представляется чуждой российскому законодательству ввиду ряда причин:

1. В случае внедрения опыта указанной уголовно-процессуальной модели произойдет замещение функций следователя прокурором и судом, а функции органа дознания будет исполнять следователь. Процессуальный статус этих участников уголовного судопроизводства должен быть пересмотрен в соответствии с новыми требованиями предъявленной уголовно-процессуальной модели, что не представляется возможным в современных условиях.

2. Такие меры пресечения, как залог, обязательство о явке или арест, не в полной мере отвечают задачам отечественного уголовного судопроизводства, который предусматривает 7 видов меры пресечения.

3. Защитник, который согласно российскому уголовно-процессуальному законодательству осуществляет в установленном законом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывает им юридическую помощь при производстве по уголовному делу, должен приобрести статус субъекта доказывания наравне со следователем и дознавателем.

На наш взгляд, очевидным является факт того, что внедрение описанных выше изменений повлечет за собой волну других, и это неминуемо отразится на российском социуме. Насколько приемлемым и плодотворным окажется заимствованный опыт для современной России, можно лишь строить гипотезы. Стоит отметить, что возможности стадии возбуждения уголовного дела являются не до конца раскрытыми и изученными.

В соответствии с отечественным уголовно-процессуальным законодательством (ст. 146 УПК РФ), если должностным лицом усматривается в материале проверки наличие повода и основания для возбуждения уголовного дела, то им выносится постановление о его возбуждении. Зачастую оно сопровождается вынесением постановления о привлечении лица в качестве обви-

няемого. Такая ситуация возникает, когда лицо является в правоохранительные органы с повинной или при задержании лица на месте преступления в обстоятельствах, которые прямо указывают на его причастность к совершенному преступлению. После вынесения постановления о возбуждении уголовного дела лицо, указанное в нем, приобретает статус подозреваемого, а копия постановления незамедлительно направляется прокурору в соответствии со статьей 146 УПК РФ. В течение 24 часов с момента получения материалов прокурор проверяет законность и обоснованность принятого процессуального решения. Если он признает принятое постановление незаконным и необоснованным, то своим мотивированным постановлением он может отменить его. Тем не менее, правоприменительная практика показывает, что прокуроры редко отменяют постановления о возбуждении уголовного дела. В случае обнаружения нарушения закона или неверной квалификации прокурор дает следователю указания, обуславливающие изменение обвинения и квалификации преступления или вынесение постановления о прекращении уголовного дела.

Выводы

Судебная реформа, проведенная в 2010 г., внесла значительные изменения в уголовно-процессуальное законодательство, что не могло не сказаться на совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела. Оставив данную стадию необходимым фильтром, отгораживающим процессуальную деятельность правоохранительных органов от информации, не влекущей уголовно наказуемые деяния, законодатель не подготовил почву для должной ее реализации. Несмотря на то, что перечень процессуальных действий, проводимых на исследуемой стадии уголовного процесса, был расширен законодателем, порядок их проведения, ввиду отсутствия нормативной регламентации, вызывает серьезные проблемы у правоприменителя, что наделяет его возможностью неоднозначно интерпретировать закон.

Попытка законодателя придать доказательственное значение сведениям, получен-

ным в ходе досудебной проверки, не увенчалась успехом. Правовое положение лиц, участвующих на стадии возбуждения уголовного дела, также находится в неоконченном виде, поскольку права и обязанности лиц, не являющихся должностными лицами правоохранительных органов, практически не регламентируются в законе, что во многом обуславливает нарушение прав и законных интересов граждан. Ввиду указанных обстоятельств в научном сообществе постоянно ведется дискуссия о ликвидации первой стадии уголовного процесса или о ее существенном преобразовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян, Ю. М. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова. – М. : Изд-во ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. – 86 с.
2. Быков, В. М. Новый Закон о порядке рассмотрения следователем и дознавателем сообщения о преступлении / В. М. Быков // Российская юстиция. – 2013. – № 5. – С. 24–30.
3. Григорьев, В. Н. Постановление прокурора – новый повод для возбуждения уголовного дела? / В. Н. Григорьев // Законность. – 2011. – № 8. – С. 45–47.
4. Земцова, А. В. Способ получения свидетельских показаний как условие их допустимости / А. В. Земцова // Российский следователь. – 2009. – № 21. – С. 4–6.
5. Королев, Г. Н. Досудебная проверка как часть досудебного производства : монография / Г. Н. Королев, А. С. Лизунов. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 166 с.
6. Лизунов, А. С. Один из способов упразднения стадии возбуждения уголовного дела / А. С. Лизунов // Современное право. – 2012. – № 7. – С. 124–127.
7. Определение Конституционного Суда РФ № 723-О от 28.05.2013. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Пьянзина, Е. В. К вопросу об определении сущности повода для возбуждения уголовного дела / Е. В. Пьянзина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 40. – С. 73–74.
9. Халиков, А. Н. Особенности института судебного обжалования в досудебном производстве / А. Н. Халиков // Российская юстиция. – 2003. – № 7. – С. 52–54.

REFERENCES

1. Antonyan Yu.M., Brazhnikov D.A., Goncharova M.V. *Kompleksnyj analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii i raschetnye varianty ee razvitiya: analiticheskij obzor* [Comprehensive Analysis of the State of Crime in the Russian Federation and the Estimated Options for Its Development. Analytical Review], Moscow, Izd-vo FGKU «VNII MVD Rossii», 2018. 86 p.

2. Bykov V.M. *Novyj Zakon o poryadke rassmotreniya sledovatelem i doznavatelem soobshcheniya o prestuplenii* [New Law on the Procedure for Considering a Crime Report by an Investigator and an Inquirer]. *Rossijskaya yusticiya* [Russian Justice], 2013, no. 5, pp. 24-30.

3. Grigoriev V.N. *Postanovlenie prokurora – novyj povod dlya возбуждения уголовного дела?* [Is the Prosecutor’s Decision a New Reason to Initiate a Criminal Case?]. *Zakonnost’* [Legality], 2011, no. 8, pp. 45-47.

4. Zemtsova A.V. *Sposob polucheniya svidetel’skih pokazanij kak uslovie ih dopustimosti* [Method of Obtaining Witness Testimony As a Condition of Their Admissibility]. *Rossijskij sledovatel’* [Russian Investigator], 2009, no. 21, pp. 4-6.

5. Korolev G.N., Lizunov A.S. *Dosledstvennaya proverka kak chast’ dosudebnogo proizvodstva: monografiya* [Pre-Investigation Check As Part of Pre-trial Proceedings. Monograph], Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 166 p.

6. Lizunov A.S. *Odin iz sposobov uprazhdeniya stadii возбуждения уголовного дела* [One of the Ways to Abolish the Stage of Initiation of a Criminal Case]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2012, no. 7, pp. 124-127.

7. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF № 723-О от 28.05.2013* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 723-О Dated May 28, 2013]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

8. Pianzina E.V. *K voprosu ob opredelenii sushchnosti povoda dlya возбуждения уголовного дела* [On the Question of Determining the Essence of the Reason to Initiate a Criminal Case]. *Vestnik Yuzhno-Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of South Ural State University. Series: Law], 2011, no. 40, pp. 73-74.

9. Khalikov A.N. *Osobennosti instituta sudebnogo obzhalovaniya v dosudebnom proizvodstve* [Features of the Institution of Judicial Appeal in Pre-Trial Proceedings]. *Rossijskaya yusticiya* [Russian Justice], 2003, no. 7, pp. 52-54.

Information About the Authors

Natalia A. Solovyova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, solovieva_na@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9698-0845>

Pavel P. Fantrov, Candidate of Sciences (Politics), Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pavelfantrov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9832-6169>

Vladimir M. Shinkaruk, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, shinkaruk@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5215-6299>

Информация об авторах

Наталья Алексеевна Соловьева, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, solovieva_na@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9698-0845>

Павел Петрович Фантров, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pavelfantrov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9832-6169>

Владимир Маркович Шинкарук, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, shinkaruk@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5215-6299>

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ =

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.27>

UDC 394.42
LBC 67.404.96

Submitted: 02.09.2021
Accepted: 23.09.2021

THE LEGAL REGIME OF THE TECHNOLOGIES AND PRODUCTS OBTAINED USING GMOs: DISCUSSION QUESTIONS ¹

Alexey P. Anisimov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Olga V. Popova

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Introduction: the paper examines the problems associated with the definition of the legal regime of the technologies and products obtained using GMOs. The experts in the field of genetics have not yet come to an unambiguous conclusion about the degree of harm or benefit of products obtained using genetic modifications. Russia has strict restrictive measures for the production of genetically modified products. Consequently, there is virtually no market for genetically modified seeds produced in Russia. Nevertheless, the world is actively developing industries for the production of genetically modified agricultural products, and the market for the production of seeds is “captured” by a small number of foreign companies. On the other hand, climate change dictates the inevitability of using genetically modified products, the need to accelerate genetic research, and the production of GMO seeds and food. In this context, the authors set a **goal** to find a compromise (balanced) legal regulation of the legal regime of the technologies and products obtained using GMOs. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific cognition, among which the formal-legal method and the method of comparative legal analysis are the leading positions. **Results:** the authors propose to consider the bans or support for GMO products in the context of trends in global climate change and ensuring food security. The authors have made a comparative analysis of the provisions of the international norms and the Russian legislation on the research and application of GMO technologies and products, which helped to identify an unbalanced legal regulation of the use of the GMO technologies in Russia, which reduces its competitiveness in this area on the world market. **Conclusions:** the Russian legislation needs to minimize this legal imbalance, which puts researchers in the field of plant genetics and producers of GMO seeds and food in unequal (worse) conditions. The legal regulation should ensure the coexistence of organic (environmentally friendly) agriculture, traditional agriculture, and the use of the GMO technologies; the introduction of special labeling of GMO products; the broadening of the powers of regional authorities in the use of GMO technologies; as well as the application of the principle of “traceability” to GMO products.

Key words: GMOs, genetically modified products, gene technologies, climate change, food security, social justice.

Citation. Anisimov A.P., Popova O.V. The Legal Regime of the Technologies and Products Obtained Using GMOs: Discussion Questions. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 195-204. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.27>

**ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРОДУКЦИИ,
ПОЛУЧЕННОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГМО:
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ¹****Алексей Павлович Анисимов**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ольга Владимировна Попова

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация

Введение: в исследуемой статье рассматриваются проблемы, связанные с определением правового режима технологий и продукции, полученной с использованием ГМО. Специалисты в области генетики до сих пор не пришли к однозначному выводу о степени вреда или пользы продукции, полученной данным путем. В России предусмотрены жесткие ограничительные меры по производству генетически модифицированной продукции. Следовательно, рынок генно-модифицированных семян, произведенных в России, фактически отсутствует. Тем не менее в мире активно развиваются отрасли по производству генно-модифицированной сельскохозяйственной продукции, а рынок по производству семян «захвачен» небольшим количеством иностранных компаний. Изменение климата диктует неизбежность использования такой продукции и необходимость ускорения генетических исследований и производства ГМО-семян и продовольствия. В этом контексте авторами была поставлена **цель** по поиску компромиссного (сбалансированного) регулирования правового режима технологий и продукции, полученной с использованием ГМО. **Методы:** методологическим основанием данного исследования выступает совокупность методов научного познания, среди которых лидирующие позиции занимают формально-юридический и метод сравнительно-правового анализа. **Результаты:** авторы предлагают запреты или поддержку ГМО-продукции рассматривать в контексте тенденций глобального изменения климата и обеспечения продовольственной безопасности. Исследователями был сделан сравнительный анализ положений международных норм и российского законодательства по вопросу изучения и применения ГМО-технологий и продукции, что способствовало выявлению несбалансированного правового регулирования использования таких технологий в России, снижающего ее конкурентоспособность в этой сфере на мировом рынке. **Выводы:** российское законодательство нуждается в минимизации данного правового дисбаланса, который ставит в неравные (худшие) условия исследователей в области генетики растений и производителей ГМО-семян и продовольствия. Правовое регулирование должно обеспечить режим сосуществования органического (экологически чистого) земледелия, традиционного сельского хозяйства и использования ГМО-технологий; внедрение специальной маркировки ГМО-продукции; расширение полномочий региональных властей в вопросах использования ГМО-технологий; а также применение к ГМО-продукции принципа «трассируемости» (отслеживаемости).

Ключевые слова: ГМО, генно-модифицированная продукция, генные технологии, изменение климата, продовольственная безопасность, социальная справедливость.

Цитирование. Анисимов А. П., Попова О. В. Правовой режим технологий и продукции, полученной с использованием ГМО: дискуссионные вопросы // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 195–204. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.27>

Введение

По прогнозам экспертов, население Земли к 2050 г. составит 9 млрд человек, в то время как площадь сельскохозяйственных угодий с каждым годом только сокращается (засоление, опустынивание, застройка и т. д.). Это означает, что в случае, если человечество не

придумает технологий повышения производительности сельского хозяйства, планету ждет голод. Такая технология уже есть, и она основана на производстве генномодифицированной продукции (ГМО). Ее появление обычно связывают с открытием, сделанным О. Эйвери, К. Маклаудом и М. Маккарти, доказавшим в 1944 г., что основополагающая роль в

хранении и передаче наследственной информации о строении, развитии и индивидуальных признаках любого живого организма, принадлежит ДНК. Именно после этого для биологии наступил «золотой век», а ООН даже провозгласила XXI в. веком биотехнологии. Расшифровка генетического кода «открыла большие возможности для развития генной инженерии и биотехнологии и в первую очередь для перехода на новый уровень развития сельского хозяйства, технологии хранения, транспортирования и переработки растениеводческой продукции» [3, с. 103]. Использование технологий ГМО в ходе выращивания сельскохозяйственных культур несет как ряд преимуществ (повышение урожайности), так и ряд угроз (мнимых и реальных), которые сейчас активно обсуждает мировое экспертное сообщество. Внедрение новых технологий всегда имеет побочный эффект – изобретение двигателя внутреннего сгорания привело к задымлению атмосферы городов и росту заболеваемости населения; изобретение технологии фрекинга (гидроразрыва пласта при добыче нефти) к загрязнению грунтовых вод; постройка атомных электростанций – к угрозе радиоактивного заражения местности и т. д. Таким образом, идеальных новых технологий не бывает, однако есть вопрос, чего эта новая технология принесет больше – пользы или вреда обществу? Применительно к технологиям ГМО на этот вопрос сегодня нет однозначного ответа ни у ученых, ни у обычных граждан.

Относительно граждан заметим, что результаты социологических исследований показывают, что «респонденты в вопросах отношения к ГМО-продукции и ГМО-технологиям дезориентированы. Так, 34,1 % опрошенных считают, что «мнений много, чья позиция верна, неизвестно». Каждый пятый заявил, что у него «много других более важных проблем». При этом 17,7 % – «стараются читать, смотреть все, что есть о ГМО», а 16,1 % полагают, что «в СМИ идет настоящая война между сторонниками и противниками ГМО». Отметим, что мужчины больше, чем женщины готовы «участвовать в акциях против распространения ГМО» (21,3 % против 12,1 % соответственно)» [2, с. 642]. Между тем, учитывая, что большая часть дискуссий по дан-

ной проблеме касается биологических, медицинских, технических и иных аспектов, мы попытаемся ограничиться в настоящей статье только обсуждением вопросов права.

Современное российское законодательство об использовании ГМО

После нескольких лет колебаний российский законодатель в настоящий момент занимает достаточно четкую позицию по вопросу о возможности производства в РФ ГМО-продукции. Однако, что же закон понимает под ГМО?

Согласно ст. 2 Федерального закона от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», генно-инженерно-модифицированный организм (ГМО) – организм или несколько организмов, любое неклеточное, одноклеточное или многоклеточное образование, способные к воспроизводству или передаче наследственного генетического материала, отличные от природных организмов, полученные с применением методов генной инженерии и содержащие генно-инженерный материал, в том числе гены, их фрагменты или комбинации генов.

В свою очередь, в силу ст. 21 Федерального закона от 17.12.1997 № 149-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О семеноводстве», «запрещается ввозить на территорию Российской Федерации и использовать для посева (посадки) семена растений, генетическая программа которых изменена с использованием методов генной инженерии и которые содержат генно-инженерный материал, внесение которого не может являться результатом природных (естественных) процессов, за исключением посева (посадки) таких семян при проведении экспертиз и научно-исследовательских работ». Аналогичное требование содержится и в п. 1 ст. 50 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», согласно которому «запрещаются производство, разведение и использование растений, животных и других организмов, не свойственных естественным экологическим системам, а также созданных искусственным путем, без разработки эффективных мер по предотвра-

щению их неконтролируемого размножения, положительного заключения государственной экологической экспертизы, разрешения федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственное управление в области охраны окружающей среды, иных федеральных органов исполнительной власти в соответствии с их компетенцией и законодательством Российской Федерации. Запрещаются выращивание и разведение растений и животных, генетическая программа которых изменена с использованием методов генной инженерии и которые содержат генно-инженерный материал, внесение которого не может являться результатом природных (естественных) процессов, за исключением выращивания и разведения таких растений и животных при проведении экспертиз и научно-исследовательских работ». Таким образом, выращивание ГМО-культур в России запрещено (кроме научно-исследовательских работ), а ввоз в Россию из зарубежных стран продукции, полученной с использованием технологий ГМО имеет свои ограничения. Согласно ст. 7 Федерального закона от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» по результатам мониторинга воздействия на человека и окружающую среду генно-инженерно-модифицированных организмов и продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, Правительство РФ вправе установить запрет на ввоз в нашу страну генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, и/или продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей их.

Данный подход не противоречит требованиям Всемирной торговой организации (далее – ВТО) или Картахенского протокола, которые, в свою очередь, также не противоречат друг другу. Соглашения ВТО направлены на уменьшение торговых барьеров, в то время как Картахенский протокол разрешает торговлю только теми продуктами ГМО, которые доказали свою безопасность в соответствии с высокими стандартами принципа предосторожности. Однако тщательное изучение двух систем показывает, что на самом деле между ними практически нет противоречий.

Текст и сфера действия соглашений и различия в их применимости разделяют сферы действия соглашений ВТО и Картахенского протокола. В своей преамбуле Картахенский протокол пытается сосуществовать на равных с соглашениями ВТО, признавая, что торговые и природоохранные соглашения должны быть взаимодополняющими в целях достижения устойчивого развития. Соглашения ВТО и Картахенский протокол охватывают различные товары. Первый предпринимает шаги по либерализации торговли сельскохозяйственной продукцией, в то время как второй применяется только к живым измененным организмам [12, с. 980].

Преимущества и угрозы от использования технологии ГМО

Генетически модифицированные культуры не встречаются в природе и по своей сути являются «неестественными», поскольку они пересекают видовые барьеры и предназначены для массового производства в промышленных сельскохозяйственных целях. ГМО-культуры широко используются для придания растениям заранее определенных признаков с помощью специальной технологии путем добавления искусственных участков генетического кода к существующим растениям, чтобы придать им характеристики, которых они иначе не имели бы. Одним из примеров этого является золотой рис, где генетическая модификация позволяет сохранять антиоксиданты, повышающие его питательную ценность. Другие ГМО устойчивы к пестицидам и гербицидам, или естественным вредителям. В свою очередь, традиционное изменение сельскохозяйственных культур производится другими методами, включая селекционное разведение, скрещивание и межвидовую гибридизацию. Существенная разница между генной инженерией и традиционной селекцией состоит в том, что ГМО-растения созданы для промышленного сельского хозяйства [13, с. 303]. Уничтожение естественных границ между видами, непредсказуемость долгосрочных последствий и необратимость потенциальных экологических угроз представители биологической науки относят к числу рисков, связанных с ГМО. Существует и потенциаль-

ная опасность для здоровья человека. Например, есть вероятность увеличения токсичного компонента в ГМО-пище, аллергических реакций, рака, устойчивости к антибиотикам, а также других неизвестных воздействий на здоровье человека [14, с. 467].

Между тем по вопросу опасности ГМО мнения экспертов сильно расходятся. Так, В.Н. Синельникова полагает, что «посредством генной инженерии разрушаются природные системы видовой защиты сортов растений и пород животных и создаются ГМО, зачастую объединяющие элементы не только растительных, но и животных клеток, образующих в итоге неклеточные, одноклеточные или многоклеточные образования, которые способны к воспроизводству или передаче искусственного наследственного генетического материала. Безопасность использования таких ГМО для настоящего и будущих поколений подтверждается лишь немногими учеными. Поэтому объекты живой природы, трансформированные с помощью генной инженерии и иных инновационных технологий, которые применяются в различных сферах жизнедеятельности общества, нуждаются в особом учете и применении мер государственной безопасности, т. е. в регистрации и последующем контроле разрешенных способов их использования» [7, с. 20]. Эту позицию разделяет и К. Селиванова, отмечая, что законодательство о генной инженерии не может обеспечить безопасность человека и окружающей среды от негативного воздействия ГМО в долгосрочной перспективе. Абсолютная безопасность ГМО-продуктов питания для здоровья людей не доказана, и использование таких продуктов несет в себе колоссальные риски для человека [6, с. 346]. Зарубежные ученые отмечают, что наиболее вероятные и хорошо задокументированные экологические проблемы, связанные с выращиванием ГМО-культур – это рост «суперсорняков», то есть сорняков, которые стали устойчивы к гербицидам. Они появляются, когда ГМО-культуры передают устойчивые к гербицидам признаки обычным сорнякам [11, с. 149].

В свою очередь, сторонники противоположной точки зрения обращают внимание на то, что в мире экономический эффект от использования ГМО-культур составляет 20 %,

а в России будет значительно выше. Повышение эффективности достигается в результате экономии на использовании ядохимикатов, которыми не нужно обрабатывать ГМО-растения. Кроме того, не зарегистрировано ни одного случая причинения вреда здоровью в результате использования ГМО [4, с. 39]. При этом отмечается, что «генная инженерия может сослужить очень хорошую службу человечеству, серьезно способствуя развитию сельского хозяйства, животноводства, медицины, здравоохранения. ГМО зарекомендовали себя как средство, помогающее добиться желаемого результата при помощи внедрения заранее определенных генов» [1, с. 199].

К этому остается добавить, что в США за последние 30 лет не было ни одного случая, когда бы в суде был доказан вред здоровью человека от технологий ГМО и соответствующей продукции. Учитывая уровень потребительской культуры США и практику защиты гражданами своих прав, это еще один аргумент в пользу безопасности ГМО.

Проблему запрета или поддержки ГМО на государственном уровне необходимо рассматривать в контексте тенденций глобального изменения климата. Как известно, проблема противодействия изменениям климата (в том числе правовыми средствами) возможна в двух формах – смягчения последствий и адаптации к ним. В рамках стратегии адаптации главным ответом на глобальные изменения климата (как это не парадоксально) как раз и является технология ГМО. Именно эта технология в состоянии за счет смещения генов противостоять любым засухам и повышению температур. Традиционные культуры (а тем более органические) не везде переживут изменения (по крайней мере, в тех местах, где они сейчас произрастают). При этом непостоянство климата порождает новые виды сорняков и насекомых, которые уничтожат все другие сельскохозяйственные культуры, не имеющие «прививки» в виде ГМО.

Однако если увеличение среднегодовых температур сделает ведение сельского хозяйства во многих традиционных местностях невозможным, то логично предположить, что в этих условиях станет реальным использование северных земель, где в настоящий момент

производство сельскохозяйственной продукции отсутствует. Между тем, в этих местностях нет необходимого количества сельского населения, инфраструктуры и многих других необходимых факторов, что затянет подобный разворот в аграрной политике. В этих условиях возрастет нагрузка на имеющиеся посевные площади, в то время как быстрый рост урожайности на них без использования современных биотехнологий невозможен или затруднителен. Кроме производства зерновых, климатические проблемы отразятся и на животноводстве, потребовав новых пастбищ на землях, которые сегодня не используются. Это повлечет конкуренцию при доступе фермеров к землям и спорам о правах на них [10, с. 334–336].

В этих условиях введение запрета на использование ГМО влечет отставание России в прорывных биотехнологиях, имеющих коммерческое значение и способных увеличить продажу на экспорт сельскохозяйственной продукции.

**Проблемы, требующие решения
в случае снятия запрета
на использование ГМО-продукции
в сельском хозяйстве России**

Даже если завтра правительство России разрешит использование ГМО, развитие производства ГМО-растений потребует постоянной покупки семян в зарубежных странах. Дело в том, что ГМО-семена в конечном счете принадлежат основным владельцам патентов на такие растения – это компании Monsanto, DuPont, Bayer, Syngenta, Dow и BASF. Эти многонациональные сельскохозяйственные компании (BigAg) доминируют как на рынках, так и в сельскохозяйственном лобби, тем самым оказывая огромное давление на законодателей и политиков, чтобы устранить рыночные барьеры, поддерживать торговые пути, которые позволяют этим компаниям расти и повышать их прибыль. Соответственно, в случае прекращения поставок семян ГМО-растений в силу экономических или политических конфликтов данный сегмент рынка России или любой другой страны столкнется с неразрешимыми проблемами.

В случае снятия запрета на использование ГМО-семян и развитие данной технологии в России в аграрном и земельном законодательстве придется решать вопрос о режиме сосуществования органического (экологически чистого) земледелия, традиционного сельского хозяйства и использования ГМО-технологий. Дело в том, что в случае опыления пчелами ГМО-культур и органических сельскохозяйственных насаждений, говорить о качестве последних станет невозможно. Это означает необходимость установления минимальных охранных зон вокруг посевов сельскохозяйственных культур ГМО, режима уведомления собственником (арендатором) сельскохозяйственных угодий, где выращиваются ГМО-культуры, правообладателей соседних земельных участков и органов государственной власти, порядка размещения собственником посевов ГМО-культур информации о своей деятельности в Интернет и т. д. Кроме того, необходимо будет определить перечень земель (например, высокопродуктивных), где использование ГМО-технологий запрещено.

В противном случае Россию ждет повторение мировой судебной практики о «случайном» воздействии ГМО на традиционные продукты. Так, в феврале 2011 г. в судебном порядке продукция пчеловодства баварского фермера была признана генетически модифицированной, хотя сам он не применял никаких ГМО в процессе производства меда. Его пчелы «непреднамеренно» опылили ГМО-кукурузу фирмы «Монсанто», выращиваемую в исследовательских целях на плантации, принадлежащей Федеральной земле Баварии [8, с. 6].

В случае смягчения запретов и ограничений оборота в России продукции ГМО потребуются специальная маркировка такой продукции, как это сделано применительно к маркировке органической продукции. Маркировка ГМО-продукции будет являться отражением общемировых трендов, поскольку она используется в США, ЕС, Китае и в ряде других стран.

В настоящий момент существует 2 основных принципа обращения ГМО-продукции. Во-первых, это принцип эквивалентности, применяемый в США, согласно которому ГМО-продукция используется наравне с любой дру-

гой сельскохозяйственной продукцией. Во-вторых, принцип предосторожности, которым руководствуется ЕС, согласно которому новый продукт не может быть использован до тех пор, пока его безопасность неизвестна или сомнительна. Соответственно, любая страна мира при выработке мер по обеспечению продовольственной безопасности должна будет выбирать между этими вариантами. Учитывая огромную площадь и различие в экономических, климатических и многих других условиях России, представляется целесообразным расширение полномочий субъектов РФ при выработке региональной продовольственной политики, в том числе в части оборота ГМО-продукции.

В этом смысле представляет определенный интерес опыт США, где штатам предоставлен довольно широкий круг полномочий в части управления сельским хозяйством, включая и вопросы использования ГМО-технологий. Штаты имеют ряд важных полномочий в части борьбы с вредителями растений и сорняками, регулировании использования пестицидов, они могут принимать законы, создающие более высокие стандарты защиты здоровья людей, чем это предусмотрено на федеральном уровне. К региональным полномочиям отнесены и вопросы безопасности пищевых продуктов. Таким образом, штатам разрешается вводить более строгие правила, регулирующие ГМО-продукты питания, если нет прямого конфликта между законами штата и существующими федеральными правилами, а также если такие правила не будут чрезмерно обременять торговлю между штатами [9, с. 90–93].

Еще одним перспективным элементом управления использованием ГМО-технологий является опыт стран ЕС, где реализуется принцип «трассируемости» (отслеживаемости) продукции, произведенной по этой технологии. Регламент Европейского парламента и Совета 1830/2003 о трассируемости и маркировке ГМО, а также о трассируемости продуктов питания и кормов, произведенных из генетически модифицированных организмов, подробно раскрывает термин «трассируемость». Данное понятие означает «способность обнаружить ГМО и продукты, произведенные из ГМО на всех стадиях их размещения на рын-

ке посредством использования производственной и реализационной цепочек. Например, когда производство начинается с трансгенного семени, торгующая семенами компания должна информировать любого покупателя, что они генетически модифицированы, давая и более подробную информацию, позволяющую точно опознать конкретные ГМО» [5, с. 79].

Учитывая настороженное отношение граждан России к ГМО-продукции, будет целесообразным установление ряда запретов на ее использование в школах, больницах, санаториях, дошкольных учебных заведениях и т. д. Определенные шаги в этом направлении законодателем уже предприняты: согласно п. 3 ст. 6 Технического регламента Таможенного союза «О безопасности отдельных видов специализированной пищевой продукции, в том числе диетического лечебного и диетического профилактического питания» запрещено использование продовольственного пищевого сырья, содержащего ГМО и/или компоненты, полученные из них, для производства пищевой продукции для беременных и кормящих женщин, продукции диетического лечебного и диетического профилактического, а также детского питания.

Заключение

Новая аграрная революция, означающая внедрение перспективных ГМО-технологий, может помочь накормить мир и обеспечить продовольственную безопасность России. Это представляется важным еще и потому, что основным компонентом социальной справедливости всегда являлось достаточное питание для всего человечества. Для этого есть технология ГМО, которая хорошо доступна и позволяет прокормить население в 10 млрд человек к середине XXI века. Других альтернатив пока не обозначилось, напротив, есть сведения из разных стран о максимально возможной эксплуатации земельных ресурсов, задействованных в рамках традиционных технологий.

Несомненно, если сравнивать органическую (экологически чистую) продукцию и продукцию, полученную с использованием технологий ГМО, то первая выглядит предпочтительней. Однако органическая продукция имеет

высокую стоимость и не способна в силу ее ограниченного производства накормить миллиарды людей, не имеющих высоких доходов. Отсюда следует, что в ближайшем будущем судьба сотен миллионов людей будет зависеть от успехов фермеров и иных сельскохозяйственных товаропроизводителей, урожайности производимых ими аграрных ГМО-культур, а также от политики национальных государств. В этих условиях позиция российского государства, направленная на тотальный запрет производства ГМО-продукции, выглядит неубедительно. Учитывая, что вред для здоровья ГМО-продукции до сих пор не доказан, более рациональной представляется стратегия по допущению выращивания ГМО-продукции с установлением четких законодательных рамок и ограничений, усилении государственного надзора за качеством такой продукции, использовании лицензирования, экспертизы, регистрации и иных административных методов правового регулирования аграрных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапов, Д. А. О некоторых аспектах современного правового регулирования генетически модифицированных организмов в России / Д. А. Агапов, О. Ю. Ганюхина // Вестник СГЮА. – 2016. – № 5. – С. 197–201.
2. Аникина, А. В. Информированность населения о ГМО-продукции: региональный аспект // Проблемы рекультивации отходов быта, промышленного и сельскохозяйственного производства : сб. IV Междунар. науч. экол. конф. – Краснодар, 2015. – С. 641–645.
3. Елисева, Л. Г. Международные тенденции производства генетически модифицированных пищевых продуктов: риски и перспективы / Л. Г. Елисева, О. В. Юрина // Международная торговля и торговая политика. – 2015. – № 2. – С. 101–120.
4. Кравченко, А. А. Россия как участник рынка генетически модифицированных продуктов питания / А. А. Кравченко // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2007. – Т. 9, № 1. – С. 36–43.
5. Прокудина, Н. В. Основные аспекты правового регулирования использования и производства генетически модифицированных микроорганизмов в Европейском Союзе и Российской Федерации / Н. В. Прокудина // Аграрное и земельное право. – 2007. – № 5. – С. 74–83.

6. Селиванова, К. Некоторые проблемы правового обеспечения использования генетически модифицированных организмов России / К. Селиванова // Актуальные проблемы защиты социально-экономических прав человека и гражданина в России и странах СНГ : материалы межрегион. науч. конф. молодых ученых и студентов. – Волгоград, 2014. – С. 345–348.

7. Синельникова, В. Н. Генно-модифицированные организмы и биомедицинские клеточные продукты как объекты интеллектуальной собственности / В. Н. Синельникова // Судья. – 2016. – № 2 (62). С. 19–22.

8. Antoine, L. Vote on Ending Zero Tolerance Postponed / L. Antoine // *Europolitics*. – 2011. – 10 Feb. – P. 6.

9. Barnett-Rose, R. Judicially Modified Democracy: Court and State Pre-emption of Local GMO Regulation in Hawaii and Beyond / R. Barnett-Rose // *Duke Environmental Law & Policy Forum*. – 2015. – Vol. 26. – P. 71–130.

10. Erwin, J. A. Feeding the World: How Changes in Biotech Regulation Can Jump-Start the Second Green Revolution and Diversify the Agricultural Industry / J. A. Erwin, R. Glennon // *William & Mary Environmental Law and Policy Review*. – 2020. – Vol. 44, iss. 2. – P. 327–389.

11. Scott, A. H. Genetically Modified Crop Regulation: The Fraying of America's Patchwork Farm Lands / A. H. Scott // *Villanova Environmental Law Journal*. – 2015. – Vol. 26, iss. 1. – P. 145–167.

12. Sella-Villa, D. E. Gently Modified Operations: How Environmental Concerns Addressed through Customs Procedures Can Successfully Resolve the US-EU GMO Dispute / D. E. Sella-Villa // *William & Mary Environmental Law and Policy Review*. – 2009. – Vol. 33, iss. 3. – P. 971–1016.

13. Steier, G. Window of Opportunity for GMO Regulation: Achieving Food Integrity Through Cap-and-Trade Models from Climate Policy for GMO Regulation / G. Steier // *Pace Environmental Law Review*. – 2017. – Vol. 34. – P. 293–323.

14. Yu, Z. Improving the Enforceability of the Genetically Modified Food Labeling Law in China With Lessons From the European Union / Z. Yu, W. Yu // *Vermont Journal of Environmental Law*. – 2013. – Vol. 14. – P. 465–492.

REFERENCES

1. Agapov D.A., Ganyuhina O.Yu. O nekotorykh aspektakh sovremennogo pravovogo regulirovaniya geneticheski modifitsirovannykh organizmov v Rossii [On Some Aspects of the Modern Legal Regulation of Genetically Modified Organisms in Russia]. *Vestnik*

SGYuA [Saratov State Law Academy Bulletin], 2016, no. 5, pp. 197-201.

2. Anikina A.V. Informirovannost' naseleniya o GMO-produkcii: regional'nyj aspekt [Awareness of the Population About GMO products: Regional Aspect]. *Problemy rekul'tivacii othodov byta, promyshlennogo i sel'skohozyajstvennogo proizvodstva: sb. IV Mezhdunar. nauch. ekol. konf.* [Problems of Recultivation of Household Waste, Industrial and Agricultural Production. Collected Papers of the 4th International Scientific Environmental Conference]. Krasnodar, 2015, pp. 641-645.

3. Eliseeva L.G., Yurina O.V. Mezhdunarodnye tendencii proizvodstva geneticheski modifitsirovannyh pishchevyh produktov: riski i perspektivy [International Trends in the Production of Genetically Modified Food Products: Risks and Prospects]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2015, no. 2, pp. 101-120.

4. Kravchenko A.A. Rossiya kak uchastnik rynka geneticheski modifitsirovannyh produktov pitaniya [Russia As a Participant in the Market of Genetically Modified Food Products]. *Aziatsko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo* [Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law], 2007, vol. 9, no. 1, pp. 36-43.

5. Prokudina N.V. Osnovnye aspekty pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya i proizvodstva geneticheski modifitsirovannyh mikroorganizmov v Evropejskom Soyuze i Rossijskoj Federacii [Main Aspects of Legal Regulation of the Use and Production of Genetically Modified Microorganisms in the European Union and the Russian Federation]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and Land Law], 2007, no. 5, pp. 74-83.

6. Selivanova K. Nekotorye problemy pravovogo obespecheniya ispol'zovaniya geneticheski modifitsirovannyh organizmov Rossii [Some Problems of Legal Support for the Use of Genetically Modified Organisms in Russia]. *Aktual'nye problemy zashchity social'no-ekonomicheskikh prav cheloveka i grazhdanina v Rossii i stranah SNG: materialy*

mezhtregion. nauch. konf. molodyh uchenyh i studentov [Actual Problems of Protecting Socio-Economic Human and Citizen Rights in Russia and the CIS Countries. Proceedings of the Interregional Scientific Conference of Young Scientists and Students]. Volgograd, 2014, pp. 345-348.

7. Sinel'nikova V.N. Genno-modifitsirovannye organizmy i biomedicinskie kletchnye produkty kak obyekty intellektual'noj sobstvennosti [Genetically Modified Organisms and Biomedical Cell Products As Objects of Intellectual Property]. *Sud'ya* [Judge], 2016, no. 2 (62), pp. 19-22.

8. Antoine L. Vote on Ending Zero Tolerance Postponed. *Europolitics*, 2011, February 10, p. 6.

9. Barnett-Rose R. Judicially Modified Democracy: Court and State Pre-emption of Local GMO Regulation in Hawaii and Beyond. *Duke Environmental Law & Policy Forum*, 2015, vol. 26, pp. 71-130.

10. Erwin J.A., Glennon R. Feeding the World: How Changes in Biotech Regulation Can Jump-Start the Second Green Revolution and Diversify the Agricultural Industry. *William & Mary Environmental Law and Policy Review*, 2020, vol. 44, iss. 2, pp. 327-389.

11. Scott A.H. Genetically Modified Crop Regulation: The Fraying of America's Patchwork Farm Lands. *Villanova Environmental Law Journal*, 2015, vol. 26, iss. 1, pp. 145-167.

12. Sella-Villa D.E. Gently Modified Operations: How Environmental Concerns Addressed Through Customs Procedures Can Successfully Resolve the US-EU GMO Dispute. *William & Mary Environmental Law and Policy Review*, 2009, vol. 33, iss. 3, pp. 971-1016.

13. Steier G. Window of Opportunity for GMO Regulation: Achieving Food Integrity Through Cap-and-Trade Models from Climate Policy for GMO Regulation. *Pace Environmental Law Review*, 2017, vol. 34, pp. 293-323.

14. Yu Z., Yu W. Improving the Enforceability of the Genetically Modified Food Labeling Law in China with Lessons from the European Union. *Vermont Journal of Environmental Law*, 2013, vol. 14, pp. 465-492.

Information About the Authors

Alexey P. Anisimov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, anisimovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

Olga V. Popova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Business Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Nevskogo St, 14, 236016 Kaliningrad, Russian Federation, volodina1973@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6784-1101>

Информация об авторах

Алексей Павлович Анисимов, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, anisimovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

Ольга Владимировна Попова, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. Невского, 14, 236016 г. Калининград, Российская Федерация, volodina1973@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6784-1101>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этической редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует отрасли науки 12.00.00 Юридические науки по Номенклатуре специальностей научных работников.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 29279.

Стоимость подписки на II полугодие 2021 года 1376 руб. 44 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Adjective Law: Theoretical and Law Enforcement Issues; Crime Prevention and Differentiation of Criminal Responsibility; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the branch of science 12.00.00 Legal Science according to the Nomenclature of specialities of academic researchers.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2021 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 29279.

The cost of subscription for the 2nd half of 2021 is 1376.44 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LEGAL CONCEPT = ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА»

1. Редакционная коллегия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования, а также о правилах оформления научных статей смотрите на сайте журнала <https://j.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *LEGAL CONCEPT = PRAVOVAYA PARADIGMA* JOURNAL

1. The Editorial Staff of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal publishes only original articles.
 2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
 8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.
- The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.
- The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.
- The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the Journal's website <https://j.volsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

